В. В. ЧЕСЛАВСКИЙ

(Б. Командир указаннаго полка)

67 БОЕВ

10-го гусарскаго Ингерманландскаго полка

в мировую войну 1914-1917 годах

ЧИКАГО С. Ш. А.

1937 года.

"RUSSIAN REVIEW"

2117 W. Grand Ave.

Chicago, Ill.

U. S. A.

В. В. ЧЕСЛАВСКИЙ

(Б. Командир указаннаго полка)

Глубокоуважаемому единственному русскому адвокату Казимиру Петровичу Гугнсу от автора В. Чеславского.

67 БОЕВ
10-го гусарскаго Ингерманландскаго полка
в мировую войну 1914-1917 годах

ЧИКАГО С. Ш. А.

1937 года.

"RUSSIAN REVIEW"

2117 W. Grand Ave.

Chicago, Ill.

U. S. A.

«ИСПОВЕДЬ»

Он ночью был в атаке тяжко ранен
И перевязанный в пустой избе лежал.
Уставший взгляд его был смутен и туманен,
И тихо он священнику, шептал:

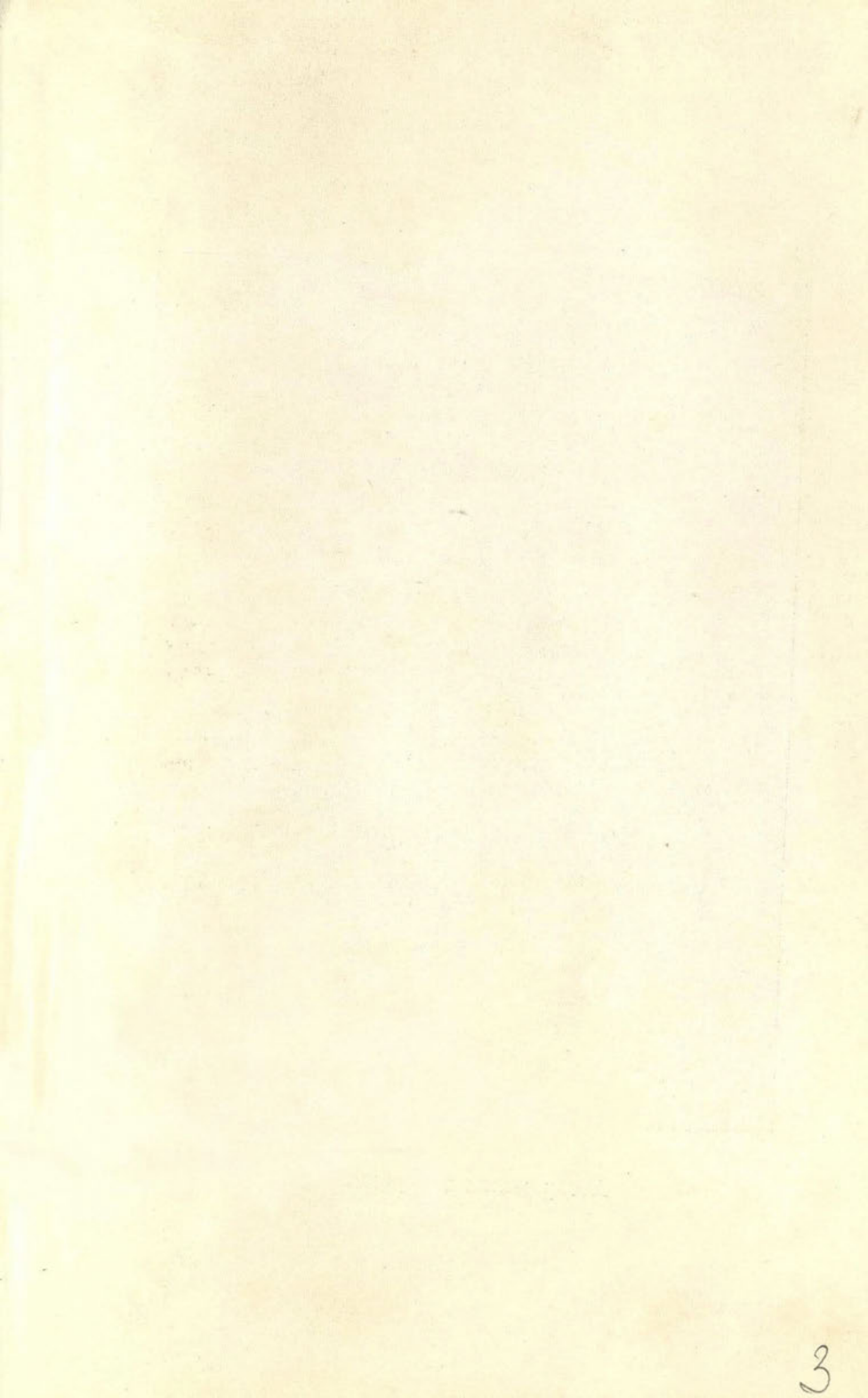
— «Я знаю, я умру... Я это понял ясно,
«Я с жизнью примирен, не смею я роптать,
«Но мучит мысль одно... Ведь будет так ужасно,
«Когда про мой конец моя узнает мать.

«Делились мыслью каждою своей.
«От юношеских лет мы так с ней жили дружно,
«О том как я страдал, ей говорит не нужно...
«Что думал про нее... о том скажите ей.

«Послушайте»... И в трепетном сияньи
Мерцающей свечи он долго говорил,
Про жизнь свою, про прошлыя желанья,
О том, как мать он искренно любил.

Шла тихо исповедь, порою прерываясь,
Молился пастырь, слушая слова...
Вдали горел пожар... И где то, удаляясь,
Стрельба в окопах слышалась едва....

Кн. Федор Косаткин-Ростовский.

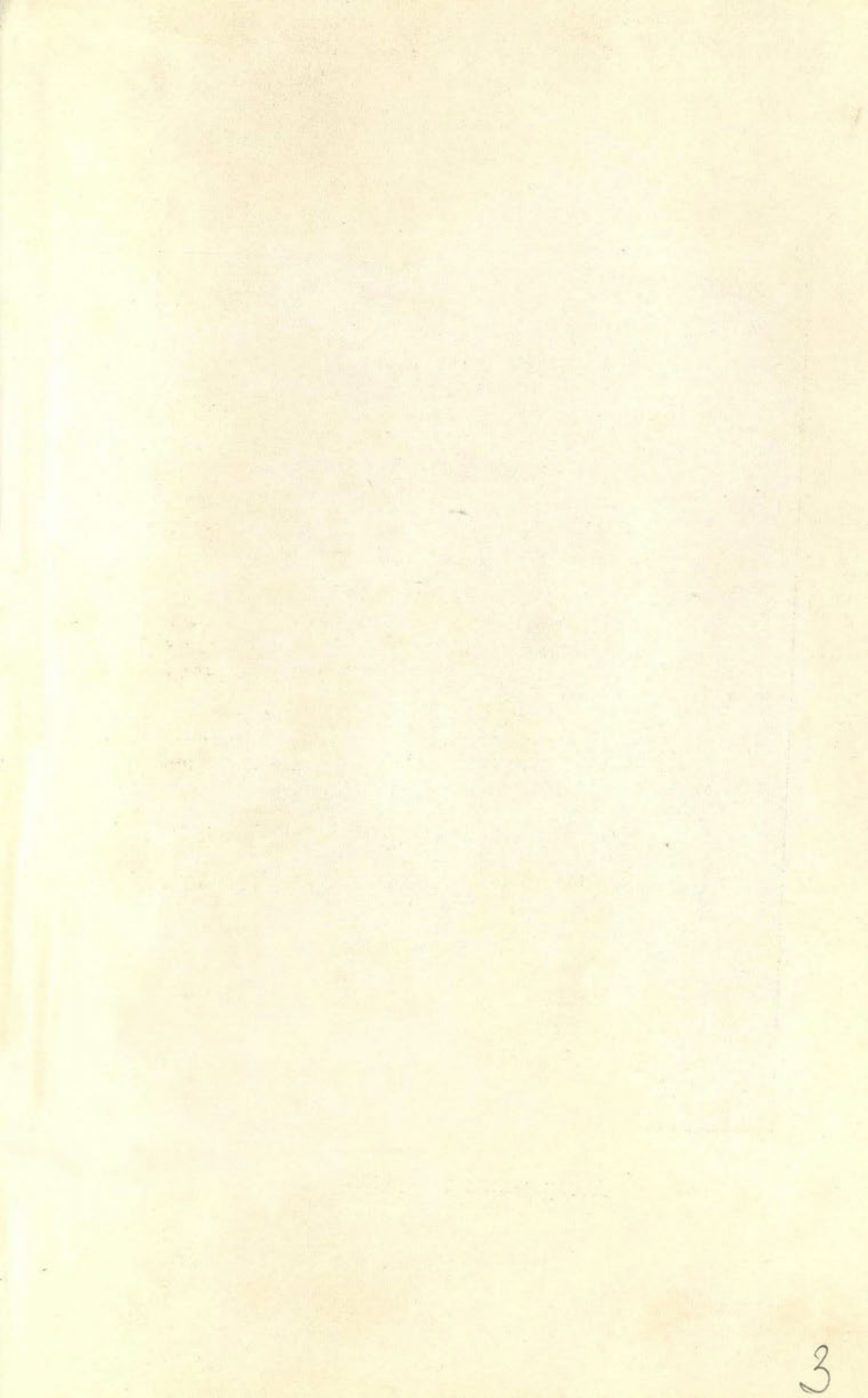

3

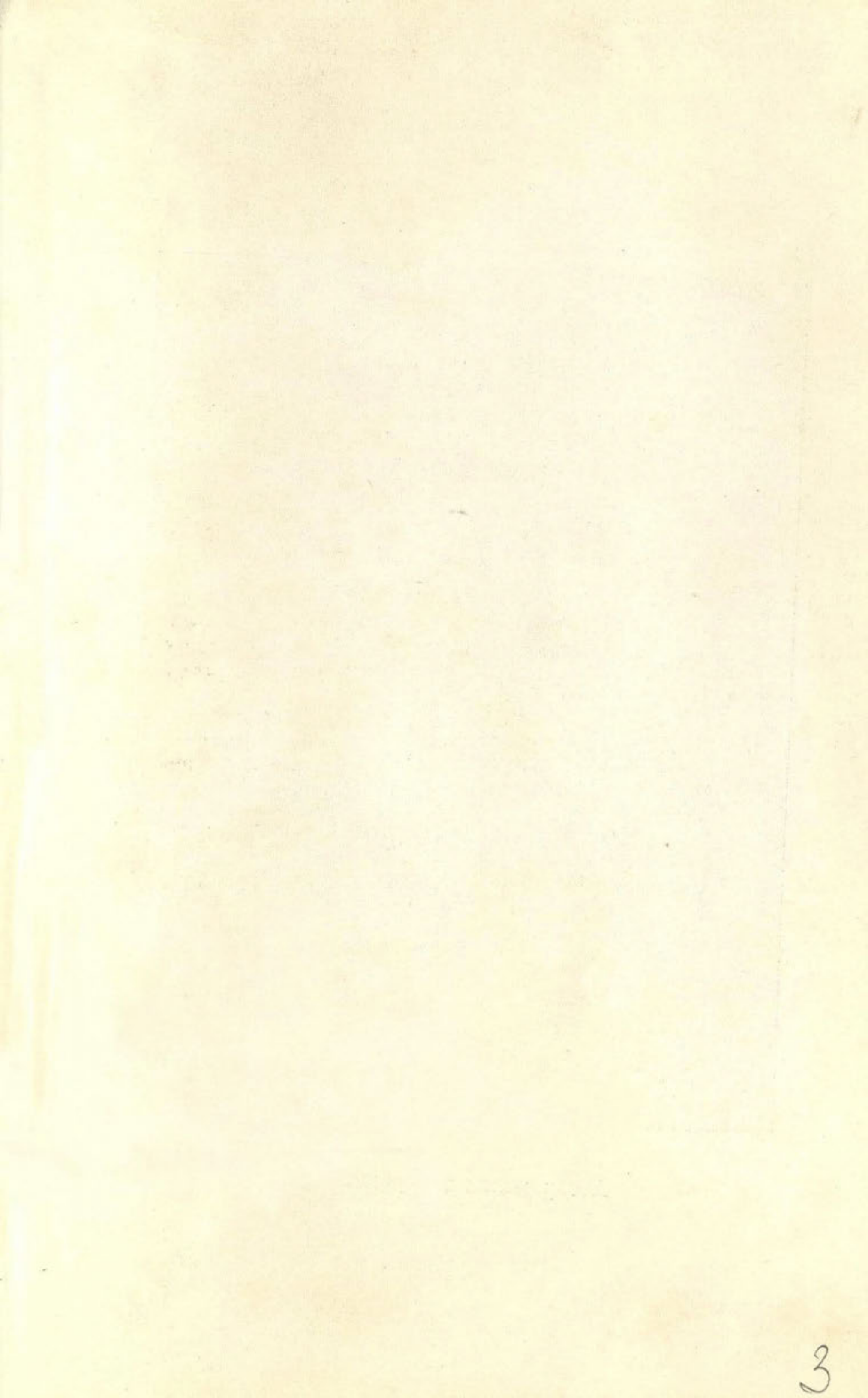

Великий Князь Николай Николаевич после молебна в Валаамском Монастыре, перед от'ездом в ставку по случаю назначения Верховным Главнокомандующим в Июле 1914 года.

Государь Император Николай II производит смотр полку.

3

3

Собственноручная приписка Генерала Графа Келлера на аттестации В. Чеславскаго, сфотографированная в штабе 111-го коннаго корпуса, офицером 10-го гусарскаго Ингерманландскаго полка.

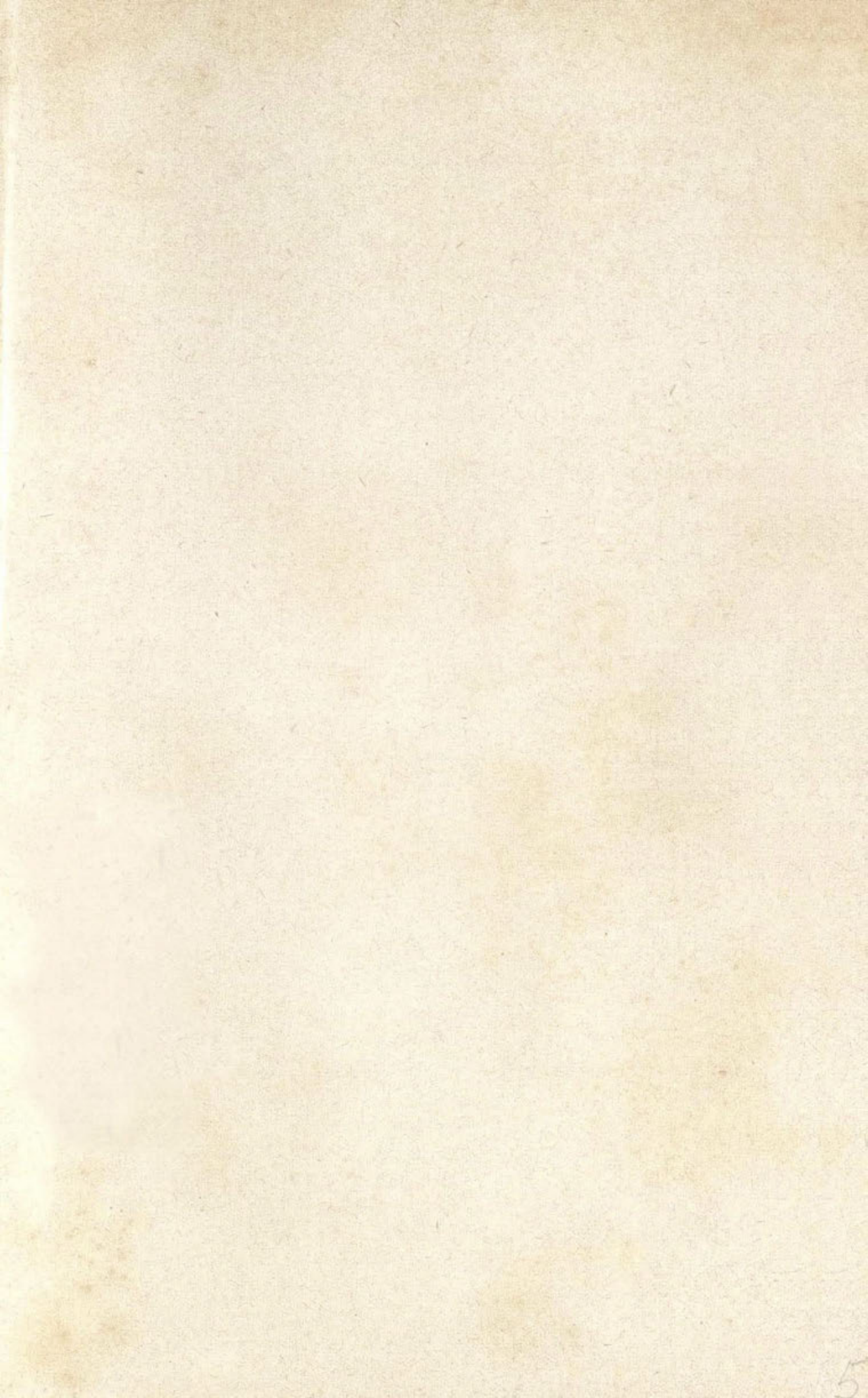
Автор книги в парадной форме в 1913 году.

Кромѣ того зная Полковника Чесловского и близко видя его дѣйствія во время всей войны 1914-15-16 годовъ, я пришелъ къ заключенію, что онъ одинъ изъ самыхъ выдающихся офицеровъ нашей арміи, почему всегда поручалъ ему [redacted] самыя отвѣтственныя и рискованныя боевыя задачи, которыя онъ всегда доводилъ до блестящаго конца.

Полковникъ Чесловскій представлялся много за дѣло подъ гор. Хотинымъ къ ордену Св. Георгія 3ей Ст., который онъ по справедливости и статуту долженъ былъ получить, такъ какъ онъ личнымъ примѣромъ отваги и дѣйствіями полка, которымъ онъ командовалъ, спасъ положеніе всего корпуса.

Командиръ 3го Коннаго Корпуса

Генералъ отъ Кавалеріи Графъ Келлеръ

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Революция, гражданская война и 20 лет происходящия события в России затмили жертвы, подвиги и испытания русской армии и народа, принесенные на алтарь Мировой войны, для защиты Родины.

Трудно сказать в каком духе пишется или будет писаться, или вообще будет ли написана в скором времени история Мировой войны на русском фронте, поэтому мы, как участники и еще живые свидетели происшедших величайших событий, должны исполнить наш долг перед нашей многострадальной Родиной и перед подростающим поколением, оставив им правдивыя данныя о действиях нашей армии в Мировой войне.

В каждом полку, а в крайнем случае в дивизии, вероятно найдется участник войны, могущий описать действия своей части. Если не сохранилось журнала военных действий полка или не найдется ни у кого дневника, то у каждого есть память, могущая послужить источником, для описания.

Нужно только взяться за перо, вооружиться терпением и приложив твердое старание и труд, выполнить тяжелую, но возможную задачу.

Описывая действия 10-го гусар. Ингерманландскаго полка, и вообще полков, которыми я командовал и отчасти работу всей 10-ой кавалерийской дивизии и III-го коннаго корпуса, я не подходил к этому вопросу научно-теоретически, а излагал лишь факты, так чтобы читатель мог легко вынести впечатления о действительной боевой деятельности и жизне на войне и вывести свое личное заключение о доблести и недугах нашей армии.

Зная насколько скучно, для невоенных специалистов читать неприрывное описание техники боевых действий и детали сражений и боев, я старался для большего интереса читателя разнообразить содержание книги помещая данныя жизненнаго характера войны, сопутствующие всегда и всюду воинов.

Поэтому я писал о психологии солдата и офицера в бою, о лишениях, о чувстве страха и переживаний, отношение армии к жителям и обратно, а также тягчайшее положение жителей театра военных действий. Излагая характеристику командного состава, я приводил факты их деятельности, энергии, трудоспособности и решительности или наоборот факты бездеятельности, незнания, нерешительности, трусости и полнаго отсутствия инициативы. Также упоминал о любовных приключениях, как средстве продолжения рода человеческаго, которое не могут остановить никакия ужасы или потрясения. При этом я всегда старался резко отделить пережитое или виденное мною лично, от слышаннаго.

Интерес вынесенный мною из чтения записок и воспомина-

ний участников войн и походов времен Суворова, Наполеона и др. был также для меня основанием написать эту книгу.

ЗАМЕТКА.

Я должен сказать несколько слов о тех трудностях, при которых мне пришлось издать эту книгу.

Первое затруднение это удаление моего местопребывания от центров нахождения наших войсковых организаций и об'единений полков 10-ой кавалерийской дивизии, откуда я могбы получить данныя о действиях нашего корпуса, более подробные, чем я имел в моем дневнике и в моей памяти.

Тогда книга вышла-бы более полная т. к. многия события могли проскользнуть мною незамеченными, а кроме того я обо всем писал под углом лишь моей личной точки зрения, а для других, может быть, она казалась иначе, в таком случае описания событий могли быть точнее нежели они вышли у меня.

Из моих сослуживцев по дивизии, как мне известно, живут в Америке /В канаде/ только Р. Л. Кульбах и В. И. Линитский, также Дунин-Жуховский (Польша), кои и дали мне некоторыя данныя, за что приношу им сердечную благодарность.

Второе, в Америке нет русских книжных издательств, а американские слишком дорогия, поэтому пришлось мои записки пропустить через газету и печатать книгу постепенно, вследствие этого оттенки печати страниц получились неодинаковые.

Главное же мне не удалось сделать второй и третьей корректуры, что так необходимо при машинном, а не ручном наборе. Благодаря этому получилось много опечаток, за что прошу извинения перед читателями моей книги.

Замеченныя опечатки приложены в конце книги, но главное прошу заметить следующее:

1 — На странице 110 имя супруги В. К. Николая Николаевича напечатано Милиция Николаевна, следует читать Анастасия Николаевна.

2 — На странице 139-ой начальником конвоя, Его Величества, назван Князь Эристов, следует читать Князь Трубецкой.

3 — На странине 51ой следует добавить фамилии Командира 10-го драгунскаго Новгородскаго полка, Полковник Клевцов и Командира Донского конно-артиллерийскаго дивизиона, Полковник Лекарев.

4 — На верху страницы 50-той вставлена лишняя строчка.

5 — На странице 56-ой строчки 17-ю и 18-ю следует читать: «Ну, што ты думаешь о новом командире?» спросил один.

6 — На странице 113-й следует читать: Всевеликаго, а не Всесильнаго Войска Донского.

7 — На странице 75-й следует читать: с юга на север, а не с юга на запад.

В. Чеславский.

СОДЕРЖАНИЕ ГЛАВ.

ЧАСТЬ — II-я.

9

С-П-И-С-О-К.

Команднаго состава 10-ой кавалерийской дивизии.
Ко дню мобилизации в июле 1914 года.

НАЧАЛЬНИК ДИВИЗИИ;

Генерал-лейтенант граф Ф. А. Келлер.

НАЧАЛЬНИК ШТАБА:

Генеральнаго штаба полковник В. Агапеев.

СТАРШИЕ АД'ЮТАНТЫ:

По строевой части: ген. шт. капитан Сливинский.

По хозяйственной части: ротмистр Мартос.

КОМАНДИР БРИГАДЫ:

Генерал-Майор В. Марков.

КОМАНДИРЫ ПОЛКОВ:

10-го Драгун. Новгородскаго полка: полковник Клевцов.

10-го Улан. Одесскаго полка: полковник Данилов.

10-го Гусар. Ингерманландскаго полка: полковник Асеев.

1-го Оренбургскаго казачьяго полка: полковник Тимашев.

3-го Донского казачьяго артил. дивиз. полковник Лекарев.

СПИСОК

ОФИЦЕРОВ 10-го ГУСАРСКАГО ИНГЕРМАНЛАНДСКАГО ПОЛКА, СОСТОЯЩИХ В ПОЛКУ В ДЕНЬ МОБИЛИЗАЦИИ В ИЮЛЕ 1914 ГОДА, А ТАКЖЕ ПРИБЫВШИХ В ПОЛК ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ.

Комадир Полка:

Полковник Асеев.

Штаб-Офицеры:

Полк. Чеславский.

Подполковники:
Кюгельхен.
Опатович.

Командиры Эскадронов:

1-го Ротм. Оленич.

2-го — Барбович.

3-го — Яковлев.

4-го — Дылевский.

5-го — Андреев.

6-го — Бартеньев.

Пулеметной команды:

Ротм. Пальшау.

Ад'ютант: Поруч. Луговой.

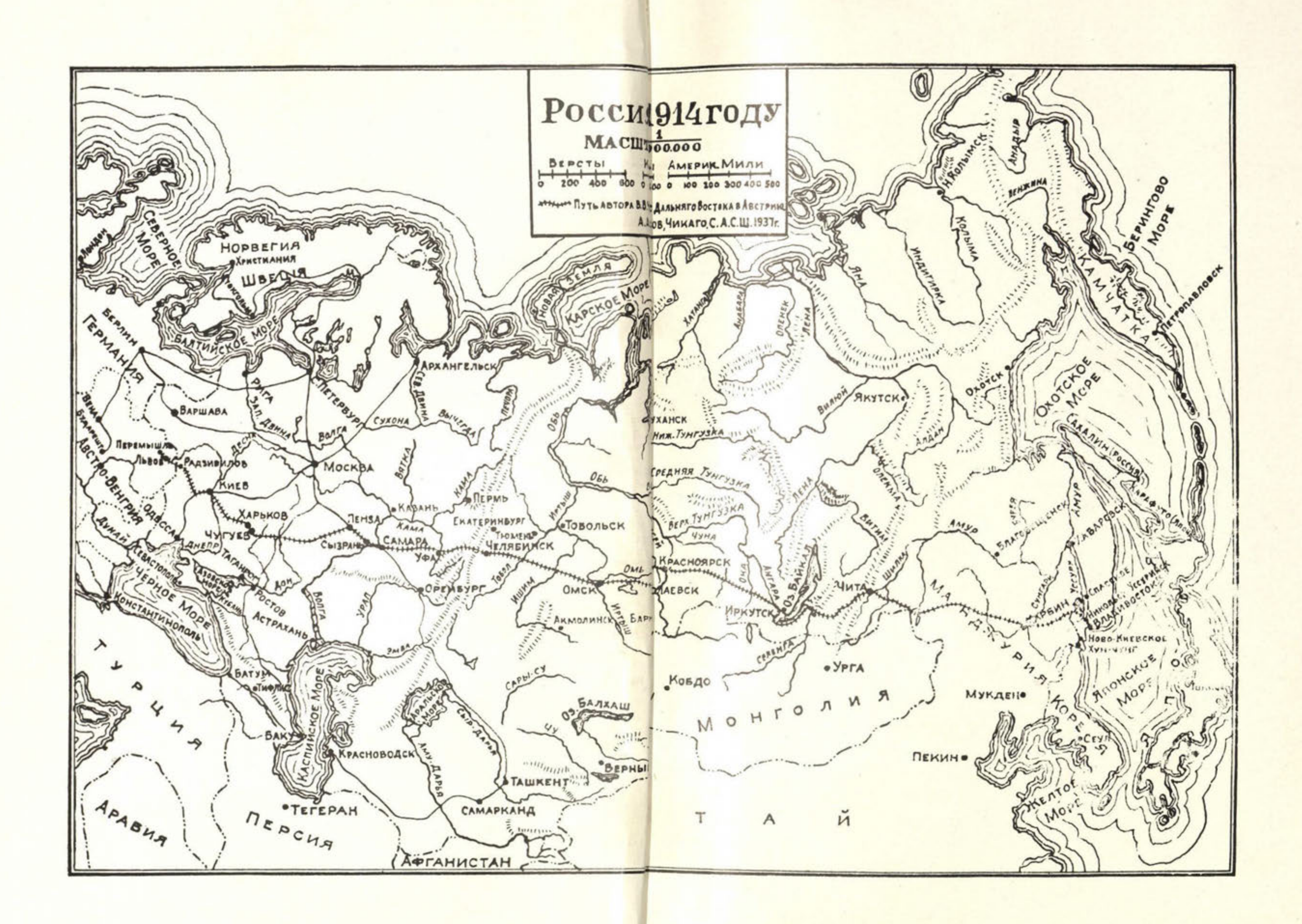
Младшие Офицеры:

Булацель.
Волохин.
Васецкий.
Венцель.
Гуржин.
Гурский.
Дунин-Жуховский.
Даневский.
Дзугаев.
Кузмин-Караваев.
Лихалет.
Лабунский.
Мирополський
Ряснянский.
Селиванов.
Слезкин — I.
Слезкин — II.
Трегубов — I.
Трегубов — II.
Тихонравов.
Холщевников.
Чернявский.
Эмних.
Яровенко.

Прибывшие во время войны.

Князь Амилохвари.
Бялый.
Балинский.
Газадинов.
Гребеневский.
Дмуховский.
Двигубский.
Залеский.
Касьянов.
Кульбах.
Капецкий.
Коптев.
Кравцов.
Кох.
Линитский — I.
Линитский — II.
Лопарев.
Ланг.
Миклуха-Маклай.
Николенко.
Попазов.
Попов.
Рыков.
Рубанов.
Танчик.
Филипьев.
Хитогуров.
Хмелевский.
Чуя.
Червоный.
Шереметьевский.
Шпакович.
Эмних.
Эсипов.
Яновский.
Яценко.
Янковичь.

ЛИЦА УПОМЯНУТЫЕ В КНИГЕ.

Росси 914 году
Масш 1 000.000
Версты
0 200 400 600
Америк. Мили
0 100 200 300 400 500
Путь автора
Дальняго Востока в Австрию
Чикаго, С. А. С. Ш. 1937 г.
Северное Море
Норвегия
Христиания
Швеция
Балтийское Море
Берлин
Германия
Варшава
Рига
Петербург
Зап. Двина
Волга
Сухона
Архангельск
Сев. Двина
Вычегда
Печора
Москва
Перемышль
Львов
Радзивилов
Киев
Харьков
Чугуев
Одесса
Днепр
Дунай
Австро-Венгрия
Севастополь
Черное Море
Константинополь
Таганрог
Ростов
Дон
Астрахань
Пенза
Сызрань
Самара
Казань
Кама
Вятка
Пермь
Екатеринбург
Тюмень
Челябинск
Уфа
Оренбург
Урал
Эмба
Тобол
Ишим
Иртыш
Тобольск
Обь
Омск
Акмолинск
Новая Земля
Карское Море
Красноярск
Иркутск
Ангара
Оз. Байкал
Чита
Шилка
Витим
Олекма
Лена
Якутск
Вилюй
Алдан
Ниж. Тунгузка
Средняя Тунгузка
Верх. Тунгузка
Чуна
Хатанга
Оленек
Яна
Индигирка
Колыма
Н. Колымск
Анадырь
Гижига
Беринговое Море
Камчатка
Петропавловск
Охотск
Охотское Море
Сахалин (Россия)
Амур
Бурея
Благовещенск
Хабаровск
Харбин
Сунгари
Уссури
Николаевск
Владивосток
Ново-Киевское
Японское Море
Корея
Сеул
Желтое Море
Пекин
Мукден
Маньчжурия
Урга
Селенга
Монголия
Кобдо
Оз. Балхаш
Чу
Верный
Сары-Су
Ташкент
Самарканд
Аму-Дарья
Сыр-Дарья
Аральское Море
Каспийское Море
Красноводск
Баку
Батум
Тифлис
Турция
Персия
Тегеран
Аравия
Афганистан
Т а й

1

Весной 1914-го года, я состоял на службе в Приморском драгунском полку, в чине Подполковника, и, за выездом командира полка, в отпуск по болезни, командовал этим полком.

Тогда полк стоял в Урочище Новокиевское, Приморской области на берегу Тихого океана, в 200 верстах южнее города Владивостока.

Новокиевское,как и все урочища на Дальнем Востоке, представляло собой чисто военный поселок: Казармы, конюшни, манежи, полковой учебный плац, офицерские флигеля, гарнизонное собрание, несколько китайских лавочек, вот и все, что можно было видеть в этом урочище.

Прежде в таких урочищах стояли Линейные батальоны с видвинутыми наблюдательными казачьими постами вдоль китайской или корейской границ. С проведением сибирского великого железно-дорожного пути, и с постоянным развитием русского Дальнего Востока пришлось значительно усилить военные гарнизоны, и к началу мировой войны в Новокиевске уже стояло, вместо одного линейного батальона, два стрелковых полка, три батареи полевой артиллерии, Приморский драгунский полк и конно- горный дивизион.

Ур. Новокиевское представляет собой важный стратегический пункт, т. к. в 25-ти верстах к югу от него, на посту Хунчунг, сходятся три границы; Русская, Китайская и Корейская, откуда идут пути из Манчжурии и Кореи во Владивосток.

Местность в этом районе начинается от океана равниной и, по мере удаления к западу, переходит в холмы и далее в высокие горы Манчжурии и Кореи.

Земля там крайне плодородная и дает прекрасные урожаи всех зерновых злаков, а также овощей, фрукт, включая виноград.

Благодаря полутропическому солнцу и регулярным периодическим дождям, растительность в этом крае роскошная: травы достигают роста человека, а деревья величиной напоминают леса американской Калифорнии.

Громадное количество жизненных продуктов находилось на рынках урочищ и продавалось по баснословным низким ценам, так: пшеница—50 коп. пуд, овес и ячмень по—30 копеек; фунт мяса — 4-5 коп., гусь — 25 коп., утка или курица — 15 коп., пара фазанов — 35 копеек, фунт винограда — 2 копейки.

Русское правительство для успешнаго развития края накладывало небольшую пошлину на иностранные предметы и ничтожный акциз на русские товары. Поэтому все фабрикаты заграничного или русскаго производства продавались там дешевле, чем в Европейской России, что весьма удешевляло жизнь войск и населения.

Но не смотря на все жизненные выгоды, южная часть Приморской области была заселена весьма скудно: изредка встречаются небольшие поселки русских переселенцев, да маленькие корейские деревушки.

Объяснить это можно лишь тем, что когда эта область принадлежала Китаю, то по китайским законам, воспрещалось китайцам переселяться за пределы Великой Китайской Стены. В 1862 году, когда Приморская Область была уступлена России, мы не имели жел. дороги через Сибирь и переселение происходило очень медленно.

Благодаря дешевизне всех предметов необходимости, семейные офицеры, на их скудное жалованье, могли жить удовлетворительно в материальном отношении, но в духовном отношении, жизнь в урочищах была полна затишья и скуки: почта и пресса приходили из Европейской России на две недели позже выхода, а местные газеты из Владивостока получались лишь раз или два в неделю, когда приходили пароходы. Учебных заведений ни каких не было, детей приходилось отправлять учиться во Владивосток, а пути сообщения были крайне затруднительны, особенно зимой, когда пароходные рейсы прекращались. О театре и кино можно было только мечтать.

Полки жили исключительно своей обособленной полковой жизнью; и нужно отдать справедливость, военные части Дальнего Востока жили гораздо дружнее между собой, нежели части Европейской России, а жизненная и духовная связь между солдатами и офицерами была теснее.

Такая жизненная и духовная связь выработалась в давние времена, когда линейные батальоны из города Казани до верховьев реки Амура шли походным порядком, затем плыли, на ими сооруженных плотах, до устья реки Уссури и далее вверх по этой реке, а затем опять походом по Тайге, без дорог, до места назначенного им стоянкой. Здесь они находили лишь каменный столб с надписью: «Урочище такое-то, стоянка такого-то линейнаго батальона». Отсюда началась их чисто пионерская жизнь: живут в палатках, пока постро-

Офицерская семья Приморскаго драгунскаго полка в Новокиевске весной 1914 года, когда автор книги вр. командовал этим полком. Слева направо: В 1 ряду: (полулежа) Корнеты: Масальский и Князь Эристов. Во 2 ряду сидят: Полковник Чеславский; Врач Белокуров; Поручик Донико-Иордакеско; Ротмистр Крымский с дочерью; Корнет Каншин; Ротмистр Вараксевич (с дочерью) и за ним Корнет Грек. Стоят: Поручик Бахман; Ротмистр Лошаков; Интендант Васильев; Поручик Тархов и Семенов; Ротм. Лещинский; Корнет Чебаткевич; Поручик Вальх; Корнет Маньковский и Штаб Рот. Левандовский. Полковыя дамы: Слева направо: М-м Крымская; Вараксевич; Чеславская; Захарова; Лошакова (с сыном) и М-м Семенова.

НА ДОБРУЮ ПАМЯТЬ О СЛАВНЫХ ПРИМОРЦАХ.

Глубокоуважаемому и дорогому старшему однополчанину

Василию Владимировичу Чеславскому.

В А М !

«Увидя Вас, я вспомнил край далекий,
В цветах родную даль, тайги знакомый стон,
И уголок полка, стоит одинокий,
Где юности былой изчез волшебный сон!..
Увяли те цветы... Залиты те куртины,
Красивой Ян-чи-хэ, стремительной вольной...
И только в памяти проносятся картины.
О жизни говоря ушедшей и иной»...

Глубокоуважающий и преданный

Приморец **П. Проходовский.**

Белград, Югославия.

14-го Марта 1937 г.

ят землянки и в землянках пока построят казармы.

Двух-летняя походная жизнь, через всю Сибирь, устройство стоянки своим трудом, борьба с суровой природой, опасная охота на диких зверей, включая тигров, тяжелые условия одиночной жизни в Урочище, все это крепко связало жизненно и духовно солдата с офицером и выработало особый тип русскаго сибирскаго воина. Недаром Начальник Штаба Германской Армии Генерал Фон Людендорф в своих записках о Мировой войне пишет: «Ни гвардейские русские войска, ни лучшие шефские части этой армии не приносили нам столько тревог и неприятностей, сколько сибирские стрелковые полки».

От Приморскаго драгунскаго полка был выдвинут один эскадрон на пост Хун-чун, для наблюдения за Китайской и Корейской границей, под командой Ротмистра Н. И. Шипунова.

9-го Мая 1914-го года я решил сделать конный пробег с офицерами полка из Урочища Новокиевскаго в Хун-чун. С одной стороны я имел целью, сделать весенний инспекторский смотр, стоявшему там эскадрону, с другой стороны, втягивать офицеров больше в спортивную работу, что поддерживало их в тренированных кондициях, не давало полнеть и отвлекало от лишней кутежки и разнообразило полковую жизнь захолустной стоянки. В то-же время это давало практику офицеру, как подготовить лошадь и себя к пробегу, как вести лошадь на пробеге, чтобы лошадь и всадник выдержали пробег до конца без особаго ущерба для лошади.

Лично я любил конный спорт, был тренирован и имел хороший опыт по подготовке и ведению пробегов, благодаря 2-х летнему прохождению курса офицерской кавалерийской школы, в Петербурге, где ежедневно, в течение всей зимы, по 5-ти часов в день приходилось ездить и выезжать 4-х лошадей, а летом делать на десятки верст пробеги, на парфорсных охотах, в Местечке Поставы Виленской губернии.

На пробег я привлек всех без исключения офицеров, даже дежурнаго по полку, котораго заместил Подпрапорщиком.

Нужно отметить, что командный состав Приморскаго Драгунскаго полка был моложавый и легковесный, сравнительно с другими кавалерийскими полками, стоявшими в Европейской Россиии.

25-ти верстное растояние от Новокиевскаго до Хун-чуна мы проскакали в один час и три минуты. И только тяжелове-

сный подполковник Б., который пробыл адъютантом военнаго министра более 5-ти лет и, за это время не садился на лошадь, отпал от нас на 1-ой версте. Я в его аттестации написал: «Тяжел, — к кавалерийской службе не годен».

Верстах в пяти, не доезжая Хун-чуна, нас встретил Командир эскадрона Ротмистр Николай Ивинович Шипунов, со своими разведчиками и унтер-офицерами верхами на не оседланных лошадях с пиками в руках; эти молодцы, скифской ездой, проскакали с нами последние пять верст.

Осмотрев эскадрон и позавтракав у гостеприимного хозяина, который в этот день был сам именинник, мы все, опять верхом, поехали в Китайский город Хун-чун, лежавший верстах в двадцати от поста Хун-чун. Как и все Китайские города, гор. Хун-чун обнесен стеной, с маленькими Китайскими домишками и лавченками, тянувшимися вдоль прямых и широких, но грязных и издающих скверный запах, улиц.

У китайцев есть нехорошая привычка выбрасывать все отбросы на средину улицы, кои пожираются свиньями и глодаются собаками, остатки-же гниют и выделяют зловение. Добавив, что китайские дети всегда, а китайцы ночью предпочитают совершать туалет по средине улицы, вместо двора, то читатель может себе представить, какое благоухание творится, в жаркий день, на китайских улицах, на которых вы часто можете встретить, написанные названия, вроде: **«Улица запаха майских роз или арамат свежих цветов»** и т. д.

Находясь на месте соединения трех границ, Хун-чун является большим торговым пунктом, между Россией, Манджурией и Кореей.

Он также имеет историческое прошлое т. к. в Хун-чуне был подписан договор об уступке Китаем России Приморской Области в 1862 году.

Купив, кое что из корейских ручных изделий и некоторые вещи из китайскаго шелка, мы посетили китайский театр.

В зале театра не было ни стульев ни скамеек, все зрители сидели на полу, на корточках и, выпивая подогретую водку или пиво, вытерали потную физиономию горячими полотенцами, которые безплатно разносились театральными мальчиками. Зрители внимательно смотрели на сцену где актеры, мужчины исполняли и женские роли. Одетые в женские костюмы, они говорили женскими голосами и подражали женским движениям. Свои роли они изображали в лицах так:

если по ходу акта нужно было изобразить уезжающаго всадника, то актер садился верхом на палочку и, подгоняя ее плеткой, удалялся со сцены.

Из театра мы поехали в японский чайный домик, где гейши, напевая японские песенки и кокетливо танцуя, предлагали свою любовь посетителям.

Вернувших на пост Хун-чун и переменив лошадей, мы выехали домой.

Уже начало темнеть, когда мы в'езжали в Урочище Новокиевское сделав верхом, в один день, более ста верст.

Близь полковой канцелярии, меня встретил дежурный писарь и, подавая мне телеграмму, поздравил меня с производством в Полковники.

Гелеграмма была из Петербурга от Главнаго Штаба, уведомляющая, о производстве меня в Полковники с переводом в 10-й гусарский Ингерманландский, Эрц-Герцога Саксен-Веймарнскаго полка, с назначением старшим штаб офицером этого полка.

«Ну поздравляю Вас с производством, но не с переводом», сказал Начальник Штаба стрелковой дивизии, встретив меня на плацу, против конюшень, где мы слезали с лошадей.

«Почему?», спросил я.

«Почему, а вы знаете, кто командует теперь 10-ой Кавалерийской дивизией?» продолжал начальник Штаба,

«Кажется, Граф Келлер», ответил я.

«Да, да, тот самый Граф Келлер, который ест Штаб-Офицеров, а Обер-Офицерами закусывает, как сардинками», продолжал он « А Вы знаете когда он командовал Лейб-Гвардии драгунским полком, то ушло из этого полка почти половина офицеров, в числе их и мой родственник».

«Да я слыхал о строгости Графа Келлера, когда был в офицерской кавалерийской школе в Петербурге; ну чтож, видимо моя такова судьба, «ответил я», «Не знаю как дальше, а пока все строгие, энергичные и дельные начальники довольно хорошо относились ко мне, как Ген. Мищенко, Гурко, Ренненкамф, Личицкий, Нищенков и др., но лентяи, забулдыги и бездельники не любили меня, видимо они чувствовали во мне врага пьянства, лени и безделья».

Ожидая предписания об отъезде к новому месту службы, я начал к этому готовиться: отправил своих лошадей в город Чугуев, Харьковской губер., где стоял 10-ый Гус. Ингерман. полк и приступил к ликвидации своих дел и вещей. Примор-

цы устроили мне дружескй, прощальный обед и поднесли на память прекрасный подарок·

Скучно было раставаться с дружной семьей Приморцев и с Дальним Востоком, который я полюбил еще со времени Китайскаго Боксерского восстания. И мне, как будто, чувствовалось, что больше не вернусь в этот чудный край.

Скоро был получен приказ по Уссурийской конной дивизии, в состав котой входил Примоский Драг. полк, где объявлялось о моем производстве и переводе и, к моему удивлению, было добавлено, что, по сношению с 10-ой Кавалерийской дивизией, разрешено мой отъезд задержать до полковаго смотра, ввиду отсутствия командира полка.

Потекла обычная летняя полковая работа: эскадронные учения, стрельба, эскадронные смотры, полковые конные учения и подготовка полка к строевому смотру.

В это время политический гаризонт Европы начал окутываться темными грозными облаками: Прибывающие газеты были переполнены новостями об Австро-Сербском конфликте, о Сараевском убийстве Австрийскаго Кронпринца и его жены, об Австрийском ультиматуме Сербии и т. д.

Но по тону прессы нельзя было судить, что чрезвычайные события могут наступить весьма скоро, скорее казалось, что это была дипломатическая шумиха, нежели назревающие важные исторические времена. Как вдруг, на другой день полкового смотра, была получена телеграмма, о частичной мобилизациии наших военных округов на западной границе, а войскам Дальнего Востока приказывалось: прекратить лагерные сборы и идти на зимние квартиры.

Мне было дано предписание о выезде по месту нового моего служения. Последний вечер я провел в кругу своих бывших дорогих однополчан Приморцев. Конечно, весь разговор касался предстоящих событий. Молодежь сильно волновалась о том, что если грянет война на западе, то она будет скоротечная и не может затянуться так долго, как Русско-Японская, что кавалерию с Дальнего Востока не повезут в Европейскую Россию и полку не придется принять участие в войне.

Только я и Ротмистр Кумант были другого мнения: мы были уверены, что если война разразится, то она будет грандиозная, смертоносная и продолжительная. Но молодежь не хотела нас слушать. Они завидовали моему отъезду и просили меня сделать последнее одолжение и послать телеграмму

прямо на имя Государя, с просьбой отправить Приморский драг. полк, в действующую армию, как единственный кавалерийский полк Дальнего Востока.

Я вспомнил себя, как тяжело я в молодости переживал, когда мой Командир полка не пускал меня на действующий фронт против китайцев в 1900 году и в каком я был восторге, когда, наконец, он меня отпустил.

Я знал, что непосредственное обращение к Государю, минуя начальство, является нарушением воинской дисциплины, но учитывая настроение молодежи я подписал, просимую телеграмму, которая была ими отправлена после моего отъезда, когда война уже была объявлена. Позже я узнал, что за это мне был сделан выговор военным министром, но я об этом особенно не пожалел, чувствуя, что исполнил просьбу моих сослуживцев.

Пароходное сообщение между Владивостоком и Новокиевским прекратилось, и мне пришлось ехать сухим путем по грунтовой дороге.

Мостов на этом пути построено не было. Горные реки от полутропическаго дождя быстро и высоко вздувались и их нужно было переходить глубоко в брод, а иногда переплывать.

Добравшись совершенно мокрым до Урочища Барабаш, я всю ночь сушился в офицерском собрании, стоявшаго там 8-го В. С. стрелковаго полка.

На другой день, погода стояла хорошая и я доехал до Урочища Славянка весьма быстро, а оттуда конозаводчик Янковский на своем катере переправил меня во Владивосток, где я и сел в Дальне-Восточный экспресс.

Нельзя обойти молчанием о конном заводе Янковскаго: основатель этого завода, старик Янковский был выслан из Польши за польское возстание в 1863 году. Поселившись на полуострове недалеко от Урочища Славянки, Янковский основал небольшой конский завод, который быстро разросся и правительство подарило ему этот полуостров и назвало его именем Янковскаго. Это название можно найти даже на географических картах. Впоследствии Янковский стал разводить оленей, продавая их рога (понты) китайцам на приготовление, какой-то весьма целебной медицины, для омоложения стариков.

Эта торговля и поставка лошадей правительству приносило большие доходы Янковскому и он в короткое время сде-

лался богачем и обратился из польскаго ссыльнаго в короля своего полуострова, куда никто не мог войти без его разрешения.

Из этого примера можно судить, что не так уж плохо ссыльным жилось в Сибири. Кто проявлял энергичную деятельность, тот часто устраивался лучше, чем у себя на родине т. к. Сибирь со своими неисчислимыми, естественными богатствами лишь требовала энергичных людей,, для ея эксплоатации.

ГЛАВА II-я

Дальневосточный экспресс мчал меня из Владивостока на запад по старым знакомым местам: Плодородные и культивированные поля Манчжурии, песчаные степи Монголии, дикие Забайкальские горы, дремучие леса сибирской Тайги, Омско-Челябинские степи и красивый Урал быстро промелькнули у окна купэ, катящагося по рельсам нашего вагона.

Дальне-Восточный экспресс был прекрасно оборудован: все имели спальные места, не исключая и пассажиров 3-го класса.

При поезде всегда шел вагон-столовая, где по недорогим ценам можно было иметь полный пансион, Кроме того, на всех станциях, особенно в западной Сибири, к приходу поезда, жители в изобилии приносили всевозможные съестные припасы; и продавали их по крайне дешевым ценам: фунт масла — 20 коп., крынка сметаны — 10 коп., фунт творогу — 5 коп., вареные яйца по копейке штука, жаренная утка или курица — 30 коп., гусь — 60 коп., поросенок — 75 коп. так-же много приносилось жаренной дичи: рябчики, куропатки, тетерки и другая дичь изобилующая в громадных лесах и широких степях великой и богатой Сибири. Много было разных овощей, ягод и сибирских маленьких яблочек, кислосладкаго вкуса и красноватаго цвета из которых в Сибири варят много варенья. Южные фрукты редко продавались на лотках.

Многие пассажиры из-за экономии или просто любители не столовались в вагоне-столовой, а покупали пищу на лотках и под рюмку водки, устраивали у себя в купэ вкусную и веселую трапезу со своими спутниками.

Вряд-ли в мире найдется такой уголок, где-бы знакомства среди едущей публики, происходили так легко и скоро, как в поездах и особенно экспрессах русских железных дорог. Уже на второй или третий день поездки, большинство

пассажиров становятся знакомы между собой. Обычно начинается с общих разговоров или споров, в которых принимают участие почти все спутники вагона, затем знакомство завязывается кружками однако мыслящих или по симпатиям, а через несколько дней экспресс превращается из отдельных пассажиров в одно знакомое общество. Часто время проводят в общем чае-питии или обеде, с музыкой или пением под гитару или пианино вагона-столовой. И за долгий сибирский путь публика до того сживается, что с грустью разстается с своими новыми друзьями по поездке, а время проведенное в пути надолго остается хорошим воспоминанием. Не мало происходило ухаживаний за дамами с романами оканчивающимися женитьбой.

Через неделю наш экспресс ночью подходил к Волге, у одной из станций я был разбужен шумом толпы собравшейся на станционной платформе.

«Почему немцы, а не австрийцы? ведь мы начали мобилизацию против Австрии, а не против Германии», возбужденно и громко говорил какой-то железно-дорожный служащий, офицеру, стоявшему против окна моего купэ.

«Германия союзница, Австриии» отвечал офицер.

«Но почему тогда Австрия не объявляет?» настаивал железнодорожник.

«Австрия просто затягивает по каким либо нужным ей политическим причинам», — слышен был ответ офицера.

«Газеты, газеты, последние важные новости: Германия объявила войну России», кричал мальчик-газетчик, бежавший по платформе с кипой газет под рукой.

Я купил номер газеты и прочел официальное сообщение правительства об объявлении нам войны Германией, и как будто молотом ударило меня по голове это сообщение.

Мне вспомнилась прошедшая наша война с Японией, и тяжелые картины и думы встали передо мною:

Опять война, опять бои, опять смертоносный огонь артиллерии, пулеметов и ружей, опять конные и пешие атаки и рукопашные штыковые схватки, несущие смерть и страдания воинам, а горе и слезы матерям, женам и детям. Опять ужасный вид убитых и рененных: их головы, до мозгов шашками разрубленные, их животы пиками и штыками вспоротые, их руки и ноги снарядами оторванные.

А ведь все это молодые, здоровые и крепкие люди, надеющиеся благополучно окончить войну и вернуться в свои

родные села и семьи, не ожидали, что через минуту или даже секунды они будут мертвыми или скончаются в тяжелых страданиях, конвульсиях и буйном бреду.

У меня запечатлелось много лиц убитых молодых воинов, с остатками их выражений, предсмертнаго переживания: у одних искаженные от страха или страданий, у других спокойные, а иногда даже с улыбкой, как будто они еще живы, продолжают разговаривать и чему-то смеются.

Как сейчас вижу ужасную картину сражений: Громадные пожары городов и деревень; убитые, раненные и обгорелые несчастные жители лежащие под руинами пожарищ, а остальные, обезумевшие, бегут куда глаза глядят, таща за собой жалкий скарб и перепуганных детей.

Рев оставленных животных и с ужасом, поджав хвосты, разбегающихся во все стороны собак и кошек. Казалось кем-то посланное несчастье не щадило никого и только смерть с хохотом витала над полем битвы и косила свои жертвы.

Все это так, но я офицер и старшаго ранга; родина меня воспитала, дала мне военное образование, много лет учила, и подготовила к войне, назначила меня командиром части вручив мне судьбу тысячи людей и на миллионы рублей лошадей, орудий и материальной части, приобретенные на народные деньги, для защиты родины. Теперь настал час когда родина в опасности и долг каждаго честнаго офицера пожертвовать всем и отдать свою жизнь за отчизну.

Война приносит горе и ее надо избегать всеми силами и средствами, и те люди, от которых зависит объявление войны, должны изыскать все способы ея избежать, и объвить войну лишь в самом безвыходном положении, когда родине грозит непосредственная опасность.

Но раз война началась, офицер должен забыть все ея плохиее стороны и видеть в ней только хорошее: честность, храбрость, выручку своих, милость и любовь к пленным. Любить красоту боев и сражений, лихость атак, славу армии и счастье Родины. Вот какой должен быть девиз каждаго офицера, идущаго на войну.

Все офицеры и остальные воины могут ненавидить войну, как приносящую тяжкие потрясения, но должны любить ее, как, что-то рыцарское, красивое, честное и святое, защищающее родину.

Я так глубоко и долго думал, что не заметил, как прош-

ла ночь и очнулся лишь на разсвете, когда поезд входил на сызранский мост через Волгу и в окно пахнуло речной прохладой, великой русской реки.

От Волги до Харькова, вся железная дорога была переполнена воинскими эшалонами двигающимися на запад; станции были забиты толпой солдат и пассажиров, но везде было спокойно и полный порядок, видно было, что мобилизация проходила с успехом.

В вагонах, на станциях везде были оживленные толки о войне.

Слышу разговор оренбургскаго казака, в лихо надетой на бекрень фуражкой, из под которой виднелся кучерявый чуб, подмоченный сахарной водой для большей пышности.

Казак разгаваривал с австрийским чехом, видимо жившим в России и направляющимся на родину.

«Австрия не виновата, ей Богу не виновата, Австрия имеет много славянских народов и никогда не воевала против России, это все вина германов, германы хотят воевать и тянуть за собой Австрию», говорил чех испуганным голосом, коверкая русские слова.

«Да, говори», возражал казак, « Вищь ты Австрия не виновата, а пошто явстрияк напал на Сербию?»

Мой поезд тронулся и я не слыхал, чем кончился политический диспут, между двумя будущими врагами.

Прислушавался к разговорам штатской публики, все от интеллигента до рабочаго были настроены патриотически и воинственно с полной верой в победу России.

Железные дороги работали регулярно и я без задержки доехал до гор. Чугуева. Это маленький штатный городок, расположенный в живописной местности, на берегу реки Донца, верстах в 30-ти к востоку от Харькова и летом служил дачным местом для харьковских обывателей, спасающихся от духоты и пыли большого, но грязнаго города Харькова.

Летом в Чугуев приходили войска харьковскаго гарнизона, на лагерные сборы и вместе с дачниками вносили оживление в этот тихий Богоспасаемый городок, охраняемый лишь несколькими городовыми.

Зимой Чугуев пустел, дачники разъезжались, войска уходили из лагерей на зимние квартиры и в городе оставались только пехотное юнкерское училище, да 10-ый гусарский Ингерманландский полк, о чем местные барышни, в длинные зимние вечера, напевали: «Наш Чугуев тем и знаменит, что в

нем гусарский полк стоит».

Приехал я вечером на чугуевскую станцию, которая, как и все русские железно-дорожные станции и вокзалы, были вдали от города и пассажирам приходилось часто в темную ночь трястись на извощике или шлепать пешком по грязи, что-бы добраться до города.

Русские железные дороги были лучшими в мире по удобству и по дешевизне проезда, и в тоже время, как за границей строили вокзалы не только вблизи городов но и старались их вместить в самый центр, русские вокзалы, в большинстве случаев, были не только далеко от городских центров, но и вообще от городов.

Только Николаевский вокзал в Петербурге находился в конце Невскаго проспекта, в остальных же больших городах, где мне приходилось бывать, как: Москва Варшава, Вильно, Ковно, Харьков, Киев, Одесса, Севастополь и другие, везде вокзалы были далеко от центра этих городов.

Были иногда курьезные случаи с публикой переезжающей со станции в город. Мне пришлось наблюдать на станции Полтава, следующий эпизод:

Пришел пассажирский ночной поезд, ночь была темная, осенний дождь моросил и увеличивал грязь на улицах.

У вокзала стояло десятка полтора извощиков, с таксой 50 коп. за проезд до города.

Вышел какой то господин, сел на перваго извощика и крикнул: «Все извощики за мной в город, плачу по рублю каждому».

Извощики пристраивались сзади чудака и колонна пустых дрожек покатила в город.

Вскоре на подъезд выбежали носильщики, за ними толпа пассажиров с картонками, корзинками, пледами и другими вещами в руках.

Извощик, извощик кричали носильщики.

Извощик, извощик взвизгивали пассажирки, закрываясь зонтиками от дождя.

«Извощиков больше нет», заявил швейцар, «господин Сороченко всех забрал».

«Опять этот сумасшедший Сороченко оставил публику без извощиков, почему его не арестует полиция»? Волновались пассажиры.

«Не волнуйтесь сударыни», заявил, стоявший у подъезда городовой «извощики профессия свободная, кого хочет, то-

го и везет, а в законе не указано, что пассажир не может нанимать более одного извощика, поэтому арестовывать г-на Сороченскаго недозволено».

Толпа пассажиров озлобленная, ругая инженеров, построивших так далеко вокзал, поплелись по грязной дороге в город.

Но в ночь моего приезда на станцию Чугуев, мне быстро удалось достать извощика, не смотря на призыв многих из них в ряды армии. Дорога от вокзала до города была полумощеная с выбоинами, в которые заскакивали колеса экипажа и раскачивали его в разные стороны, вверх и вниз, подобно челну прыгающему по волнам.

Когда я въехал в город, было еще не так поздно, но Чугуев уже спал и лишь у некоторых домов на верандах или в садовых беседках были слышны мягкие женские голоса напевающие минорные песенки, да издали от ближайшей окрестной деревни доносилось стройное пение парней и девушек, обычно вечерами собирающихся у околицы деревни или села.

Тихая украинская ночь, знакомый запах цветов и растений, томный свет луны и чистый континентальный воздух, напоминал мне мою родную Полтавщину, где я провел свое незабвенное детство.

Скоро мой извощик остановился у небольшой одноэтажной гостинницы, где я и занял номер.

Утром от коменданта города, капитана Добровольскаго я узнал, что 10-ый гусарский Ингерманландский полк, в составе 10-ой кавалерийской дивизии, выступил на Австрийскую границу, что в Чугуеве не осталось ни одного гусара, т. к. все кто не ушел с полком отправлены в запасный кавалерийский полк, но, что мои верховые лошади, прибывшие с Дальнего Востока, оставлены в его ведении и, вместе с моим конным вестовым, прикомандированы к юнкерскому училищу.

Я был крайне этому обрадован, зная по опыту японской войны, как трудно найти на фронте кавалерию, не имея под собой лошади.

Комендант не знал в какой пункт австрийской границы направлена 10-я кав. дивизия, т. к. это было секретно, но слыхал, что некоторые семьи гусар получили письма с фронта и, может быть, кто-либо из них знает, где находится полк.

Сделав визиты семьям гусар, мне удалось узнать у одной

дамы, которая получила письмо от мужа со станции Шепетовки Юго-Запад. ж. д., где выгрузился полк.

Но к крайнему моему удивлению я также узнал, что командир 10-го гусар. Ингерманландскаго полка, генеральнаго штаба полковник Асеев не ушел с полком, а находится в Чугуеве, т. к. начальник 10-ой кавалерийской дивизии Генерал Граф Келлер отрешил его от командования полком в первый же день мобилизации.

О причинах его удаления, мне разсказали следующее: Телеграмма о мобилизации была получена поздно вечером и полковой адъютант штабс-ротмистер Луговой немедленно понес ее командиру полка, который заявил, что он уже спит и никаких телеграмм не принимает.

Тогда адъютант пошел и доложил об этом Подполковнику Кюгельхен, последний лично с телеграммой пошел к Асееву, но он и последнего не принял; после этого Кюгельхен послал срочную телеграмму в штаб 10-ой кав. дивизии в Харьков и немедленно получил следующий ответ: «Полковника Асеева отрешаю от должности командира полка точка Начинайте мобилизацию согласно телеграммы точка Граф Келлер».

Расшифровали мобилизационную телеграмму, которая гласила начать мобилизацию полка в 12 часов одна минута ночи, в это время было уже половина второго и мобилизация началась на один час 29 минут позже.

Утром Асеев ничуть не смутился его отрешением от командования, а наоборот был очень этим доволен и злые языки говорили, что он ходил по району полка и тихонько угаваривал солдат прекратить мобилизацию и не идти на войну, которая приносит только несчастье народам.

Слыхал все это я не официально, а потому решил всеже явиться ему и повидать этого чудака командира.

Застал Асеева в большой старой, аракчеевской постройки, командирской квартире. Все комнаты были пусты; а он занимал лишь одну, где стояла походная кровать, письменный стол, да несколько стульев.

Наше свидание было весьма короткое, но не лишено оригинальности:

«Вот хорошо, что Вы приехали, а то полк ушел без командира», сказал разсеянно Асеев, как-бы не зная с чего начать разговор, а затем продолжал: «Кстати. я читал прибывший Ваш послужной список, из котораго видно, что Вы

имеете опыт двух войн, а по Вашим орденам, особенно по Георгиевскому кресту Вы весьма боевой офицер, но по числу лет Вашей службы и по наружному виду я нахожу,что Вы еще очень молоды и вероятно мало опытны в жизни. Сколько Вам сейчас лет»?

«35», ответил я.

«Ну, вот видите», продолжал Асеев, «в эти годы, нормально, командуют лишь эскадроном, а Вы уже Полковник. В этом чине много обязанностей и ответственности. Кроме боевого, нужно еще иметь большой жизненный опыт, чтобы командовать полком, Нужно хорошо оценивать характер и способности офицеров и отличать их недостатки. Надо понимать психологию и душу солдата, что-бы быть хорошим командиром».

«К чему он мне это говорит», подумал я, и хотел ответить: «Вы, господин полковник, старый, опытный и с военно-академическим образованием командир, почему-же Вы не повели полк в бой, когда этого требовала родина», но Асеев не дал мне сазать и продолжал:

«Мой совет Вам, как молодому человеку и мало опытному в жизни, по всем вопросам обращаться за советами к Полковнику 10-го уланского Одесскаго полка Черемисинову, он состоит на службе почти столько лет, сколько Вы живете на свете и он во всем Вам даст толковый совет и наставление. Послушайте меня и Вы не проиграете», закончил Асеев и мы распрощались.

Своей беседой с Асеевым я поделился с дамами гусарскаго полка и от них я узнал о Черемисенове. Он свою всю жизнь и службу провел в Ахтыре, женат на сестре известного писателя Арцыбашева, также аборигена города Ахтырки, который брал типы героев для своих романов из того-же полка, где служил Черемесенов, при чем в романе «Санин» он описал поручика Зарубина, назвав его Зарудиным.

Мне так-же по «секрету» было сказано одной дамой, что Черемисенов, будучи женат на сестре Арцыбашева, одновременно разделял ложе с незамужней сестрой писателя

«Ну, чтож», ответил я, «поэтому Черемесенов и имеет такой большой жизненный опыт».

Распрощавшись со своими Чугуевскими знакомыми, я погрузил своих верховых лошадей и седла в товарный вагон и разместившись с конным вестовым у дверей вагона на сене, тронулись в путь. В Харькове, для ускорения переезда, комен-

дант станции прицепил мой вагон к пассажирскому поезду.

С грохотом, стуком и сильными размахами нашего товарного вагона, бегущего в хвосте пассажирскаго поезда, мы мчались на запад к австрийской границе. Потянулась моя родная Полтавщина, а за ней Святая Киевщина. Мелькали села и деревни, расположенные на берегах рек или по долинам у небольших перелесков с маленькими, но чистыми, белыми хатками, как гнезда утопавших в вишневых садочках. Кругом виднелись необозримые поля, покрытые ровными рядами копен собранного урожая, а вдоль пути росли большие, желтые подсолнухи, склонившись они покачивались, както бы кланяясь проходящему поезду. По дорогам тянулись вереницы возов, нагруженных снопами хлебных злаков.

Переехали «ДНЕПР ШИРОКИЙ И ГЛУБОКИЙ» и дальше скоро покатили по Волыни, где некогда наши запорожцы буйно гуляли по поместьям польских панов, жгли ксензов и вешали евреев, «за осквернение» на Украине православных храмов.

На всем этом громадном, проеханном мною пространстве, жизнь текла своим обычным и тихим путем, а там, недалеко за рубежом, уж грохотали пушки.

Приехав на стан. Шепетовка Юго-Западной ж. д., я от коменданта этой станции узнал, что 10-я кав. дивизия высадилась в Шепетовке и ушла в Галицию, ввиду объявления Австрией войны России.

Мне пришлось ехать дальше в город Радзивилов, где не подалеку расположился штаб 3-й армии, от которой я надеялся узнать о месте нахождения нашей дивизии.

Выгрузив лошадей на ст. Радзивилов, я поехал в штаб армии.

«Не так легко будет Вам найти Вашу дивизию», сказал мне начальник оперативнаго отделения штаба армии, «Я могу лишь указать, где она ночевала вчера, но где она находится сегодня и куда двинется завтра, это знает лишь Граф Келлер. Поезжайте в тот район, где дивизия была вчера и там ее ищите, но будьте осторожны, и не попадитесь неприятелю, т. к. Граф Келлер, оперирует впереди всей Армии и Вы легко можете встретить противника».

Отметив по карте пункт вчерашней ночевки дивизии и взяв кратчайшее направление, я, со своим конным вестовым, отправился на ея поиски.

Переехав русско-австрийскую границу между Радзивило-

вым и Бродами, где стоял каменный столб с надписью на одной стороне «Россия», а на другой «Австрия»; при чем слово «Австрия» было кем-то зачеркнуто и написано: «Тоже Россия», я повернул на Юго-Запад и поехал проселочной дорогой, по территории Австрии. Та-же ровная местность, с небольшими холмами и перелесками, что и на Волыне, те-же деревни и села с белыми хатами под соломенной крышей и тот-же украинский язык показывают, что когда-то Галиция была разделена не этнографически, а политически.

Часто приходилось проезжать мимо красивых фольварков польских помещиков и через длинные, торговые еврейские местечки.

Австрийская администрация, почти все помещики и богатые евреи бежали в глубь Австрии, но беднота и крестьяне остались на местах, на них и пала вся тяжесть войны.

Погода стояла теплая, тихая и солнечная и только паутина, плавающая в воздухе, напоминала о начале «Бабьяго лета».

На протяжении всего моего пути и кругом, насколько можно было видить глазом, все населенные пункты и рощи были наводнены артиллерийскими парками, полевыми передовыми госпиталями и обозами русской армии.

«Что если-бы, не дай Бог, сюда ворвалось-бы две, три неприятельских кавалерийских дивизий, с каким-бы ужасом и шумом взбушевалось-бы это море колес, людей и лошадей» думал я.

Но зоркое око Графа Келлера тщательно стерегло противника и его решительные действия парализовали активность неприятельской кавалерии, настолько сильно, что Австрийский Генеральный штаб совершенно не имел донесений о движении русской армии, а наша пехота, за завесой кавалерии, спокойно производила свое стратегическое разворачивание.

Позже я опишу, какая колоссальная катастрофа грозила тылу нашей армии в Галиции, еслибы этого не предотвратил Граф Келлер.

Было уже около полудня, солнце стало довольно сильно пригревать; мои лошади от жары и продолжительного похода вспотели и начали уставать, нужно было дать им передышку и я заехал в рощу, где на берегу пруда, у фольварка расположился передовой отряд краснаго креста. Миловидные, молодые сестры милосердия были очень любезны и сей-

час-же предложили мне и моему вестовому закусить, а лошадям отпустили корм, из своего обоза. Отдохнув и поболтав с сестрами о текущих событиях и, в шутку, попугав их прорывом неприятельской кавалерии и грозящей им опасности попасть в плен, я двинулся дальше.

Скоро обозы стали редеть, а по дорогам были видны колонны нашей пехоты и артиллерии, двигавшиеся со мной в одном направлении на Юго-Запад. Часа через два быстрой езды я, наконец, обогнал эти колонны и дальше никаких войск уже не было видно и лишь впереди стали более ясно слышны орудийные выстрелы.

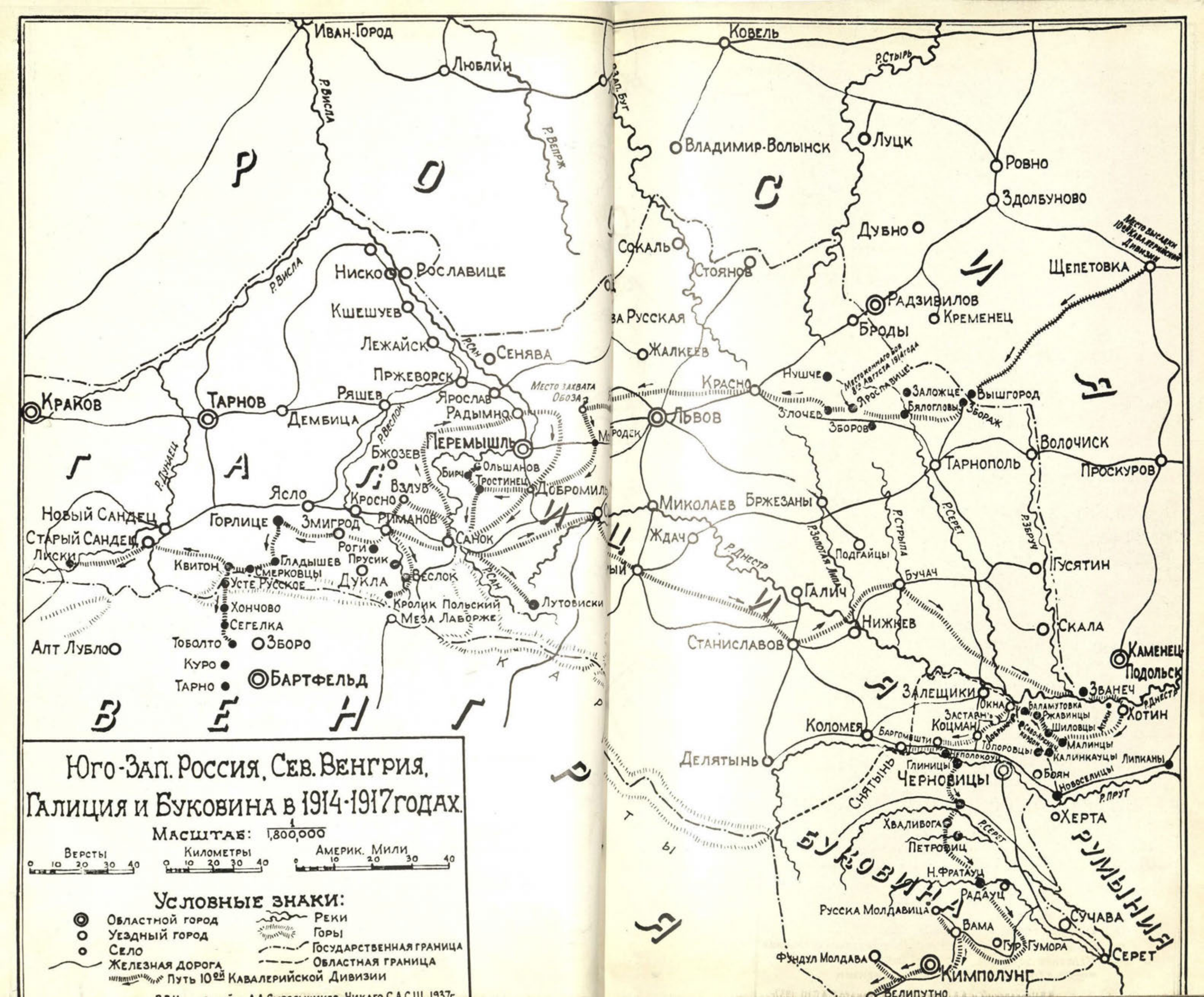
Я понял, что линия пехотных авангардов окончилась, впереди дерется кавалерия и, что такое положение для меня самое опасное, т. к. можно легко встретит неприятельский раз'езд или вообще кавалерийскую часть и быть захваченным в плен, и я стал двигаться очень осторожно: прежде, чем в'ехать в населенный пунк или рощу я тщательно их просматривал в бинокль, и только убедившись в отсутствии противника, ехал дальше.

И так, от рубежа к рубежу, я все ближе и ближе приближался к пукту, где вчера ночевала наша дивизия. Определив по карте, что впереди лежащая деревня и есть та, которая была указана мне в штабе армии, я начал ее осматривать в бинокль.

Вообразите мое удивление и разочарование, когда я увидел там австрийских кавалеристов в касках, киверах и ментиках, раз'езжающих по этому селу.

Вначале я не знал на что решиться. Вернуться назад к пехоте или обойти это село и ехать на выстрелы, кои были слышны в полуоборот налево и впереди от этого пункта. Но прежде чем принять то или иное решение, я заехал в кусты и, спрятав там лошадей и вестового, сам взлез на дерево и начал в бинокль тщательно наблюдать кругом не покажутся ли, где либо, наши.

Прошло почти полчаса, а наших войск нигде не было видно; но вдруг, неожиданно, в деревне, где были австрийцы, я заметил между ними русских солдат. Безусловно, это были пленные, но кто? Австрийцы у русских или русские у австрийцев? Наконец я обнаружил, что некоторые русские были при оружии, а поэтому они не могли быть пленными и я поехал в злополучную деревню. Оказалось, что в ней нет австрийцев, а были русские солдаты, одетые в австрийскую кавалерий-

Юго-Зап. Россия, Сев. Венгрия, Галиция и Буковина в 1914-1917 годах.
Масштаб: 1/1,800,000
Версты 0 10 20 30 40
Километры 0 10 20 30 40
Америк. Мили 0 10 20 30 40
Условные знаки:
Областной город
Уездный город
Село
Железная дорога
Реки
Горы
Государственная граница
Областная граница
Путь 10ой Кавалерийской Дивизии
Р О С С И Я
Г А Л И Ц И Я
В Е Н Г Р И Я
Буковина
Румыния
Иван-Город
Люблин
Ковель
Р. Висла
Р. Вепрж
Р. Зап. Буг
Р. Стырь
Владимир-Волынск
Луцк
Ровно
Здолбуново
Дубно
Место высадки 10ой Кавалерийской Дивизии
Щепетовка
Сокаль
Стоянов
Радзивилов
Кременец
Броды
Нисско
Рославице
Кшешуев
Лежайск
Р. Сан
Сенява
Жалкев
Пржеворск
Ярослав
Радымно
Место захвата обоза
Нушче
Место конного боя 8го августа 1914 года
Ярославице
Заложце
Вышгород
Красно
Злочев
Бялогловы
Зборов
Збораж
Львов
Краков
Тарнов
Дембица
Ряшев
Р. Веслок
Перемышль
Бжозев
Ольшанов
Бирча
Тростинец
Добромиль
Р. Дунаец
Ясло
Кросно
Взлув
Римманов
Змигрод
Горлице
Новый Сандец
Старый Сандец
Лиски
Роги
Санок
Гладышев
Прусик
Квитон
Смерковцы
Уств Русское
Дукла
Веслок
Кролик Польский
Меза Лаборже
Лутовиски
Хончово
Сегелка
Тоболто
Зборо
Куро
Тарно
Бартфельд
Алт Лубло
Миколаев
Бржезаны
Ждач
Р. Днестр
Р. Золотая Липа
Подгайцы
Р. Стрыпа
Р. Серет
Р. Збруч
Волочиск
Тарнополь
Проскуров
Гусятин
Бучач
Галич
Нижнев
Станиславов
Скала
Каменец-Подольск
Залещики
Звенец
Р. Днестр
Окна
Баламутовка
Ржавинцы
Шиловцы
Хотин
Застав'я
Коцман
Баргомешти
Коломея
Малинцы
Топоровцы
Калинкауцы
Липканы
Делятынь
Глиницы
Черновицы
Боян
Новоселицы
Р. Прут
Снятынь
Херта
Хваливога
Петровиц
Р. Серет
Н. Фратауц
Радауц
Русска Молдавица
Сучава
Вама
Гур. Гумора
Серет
Фундул Молдава
Кимполунг

скую форму и раз'езжающие на австрийских лошадях и седлах.

«Кто стоит в этой деревне?» спросил я, встреченнаго солдата — татарина, с узкими, но прозорливыми глазами.

«Патронна двуколки, 10-й кав. дывызыи». ответил он мне.

«Что это вы нарядились в австрийскую форму, думаете в ней ехать на разведку», шутя, сказал я ему.

«Как нет; давнось, «Мы» забилы австриацку, кавалерску дывызыю, забрали много шашка, конь и седла, а теперь наши ребята оделся их форму и потешаются», ответил мне татарин, улыбаясь до ушей.

«А где гусарский обоз?» спросил я его.

«Ежжай прямо по улица, там около цэрква увыдышь гусарска патронна двуколки стоит», объяснил мне солдат-татарин, симпатично коверкая русские слова.

От начальника обоза я узнал, что наша дивизия с раннего утра ведет бой, верстах в семи к юго-западу от этой деревни.

День клонился к вечеру и я, наскоро, выпив чаю у начальника обоза, поспешил выехать к месту боя дивизии, что-бы до наступления темноты, отыскать свой полк.

Как только я выехал из деревни, уже ясно была слышна не только артиллерийская стрельба, но и клокотанье пулеметов и ружейная трескотня.

Солнце закатывалось за горизонт, когда я въехал в местечко, где происходил бой.

Артиллерийская стрельба стихла и лишь изредка впереди были слышны одиночные ружейные выстрелы, да иногда над головой пролетали шальныя пули противника.

В местечке я встретил коноводов полка, от которых узнал, что Граф Келлер и Командир нашего полка находятся на околице местечка, где гусары роют окопы.

Оставив лошадей во дворе штаба полка, я пошел на западную околицу местечка. Это был довольно большой населенный торговый пункт, расположенный на возвышенности и прорезанный широким шоссе. Некоторые дома горели от взрыва гранат, а многие были пробиты снарядами; оконные стекла почти всех домов были разбиты сотрясением воздуха; жителей на улицах совершенно не было видно, все они от страха попрятались в подвалы и погреба, откуда был слышен плач женщин и детей.

Вдоль окраины местечка, по обе стороны шоссе, гусары, неумело, малыми шанцевыми лопатками рыли мелкие окопы.

Я взглянул на эти не окопы, а бороздки и мне вспомнились слова японского Генерала Куроки: «Перейдя реку Ялу, я нашел русские окопы детскими».

Если в пехоте, до русско-японской войны мало обращали внимание на практику постройки основательных окопов, то в кавалерии не только к окопам, но даже к стрельбе относились скептически.

Покоясь на традициях давно прошедших войн, когда ружья стреляли на сто-триста шагов, а кавалерия была царицей полей сражений, наша инспекция кавалерии никак не могла примириться с мыслей, применения конницы в траншеях на равне с пехотой, благодаря этому в кавалерии весьма слабо было постановлено дело по обучению стрельбе и боевым действиям конницы в пешем строю.

У последней халупы (халупой в Галиции называют деревенские дома) стояла группа офицеров гусарского полка; при моем приближении на их лицах появилось некоторое смущение; все стали усиленно смотреть в мою сторону и оправлять на себе амуницию, особенно тщательно отдергивал свой китель и подтягивал боевой, поясной ремень и шашку маленького роста, коренастый лет 50-ти Полковник с бритым лицом, похожим на театральнаго комика или польского ксенза.

«Вот, этот Полковник Богородский и есть наш новый командир полка, назначенный вместо Асеева», об'яснил мне сопровождавший меня гусар.

«Как Вы нас напугали», улыбаясь сказал мне Богородский, когда я ему представился, «разнесся слух, о приезде Главковерха В. К. Николая Николаевича на фронт, а приехавший гусар из обоза доложил, что Н. Н. послал своего ад'ютанта осмотреть нашу дивизию и, что гусар лично видел этого ад'ютанта, молодого полковника, уже с Георгиевским крестом, едущаго к нам».

«Я был ординарцем у Николая Николаевича, но это было уже давно, когда я еще был Ротмистром в 1907 и 8 годах», тоже с улыбкой, ответил я Богородскому.

Здороваясь с офицерами, я встретил Ротмистра И. Г. Барбовича с которым проходил курс офицерской кавалерийской школы и двух молодых офицеров, моих сослуживцев по Приморскому драг. полку, это были единственные гусары, Ингерманландцы, коих я знал раньше.

«Пока Граф Келлер не ушел, идите представьтесь ему»,

сказал мне Богородский, указывая на группу офицеров, стоящих на другой стороне шоссе, среди которых выделялась импозантная фигура Графа; он разговаривал с начальником штаба дивизии Полковником генерального штаба Агапеевым и Капитаном Сливинским.

Во время моего рапорта, Граф своим орлиным взглядом измерил меня с головы до ног и остановил свой пытливый глаз на моем Георгиевском белом кресте (тогда еще в дивизии никто из офицеров не имел Георгиевскаго креста. Я получил этот крест в русско-японскую войну) видимо заинтересовавшись красотой этого ордена, к которому он был уже представлен.

«А, что Вы так долго не приезжали?» спросил Граф, когда я кончил свой рапорт.

«Вы-же сами, Ваше Сиятельство, разрешили меня оставить до полкового смотра Приморских драгун», ответил я Графу.

«О, да, да, я теперь об этом вспомнил, ну хорошо идите и знакомьтесь с полком, а то мы завтра рано выступаем дальше», сказал Граф, подавая мне руку.

Невдалеке стояли три молодых офицера, ординарцы штаба дивизии, было уже довольно темно, когда я подошел к ним поздороваться и к удивлению моему, один из ординарцев оказалась молодая, миловидная худенькая, небольшого роста женщина, одетая в офицерский китель, с погонами рядового солдата, в синих чакчирах (штанах) и высоких сапогах со шпорами. Из под фуражки виднелась красивая, каштаннаго цвета, туго заплетенная коса, спущенная под воротник кителя.

Это была Софья Владимировна Федорова, жена Ротмистра 10-го уланского Одесского полка. В день мобилизации она предложила штабу дивизии два своих дорогих автомобиля, при условии, что-бы ее взяли в поход, как шоффера. К удивлению всех, Граф на это согласился и стех пор М-м Федорова, неустанно следовала за дивизией: она держала связь дивизии с армией, доставляла донесения и привозила приказания, эвакуировала раненных и подвозила патроны.

Долгое время она работала на автомобиле, пока можно было пользоваться шоссейной дорогой, но когда дивизия начала маневрировать по проселочным дорогам или прямо по полям, Федорова пересела на лошадь и сделалась неутомимым

ординарцем, не уступая в работе офицерам ни в походе, ни в бою. Не смотря на ея изнеженное воспитание и привычку к роскошной жизни она терпеливо и безропотно переносила все трудности и лишения военно-походной обстановки: часто во время тяжелых боев голодала или питалась сухарями с водой, неоднократно спала под открытым небом или в халупе на полу, положив под голову сноп соломы.

Разпрощавшись с М-м Федоровой и другими ординарцами штаба дивизии, я вернулся на квартиру штаба полка и там уже застал Командира полка Богородского, Подполковника фон-Кюгельхен и Опатовича, полкового ад'ютанта Штаб-Ротмистра Лугового и Поручика Рясьнянского, только что окончившого военную академию и взятого в штаб полка в помощь ад'ютанту по ведению оперативных дел полка.

Фон-Кюгельхен был высокого роста, красивый мущина лет 42-х, брюнет, по внешности напоминающий скорее южно-русское происхождение, нежели немецкое. О его боевых качествах я ничего не могу сказать, т. к. он вскоре перевелся в другой полк и мне не пришлось с ним участвовать в больших боях, но мне говорили, что он в бою держал себя очень хорошо.

Опатович — грузный мущина с широкими египетскими плечами, с большими пышными усами представлял собой типичнаго польского обывателя, недюжих умственных способностей, в бою держал себя по-стольку по-скольку это необходимо; без инициативы и решительности он больше смотрел, где находится Граф Келлер, чем на неприятеля. В жизни был очень скромный, трезвый и бережливый, но не смотря на свой 53-х летний возраст, весьма любил поухаживать за молоденькими девченками, преимущественно из общества швеек и горничных, делая это очень скрыто и мало кто знал о его похождениях.

Расьнянский был человек неглупый, деловой и в бою держал себя прекрасно.

Луговой был способный офицер, но ленивый и поклонник «Бахуса» и на этой почве сделался большим другом Командира полка Богородского, который оказался хороший человек, старый опытный служака, честный и храбрый офицер и не смотря на свой 52-х летний возраст, был довольно выносливый и энергичный Командир, но любивший выпить. Граф Келлер за что-то его не взлюбил и скоро его с'ел.

В обыденной жизни Богородский был веселый собеседник, интересный разсказчик разных историй и анекдотов и артистически копировал разных типов, особенно евреев. В первый же вечер он с большим юмором охарактеризовал командный состав дивизии, и любил посмеяться над Опатовичем. Они были много лет сослуживцы по 11-ой кавалерийской дивизии, были хорошими друзьями и Богородский называл Опатовича просто «Опат».

«Смотрите держитесь на стоянках от «Опата» подальше, а то он отобьет у Вас всех молоденьких девочек», сказал шутя мне Богородский.

«Но, мы по этому поводу с Опатовичем не поссоримся», ответил я тоже в шутку, «мне нравятся женщины в возрасте от 35-ти и старше, а ему не старше 20-ти».

«В таком случае, ад'ютант, отдайте приказание квартирьерам, отводить квартиру для Чеславского и Опата в таком доме, где имеется миловидная хозяюшка, лет на 40, с молоденькими дочерями; Чеславвский будет «утешать мамашу», а Опат «ухаживать за дочками», сказал смеясь Богородский.

Затем мне разсказали о мобилизации полка, о переезде на фронт и о тех боях, кои полк имел до моего приезда, о чем я посвящаю особую главу.

Ночь была тихая, теплая, но безлучная и мириады звезд ярко сверкали в темной бездне.

В сторожевом охранении было спокойно и лишь изредка слышались одиночные ружейные выстрелы, перестреливающихся постов и разведчиков.

Утомленный длинным переездом и переживанием дня я быстро усул.

◆◆◆◆

A

ОСОБАЯ ГЛАВА.

По мобилизации вся кавалерия Киевскаго военнаго округа, состоящая из 7, 9, 10, 11, 12 и одной сводно-казачьей дивизий, была придвинута к австрийской границе, а т. к. Австрия об'явила войну России, на пять дней позже Германии, то русскому командованию удалось перебросить на австрийский фронт гораздо больше войск, чем предусматривалось, за этот период, планом мобилизации, а среди них была подвезена из центра России отдельная кавалерийская бригада, Новомиргородский и Новоархангельский уланские полки, под командой Генерала Вановскаго.

В день об'явления войны почти вся, вышеуказанная, кавалерия перешла австрийскую границу. С своей же стороны австрийское командование также двинуло свои кавалерийския дивизии к русской границе.

Одна из венгерских гусарских дивизий была направлена на город Владимир-Волынск, где в мирное время стоял 7-ой гусарский Белорусский полк, с двумя конными батареями и Лб. Бородинским пехотным полком, а по мибилизации в этом раионе была сосредоточена 7-я кавалерийская дивизия и отдельная бригада Генерала Вановскаго.

Одна бригада 7-ой кав. дивизии, под командой Генерала Рубец и отдельная бригада Вановскаго были двинуты в направлении г. Львова и шли параллельно. В промежутке между этими бригадами прошла венгерская гусарская дивизия, при чем ни русские, ни венгерцы не заметили один другого. Русския бригады пошли на Львов, а венгерцы подошли к Владимир-Волынску, где оставался только пехотный полк.

Пограничная стража сообщила командиру пехотнаго полка, о приближении неприятеля. Роты заканчивали мобилизацию и укладывали вещи, когда был подан сигнал «Тревога», по которому солдаты быстро выстроились у своих казарм. В это время, венгерская кавалерия выходила из леса и разворачивалась, для атаки. Лб. Бородинцы, частью заняли имевшиеся стенки и заборы, а главным образом роты спиной вплотную стали к стенам казарм.

Подпустив на несколько сот шагов, несущихся на них венгерских гусар, Бородинцы открыли по ним ураганный огонь.

Раненные и убитые всадники неприятельской кавалерии

стали массами падать с седел или валиться на землю, вместе с убитыми и тяжело раненными лошадьми.

Сотни коней без седаков поскакали во все стороны, но храбрые венгерские гусары все же неслись вперед, подскакав почти к зданию казарм, откуда Бородинцы посылали им навстречу тысячи пуль, вырывая жертвы из рядов атакующей кавалерии.

Окончательно разстроенная кавалерия, наконец, не выдержала и понеслась назад в лес, оставив на месте массу гусар и лошадей.

Наша пехота, будучи уверена в полное поражение неприятеля, послала санитаров собирать раненных и убитых, как вдруг увидела опять массу кавалерии, несущуюся из леса к пехотным казармам.

Роты заняли прежнее положение и вторично отбили венгерских гусар.

На этот раз кавалерия повернула назад раньше, чем при первой атаке. Все же гусары пробовали атаковать в третий раз, вероятно, уже последними своими резервоми, но и на этот раз были отбиты с большими потерями и, ускакав в лес, больше не рискнули на атаку.

По мнению наших пехотных офицеров, атаки венгерских гусар были произведены с большим порывом и решительностью, но безразсудно, благодаря чему они понесли огромныя потери.

Другая австрийская кавалерийская дивизия, направленная к русско- австрийской границе, по реке Сбруч, имела лучший успех. Она потеснила казаков сводной казачей дивизии, переправилась через реку Сбруч и заняла город Каменец-Подольск, но вскоре была выбита оттуда нашей пехотой.

10-я кавалерийская дивизия, под командой начальника этой дивизии, Генерала Графа Ф. А. Келлер, в день об'явления войны Австрией, перешла русско-австрийскую границу между местечком Вышгородок, на русской стороне и австрийским городом Збораж, где имела первое столкновение с австрийскими небольшими отрядами.

Очистив этот город от неприятельских войск, дивизия продолжала движение в направлении Львова (Лемберга), самого большого и самого важного в стратегическом отношении города, Восточной Галиции.

Двигаясь во главе войск 10 армейскаго корпуса, дивизия производила разведку противника, прикрывала движения на-

ших войск, теснила передовыя части австрийцев и далее, встречая сильные авангарды неприятеля, заставляла их разворачиваться, а с подходом нашей пехоты, участвовала вместе с нею в боях с крупными силами австрийской армии.

Довольно большой бой произошел 7-го Августа (ст. ст) западнее города Тарнополя, в районе железной дороги Тарнополь-Львов, восточнее Львова, близь г. Злочев.

Рано утром показались большия колонны противника, двигающиеся от Львова в направлении Тарнополя.

Конныя батареи нашей дивизии, шрапнельным огнем заставили авангард противника развернуться. Вскоре подошли пехотныя части 10-го корпуса и вступили в бой с наступающим неприятелем.

Несколько русских полевых батарей присоединились к конной артиллерии Графа Келлер и начали смертоносно поражать противника. Австрийцы проявили невероятную храбрость, они шли громадными колоннами все вперед и вперед, не обращая внимания, на то, что русская артиллерия вырывала из их рядов сотни убитых и рененных.

Наконец, обе стороны сошлись на разстояние ружейнаго выстрела и по всему фронту раздался треск пулеметов и винтовок, посылающих миллионы пуль и тысячи смертей один другому.

Австрийцы пытались наступать весь день, но всякий раз, как только их колонны показывались из леса, русская артиллерия и пулеметы косили их, и храбро наступающие солдаты валились на землю, как подкошенные снопы. Только к вечеру наступил перелом боя и австрийския войска начали отступать.

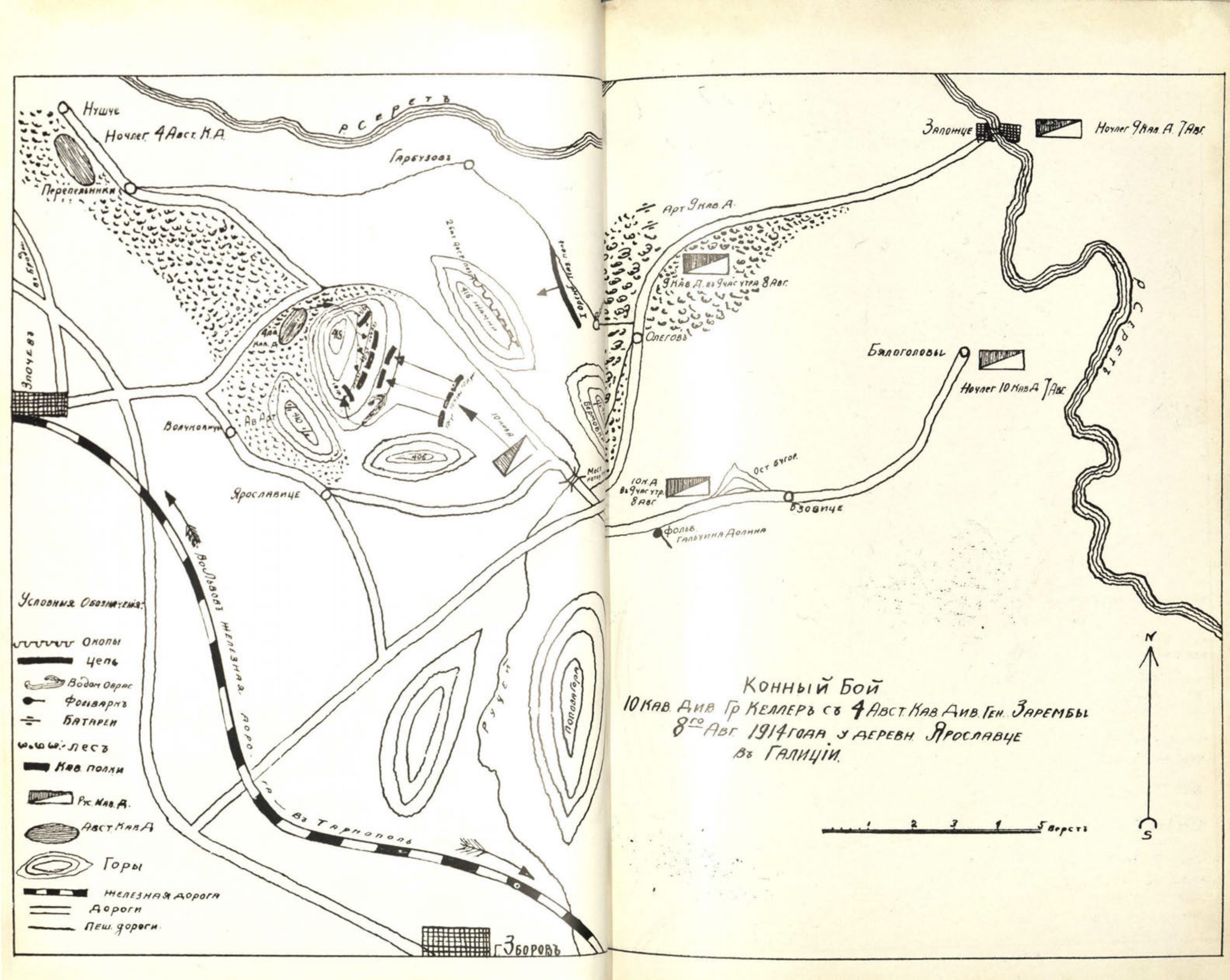
Граф Келлер бросил несколько эскадронов для преследования, кои, настигнув противника уже в лесу, понесли тяжелыя потери.

Особенно много было убитых и раненных в 3-м эскадроне 10-го гусарскаго Ингерманландскаго полка, где был убит и сам командир эскадрона Ротмистр Оленич.

Только к полуночи дивизия собралась в деревню Бялогловы, где и ночевала.

Утром 8-го Августа, перед выходом, Гр. Келлер приказал снести всех убитых, во вчерашнем бою, и похоронить их в общей могиле.

Под'ехавший священник гусарскаго полка О. Василий Копецкий отслужил панихиду, на которой присутствовали не-

Конный Бой
10 Кав. Див. Гр. Келлеръ съ 4 Авст. Кав. Див. Ген. Зарембы
8го Авг. 1914 года у деревн. Ярославце
въ Галиціи.
Условныя Обозначенія:
Окопы
Цепь
Водом. Оврас.
Фольварк
Батареи
лесъ
Кав. полки
Рус. Кав. Д.
Авст. Кав. Д.
Горы
Железная дорога
Дороги
Пеш. дороги
р. Серетъ
Нушче
Ночлег 4 Авст. К.Д.
Гарбузовъ
Перепельники
Залошце
Ночлег 9 Кав. Д. 7 Авг.
Арт. 9 Кав. Д.
9 Кав. Д. въ 9 час утра 8 Авг.
Олеговъ
Бялоголовы
Ночлег 10 Кав. Д. 7 Авг.
Злочевъ
Волчковцы
Ярославице
Ав. Арт.
406
10 Кав. Д. въ 9 час. утр. 8 Авг.
Ост. бугор.
Бзовице
Фольв. Гальчина Долина
Во Львовъ Железная дорога
въ Тарнополь
Г. Зборовъ
Попова Гора
Серетъ
5 верстъ
N
S

которые чины полков дивизии, во главе с Гр. Келлер, поэтому дивизия выступила из деревни Бялогловы только в 8 часов, вместо обычнаго ежедневнаго выступления в 5 или 6 часов утра.

На 8-ое Августа, Гр. Келлер получил задание двигаться из деревни Бялогловы на Зборов. Севернее 10-й, шла 9-я кавалерийская дивизия, под командой Генерала, Князя Бегильдеева, которая ночевала в Заложце и должна была занять город Злочев.

Такую задачу имела русская кавалерия, перейдя реку Серет Галицийский. В то время, австрийское командование решило 4-ой, 8-ой кавалерийскими и 11-ой пехотной дивизиями, с поддержкой ландверных батальонов, ударить по тылу русских войск, уничтожить обозы и разрушить комуникацию, о чем я упоменал на 17-ой странице этой книги.

Начальник 4-ой австрийской кав. дивизии, Генерал Фон Заремба, на ночлеге в деревнях Нушче-Перепельники, получил приказание 8-го Августа перейти в город Зборов, куда подойдут 11-ая пехотная и 8-я кавалерийская австрийския дивизии. Пехотная дивизия должна прибыть к Зборову, с юго-запада от Брежезан, а 8-я кавалерийская с юго-востока от Тарнополя.

В 4 часа утра, 8-го Августа Генерал фон Заремба выступил со своей 4-ой дивизией из дер. Нушче на г. Зборов, в составе 9-го и 15-го драгунских, 1-го и 13-го уланских полков, двух конных батарей, двух батальонов пехоты, при 8-ми пулеметах.

Недоходя пяти верст к этому городу, Заремба узнал, что в Зборове нет ни 8-ой кав., ни 11-ой пех. дивизий, в то же время он получил донесение, что со стороны Заложце двигается большая колонна русской кавалерии. Это была 9-я кав. дивизия Генерала Бегильдеева. О присутствии же дивизии Графа Келлер, Заремба не имел сведений. Опасаясь, что русская кавалерия, двигающаяся из Заложце, выйдет ему в тыл, Заремба решил повернуть дивизию обратно, на север, и занять выжидательное положение, южнее деревни Ярославице, а пехотным своим батальонам, он приказал занять позицию на высотах номер -416 под названием —Жамни.

Около 9-ти часов утра авангард русской 9-ой кавалер. дивизии, подойдя к деревне Олегов заметил неприятельскую пехоту, занимавшую позицию на высотах Жамни, начал обстреливать ее артиллерийским огнем.

Д

К этому времени 10-ая кав. дивизия, пройдя дер. Бзовице, подошла к высоте Острый Бугор, западнее фольварка Гальчина Долина, где Граф Келлер, услыхав стрельбу, со стороны 9-ой кав. див., решил немедленно идти ей на помощь и приказал 1-му Оренбургскому казачьему полку, идущему в авангарде, повернуть на север, в направлении дер. Олегов.

Пройдя эту деревню, казаки повернули на запад и у деревни Допушаны вступили в бой с австрийской пехотой.

Заметив это Гр. Келлер приказал своей конной артиллерии, выехать на позицию, юго-западнее дер. Олегова, на Беремовския высоты и обстрелять пехоту противника.

Батальоны, занимавшие высоты Жамни, попав под перекрестный огонь русской артиллерии, стали покидать позицию.

Генерал Заремба, стоя на высоте восточнее дер. Ярославице, лично увидел, как его батальоны, в безпорядке, бежали на запад.

К этому времени его дивизия подошла и начала строиться, где ей было указано, т. е. в долине южнее дер. Ярославице. Дождей давно не было, почва была очень сухая благодаря чему, строившаяся дивизия подняла громадную пыль.

Артиллеристы 10-ой кав. див. заметив это, открыли по ней шрапнельный огонь и, несмотря на то, что они не видели, кто подымает пыль, все же их снаряды так удачно рвались над неприятельской кавалерией, что она, в безпорядке поскакала через дер. Ярославице, запруженную австрийскими обозами, произведя в них панику.

Полки были так потрясены, что начальнику дивизии, Генералу фон Заремба, едва удалось их собрать и привести в порядок, в лощине восточнее деревни Волчковце.

Здесь он построил свою дивизию фронтом на Восток, позади гребня, высоты номер 418, предполагая атаковать русскую кавалерию, наступающую со стороны Заложце, т. е. 9-ую кав. дивизию.

Конным же батареям он приказал занять позицию на возвышенности номер 410 и обстреливать высоты Беремовки, откуда артиллерия 10-ой кав дивизии стреляла, по австрийской пехоте.

Как только неприятельские снаряды полетели на позицию наших конных батарей, последния прекратили стрельбу по пехоте и перенесли огонь по артиллерии, Генерала фон Зарембы.

Е

Завязалась жестокая дуэль между австрийскими и русскими конными батареями.

Вскоре к Графу Келлер, со стороны неприятеля, прискакал раз'езд 9-го гусарскаго Киевскаго полка, под командой офицера, который доложил, что он недавно лично, видел неприятельскую кавалерийскую дивизию, стоявшую у леса, за высотой —418.

«Поезжайте скорее в Вашу дивизию», сказал Граф, »доложите обо всем Князю Бегильдееву и скажите ему, что я пойду на неприятельскую кавалерию и прошу 9-тую дивизию, меня поддержать».

Киевский гусарский раз'езд поскакал к своему полку, а Граф Келлер повернул свою дивизию на Запад и повел ее, по проселочной дороге, в направлении деревни Ярославице. Таким образом 10-я кав. дивизия, невольно, сделалась авангардом 9-ой кав. дивизии.

Т. к. 1-ый Оренбургский казачий полк, шедший в авангарде, продолжал вести бой с неприятельской пехотой, Граф Келлер приказал 10-му драгун. Новгородскому полку выдвинуться авангардом в новом направлении. За драгунским полком пошли, снявшаяся с позиции, конная артиллерия и остальные полки дивизии.

В это время раз'езд 10-го гус. Ингерманландскаго полка подтвердил сведения раз'езда Киевских гусар, о присутствии неприятельской кавалерии, за высотой — 418.

Пройдя некоторое пространство, дивизии пришлось, по деревянному мостику, переходить ручей. Драгуны и два орудия перешли благополучно, но под 3-м орудием мостик провалился. Ручей оказался не широким, но очень глубоким, а главное топкий, с болотистыми берегами, совершенно непроходимый вброд.

Создалось положение довольно опасное, — драгуны и два орудия находились по ту сторону ручья, а остальная артиллерия, уланский и гусарский полки на этом берегу. Между-тем, каждый момент, можно было ожидать, появления австрийской кавалерии.

Граф Келлер, волнуясь внутренне, наружно был спокоен и терпеливо наблюдал, пока конно артиллеристы вытащили, провалившуюся пушку и исправили мостик.

Подведя дивизию к деревне Ярославице, Граф остановил ее, восточнее возвышенности — 418; таким образом получилось, что 4-я австрийская дивизия стояла за хребтом,

с западной стороны, высоты —418, а наша дивизия у подножья восточной стороны, указанной высоты.

Граф Келлер выехал вперед на соседнюю высоту, номер 406, чтобы выяснить обстановку, как, неожиданно, прямо перед собой, на близком разстоянии увидел две австрийския батареи, стоявшия на позиции, а правее их двигалась, из-за хребта высоты 410, голубой лентой громадная колонна австрийской конницы, в парадных мундирах, с ментиками, в касках и киверах. Впечатление получилось, что они идут на парад.

Не колеблясь ни минуты, Граф Келлер решил атаковать неприятельскую кавалерию и приказал трубить «поход», «все», и «по переднему уступу».

Полковые трубачи повторили сигнал, поданный Графом Келлер, по которому полки галопом вынеслись вперед и построили развернутый фронт.

Все было так неожиданно, что полки построили развернутый фронт в одну линию, не оставив ни резерва, ни висячих на флангах эскадронов, для парирования фланговой атаки противника, как это требуется строевым кавалерийским уставом, при построении боевого порядка полка при атаке неприятельской кавалерии.

«Лихой в пешем строю», (Смот. стр. 50 этой книги). Командир бригады, Генерал Марков, вместо того, чтобы вести свою бригаду в атаку, крикнул: «Ну, с Богом» и сам изчез так, что никто его, в течение всего боя, не видел и никто не может сказать, где он был все это время. (Смот. стр. 214 и 215 этой книги).

Полки, в развернутом строю, галопом поскакали вперед; за горой не видели неприятеля и не знали сколько его, где он и что он делает.

Проскакав некоторое пространство, между Ингерманландскими гусарами и Одесскими уланами попался водомойный овраг, постепенно отходящий влево, от общаго направления атаки, что заставило гусар забирать влево все больше и больше, и, наконец, они потеряли из вида левый фланг улан.

Драгуны-же и уланы все время держали направление прямо, подымаясь на под'ем высоты, как вдруг, неожиданно, увидели перед собой линию неприятельской кавалерии, несущуюся прямо на них.

У австрийцев в первой линии шли 13-ый уланский и15-

Начальник 10-ой кавалерийской дивизии Генерал Ф. А. Граф Келлер.

Начальник 4-ой австрийской кавалерийской дивизии Генерал Фон Заремба.

СПИТЕ ОРЛЫ БОЕВЫЕ.

Спите, орлы боевые,
Спите с спокойной душой'
Вы заслужили, родные,
Славу и вечный покой.

Долго и тяжко страдали
Вы за отчизну свою,
Много вы грома слыхали,
Много и стонов в бою.

Автор книги в гор. Ковно в 1910 году.

Ныне забывши былое —
Раны, тревоги, труды,
Вы под могильной землею
Тесно сомкнули ряды.

Спите ж, орлы боевые,
Спите с покойной душой!
Вы заслужили, родные
Славу и вечный покой!..

ый драгунский, а во второй 1ый уланский и 9-ый драгунский полки.

Хотя русские кавалерийские полки состояли из шести эскадронов, а австрийские из четырех, но, как я уже упоминал, от каждаго кавалерийскаго полка в начале войны было взято по два эскадрона, для обслуживания пехоты, до прибытия на фронт казачьих полков 2-ой и3-ей очереди, поэтому 8-го Августа 1914 года, наша 10-я кавалерийская дивизия по силам была равная 4-ой австрийской дивизии, Генерала Фон Заремба. А так как в момент этого боя 1-ый Оренбургский казачий полк, нашей дивизии, дрался с неприятельской пехотой, благодаря чему, мы были слабее австрийцев на четыре эскадрона.

Кроме того австрийцы шли с горы, а нам приходилось скакать на гору.

Увидев русских, Командир 13-го уланскаго австрийскаго полка повернул два передних эскадрона и поскакал с ними куда-то, на Север, как-бы намереваясь охватить и атаковать правый фланг русской конницы, но в действительности он это сделал, с целью уклониться от коннаго боя, т. к. он участия в атаке не принял.

Следующие два эскадрона этого полка, под командой Маиора Виндаль и весь 15 драгунский, Императора Франца Иосифа и 1-ый уланский полки продолжали прямо нестись на наших улан и драгун.

Несмотря на свою малочисленность, русские тоже не повернули и оба врага с яростью бросились один на другого.

Закипел рукопашный бой. Австрийцы бешенно рубили саблями, а русские наносили им страшные смертельные уколы пиками.

Здесь произошел ужасный случай. Одним из эскадронов, 10-го драг. Новгородскаго полка, командовал Ротмистр Коломиец, имея у себя своего младшаго брата, Поручика, командиром 1-го взвода.

Поручик Коломиец бросился мне в глаза тем, что он всегда за спиной возил винтовку, а в бою атоковал пикой, которой он владел идеально.

Нужно заметить, что в русской кавалерии офицеры были вооружены шашками и револьверами, а солдаты револьверов не имели, но вместо револьверов, у них были винтовки, а передняя шеренга имела и пики.

В германской кавалерии пики имели обе шеренги, в Австрии-же кавалерия пик совсем не имела и это была большая ошибка.

II

В русской армии только казаки, с покон веков, имели пики, а регулярная кавалерия была вооружена пиками, только после русско-японской войны, по усиленному настоянию нас кавалеристов, участников этой войны. Главным аргументом нашего доказательства был пример, когда в 1904 году в Манчжурии, под Вафангоу одна сотня Сибирских казаков совершенно разбила два японских эскадрона, после чего последовал приказ Главнокомандующаго японскими армиями Генерала Оямы, запрещающий японской кавалерии вступать в конный бой с русской конницей.

Солдаты русской кавалерии полюбили пику и прекрасно были обучены ею владеть.

И так Поручик Коломиец, работая пикой направо и налево, с такой силой выдернул пику из живота, заколоннаго им австрийца, что задним концом ударил в грудь, подвернувшагося сзади, своего брата так сильно, что убил его на смерть.

Наши драгуны и уланы дрались, как львы, но неприятель превышал их количеством настолько, что правый фланг драгун и левый фланг улан были окружены австрийцами и русская линия начала подаваться назад. Один австрийский эскадрон даже прорвался в промежутке между нашими драгунами и уланами и поскакал в направлении, где находился Граф Келлер со своим штабом.

Положение создалось критическое, в резерве дивизии не было ни одного эскадрона. Граф Келлер посылал ординарцев один за другим в 9-ю кав. дивизию, с просьбой поспешить ему на помощь, но ленивый кавказский Князь Бегильдеев неособенно торопился, а выйдя из леса, западнее дер. Олегов, остановился, спешил дивизию и в бинокль начал наблюдать картину, кавалерийскаго боя 10ой дивизии с австрийцами.

Не видя помощи со стороны 9-ой дивизии, Граф Келлер бросил свой конвой (20 казаков), ординарцев и весь свой штаб на, несущийся на него, неприятельский эскадрон, который не принял атаки, а повернул и поскакал на Север, испугавшись 5-ой сотни, Оренбургских казаков, посланную командиром этого полка, на помощь Гр. Келлер.

Что же произошло с нашим гусарским полком?

Потеряв из вида левый фланг Одесских улан, гусары опасались отстать от общей линии дивизии и все время прибавляли аллюр.

Когда же водомойный овраг окончился и гусары подня-

лись на гору настолько, что могли видеть, где находится левый фланг Одесских улан, то, ехавший впереди праваго фланга гусарскаго полка, Подполковник Фон-Кюгельхен обнаружил, что наши уланы и драгуны были далеко сзади гу сар и уже столкнулись с противником, тогда он шашкой сделал знак командиру полка о заезде направо.

Командир полка, Полковник Богородский, догадался и передал знак заезда полку.

Гусары, с распущенным Штандартом, с пиками к бою понеслись в карьер на выручку своих братьев Новгородских драгун и Одесских улан и ударили австрийскую кавалерию не только во фланг, но и тыл.

Шок был такой сильный, что Ингерманландцы сразу смяли весь правый фланг конницы противника.

Это быстро передалось по всему фронту неприятеля и австрийские уланы и драгуны в безпорядке бросились назад, а наши полки кинулись преследовать, бегущаго противника.

Строй полков и даже эскадронов нарушился, как у нас, так и у австрийцев; получилось море вертящихся и дерущихся отдельных групп всадников.

Рубить неприятельских кавалеристов было очень трудно' их суконные мундиры и ментики с меховыми воротниками защищали от ударов русских шашек, но пика творила свое страшное дело.

Каждый всадник, получивший удар пикой, особенно в спину, сразу взмахивал обеими руками высоко вверх и, выпуская оружие и поводья, валился с седла на землю.

В этот момент, когда победа была уже определенно на нашей стороне, вдруг, Полковник Богородский и другие офицеры видят, как с тыла несется, в полном боевом порядке, австрийский кавалерийский полк.

Все знали, что у нас в резерве не осталось ни одного эскадрона и поэтому катастрофа и разгром, свежим неприятельским полком, нашей дивизии были неизбежны.

Полковник Богородский, видя это, стал собирать ближайших гусар полка, главным образом 2-ой эскадрон, под командой доблеснейшаго Командира этого эскадрона, Ротмистра И. Г. Барабовича, чтобы чем нибудь парировать атаку, приближавшагося австрийскаго полка.

Но случилось какое-то чудо. На радость, всей 10-ой кав. дивизии, вдруг, атакующий неприятельский кавалерийский полк, в нескольких стах шагах, вместо того, чтобы ударить

по разсыпанным группам всадников, 10ой кавалерийской дивизиии, неожиданно, поворачивает назад и разделяет участь бегства, вместе с разбитыми полками своей передней линии.

Наша конная артиллерия, выехала на открытую позицию и поражала шрапнелью, бегущую кавалерию противника.

Конные же неприятельские батареи, видя неудачныя действия своей кавалерийской дивизии, начали сниматься с позиции, для от'езда назад. Это заметил Полковник Богородский и со своими собранными гусарами поскакал атаковать вражескую артиллерию.

Батареи обстреляли гусар картечью, кои понесли значительныя потери. Под Полковником Богородским была убита лошадь, но Ротмистр Барабович заменил Богородскаго и довел атаку до конца, взяв целиком неприятельскую конную батарею.

Другую батарею атаковали и взяли, подоспевшия наши драгуны и уланы.

Этим закончилось полное поражение 4-ой кавалерийской австрийской дивизии, Генерала Фон Зарембы.

К полудню бой прекратился и сразу начало темнеть, как-бы наступили сумерки. Это было солнечное затмение. Все стихло. Лошади, как-будто покоряясь стихии, низко опустили головы. Многие суеверные солдаты крестились и спрашивали офицеров. «Не наступает-ли это конец мира? За грехи и убийства, творимые на войне».

Потери австрийцев были: 75 убитых и 44 раненных, подобранных нами. Мы потеряли 9 убитыми и 112 раненными.

Трофеями 10-ой кав. дивизии в этом бою были:

Две конных батареи, с полной запряжкой; пулеметы и 550 пленных из коих 10 офицеров. 350 лошадей и походная канцелярия штаба австрийской кав. дивизии, где были найдены важныя сведения об армии неприятеля.

После этого боя, австрийская кавалерия настолько упала духом, что в течение всей войны ни разу не рискнула принять конный бой русской конницы.

Победой же над австрийской кавалерией Граф Келлер предотвратил катастрофу грозившую тылу русской армии.

Теперь спрашивается почему 4-я австр. кав. дивизия, будучи сильнее нашей по количеству эскадронов и в которой кавалеристы дрались также храбро, как и русские, потерпела полное поражение?

Полк в резервной колонне перед построением боевого порядка для атаки.

Полк построил боевой порядок для атаки неприятельской кавалерии.

По разсказам участников и по об'явленным теперь отчетам австрийскаго штаба, можно указать на следующие причины:

1) — Трусость Командира 13-го улан. полка, который ускакал с двумя эскадронами с поля сражения.

2) — Вина Командира резервнаго полка, который не рискнул поддержать свою переднюю линию, увидев массу кавалерии, стоявшей у леса сзади дерущихся дивизий. (Это была 9-ая кав. дивизия Генерала Кн. Бигельдеева).

3) — Вина начальника 4-ой австр. кав. дивизии Генерала Фон Зарембы, который лично бросился в атаку с 15-м драг. полком, увлекся этим и дивизия осталась без управления. Небыло наблюдения за флангами, что дало возможность 10-му гус. Ингерманландскому полку неожиданно ударить австрийцев во фланг и тыл.

Кроме того, наблюдая за всей дивизией при атаке, Заремба мог-бы заставить Командира полка, оставленнаго в резерве дивизии, отаковать русских, несмотря на присутствие вдали массы кавалерии 9-ой кав. дивизии.

4) — Преобладание русской пики над австрийской саблей и наконец.

5) — Военное счастье и решительность Начальника дивизии Генерала Графа Келлера.

6) — Водомойный овраг сделал в этом бою **«Случай Его Величеством»,** как говорил Фридрих Великий.

КОНЕЦ ОСОБОЙ ГЛАВЫ.

ГЛАВА III

Утром мы встали в 4 часа т. к. в 6 часов должны были выступить дальше и этот день был началом моей боевой службы в Мировой войне.

Сторожевое охранение нес в эту ночь 1-й Оренбургский казачий полк и по диспозиции дивизии на сегоднешний день в авангарде должен идти 10-й драгунский Новогородский полк, а в главной колонне шли 10-й Уланский Одесский и 10-й гусарский Ингерманландский полк, между которыми двигалась артиллерия.

Так как мои воспоминания могут читать не только во-

енное общество, но и штатское, а также подростающая молодежь, то я считаю необходимым познакомить читателя с организацией кавалерийской дивизии старой русской армии.

Каждая кав. дивизия состояла из трех регулярных полков: Драгунского, Уланского, Гусарского и одного Донского казачьего. Номер Донского казачьего полка совпадал с номером дивизии, так 1-я кав. дивизия имела 1-й Донской каз. полк, 2-я, 2-й Донской и т. д., но ввиду того, что 9-й и 10-й Донские полки входили в особую казачью дивизию, то вместо них к 9-ой кавалерийской дивизии был предан 1-й Уральский казачий, а к 10-й 1-й Оренбургский казачий полк.

Дивизия делилась на две бригады: Драгуны и Уланы составляли первую, а гусары и казаки вторую бригаду.

В каждую дивизию входил конно-артиллерийский дивизион из двух конных батарей по шести орудий (пушек) в каждой батарее.

Конная артиллерия отличалась от пешей тем, что вся орудейная прислуга ехала на лошадях и поэтому могла поспевать за кавлерией, в пехоте же вся орудийная прислуга шла пешком. Плюс в дивизию еще входила пулеметная команда с 16-ю пулеметами и телефонная команда связи, кроме того при каждом полку была своя телефонная команда связи. Обоз делился на два разряда, в первом разряде шли патронные двуколки, артиллерийские ящики со снарядами и походные кухни, а во втором разряде шел весь остальной обоз.

В 5 час. 30 мин. вся дивизия уже вытянулась по главной улице местечка. Выехал Граф Келлер, поздоровался с войсками и поехал вперд за авангардным полком; его импозантная фигура на коне была еще более внушительна и воинственна. За ним пошла главная колонна.

Разсвет еще не настал; земля и деревья покрылись утренней прохладной росой; кругом все было тихо, ночные птицы и сверчки замолкли и казалось будто вся природа задремала пред зарей, и только топот и фырканье идущих лошадей, да грохот артиллерийских колес нарушали предразсветную тишину; даже среди всадников не было слышно обычных разговоров, все ехали молча, предаваясь своим собственным мыслям.

Проехали местечко, стало разсветать, впереди вырисовывалось кладбище, а далее тянулось широкое ровное шоссе, ведущее к громадному лесу, видневшемуся темно-синей

длинной полосой по обе стороны дороги; по верхушкам деревьев уже скользили низкие утренние лучи, восходящего солнца.

Миновали казачьи сторожевые посты и в это время раздалась ружейная стрельба у кладбища, куда подходил наш авангард; было видно, как головной эскадрон разсыпался в лаву, а два другие рысью пошли в обход кладбища, от которого цепи противника стали отходить к лесу, а кладбище было занято нашими драгунами.

Неприятель, желая прикрыть отход своих цепей, открыл по нашему авангарду артиллерийский огонь. Граф приказал казачьему полку поддержать авангард и наступать на лес, уланам и гусарам стать в резерве за кладбищем под командой Полковника Черемисенова, а батареям — выехать на позицию. Вскоре наша артиллерия открыла огонь по лесу, откуда уже четыре неприятельских батареи обстреливали все расположение нашей дивизии, а их пулеметы и ружья клокотали по нашим наступающим цепям, кои попав под сильный огонь, не могли продвигаться дальше и залегли в бороздах поля, а бой принял затяжной характер. Дивизия имела задание: заставить противника развернуться и задерживать его до подхода нашей пехоты и нам пришлось вести серьезный бой с втрое превосходящим нас противником, а главное в тяжелых тактических условиях т. к. неприятель находясь в лесу в окопах был мало уязвим, мы же вынуждены были наступать по ровной местности и нести значительные потери, но Граф Келлер упорно держался, находясь на мало скрытом наблюдательном пункте не только под артиллерийским, но и под пулеметным огнем, он зорко следил за полем сражения и спокойно, уверенно и решительно руководил боем, ни на один момент ни одно движение противника или наших частей не ускользало от его внимания, и все полки знали, что если им приходится тяжело в бою, то Граф их не оставит и не забудет, а во время пришлет подкрепление или приедет лично и своим присутствием поддержит их морально. Были неоднократно случаи, когда Граф верхом прямо в'езжал в залегшие и от сильного огня не могущие подняться цепи, чтобы ободрить солдат.

Имея тогда уже за собой опыт двух войн, в которых я имел и видел не мало разных начальников и наблюдая деятельность и поведение Гр. Келлера в бою я в первый же день вынес впечатление что этот начальник достоин полного

боевого доверия и уважения и что воевать под его руководством можно будет с уверенностью в его помощь.

Граф напомнил мне героя русско-японской войны Генерала Мищенко, под командой которого я дрался с японцами почти два года и было видно, что Гр. Келлер имеет те-же боевые качества, коими обладал и Мищенко.

Правда эти два доблестных начальника были разных воспитаний, образований, служб и имели разные характеры: Мищенко вышел из армейской бедной семьи, держал себя просто, как на службе, так и в обыденной жизни. Он не был кавалеристом ни по службе, ни по характеру, ни по способностям. Это был типичный артиллерист: спокойный, медленный, верил больше всего в артиллерийский огонь; в бою всегда находился на батарее и оттуда руководил своими войсками. У него не было кавалерийского пыла в нужный момент вылетить в карьер вперед с командой: «За МНОЙ», как это делал неоднократно Граф Келлер.

Мищенко водил конницу в набеги медленно, нескрытно, лез на японские позиции или охранение, чем обнаруживал себя, нес потери и упускал нужные моменты для конной атаки.

Гр. Келлер был чистой воды кавалерист по образованию,по службе, по способностям и по конному духу. Он в начале Мировой войны даже слишком увлекался боями в конном строю; пренебрегал огнем противника, бросал полки на неразстоенного неприятеля или на его окопы и хотя в большинстве случаев имел успех, но нес большие потери особенно в конском составе.

Будучи разных лагерей, эти два русских «ВИТЯЗЯ» имели много одинаковых боевых качеств: честность, храбрость, настойчивость, собственную инициативу и решительность, боевое самолюбие и непоколебимую преданность родине. Оба никогда не наказывали солдат и держались того мнения, что высшему начальству не только бесполезно, но даже вредно это делать; достаточно строго требовать от командиров полков и эскадронов, а до солдата оно дойдет само собой.

Разница между ними была та, что Гр. Келлер был жесток с офицерами и невероятно добр к солдатам, а Мищенко имел мягкое сердце к тем и другим.

Солдаты и казаки искренно любили этих двух генералов. В большинстве нижние чины, даже молодые офи-

церы избегали встречаться с начальством, чтобы не получить замечания: то шинель разстегнута, то фуражка не так надета, то честь отдал не правильно ит. д., но они знали, что ни Мищенко, ни Гр. Келлер никогда и никаких замечаний им не делали, и когда эти начальники приезжали на фронт после ранений то солдаты и казаки по собственному желанию выбегали из домов, одетыми во что попало, лишь-бы встретить своего, как они называли «Воевателя», ответить на его приветствие или поговорить с ним и рассказать, что было в корпусе в его отсутствиее.

Как Гр. Келлер, так и Мищенко были по-два раза ранены ружейными пулями в должностях Командиров корпусов, что показывает их нахождение в бою близко к боевой обстановке, а не управление конным корпусом по телефону в десяти верстах сзади боя.

Оба они всегда были ориентированы в боевую обстановку не только своих частей, но и соседей справа и слева, а Мищенко часто говорил: «Что-бы быть в курсе боя и не подвергнуться случайностям нужно знать, что делается не только у соседей, но, что творится и дальше за ними».

И действительно корпуса Гр. Келлера и Мищенко никогда не шли в слепую и никогда не имели неожиданную случайность, не говоря уже о такой катастрофе, какая случилась с 13-м и 15-м корпусами, генералов Клюева и Мартоса в армии Самсонова у города Сольдау.

И Мищенко и Гр. Келлер не любили офицеров генерального штаба, они считали их поверхностными теоретиками, без глубоких знаний, мало знающих строй, жизнь войск и душу солдата и совершенно неподготовленными к практическому руководству войсками.

Мищенко часто говорил: «Недостаточно выучиться воевать по книгам, нужно еще иметь хорошую строевую подготовку, а главное иметь желание драться и уметь владеть собой в бою, а без этого вся теория из головы выскочит»

Граф-же всегда подсмеивался над генеральным штабом говоря: «Первый офицер генерального штаба был Моисей, который 40 лет не мог вывести еврейский народ из пустыни».

К начальнику штаба корпуса оба относились скептически: Мищенко всегда диктовал сам диспозиции, приказания и донесения и лишь только начальник штаба пытался, что-либо возразить или посоветовать Мищенко его резко обрывал сло-

вами: «ПИ-ШИ-ТЕ», Ваше дело только писать, что я диктую.

Гр. Келлер совершенно игнорировал своего начальника штаба корпуса и в течении войны отрешил от должности троих: Генерала Сенча, Приходкина и Таучелова (последний был в. и. должность). А вся оперативная работа штаба корпуса лежала на Капитане Сливинском, офицере умном, толковом, деятельном и исполнительном, которого Граф ценил и только ему доверял.

Оба они любили офицеров честных, храбрых, дельных и решительных и преследовали тех, кто слишком боялся вражеских пуль, или замеченных в нечестных поступках, лентяев и бездельников.

Граф также строго преследовал картежную игру и лишнюю выпивку, но Мищенко смотрел на это сквозь пальцы.

К полудню под'ехали походные кухни и скрыто остановились в овраге сзади резерва; в это время обнаружилось наступление противника в охват нашего левого фланга, Граф приказал выслать из резерва три эскадрона для противодействия охвату; начальник резерва Черемисенов, по «жизненному опыту» предпочел оставаться с уланами в резерве, и выслать гусар под моей командой в боевую линию.

Посадив три эскадрона на коней и спешив их для действия в пешем строю я, что-бы не показать противнику своего движения и не подвергнуть людей лишним потерям, приказал гусарам поодиночке перебегать в ближайшую долину. Пройдя шагов двести и оглянувшись назад я увидел, что два эскадрона гусарских коноводов не были достаточно скрыты и виднелись из за угла кладбища, что легко мог обнаружить неприятель, особенно серых лошадей гусарского полка, кои на зеленом колорите были видны, как белоснежные гуси. Я вернулся назад; между гусарским и уланским полками был 40-ка шаговый уставный интервал; повернув полк я придвинул его вплотную к уланам и все эскадроны-скрылись за кладбищем.

Вдруг неожиданно раздался голос: «Что-Вы, что-Вы, что-Вы делаете? Разве можно двигать полк без приказания Графа», кричал захлебываясь от отдышки, бегущий ко мне толстый и неуклюжий Черемисенов.

«При чем-же здесь Граф», ответил я, «Вы начальник резерва и должны ставить полки, как можно скрытнее, что-бы противнику было труднее их обнаружить».

«Нет, нет Вы не знаете еще Графа, послужите и увидете,

каков он», продолжал неистовствовать Черемисенов, «разве можно без разрешения Графа, не иметь интервалов между полками».

«Да интервалы для того и даны, что-бы ими пользоваться, когда это необходимо», возразил я ему.

«Без Графа ничего нельзя делать», и с этими словами Черемисенов поставил гусарских коноводов на прежнее место.

Или они действительно запуганы Графом Келлером до «обалдения», или они от старости и алкоголя впали в детскую наивность, но если таких «Командиров» окажется не мало в армии, то и эта война обречена на проигрыш, подобно Русско-Японской» думал я и с этими мрачными мыслями пошел к долине, куда перебегали эскадроны.

По дороге я увидел Графа, шедшего к походным кухням пробовать пищу. Увидев открыто стоявших гусарских коноводов он громко крикнул: «КАКОЙ ЭТО ДУРАК ПОСТАВИЛ ТАК ОТКРЫТО ГУСАРСКИЙ ПОЛК?»

Я остановился, что-бы услышать, что будет дальше.

«Ваше Сиятельство, полки стоят на тех-же местах, где Вы приказали их поставить», заговорил испуганным голосом Черемисенов.

«ДА Я ПРИКАЗАЛ ВАМ СТАТЬ ЗА КЛАДБИЩЕМ, НО ЭТО НЕ ЗНАЧИТ, ЧТО Я ДОЛЖЕН ЗАТАЛКИВАТЬ КАЖДУЮ ЛОШАДЬ, ЧТО-БЫ СКРЫТЬ ИХ ОТ ГЛАЗ НЕПРИЯТЕЛЯ», кричал совершенно обозленный Граф и пошел к походным кухням.

В это время просвистели два неприятельских снаряда, один разорвался сзади резерва, недалеко от кухонь, а другой зарылся в землю у самых коноводов и взорвавшись выбросил вверх и в стороны тысячи пуль и мелких осколков, перемешанных с землей и черным дымом; лошади испугавшись бросились в сторону, вырываясь и сбивая с ног державших их коноводов. Растерявшийся Черемисенов метался не зная что делать.

Стыдно сознаться, но я был доволен, что этот «головотяп» был выруган Графом и напуган близким взрывом снаряда. Из этого случая я убедился, что не Граф Келлер здесь причиной, а виноваты безинициативные и нерешительные типы Командиров и если-бы Гр. Келлер был другого склада начальник, то действия его дивизии свелись-бы к ничтожным результатам, подобно тем дивизиям, в которых и начальники дивизий оказались такими-же «головотяпами».

Я спустился в долину, куда уже перебежали мои эскадроны; прикрываясь оврагом мы вышли на нашу боевую линию.

Здесь я применил японский способ рассыпания цепей колонны выходящей из дефиле (теснины): первым делом на берег оврага скрыто установили пулеметы и сейчас-же открыли огонь по обходящему нас противнику, а в это время из оврага поодиночке выскакивали гусары и ложились в цепь по обе стороны пулеметов и под прикрытием их огня быстро рыли окопы, для стрельбы лежа и по мере окончания немедленно открывали стрельбу из винтовок (ружей), чем облегчали выбегающим из оврага и копающим окопы гусарам работать, не давая врагу обстреливать их безнаказанно.

Противник почуствовав наш пулеметный и ружейный огонь остановился и также начал зарываться в землю, а его пулеметы и одна батарея перенесли свой огонь по моим цепям.

Это был первый огонь, под который я попал в Мировую войну. Артиллерия по силе фугасного действия была гораздо сильнее японской Ши-мо-зы (Шимозой называли японскую гранату по имени ея изобретателя Ши-мо-зе-. Особенно силой морального и активного действия обладала австрийская мортира, она била по крутой навесной траектории, разрывалась со страшным треском над землей или в земле, разбрасывала тысячи острых раскаленных осколков не только вперед и в стороны, но и назад, чем поражала в спину сидевшие в окопах войска. Этот снаряд солдаты прозвали «Кряквой».

Но пулеметный и ружейный огонь был гораздо слабее японского. В течении всей Мировой войны мне ни разу не приходилось видеть развитие такого бешенного огня, какой развивали японцы: все звуки выстрелов сливались в один общий гул подобный шуму громадного водопада. Японцы считали, что на войне очень трудно рассчитывать на прицельный огонь, а поэтому необходимо пользование массовым обстрелом площадей, занятых противником и надеяться на вероятность попаданий, которое будет тем больше, чем больше будет выпущено патронов, а они их не жалели. Даже были часто случаи, когда японцы производили рекогносцировки ружейным огнем. Вообще они применяли ружейный огонь противоположно мнению профессора военной академии М. И. Драгомирова, который не признавал массового огня, а всех

своих оппонентов называл «огнепоклонниками». Обе войны показали, что Драгомиров сильно ошибался.

Обстрел моих цепей противником все более и более усиливался и стал наносить значительные потери, что вызвало нервность людей и я чувствовал и видел, как полтысячи пар глаз смотрели на меня, ожидая что я предприму. Они смотрели на меня также, как некогда я и другие глядели в Русско-Японскую войну на Ген. Мищенко и ожидали, что он сделает в этот трудный момент.

Я был поставлен в довольно трудное положение: оставаться долго на таком открытом месте было нельзя, отступить обратно в овраг, повлеклобы-бы за собой наступление противника; к моему счастью впереди шагах в 500-х лежали незанятые глубокие неприятельские окопы, которыми видимо противник пользовался для ночного охранения, но поднять и двинуть цепи вперед под таким губительным огнем не так легко, для этого нужно сильно подбодрить людей примером.

Хотя офицеры знали, что я уже имел за собой опыт двух войн, но для солдат я был еще незнакомый и чужой человек и нужно было с первых-же шагов боя зарекомендовать себя так, чтобы сразу в глазах подчиненных приобрести авторитет и полное ко мне их боевое доворие, без которых роль начальника в бою сведется к нулю.

Как я уже писал выше, объявление войны застало меня в пути с Дальнего Востока, и моя походная форма шла багажем и значительно опоздала. Дабы не терять времени я уехал на фронт в форме мирного положения: в голубой фуражке, в кителе с блестящими золотыми погонами, в красных гусарских чакчирах (штанах) и в лакированных сапогах с золотыми большими круглыми розетками, в коих, некогда, гусары возили ваксу, а теперь они служили лишь украшением.

Проезжая глубокий тыл, как Харьков и Киев я там видел многих офицеров, военных чиновников и даже Земгоров и Земсоюзов кои свои не только погоны, но и кокарды закрыли защитным сукном, и я опасался, что Гг. Келлер разнесет меня за столь блестящую форму, но оказалось наоборот, на фронте я застал не только самого Графа, но и почти всех офицеров дивизии в незакрытых погонах и сам Граф держался того мнения, что погоны являются «Эмблемой» рыцарства и если мы в мирное время гордились ими, то в бою нечего их маскировать, — кому суждено быть убитым, тот будет убит невзирая на то в каких он будет погонах.

И вот чтобы поддержать моих гусар морально, я встал и в своей блестящей форме тихим шагом пошел по цепи, над которой свистели пули и рвались снаряды.

«Ну и хвастун», подумает читатель, обо мне, прочитав эти строки, «хочет показать свою храбрость».

Но читатель удивится, если я откровенно скажу, что я совершенно не был храбрым в том смысле, как это многие себе представляют т. е. отсутствие страха перед опасностью. Такой храбрости нет ни у одного нормально мыслящего человека в мире. Человеку получающему жизнь, вкладывается в его натуру инстикт бороться за сохранение своей жизни во что бы то ни стало и этот инстикт выражается в чувстве страха перед опасностью, поэтому отрицать чувство страха равносильно отрицанию чувства боли: нет в мире существа неиспытывающего боли, также, как нет в мире существа, которое не испытывало-бы чувства страха т. е. того инстинкта, который вложен для сохранения жизни.

Но есть причины заставляющие подавлять чувство страха, прятать его внутри себя не показывая наружно свое переживание.

Такими причинами могут быть: идея, служебный долг, преданность кому или чему нибудь, боевое самолюбие, внушение и твердая религиозная вера, а также вера в судьбу. Террорист подавляет свое чувство страха — его идеей, самоубийца или приговоренный к смертной казни преступник — внушением, воин своим служебным долгом, преданностью Родине и боевым самолюбием.

Чем больше армия проникнута этими основаниями и чем она ставит свою идею выше своего существования, тем больше она становится «НЕПОБЕДИМОЙ».

Каждый японец или немец были глубоко проникнуты идеей «ПОБЕДА ИЛИ ГИБЕЛЬ РОДИНЫ», поэтому часто одна японская рота побеждала наш баталион, а немецкий корпус окруженный под Лодзью тремя нашими корпусами не только прорвался, но и привел с собой около 2-х тысяч русских пленных.

И так, — «подавление внутри себя чувства страха не показывая его наружно можно назвать храбростью».

Но если Вам какой нибудь краснобай из тыловых и ресторанных «героев», покручивая перед дамами свои усы и щелкая шпорами, будет говорить, что он не испытывает чувства страха перед опасностью то скажите ему прямо в глаза, что он врун и хвастунишка.

Ген. Скобелев — герой Русско-Турецкой войны — говорил и писал, что он в каждом бою испытывал сильное чувство страха и его сердце сжималось при близком разрыве снаряда или взвигнувшей около него пуле. В тоже время он никогда не показывал вида своего переживания, а старался быть веселым и бодрым, чем и импонировал на подчиненных.

После скоропостижной его смерти, вскрытие нашло его сердце совершенно переродившимся и состоящим из одних волокон.

И так идя по цепи, я также боялся огня, как и каждый солдат, лежащий за своим окопом, но я должен был скрыть свой страх и казаться совершенно спокойным перед моими эскадронами, ожидающими моих действий, по облегчению их тяжелого положения.

Потеря самообладания начальника и его растерянность не вероятно действуют на психику подчиненных и их тогда довольно трудно не только двинуть вперед но и удержать на позиции.

Шагая медленно по цепи и вгядываясь в лица гусар, я подошел к одному из них, худому и длинному человеку, на лице которого ярко выражался испуг и переживание страха, я со сделанной улыбкой спросил его: «Ну, что брат, очень страшно?» «Никак нет» ответил он, «немножко страшно». «Ну если уж будет тебе больно страшно, то встань за мной, будет тебе защитнее от пуль», сказал я ему; все услыхавшие мои слова, громко засмеялись и их лица стали веселеее, как будто опасность уменьшилась.

Подойдя к другому гусару, который совсем спрятавшись головой за бруствер своего окопа продолжал стрельбу из винтовки. «Как далеко до неприятеля и какой у тебя прицел?» спросил я его.

«Тысяча», ответил он. «Ну вот видишь», продолжал я, «а ты помнишь стрельбу в мирное время на такое расстояние: там спокойно прицеливаешься, знаешь точно расстояние, мишень стояла большая, берешь ровную мушку, казалось так и влепишь в цель, а выстрелишь, смотришь пулю твою боковой ветер сбил шагов на 15 в сторону от мишени, а здесь ты и расстояния не знаешь точно до противника, да погляди какой ветер; думаешь -ли ты, что при таких условиях можно попасть в голову противника на таком расстоянии?» «Никак нет», ответили громко не только он, но и ближайшие гусары.

Один гусар лежал совершенно прильнув к земле и его лицо

выражало полное желание в этот момент сделаться самым маленьким человеком в мире, чтобы укрыться от пуль и снарядов за низким валиком земли, набросанным из окопа.

«Если мы при прицеле на 1000 шагов не надеемся попасть в голову противника, то и он находится в таком же положении», сказал я подойдя ближе к этому гусару. «Посмотри, как его кроет наша артиллерия и строчат племеты, а он не только стреляет не прицеливаясь, но даже редко выглядывает из своих окопов, так,-как ты думаешь, — может он попасть в тебя прицельным огнем»? «Ни как нет», ответил гусар, и лицо его немного повеселело.

«Конечно нет», подтвердил я! «Ты знаешь, кто только первый раз попадает в бой, то ему кажется, что каждая пуля, выпущенная противником заденет его, а попривыкнешь, то видирь, их пролетят тысячи, а заденет одна. Значит, на войне прицельный огонь тогда действителен, когда сближаешься с противником на короткое расстояние, шагов на сто -двести, а остальной просто обстреливает пространство, где мы находимся, а следовательно попадание может быть случайным. А при таких условиях все зависит от судьбы: кому пуля предназначена она его найдет, как ни прячься.

За две войны в этом я вполне убедился и верю в судьбу и раскажу Вам случай из Русс.-Япон. войны: Был у нас полковый ад'ютант, который слишком ценил свою жизнь. Сидел он в штабе, пока полк действовал частями, но когда приблизилось время полку идти в бой в полном составе, то наш ад'ютант, под предлогом необходимости отвезти в штаб армии важные документы, получил на это разрешение командира полка и в тот же день уехал. Помню это было 2-ое мая 1904 года; с тех пор мы его не видели до ферраля 1905 года.

Все это время он скрывался в разных госпиталях далеко в тылу, пока его не вловили и не отправили в армию, Приехал он на фронт в тот день, когда полк находился в бою и остановился в обозе верстах в 3-х сзади боевой линии. Какая-то шальная пуля, выпущенная японцем в небо, долетела в деревню, где стоял обоз и уже на излете угодила (угодила — выражение солдат) прямо ад'ютанту в колено так сильно, что ему отрезали ногу. Он десять месяцев скрывался, а все же пуля его нашла, даже в трех верстах за фронтом; многие же участвовали во всех боях и не получили даже легкого ранения.

«Вот, ты лежишь, а я стою да еще в красных чакчирах и

противник это ясно видит и, может быть, выцеливает в меня, но я уверен, что его пуля немного имеет больше шансов попасть в меня стоящего, чем в лежащего, поэтому нечего вам особенно бояться встать и перебегать вперед».

Сделав все от меня зависящее, чтобы ободрить и развлечь гусар от постоянных дум быть убитыми или ранеными, я приказал командиру 4-го эскадрона Ротмистру Дылевскому двинуть эскадрон вперед и перебегая частями занять неприятельские окопы.

«Перебежки вперед в неприятельский окоп, по взводно, первый взвод начинай», скомандовал спокойно Дылевский. По его манере держать себя под огнем и спокойным командам я видел, что это будет хороший боевой офицер.

Молоденький, миловидный, худенький с бледным лицом командир 1-го взвода корнет(первый офицерский чин в кавалерии) Дунин-Жуховский, стоявший на одном колене за цепью своего взвода, поднялся и пронзительно свиснув в свисток, что означало прекратит стрельбу, выскочил вперед и скомандовав: «Курок встать, бегом за мной», — побежал в сторону неприятеля, легко прыгая через борозды поля, придерживая рукой свою шашку и бинокль, Гусары быстро поднялись и с винтовками (ружьями) на перевес быстро побежали за своим офицером.

Я ожидал, что противник сосредоточит весь огонь по бегущим гусарам, но, к моему удивлению, снаряды перестали рваться над нами, а с шипением и визгом полетели в наш тыл.

Я оглянулся назад и увидел грандиозную картину: Все поле насколько можно было видеть, было усеяно войсками, — впереди шли густые и длинные цепи, за ними змейками ползли поддержки, а дальше, сверкая штыками, двигались колонны резервов, замыкая картину наступления. Это подошла наша пехота, и ея полки развернулись в боевой порядок и наступали для смены нас. Их цепи были так густы и длинны, что наши кавалерийские цепи казались маленькими цепочками в сравнении с ними.

Кавалерийский полк при спешивании должен каждого третьяго всадника оставить коноводами и целиком эскадрон для их прикрытия; выставив наблюдательные заставы и выслав раз'езды он может при самом большом напряжении спешить 350-400 человек т. е. меньше чем две роты, а кавалерийская дивизия максимум 1600 человек, в то время,

как пехотная дивизия выставляет 16,000 штыков, т.е. в десять раз больше кавалерийской.

Будучи сильнее количеством пехота всегда была слабее кавалерии качеством, благодаря тому, что по мобилизации в пехоту вливалось 50% запасных офицеров и солдат, часто престарелых и забывших строй и вообще военную подготовку. Кавалерия-же выходила на войну в том-же составе, какой был в мирное время.

До войны солдату в пехоте служить было гораздо легче, чем в кавалерии: пехотинец служил на военной службе три года, знал только свою пехотную службу, да винтовку; вставал в 6 часов утра, начинал занятие в 8, имел два часа послеобедного отдыха и в 5 часов вечера уже был свободен.

Кавалерист служил 4 года; кроме специальной и сложной кавалерийской службы, он должен был быть хорошо обучен пешему строю и стрельбе; у него была на руках не только его лошадь, но и лошади отсутствующих: по болезни, в отпуску или в нарядах сослуживцев, которых он обязан кормить и чистить, а всякий знает, как строго и аккуратно смотрели за лошадьми в коннице: их во время поили и кормили три раза в день и два раза чистили, так тщательно, пока, проведя белым носовым платком против шерсти, на нем не будет и следа пыли, тогда только лошадь считалась вычищенной; кроме того чистка седел, амуниции и металлических предметов требовала много времени и кавалерист ежедневно вставал в 4-ре часа утра, был занят до семи часов вечера, включая и прездники.

Но во время войны роли менялись: пехотинец совершал походы пешком по грязной или снежной дороге, нагруженный тяжелым вьком, крайне переутомлялся и часто натирал ноги до крови, ночевал зимой в палатках и простуживался; за не возьможностью подвести во-время походные кухни, неоднократно недоедал.

Кавалеристу было легче: он ехал верхом, свободный от тяжести вьюка, и не так уставал, как пехотинец, всегда ночевал в деревне, меньше сидел в окопах и почти никогда не голодал; даже, если кухни опоздают, кавалерист идя впереди, первым заходит в деревни или города, где всегда можно достать пищу для себя и корм для лошади. Кавалерия имела больше денежных средств, делая экономию на фураже благодаря чему имела возможность приобрести во-время для солдата то, что опоздывало доставлять интендан-

ство.

Из опыта японской войны я знал, как интенданство затягивает снабжение; войска часто получали легкие вещи среди зимы, а теплые среди лета, поэтому я сейчас-же по вступлении в командование полком, послал одного отицера и 3-х гусар в Россию, где они купили и привезли полный комплект зимней одежды на весь полк.

И как только начались холода мои гусары были одеты в полушуби, папахи, просторные сапоги с шерстяными чулками, с потдетым теплым бельем и меховыми перчатками. Благодаря этому в течении всей холодной зимы и снежных бурь в Карпатских горах, ни один солдат полка не был обморожен.

Сытый и тепло одетый воин всегда проявит больше мужества и стойкости, чем недоедающий и плохо одетый. Вот почему кавалерия стояла выше по боевым качествам, чем пехота; так было в японскую, так было и в Мировую войну.

Еще Ген. Куропаткин писал: «Чего не могла сделать пехота, то сделала кавалерия». Такой приказ был вызван следующими обстоятельствами. Осенью 1904 года, кавалерия была выдвинута вперед, для прикрытия отступления русской армии, идущей от Ляояна к Мукдену. Конный корпус Ген. Мищенко, у которого тогда я командовал сотней казаков, занял позицию в центре, пересекая Мандаринскую и желез. дорогу. Против нас японцы заняли весьма важный тактический пункт. Куропаткин решил отобрать эту позицию и приказал Мищенко сделать усиленную рекогносцировку и донести, может-ли пехотный корпус выбить японцев из указанной позиции. Сделав рекогносцировку Мищенко донес, что японцы занимают позицию одной дивизией и что корпусу будет не трудно ее занять. Пришел назначенный корпус, обстрелял японцев артиллерией, пытался наступать, но был японцами отбит и донес, что японцы занимают позицию большими силами, и донесение Мищенко не правильно.

Мищенко был вызван в штаб армии, где получил здоровый нагоняй и вернулся назад очень расстроенный и обиженный. Собрав командиров частей, рассказал, что его обвиняют в ложном донесении и чтобы доказать свою правоту, приказал коннице наступать и овладеть позицией. Мы все любили Мищенко и решили его реабилитировать взятием позиции во чтобы то ни стало. Одна наша дивизия пошла с фронта, а другая была пущена в обход японского

фланга. Японцы не выдержали и отдали нам не только эту позицию, но и вторую лежащую верстах в трех дальше. После этого и был отдан вышеупомянутый приказ Куропаткина.

Подобный случай произошел и в Мировую войну, но об этом я напишу позже, а теперь вернусь к начатому описанию моего первого боя.

Увидев наступление нашей пехоты я прекратил продвигать эскадрон вперед. Вскоре прибежал ко мне ординарец от Гр. Келлера и передал приказание, по смене пехотой, отвести эскадроны. в резерв.

Пехота продвигалась очень медленно. Некоторые гусары начали над ней посмеиваться: «Ишь-ты ползет шпана (шпаной кавалерия называла пехоту за ея захудалый вид), пока долезет, так ее противник и перебьет».

«Да навали на тебя такой тяжелый вьюк и заставь идти 25 вест, так и ты поползешь по пахоти», заметил другой гусар взащиту пехоты.

Неприятель сосредоточил весь свой огонь 4-х батарей по нашей пехоте, предоставив своим пулеметам обстреливать нас. Вдруг, сотни снарядов понеслись с нашей стороны на неприятеля, — это 8 наших батарей, прибывших с пехотой и с двумя нашими конными батареями начали дружно гвоздить по неприятельской артиллерии, которая стала быстро стихать затем совсем замолчала, что облегчило продвижение нашей пехоты.

Как толко наша пехота заняла место моих цепей, я начал стягивать свои эскадроны обратно в овраг, затем повел их на соединение с полком.

В это время уже почти вся 10-я кав. дивизия собралась за кладбищем и под'ехал Гр. Келлер. Увидев меня, он сразу на меня набросился: «Я приказал Вам обеспечить наш левый фланг от обхода противником, а Вы полезли наступать, Вы мне нужны в конном строю, а не в пешем. Сейчас получено приказание идти на перерез австрийской армии отступавшей от Томашова к Перемышлю».

Итак, мой первый бой в Мировую войну закончился разносом меня Графом.

Собравшись, 10-я кав. дивизия немедленно выступила в направлении Радыжской переправы, лежащей на реке Сан в 18-ти верстах севернее крепости Персмышль.

Шли по поперечным проселочным дорогам и к вечеру

нистигли колонны австрийской армии, отступающие от гор. Томашова и сейчас-же вступили с ними в бой. Противник упорно защищался до поздней ночи и с темнотой стал отступать к лесу.

Гр. Келлер бросил несколько эскадронов от всех полков дивизии для преследования, настигнув противника уже в лесу, они ворвались в его ряды и начали рубить и колоть направо и налево всех, кто был пешком, а неприятель стрелял во всех, кто был верхом.

Из за темноты произошло ужасное смешение, — узнать своих было очнь трудно, поэтому были случаи, когда противник стрелял в своих конных ординарцев и верховых офицеров, а наши всадники второй линии рубили упавших с лошадей своих всадников первой линии; обе стороны понесли большие потери, особенно много было убито лошадей.

Я не был назначен в эту атаку и оставался в резерве и мне показалось странным, — почему Гр. Келлер избегал посылать в атаку или давать задачу целому полку или бригаде, а всегда надергивал эскадроны со всех полков дивизии и бросал их в дело. Поступал ли он так, для того, чтобы полки несли равные потери или он не доверяя престарелым и мало энергичным командирам полков, полагался на более молодой состав штаб-офицеров и командиров эскадронов, или, может быть, не хотел, чтобы достигнутый успех и слава были приписаны одному из его полков, а не всей дивизии. Этого я и теперь не могу уяснить, — почему Граф так делал в самом начале войны и изменил это лишь осенью 1914 года.

Собрав эскадроны после атаки и выставив сторожевое охранение, дивизия остановилась на ночлег в ближайшей деревне

Раз‘езды, высланные с вечера, после полуночи донесли о громадном неприятельском обозе, двигающемся на запад по Львов-Перемышленскому шоссе.

Граф немедленно поднял дивизию и мы быстро выступили в указанном раз‘ездами направлении.

Ночь была темная, тихая и душная.

Вчерашний дневной бой, вечерняя атака и опять ночное движение утомило людей и было видно, как многие всадники клевали носом и задремав выпускали из рук поводья, а их лошади, оставшиеся без управления, прибавляли шагу и влезали в передние ряды, мешая другим двигаться, пока офицер или унтер офицер не окликнет задремавшего ездока.

Наступил рассвет, а за ним скоро встало круглое, красное солнышко и его утренние теплые лучи предвещали сегодняшний жаркий день.

Чуть забрезжал рассвет, Граф повел дивизию все врсмя рысью; лошади плавно бежали, фыркая и покачивая головами и подбрасывая всадников, как-бы будили их от утренней дремоты.

Около 9-ти часов утра, когда дивизия рысила лесом, голова колонны неожиданно остановилась; — сзади идущие эскадроны, наталкиваясь на передних резко останавливались и подравнивались в рядах.

Прискакал ординарец от Графа Келлера и шопотом передал приказание, — строиться в резервную колонну по переднему уступу, а батареям выехать на позицию у песчаноного бугра на опушке леса; перестроение делать безшумно, т. к. противник двигается по шоссе недалеко от нас.

Я взглянул на карту; мы находились в лесу в 2-х верстах к северу от Львов-Перемышленского шоссе и верстах в двадцати от Радымской переправы.

Дивизия, построившись скрытно на опушке леса в резервную колонну, спешилась в ожидании приказаний.

Я взошел на песчаный бугорок и в бинокль увидел широкое шоссе, обнесенное с боков глубокими канавами и обсаженное развесистыми деревьями; оно тянулось с запада на восток длинной белой полосой, то огибая, то прорезая песчаные холмы; по шоссе медленно, как змея, ползла серая колонна обоза, на всем пространстве, какое можно было окинуть стеклом бинокля.

Тысячи разных фургонов, телег, походных кухонь, зарядных ящиков, патронных двуколок, пушек и походных госпиталей, с развивающимися флагами красного креста, безпечно тянулись на запад.

Между участками обозной колонны, в некоторых местах шли пехотные роты, видимо как охрана обоза, но ни походных боковых застав, ни кавалерийских раз'ездов или дозоров не было видно.

«Что, любуетесь нашей будущей добычей»? раздался сзади меня голос. Я оглянулся и увидел Графа Келлера, под'езжающего к полкам дивизии.

«По два эскадрона от каждого полка и две сотни Оренбурцев выделить и передать в распоряжение полковника Чеславского», отдал Граф приказание.

«А Вы», обратился он ко мне, «быстро ведите эскадроны параллельно шоссе и постарайтесь настигнуть голову обозной колонны».

«Ваш эскадрон назначаю головным», сказал я командиру эскадрона уланского полка, «высылайте скорее походную заставу и дозоры и ведите эскадрон рысью вдоль шоссе, прикрываясь лесом, а я вслед за Вами поведу остальные эскадроны».

«СПРАВА ПО ТРИ, ЗА МНОЙ», скомандовал я.

Колонна быстро вытянулась и я повел ее полной рысью, вдоль леса.

Ни неприятельский обоз, ни его прикрытие не обращали на нас никакого внимания. Принимали-ли они нас за свою кавалерию или они не замечали нашего движения, но никто из них не проявлял никакой тревоги.

Было уже около полудня, солнце поднялось высоко и его лучи его жгли, как, в жаркое летнее время,несмотря на кеноц августа. Лошади покрылись пеной, фыркали от пыли и тяжело дышали от жары и быстрой езды.

Пройдя почти час безостановочно резвой рысью я перевел в шаг чтобы дать лошадям отдышаться, а сам поскакал на ближайшую возвышенность, откуда в бинокль уже была видна река Сан, и здания местечка Радымно, лежащего верстах в 10-ти от места нашего нахождения, но линия обоза тянулась до самой переправы и начала его нигде не было видно; видимо он растянулся на несколько десятков верст.

Я вернулся к эскадронам и тронул их опять рысью, намериваясь захватить Радымскую переправу, но в это время сзади нас на шоссе ударились один за другим четыре артиллерийских снаряда, три из них зарылись в землю с боков шоссе, а один разорвался над самой линией обоза. Это наши конные батареи открыли огонь на полный прицел по приказанию Графа Келлера, чтобы остановить его движение и этим дать мне знать начать атаку обозного прикрытия.

В обозе поднялась невероятная паника: часть колонны, оказавшаяся впереди разорвавшегося снаряда, начала спасаться помчавшись вперед, опрокидывая и сбивая впереди едущих, а часть оставшаяся позади взрыва, бросилась поварачивать назад и с лошадьми и телегами валились в канавы, давя друг друга.

Хаос в неприятельском обозе еще более усилился когда я подал сигнал: «Построение фронта налево». «Разсы-

паться», «Атаку» и «Галоп» и эскадроны в три линии понеслись на прикрытие.

Две роты быстро цепями заняли канаву и открыли огонь по скачущим всадникам, но увидев, что мы неповорачиваем назад, а в ответ на их выстрелы еще больше прибавили ходу, большинство из них бросили оружие и искали защиты под опрокинутыми фургонами или в шоссейных канавах; оставшиеся же продолжали стрелять в упор, даже когда всадники прыгали через канаву. Потери мы понесли незначительные, главным образом, легкие ранения людей и лошадей и только один из офицеров уланского полка был прострелен в живот навылет.

Медицинский персонал госпиталей, идущих в обозе, вытащил белые простыни, подымал и махал ими над фургонами, показывая этим, что они сдаются, а десятка три сестер милосердия, подобрав юбки, бежали в своих маленьких туфельках по камням под мост и прятались в водосточные трубы. Я сейчас же назначил офицерский караул и приказал об'яснить сетрам, что им никакой опасности не угрожает и что они должны перейти в ближайший шоссейный домик, где их будет охранять офицерский караул и не допустит никаких над ними насилий со стороны солдат. В то же время в донесении я запросил Гр. Келлера, как поступить с медицинским персоналом, захваченным при обозе.

Выслав раз'езды в направлении Радымской переправы и выставив наблюдательные заставы, я спешил три эскадрона и приказал собирать, обезоруживать пленных и командами отправлять их в тыл, а обоз приводить в порядок, очищая шоссе от наваленных во время паники фургонов.

Работа оказась весьма трудной: большинство повозок были опрокинуты или поломаны; обозные лошади запутались в постромках, бились и рвались во все стороны, чтобы выбраться из этих руин, что еще более тормозило и затягивало работу.

Нужно было немедленно изолировать снарядные, патронные и бомбовозные передвижные средства от детонатных взрывов, т. к. многие фургоны, наехавшие на топившиеся походные кухни загорались от огня кухонных печей, а также необходимо было спасти денежные ящики от грабежа. Но, благодаря энергичному наблюдению офицеров, работа шла в порядке.

Взрывы удалось предотварить, деньги полевых казна-

чейств двух армий в сумме более чем 18 миллионов австрийских крон были выделены в сторону под особый караул. Не пострадавшие фургоны свозили через раскопанные в канавах проходы и ставили рядами в парк; устроили коновязи и привязывали к ним лошадей. Тяжелее всего было очищать шоссе от опрокинутых и сломанных фургонов, — они сами по себе были громоздки и сильно нагружены и нужно было много людей и труда, чтобы такой фургон стащить под откос шоссе.

Тысячи таких фургонов с неисчислимым имуществом достались нам: Несколько десятков запасных пушек, сотни пулеметов, миллионы снарядов, патронов, бомб и винтовок были найдены в обозе; громадное количество продовольствия, белья и обмундирования, запасы медикаментов; инструменты разных мастерских; две радио станции везлось в этом обозе.

Даже мы в нем нашли несколько русских сундуков с мундирами и фуражками 12-го Донского казачьего полка, взятых австрийцами в Радзивилове, где в мирное время стоял этот полк.

Эти обозы принадлежали тыловым учреждениям двух авсрийских армий, где военнослужащие имели возможность жить более комфортабельно, чем на фронте и поэтому возили в обозе много предметов не военного характера: Гитары, скрипки, цитры; перины, кровати, столы и даже кресла и большие зеркала, все это конечно было взято у местных жителей. На некоторых возах находили клетки с канарейками и попугаями, в других находили разных животных,—под сидением одного обозного в решете комфортабельно помещалась персидская кошка с котятами, у дрогого стоял маленький аквариум с золотыми рыбками.

Не обошлось и без курьеза: на одном из больших фургонов, нагруженном вещами штаба армии и запряженном парой чудных серых венгерских лошадей, лежал жирный породистый английский «буль-дог» с большими торчащими клыками, который не подпускал ни кого ни к возу, ни к лошадям: на всякого подходящего он злобно рычал и готов был броситься на каждого мертвой схваткой. Солдаты хотели его застрелить, но офицер не позволил это делать, а поручил фургон драгуну, который при помощи пищи приучил к себе собаку, а позже отвез его домой в подарок жене офицера.

«Буль-дог» полюбил свою новую хозяйку и сделался рев-

нивей постоянной ея охраной. Как-то ей нужно было уйти из дому и она начала примерять шляпу у трюмо; «буль-дог», увидя отражение в зеркале бросился за трюмо, но не найдя там никого, схватил хозяйку за заднее мягкое место, потащил ее от зеркала с такой силой, что оторвал у нея довольно большой кусок тела и ей пришлось делать серьезную операцию.

И так краткое перечисление возимого в обозе имущества показывает, ясно какая громадная добыча была взята нами, и становится странным, как могло австрийское командование быть столь небрежным, чтобы оставить обоз с небольшим прикрытием и самому уйти с армией вперед.

Успех этого дела всецело нужно отнести к энергии Гр. Келлера: с ежедневными дневными и ночными боями, почти без дневок, дивизия работала непрерывно около месяца и не смотря на утомление людей и сильную усталость лошадей он, как только получил донесение, сейчас же в полночь поднял дивизию и немедленно выступив, во-время успел достичь цели.

Мало было таких энергичных кавалерийских начальников, как Гр. Келлер. Большинство всегда-бы нашло оправдание не выступать ночью: Переутомление людей и лошадей; трудность и медленность движения ночью, что вряд-ли даст возможность перерезать дорогу уходящему обозу и т. д., но Граф не посмотрел ни на какие препятствия и выполнил это лихое, чисто кавалерийское дело. ,

Конечно для нас,как кавалеристов, самой драгоценной добычей были отбитые у неприятеля лошади, которыми мы пополнили убыль в нашей артиллерии и обозах и даже нашли сотни две легкой породы, годных под кавалерийское седло. Остальных передали в штаб армии.

Во время работы я получил приказание Графа: тремя эскадронами продолжать работу по приведению в порядок отбитого обоза, а остальных отправить по полкам; дивизия станет на ночлег в ближайшей деревне и завтра рано утром выступит, для обхода крепости Перемышль с южной стороны. Мне же указывалось продолжать работу и на другой день. что бы очистить шоссе, для прохода нашей пехоты, а затем догнать дивизию. Пленному медицинск. персоналу предоставить право или идти на Радымскую переправу и присоединиться к их армии или же они будут отправлены в Россию. Я передал об этом австрийским сестрам милосердия и врачам. Они попросили дать им время на совещание, для решения этого вопроса.

Собрание их продолжалось довольно долго, носило бурный характер и горячие споры, после чего было вынесено общее решение, всем ъхать в Россию. Из частных моих разговоров с сестрами они об'яснили такое свое решеніе интересом посмотреть Россию, отдохнут от тяжелого труда и военно-походной жизни, а главное поправиться от сегоднешних потрясений, когда сестры были так перепуганы, что некоторые заболели нервным расстройством. Но они надеются, что русское правительство отправит их на родину через Швецию, для обмена на русских пленных в Австрии.

Отправив под конвоем офицерского раз'езда австрийский медицинский персонал в штаб 3-ей армии, мы продолжали приводить в порядок отбитый у неприятеля обоз и очищать шоссе, по которому завтра начнет проходить наша пехота.

Слух о разгроме русскими громадного австрийского обоза быстро распространился и жители окрестных деревень, главным образом, женщины, толпами стали стекаться к месту, где мы работали, жалуясь, что у них все забрано «мадьярами» (Венгерской армией) и они остались без лошадей, скота и продуктов и просили меня помочь им вещами и продуктами найденными в обозе.

Я сказал, чтобы они выбрали из каждой деревни стариков представителей и я им отдам все, что не нужно для нашей армии.

Крестьянские телеги, збруя, обывательские вещи, скоропортящиеся продукты, коровы, телята и даже часть лошадей были мною отданы представителям деревень, для распределения среди бедных крестьян.

Когда совершенно стемнело, я приказал закончить работу, ужинать и ложиться спать т. к. завтра с рассветом мы должны опять работать.

Солдаты нашли в обозе спирт, мясные консервы, разное печение и устроили себе веселый ужин.

Я со своими ординарцами и конным вестовым пошли в шоссейную будку, где надеялись переночевать, но будка была так разбита и разрушена, что я предпочел спать под деревом. В это время подошла к нам молодая, красивая, кокетливая и очень женственная галичанка.

«Я чула, що пан тыж украинец, я просыла-б Вас переночеваты в моим доми, бо мого человика забралы до войны, а я маю стару матир и дрибни диты,, а воны бояться москалив (солдат); я маю особый покий и чысту лушку (кровать), то

пану там будет гарнинько спаты», сказала она вкрадчивым голосом, ворочая своими большими, выразительными черными глазами, жеманно и кокетливо ежась и выставляя вперед свою пышную и твердую грудь.

«Да я уроженец Полтавщины» сказал я и спросил: «а как далеко Ваша хата?»

Та, зараз за цим садочком», ответила она показывая рукой, где светился маленький огонек.

«Ведите лошадей, мы пойдем к ней ночевать», сказал я солдатам и пошел за своей новой знакомой.

Хата оказалась чистенькой и ютно обстановленной, где было приятно переночевать, после грязных домов в еврейских местечках.

Солдаты дали хозяйке продукты и она быстро сделала вкусный обед из мясных консервов и сварила вареники, а сама принесла вишневую настойку. Я очень мало пил спиртные напитки, не находил в них никакого удовольствия и всегда болел от выпивки как-будто после отравления. Но моя хозяйка оказалась любительницей настойки, — не много выпила, повеселела, забыла о войне и муже, начала петь веселые украинские песенки и танцевать казачек с одним с моим гусар уроженцем Волыни. Она мне жаловалась, что проходящие мадьяры взяли у нея двух лошадей и повозку, поэтому, уходя от нея, я «за прекрасный ночлег» оставил ей пару хороших лошадей и телегу.

С рассветом закипела наша вчерашняя работа; день стоял опять жаркий и солдаты, обливаясь потом, стаскивали сломанные фургоны с шоссе.

Часов около 10-ти утра подошла авангардная пехотная рота.Было видно, как усталые и покрытые пылью солдаты любопытными глазами смотрели на море обоза и громадные склады продовольственных продуктов. Не успел еще капитан остановить свою роту, как солдаты бросились к обозу и складам продуктов. Но громкий окрик капитана вернул солдат в строй.

Я предложил капитану сделать здесь привал, накормить солдат из австрийских кухонь и взять для них нужное количество продуктов и вещей.

«Я думал это сделать, но боюсь, что нагонит меня полк и моя рота потеряет значение авангарда, а я получу нагоняй», сказал мне капитан.

«Я Вам помогу», ответил я ему, «Я пошлю такое-же пред-

ложение Вашему командиру полка, а что касается авангарда, то у меня выставлены заставы и высланы раз'езды к Радымской переправе и, по их донесению, неприятель отступил за реку Сан и на восточной стороне этой реки нет ни одного солдата неприятельской армии.

Капитан согласился на мое предложение, а я послал офицера на встречу пехоте и ко всему приказал добавить, что шоссе еще не совсем очищено.

Видимо мое сообщение понравилось пехоте и через полчаса полк уже подошел к нам. Солдаты несмотря на усталость спешили к привалу, а сзади их стуча колесами под'ехала артиллерия.

Впереди ехал толстый пожилой полковник с длинной рыжей бородой, с густыми усами и рыжими нависшими бровями, из под которых лихорадочно блестели усталые голубые глаза.

«Я очень был порадован Вашему сообщению, а то мы уже третий день делаем тяжелые переходы, стараясь настичь противника, до переправы его через Сан, а теперь я могу спокойно сделать здесь большой привал и воспользоваться Вашим предложением дать людям австрийский обед и получить для солдат продукты и вещи», сказал мне под'ехавший полковник, «только пожалуйста не давайте моим много спирту, а то, знаете, Ваши кавалеристы могут ехать выпивши, а у наших пехотинцев будут ноги заплетаться», добавил полковник, покрякивая и вытирая пыль на своих усах и бороде.

Авангардный капитан до подхода полка успел разогреть обед в австрийских кухаях, и скоро тысячи людей наполнив котелки обедом, а баклаги чаем, расселись вдоль шоссе и под рюмку спирта с аппетитом уплетали полученную еду, весело разговаривая между собой.

«Эх молодец наша кавалерия, хорошо угостила нас сегодня», сказал один, заталкивая в рот большой кусок вареного мяса.

«Дай Бог ей здоровечко», подхватил другой, выпивая рюмку спирта. «Помоги ей Бог, еще и еще обоз забрать и пехоту угощать», произнес третий, сам удивившись своей рифме.

«Да, ты брат видно стихоплет, можешь стишки писать», заметил иронически, раскрасневшийся от спирта, взводный унтер-офицер.

Разговор постепенно начал стихать и жужжащее поле лю-

лей скоро превратилось в огромное кладбище, спящих мертвецов.

Около двух часов дня мы закончили свою работу и я послал сказать командиру пехотного полка, что шоссе очищено от обломков обоза.

«Подымайсь», раздалась команда в голове полка и волной передавалась в хвост колонны.

Солдаты вяло подымались и, позевывая и потягиваясь, вставали на ноги, а по команде «в ружье» и «стройся», разбирали винтовки и становились в ряды на шоссе.

Видно было, что они отдохнули и к ним вернулась бодрость и энергия: с первых же шагов движения роты весело запели:

«Соловей, Соловей — залетная пташечка
Расскажи-ка Соловей, где живет милашечка.

. . . .

. . . .

Покачивая щетиной штыков длинная, темная колонна медленно двинулась к Радымской переправе.

К вечеру приехал этапный комендант, сдав ему собранное имущество, я пошел ночевать опять к моей гостеприимной красавице чернобровой галичанке, а на другой день рано утром выступил догонять свою дивизию.

С самого начала нашего выступления полил проливной дождь и шел весь день до вечера, пока мы не присоединились к дивизии остановившейся на ночлег в деревнях юго-восточнее крепости Перемышль.

Все промокли на сквозь, но к счастью деревня оказалась большая и все просторно разместились в халупах и имели возможность за ночь высушить одежду и амуницию; даже лошадей удалось поставить под крышу.

С 31-го августа по 3-е сентября дивизия имела несколько мелких боев с арьергардом противника отступающего южнее Перемышля.

После небольшого боя 3-го сентября у деревни Карамчацы дивизия 6-го сентября легко выбила противника из города Добромиля и таким образом отрезала сообщение крепости с югом.

После взятия Добромиля дивизия выдвинулась к западу от этого города и Граф Келлер 9-го сентября дал нам дневку.

Полки разместились по деревням, а штаб дивизии оста-

новился в помещичьем фольварке верстах в 5-ти от гусарского полка. Это была первая дневка после моего прибытия в полк. Дождь перестал, но воздух был прохладный и сырой; с пожелтевших листьев увядавших деревьев скатывались и падали вниз дождевые капли отражая в себе радужные цвета косых лучей низкого осеннего солнца. Видно было приближение осени, скоро наступит зима, а не только конца, но и полного начала войны мы еще не видели.

Полки принялись за приведение в порядок одежды и амуниции, за починку и мойку белья.

После полудня в полках была получена фонограмма требующая прибытия всех командиров полков к 4-м часам дня в штаб дивизии. В 3 часа Полковник Богородский уже выехал предстать пред грозные очи Гр. Келлера. Минут через пять после 4-х полковой ад'ютант был вызван к телефону доложить почему командир гусарского полка до сих пор не прибыл в штаб дивизии. Ад'тант ответил, что командир полка уже выехал час тому назад. Через несколько минут была опять получена телефонограмма, подписанная самим Гр. К., в которой указывалось. Старшему штаб офицеру 10-го гус. Ингерманландского полка Полковнику Чеславскому сейчас-же вступить в командование полком и немедленно прибыть в штаб дивизии.

Для большой скорости я сел на лошадь и без седла на попоне со своим конным вестовым поскакал в штаб дивизии.

По дороге меня встретил дивизионный врач и сказал мне, какой случай произошел с командиром нашего полка:

«Полковник Богородский недавно доставлен в полевой госпиталь в безчувственном состоянии, на него наскочила парная обозная повозка в карьер несущаяся с горы и на полном ходу дышлом ударила Богородского в колено, сбила его с лошади и он без чувст подобран и доставлен в госпиталь».

Приехав в штаб дивизии я был штабным ординарцем введен в комнату Графа, где уже был в сборе весь командный состав дивизии.

«Где Богородский?» спросил строго меня Гр., как только я всупил в роскошный кабинет хозяина фольварка.

Я доложил ему, что разсказал мне врач.

«С Вашим командиром вечно случаются какие нибудь истории», буркнул Граф и указал мне на кресло. Усевшись я с любопытством начал осматривать окружающих т. к. я первый раз встретил весь командный состав нашей дивизии.

За большим писменным столом сидел Граф Келлер и в

За большим письменным столом сидел Граф Келлер и в Кап. Сливинский, а все остальные сидели в креслах, разставленных вокруг стола.

Справа от Графа сидел моложавый, высокого роста, стройный, довольно красивый с откинутой назад головой командир 1-ой бригады Генерал-Маиор Марков. Он в мирное время командовал10-м гусарским полком, и Ингерманландцы успели мне многое о нем разсказать. В кавалерийских полках принято было, при назначении нового командира спрашивать его характеристику у офицеров того полка, откуда он назначался. Макаров был конно-Гранадер и гусары зопросили этот полк. Ответ был получен весьма краткий, но понятный для каждого кавалериста: «Лих в пешем строю», телеграфировали Конно-Гренадеры.

Марков был в полку, когда Конно-Гренадерами командовал В. К. Дмитрий Константинович.

Отдавая должное Дмитрию Константиновичу за прекрасную строевую подготовку Конно-Гренадерского полка, нельзя не упрекнуть его за то, что он все свободное время проводил в пирушках с офицерами полка: постоянные выпивки, пьяные песни под гитару, безсмысленные речи и пьяные поцелуи продолжались часто целыми ночами, при чем Д. К. зорко следил за всеми, чтобы кто-либо тихонько не удрал от пьянства; каждого пытающегося скрыться он возвращал обратно и здесь же предлагал ему с ним лично выпить. Когда же он замечал усталость своих собутыльников, то сейчас-же начиналась его любимая песня, и он сам с чаркой в руке запевал с тенорами:

Все-ли мы в добром здоровье?
Все-ли мы в добром здоровье?
Басы отвечали: Слава Богу, Слава Богу,
Все мы в добром здоровье.
А нельзя-ли нам с Вами выпить?
А нельзя-ли нам с Вами выпить?
Можно, можно, даже должно
Можно, можно, даже должно.

Таким образом спаивал В. Князь своих офицеров. Один из первых и лучших его Апостолов был Марков, который тоже самое проделывал с Ингерманландским полком и со штабом 10-ой кав. дивизии, когда Гр. Келлер получил 3-й конный корпус, а Маркову дал дивизию; Марков вполне оправдал ха-

рактеристику данную ему конно-гренадерами и не был, годен, как говорит военная пословица, «Ни к бою, ни к строю».

В дальнейшем я еще вернусь к этому, а теперь продолжу начатое мною наблюдение.

Рядом с Марковым сидел командир 10-го драг. Новогородского полка, человек пожилой ожиревший и видимо болезненный; он все время кривился, хватался руками за спину и лицо его выражало полное безразличие ко всему окружающему и одно желание: «делайте, что хотите, но отпустите меня на покой».

Сзади Маркова сидел командир 10-го улан. Одесского полка Полковник Данилов, среднего возраста и комплекции, с весьма симпатичным добрым лицом. Но меня удивило поведение Данилова: как только Граф начинал смотреть в его сторону, Данилов старался уклониться от взора Графа, скрываясь за спину Маркова, подобно ученику не знающему урока и прячущемуся от глаз учителя за других школьников.

Рядом со мной сидел командир Донского- конно-артиллерийского дивизона довольно молодой Полковник с красивым выразительным лицом, отражающим твердый и независимый характер. С Графом он держал себя весьма непринужденно.

Ближе всех к Графу сидел командир 1-го Оренбургского полка, Войсковой Старшина Печенкин, небольшого роста, худой с желто- коричневым и нервным лицом; он сквозь очки старался пожирать Графа глазами, улавливая не только его слова, но и движения; когда Граф водил пальцем по карте, Печенкин наклонялся в ту сторону, куда двигалась рука Графа.

Закончив отметки по карте Граф обратился к Печенкину. «Сегодня я пробовал пищу в 5-ой сотне Вашего полка и нашел, что суп ни к чорту не годен».

«Так тошно, так тошно, Ваше Сиятельство; суп был плоховат, плоховат», торопливо ответил Печенкин.

«Бульен был наваристый... начал было Граф, но Печенкин перебил словами:

«Так тошно, так тошно, суп был хороошо, хороошо наваристый». «Да я говорю не о супе, а о бульене», продолжал Граф»: суп был до того жидкий, что за картошкой нужно было гоняться ложкой по всему котлу».

«Так тошно, так тошно, суп был пустоват, пустоват, Ваше Сиятельство», спешил ответить Печенкин.

«Ну, а Вы что-же дали кулебяку к этому бульену?» Иро-

нически спросил Граф.

«Так тощ...», начал было Печенкин, но спохватился и добавил; «Никак нет, но на следующей дневке обязательно достану ету кулыбаку».

Все расхохотались и даже серьезный Граф улыбнулся и больше уже не подымал вопроса о кулебяке.

Покончив с разносом Печенкина, Граф снял пенснэ и обратившись ко всем, начал говорить о предстоящем походе:

«Завтра мы выступаем на запад и первый раз входим в Карпатские горы. Дивизия несколько десятков лет стояла и маневрировала на равнинах Малороссии и конечно ни солдаты, ни офицеры не знакомы с боевыми действиями в горах, поэтому нужно быть весьма бдительными, чтобы не быть захваченными врасплох в горных ущельях».

«Кто должен завтра идти в авангарде?» спросил Граф Сливинского. «Гусары», ответил капитан.

«Так вот, смотрите», сказал Граф подзывая меня к карте, «наша задача захватить переправу через реку Сан у города Санок и завладеть этим городом, тогда мы отрежем Перемышль с запада и крепость будет окружена со всех сторон, т. к. с севера Радымская переправа уже взята нашими войсками».

«Первым этапом наших действий будет занятие завтра местечка Тростинец; здесь сходится несколько дорог, а кроме того Тростинец является прикрытием Санокской переправы и вероятно противник будет упорно его защищать.

Как видите в направлении Тростинца идут почти параллельно три узкие горные долины, я думаю по боковым долинам Вы пустите боковые походные заставы, а по средней идите с полком высылая, как можно дальше головную заставу и дозоры, да двигайтесь поскорее, а то день теперь короткий, а нам предстоит пройти более 25-ти верст и брать Тростинец», закончил Граф.

« Я считаю необходимым доложить Вам, Ваше Сиятельство, что Ваши указания для завтрашнего похода не достаточно обеспечивают движение такой длинной колонны, как дивизия», сказал я и увидел, что мои слова вызвали удивление у многих присутствующих:

Глаза Печенкина быстро замигали под его очками; Данилов перестал прятаться за Маркова, а прямо смотрел на Графа и даже командир драгунского полка, как бы на время

забыл боль своих почек и с любопытством смотрел на нас и только командир артиллерийского дивизиона, опершись щекой на руку, оставался совершенно спокойным.

«Мы таким способом начали горную войну с японцами», продолжал я, «и за это жестоко поплатились, — из 11-ти раз'ездов, высланных от дивизии Мищенко и Рененкампфа вернулись целыми только три, остальные или вышли пешими по одиночке или погибли в горах Манчжурии, нарвавшись на скрытые засады японцев; также погиб командир Сибирского казачьего полка со своим штабом и частью главной колонны полка:

Японцы пропустили не только казачьи дозоры, но и заставы, а когда полк втянулся в узкую долину, японцы спрятанные за хребтами гор расстреляли его перекрестным огнем с обоих сторон.

Произошла эта катастрофа благодаря тому, что боковые дозоры, идущие по хребтам гор не могли поспевать в движении на равне с головными частями, идущими по дороге хотя-бы самым маленьким шагом и полк, оставшись без бокового охранения, попал под неожиданный огонь японцев. Конечно, немцы и австрийцы не на столько храбры и предприимчивы в горах, как японцы, но у них имеются специальные Альпийские стрелковые полки, кои могут доставить нам неприятность».

Граф строгим и пытливым взглядом смотрел на меня, пока я делал свой доклад и когда я кончил, он вместо того, чтобы озлиться, как многие из присутствующих ожидали, спокойно спросил:

«А что Вы предложите?»

Видимо никто не ожидал, такого поворота со стороны Графа и все успокоились.

«Я бы предложил применить тот способ охранения движения в горах, который мы впоследствии выработали на основании опыта японской войны и пользовались ими в Манчжурии», ответил я.

«А именно?» спросил Граф.

«Первое не подходить колонной главных сил к подошве перевала ближе, чем на две три версты, пока авангард не займет всего перевала т. к. при теперешнем дальнебойном огне, артиллерия может с высот перевала разстрелять безнаказанно втянувшуюся в узкую горную долину колонну.

«Второе, что бы обеспечить дивизию от огня с боко-

вых гор долин, авангард должен, вместо высылки подвижных дозоров, выставить на горах вдоль всего пути наблюдательные посты, кои должны стоять на местах пока все части дивизии не минуют их, тогда они спустятся вниз и присоединятся к ар'ергарду», закончил я свой доклад.

«Гм», промычал Граф и задумался, а все молчали.

«Я поддерживаю полковника Чеславского», сказал командир конно-артиллерийского дивизиона.

«Да, я тоже думаю, что при таком способе охранения будет безопаснее двигаться в горах», ответил Граф.

«Так тошно, так тошно, Ваше Сиятельство, так будет совсем, совсем безопасно», заговорил оживленно Печенкин.

«Хорошо», сказал Граф, «действуйте Вашим способом, а теперь нужно решить в каком часу выступить, переход довольно большой, в горах придется двигаться медленно, поэтому нужно выступить рано, часа в 4-е.

«Так тошно, так тошно, Ваше Сиятельство, пораньше, пораньше, мы так с темнотой и влезем в горы, что противник не заметит», поспешно сказал Печенкин

«По карте до гор почти пять верст», сказал я, «и мне чтобы успеть разставить посты необходимо выступить с авангардом по меньшей мере за час до начала движения дивизии, т. е. я к горам подойду к 4-м часам утра, когда еще будет совсем темно и мне крайне затруднительно будет разставлять посты».

«Это верно», ответил Граф, «Вы выступайте в 6 часов утра, а мы через час тронемся за Вами».

«Так тошно, так тошно, Ваше Сиятельство, с разсветом будет подходяще и виднее ставить охранение», опять успел выпалить Печенкин.

Граф опять улыбнулся и вставая сказал: «Ну, а теперь, господа, поезжайте домой, делайте распоряжение и завтра раньше накормите людей и лошадей».

«Под какой счастливой звездой Вы родились?» сказал мне Данилов, когда мы уходили из заседания.

«А что?» спросил я.

«Как же, Вы разве не помните, что Вы сделали «замечание» Графу о неправильном его указании об охранении в горах, мы все ожидали что вот, вот Граф стукнет по столу кулаком и удалит Вас от командования полком», ответил Данилов.

«Да мы сами виноваты», заметил командир кон.-арт. ди-

визиона, «потому, что на все правильные или неправильные распоряжения Графа мы или отмалчиваемся или поддакиваем и этим приучили его смотреть на нас, как на говорящих ему только «так точно», без всякого возражения, а приехал свежий человек и вместо «так точно», высказал свое мнение и видите Граф с ним согласился».

По возвращении на стоянку, я отдал приказ по полку о моем вступлении в командование 10-м гусарским Ингерманландским полком и сейчас-же потребовал к себе делопроизводителя по хозяйственной части и приказал ему не медленно составить заказ на теплые вещи для всего полка, послать одного офицера и двух солдат в Россию купить и привезти все на фронт, как можно скорее. Делопроизводитель пытался сослаться на приказание интенданства, запрещающее частям войск армии покупать вещи самостоятельно, т. к. интенданство все доставит само.

«Казав пан що кожух дам, да тилько слово его тепле», ответил я украинской пословицей делопроизводителю и добавил: из опыта знаю, что если понадеемся на интенданство, то получим теплые вещи, дай Бог к Рождеству, а то и позже». С этого начал я командовать полком.

ГЛАВА IV.

При приеме мною полка состав чинов штаба остался тотже, что мною перечислен на странице 22-ой.

Состав-же командиров экскадронов сильно изменился со времени мобилизации: 1-м командовал Штабс-Ротмистр Гуржин; 2-м Ротмистр Барбович; 3-м Штабс-Ротмистр Селиванов; 4-м Штабс-Ротмистр Дылевский; 5-м Ротмистр Андреев, который также скоро ушел из строя; 6-м вр. командовал Поручик Гурский и пулеметной командой Ротмистр Пальшау.

Таким образом из шести командиров эскадронов мирного времени, только один Рот. Барбович остался в строю со дня мобилизации до производства в штаб- офицеры и далее до конца войны; Ротмист Оленич был убит в начале войны, а остальные Ротмистра ушли в тыл «по болезни» и устроились на нестроевых должностях.

Что касается младших офицеров, то кроме описаний их

деятельности в тексте воспоминаний, я еще в конце книги прилагаю список офицеров, — вышедших на войну по мобилизации, прибывших в полк в течении войны, их боевую службу, их заслуги и судьбу.

Относительно гусар — нижних чинов, я постараюсь отметить выдающихся в боевом отношении и указать в списке, кто был награжден знаками отличия Св. Георгия и кто был произведены в офицеры за боевые заслуги.

Покончив вопросы хозяйственной части, главным образом о покупке теплых вещей для гусар и вызвав командиров эскадронов, я назначил Подполковника Опатовича начальником головного отряда разсказал им задачу и способ охранения походного движения в горах неподвижными постами и отпустив всех я мог лечь спать лишь во втором часу ночи.

За деревянной стенкой в другой комнате сидели два дежурных телефониста и их разговор был мною ясно слышен:

«Да, што, брат, тут ничего не поможет, раз Граф не заодин.

«Што думаю. здается будет хорош, вишь, он очень боевой, еще в японску — получил егоревский крест»; ответил второй.

«Да, што, брат, тут чичего не поможет, раз Граф не залюбит, то держись», возразил первый.

«Граф то ругает всех, но знает хто хорош, а хто плохой», опять заговорил первый: «смотри, как он любит Сливинского, Печенкина и командира артиллерии, а вот на нашего Богородского все наскакивал, да...

Я быстро уснул и не слыхал дальнейших разговоров телефонистов.

Обычно на дневках Граф приказывал притянуть к полкам необходимую часть обоза II-го разряда и в то время приезжал к нам полковой священник отец Василий.

Он тяготился бездельной жизнью в обозе, где ему совершенно нечего было делать.

Убитых в большинстве случаев хоронили сейчас же за боевой линией, без отпевания, а тяжело ранных отправляли в госпиталя и если они не выздоравливали, то там и умерали и священнику в кавалерии было меньше всего работы.

Поэтому о. Василий был очень рад дневке, особенно в праздник, когда он мог отслужить обедню или вечерню. Для нас он был редким гостем и являлся хорошим собеседником разсказывая тыловые новости, а особенно был полезен, когда

приходилось вставать очень рано утром. В эти дни не нужно было, ставить будильника или приказывать дневальному будить, — батюшка всегда вставал за два часа раньше, чем нужно, варил себе и нам чаек, приготовлял завтрак и за час был уже готов к походу: одевал он всегда свое длинное пальто с большим меховым воротником, подпоясывался белым полотенцем и навешивал на него, вокруг себя, маленькие мешечки, один с сухарями, другой с чаем, третий с сахаром, а затем с крупой, луком, солью, картошкой, а на животе привязывал жестяной чайник и эмалированную кружку.

В таком виде батя начинал нас будить; при чем после нашего ухода, обоз выступал часа на два позже, а наш батюшка был готов к этому часа за три раньше выступления и всегда волновался, чтобы не опоздать и не отстать от уходящего обоза.

5½ часам утра все эскадроны уже собрались на сборном пункте у западной околицы деревни.

Утро было туманное и прохладное все были одеты в шинели и люди, и лошади выглядили отдохнувшими за дневку.

Выступил головный отряд, я с полком минут через 15 выступил за ним, связавшись цепочной парных всадников.

«Ну, пишите Графу донесение», сказал я ад'ютанту.

Он посмотрев на меня с некоторым удивлением и вынув полевую книжку донесений, спросил. «Что прикажете написать?»

«Пишите» сказал я: Графу Келлер 10-го сентября 1914 г. 5 час. 58 м. утра. Западная околица деревни П... «Выступил в указанном Вами направлении.

Командир гусарского полка.

Я подписал донесение и поехал дальше.

Дорога оказалась убийственной. По шоссе по которому мы шли, отступила целая австрийская армия, с ея артиллерией, парками, обозами и другими перевозочными средствами и все шоссе положительно привели в состояние вспаханного поля с глубокими бороздами, выбоинами, рытвинами, колдобинами, а иногда просто ямами.

Было жаль несчастных лошадей, напрягающих все силы, чтобы не попасть ногами в борозды и ямы, в то-же время спотыкались, падали на колени и вытягивали то одну, то другую ногу, попавшую в глубокую выбоину шоссе.

Пробовали идти по обочинам шоссе, но почва так раз-

мякла от недавних дождей, что лошади вязли по брюхо в грязи и не могли вытащить ног.

Около 7 часов утра мы втянулись в ущелье Карпатских гор и заняли небольшую деревушку, где противник оставил несколько десятков больных солдат под защитой флага «Красного Креста» с несколькими почти больными санитарами.

По паказанию пленных я узнал, что рано утром из этой деревни в направлении на местечко Тростинец выступала неприятельская пехотная бригада с артиллерией и обозом.

Я приказал ад'ютанту написать донесение изложив все мною выше сказанное, как о дороге, так и о неприятеле и о выставленном охранении.

«Не будут ли наши донесения очень часты? Граф не особенно любит, если ему слишком надоедают», сказал весьма учтиво ад'ютант.

«Пусть меня выоугает за частые донесения, чем за редкие», ответил я.

К полудню мы прошли ущелье и вышли в широкую долину, а впереди верстах в 3—4-х, по обе стороны шоссе, виднелся громадный и густой лес; я передал приказание головному отряду перейти на подвижное охранение, вместо наблюдательных постов.

Как только лава походных застав приблизилась к лесу, противник ее встретил ружейным и пулеметным огнем.

Из 6-ти эскадронов полка 2 ушло на разстановку неподвижных постов охраннения и оставив один эскадрон в резерве при коноводах, мне удалось спешить три эскадрона, кои и двинулись, для вытеснения неприятеля из леса.

Видимо лес занимал тыловой отряд противнаки т. к., когда наши цепи открыли огонь и начали наступать, он быстро скрылся в лесу, а наши цепи заняли его без особых затруднений.

Я промерил величину леса по карте, — он тянулся в глубину около двух с половиной верст; пришлось цепям продолжать наступление по лесу, по обе стороны шоссе, но лес оказался до того густой и ветви деревьев так переплелись между собой, что спешанные гусары, кое как, пробирались вперед и движение крайне замедлилось.

Я понял, что, при таком положении Граф с глвной колонной может скоро догнать меня, поэтому чтобы ускорить осмотр леса я рискнул послать офицерский раз'езд проскакать голопом, по шоссе сквозь лес, без бокового охра-

нения, лишь при трех передовых дозорных.

Раз'езд оказался счастливым, он проскакал до противоположного края леса без всяких потерь и прислал мне весьма важное донесение, указав, что село Тростинец занято противником, при чем три его батальена расположились на площади у церкви, вероятно для обеда т. к. в бинокль видно, как солдаты получают пищу из походных кухонь, а три баталиона и одна батарея заняли против нас позицию; часть же артиллерии и большой обоз уходят в горы к западу от Тростинца.

При таком донесении у меня закипел боевой инстинкт кавалериста: Я приказал Подполковнику Опатовичу сажать гусар на коней и вести полк рысью за мной, а сам вскочил на коня и со своими ординарцами и ад'ютантом поскакал к месту нахождения раз'нзда. (К сожалению я не помню фамаилии офицера, кто дал мне такое подрсбное и точное донесение, но он записан в журнал военных действий пелка, который находится в архивах главного штаба в Петрограде и военный историк, может быть отметит работу этого доблесного офицера).

Я подробно донес обо всем Графу и просил его скорее прислать мне поддержку, а главное артиллерию.

Скоро подошел Опатович с полком и мы начали принимать пеший боевой порядок. Противник заметил нас и, его батарея открыла огонь по гусарам, а пехота начала наступать на нас,, очевидно заметив малочисленность наших цепей. Я выдвинул все 8 пулеметов в боевую линию и приказал им обстреливать наступающего противника самым усиленным огнем, а цепям залечь и задерживать противника, до подхода главной колонны нашей дивизии.

В это время пришел мне ответ отГрафа на мое донесение; в котором он писал: «На поддержку посылаю Вам драгунский полк, артиллерией помочь не могу, т. к., благодаря испорченной дороге, батареи двигаются очень медленно».

Я не удовлетворился ответом Графа и опять написал ему: «Артиллерия крайне мне необходима, иначе противник уведет свои батареи в обоз без наказанно. Пришлите мне хотя одно орудие удвоив запряжку»!

Мой ад'ютант пришел в ужас от такого донесения, он уверял меня, что Граф ни кому не доверяет артиллерии; и я своим донесением лишь испорчу себе хорошое отношение Графа. Я не обратил внимания на предупреждение ад'

ютанта и приказал ему, как можно скорее отправить это донесение.

Противник продолжал наступать на нас тремя батальонами, слабо поддерживая их огнем своей артиллерии, а его резерв по прежнему оставался в с. Тростинец.

Спустя некоторое время командир 3-го эскадрона Ротмистр Силиванов донес. что две роты противника обходят наш правый фланг. В это время подошел драгунский полк и я послал три его эскадрона для противодействия его обхода, но противник видя свое превосходство в силах продолжал наступать, а мои эскадроны начали запрашивать, «какое будет дальнейшее действие полка?» Я передал через ординарцев, что мы должны держаться во чтобы то ни стало, до подхода главных сил нашей дивизии. Сам же я увидел, что положение становится серьезным: Дивизия, благодаря медленному движению артиллерии, находилась еще далеко и противник пользуясь превосходством сил мог меня сбить до подхода наших главных сил. Поэтому, как говорят, я ждал от Графа ответа, как «манны небесной».

Вдруг, неожиданно, вижу скачет ко мне конно-артиллерийский офицер. Он доложил мне, что, по приказанию Графа, он прибыл с двумя конными орудиями в мое распоряжение. На мой вопрос, как ему удалось по столь скверной дороге, так быстро привести мне пушки, он ответил:

«Граф приказал в каждое орудие еще припречь по три пары уносов (уносом в артиллерии называют дышловую парную запряжку лошадей). Благодаря этому я имел возможность так скоро прибыть к Вам».

Я показал ему обстановку и приказал бить беглым огнем по площади Тростинца, где стоял резерв противника, не обращая внимания на него наступающие цепи. «Собьем резерв, боевая линия сама отхлынет», добавил я артиллеристу.

«Да это хлебное поле для нас», ответил он, «с этого места очень хорошо все видно и я протяну телефон от орудий сюда и с этого пункта буду управлять огнем».

Ну, спешите скорее и задайте им жару, а то они видимо не ожидают угощения шрапнелью и спокойно сидят в селе», крикнул я ему, когда он уже бежал к своим орудиям.

Телефонисты протянули провод и вернувшийся артиллерийский офицер, взяв телефонную трубку, спросил меня: «Прикажете стрелять?»

«Прицел 120, трубка 86, угломер 17, одним патроном

каждое», скомандовал он по телефону.

«Жарьте», ответил я ему.

Сзади раздалось два выстрела и над нашими головами пронеслись с шипением и визгом два снаряда. Я схватился за бинокль и увидел, как один из пролетевших наших снарядов разорвался в конце села, а другой врезался в землю на площади почти у самой церкви, оттуда показался столб черного дыма, медленно подымающийся к верху, а в стороны полетели осколки разорвавшагося снаряда и куски земли смешанные с камнями сельской мостовой.

В селе поднялась суета: Обоз и часть артиллерии двинулись назад к западной окраине и далее в ущелье гор, а пехотная колонна пошла прямо в нашу сторону, повидимому противник решил перейти в решительное против нас наступление, с поддержкой своим резервом.

«Беглый огонь», закричал я артиллеристу, обрадованный столь удачным попадением снаряда.

Наши снаряды понеслись на неприятеля и рвались по улицам села, где двигались колонны противника, внося большую сумятицу в ряды войск и особенно в обоз.

Через некоторое время колонны, наступающаго резерва остановились, а затем повернули назад, а цели противника стали сползать за хребты и тоже медленно пошли к селу, отстреливаясь на ходу.

Интересный эпизод произошел во время этого боя и я решил упомянуть о нем, чтобы показать, как в весьма тяжелый и серьезный момент, когда жизнь каждого подвержена большой опасности, маленькая вещь может отвлечь внимание и забыть о грозящей опасности:

Во время самого разгара боя, когда каждая дерущаяся сторона напрягала все усилия, чтобы развить огонь высшаго напряжения, вдруг из под копны соломы выскочил заяц, сначала он бросился в сторону австрийцев, но увидев их цепь, повернул и поскакал в нашу сторону, а увидев нас, прижал уши к самой спине, стремглав понесся между обоими цепями, делая высокие прыжки, то влево, то вправо, пугаясь близко ложившихся около него сотен пуль, пускаемых обоими сторонами в зайца вместо неприятеля; казалось, что солдаты наши и австрийские забыли о бое и все внимание сосредоточили на бегущем зайце и я уверен, что еслибы какая нибудь пуля сразила беглеца, то в азарте с обоих сторон побежали бы подобрать убитаго зайца, пренебрегая

опасностью быть самим убитым, но этого не случилось т. к. заяц проскакал не задетый ни одной пулей.

Только, что кончился этот веселый номер, как на сцену боя вышла трагическая фигура: очень старый еврей, с длинной седой бородой, в черном лапсердаке, с маленькой круглой ярмолкой на голове и громадным белым мешком за спиной, согнувшись под тяжестью ноши, едва, едва передвигая ноги, одетые в белые длинные чулки и черные башмаки, медленно шагал по следам пробежавшаго зайца.

Цепи обеих сторон прекратили огонь, и начали махать ему, показывая, чтобы он ушел назад, но несчастный еврей не обращал никакого внимания ни на пули, летящие около него, ни на знаки солдат и продолжал свой путь между боевыми цепями, пока не дошел до пригорка и там в изнеможении лег на землю.

Когда наши цепи двинулись вперед за отступающим противником, солдаты подобрали еврея и помогли ему вернуться в Тростинец; он рассказал, что был так перепуган разрывами снарядов, падающих около его дома, что решил уйти в поле и там умереть, лишь бы не слышать этого ужасного грохота; в мешок он взял все необходимое, для своего погребения.

Как только было замечено отступление противника, я приказал нашим пушкам бить по уходящей артиллерии и обозу, в это время под'ехал Граф с двумя конными батареями и отступающая колонна противника подверглась обстрелу 12-ти скорострельных орудий: снаряды засыпали все пространство, где двигались неприятельские части, в обозе поднялась такая же паника, какую я описал при первой нашей атаке и захвата громадного обоза двух австрийских армий, но на этот раз за обозом шли два неприятельских пехотных полка с артиллерией и мы не имели возможности атаковать его в конном строю, а преследовали лишь артиллерией и пешими цепями, однако противник и в этот раз бросил довольно много имущества, главным образом грузовые и легкие автомобили.

Мы заняли местечко Тростинец, а я с гусарским полком преследовал противника по пятам до самой поздней ночи; гусары захватили брошенный неприятелем обоз и заняли высоты к западу от Тростинца и выставили боевое сторожевое охранение.

Вечером Граф приказал сменить мой полк драгунами, и только к одинадцати часам ночи мы вернулись в Тростинец на ночлег после 18-ти часов непрерывной работы в бою и походе и весь день ни чего еще не ели.

Оставив за себя Подполковника Фон Кюгельхен, я поехал в штаб дивизии с докладом. Во дворе штаба были собраны пленные, которых опрашивал капитан Сливинский по немецки, а Граф сидя на крыльце разговаривал по-французски с австрийским пленным Капитаном. Все командиры полков уже были в сборе и видимо Граф поджидал моего прибытия, для отдачи приказания на завтра и как только я взошел на крыльцо, Граф прекратил разговор с австрийцем и обратившись ко мне сказал: «Я очень доволен Вашими действиями за сегодняшний день, Вы своими донесениями держали меня в курсе, что делалось у Вас на фронте. На всем пути в горах я видел Ваши охранные наблюдательные посты и был спокоен за растянувшуюся в ущелье дивизию. Вы вступили в бой в пять раз сильнее Вас противником, заставили его развернуться и в конце концов заняли Тростинец, да еще опять захватили его автомобильную обозовую колонну».

«Австрийский Капитан рассказывает», продолжал Граф, что они не имели никакого намерения вступать в бой с наступлением, но их бригадный командир узнав, что против него лишь несколько спешанных эскадронов, даже без артиллерии, был возмущен такому нахальству и приказал перейти в наступление и отбросить Вас от Тростинца, где они собирались остановиться на ночлег».

«Но лишь только они начали наступать, как откуда то ни возмись, неожиданно прилетели два артиллерийских снаряда и один, разорвавшись на площади у церкви убил самого командира бригады и ранил нескольких лиц его штаба. Вступивший в командование бригадой командир австрийскаго полка решил, что сзади вероятно идут большие силы русских и он приказал отступать и оставить Тростинец, и Капитан добавил, что если бы они знали, что их атакует одна кавалерия то они Тростинца не уступили бы».

«И так мы сегодня выполнили нашу задачу и сделали хорошее дело», сказал Граф, переходя к вопросу о завтрашнем дне, следовало бы их преследовать завтра, но артиллерийские лошади до того выбились из сил по этой ужасной дороге в горах, что вряд ли они завтра будут в состоянии

вести пушки, поэтому я решил сделать дневку, я думаю мы это заслужили».

После этого мы раз'ехались по квартирам.

«Ну, что Луговой?» сказал я своему ад'ютанту, «Ваши предсказания не сбылись и Граф остался доволен нашими сегодняшними действиями».

«Не только доволен», ответил Луговой, «но мне штабные сказали, что Граф в течение дня несколько раз Вас хвалил и даже ставил в пример другим командирам полков».

«Наверное Вы привезли с Дальнего Востока какую нибудь заколдавонную «Будой» святую воду и полели нашего Графа Келлера, что он такой к Вам стал хороший», смеясь сказал ад'ютант.

Все мы так устали, что я добравшись до квартиры выпив стакан чаю, сейчас же лег и крепко уснул.

На другой день погода совершенно переменилась: дождь перестал, тучи уплыли куда то далеко за Карпатские горы, а вместо них мы утром увидили голубое прозрачное небо, по которому плавно вверх подымалось яркое солнце, высушивая своими лучами, залитую дождем землю, из которой подымалось, «плавая в воздухе» водяное испарение.

Все опять принялись за сушку и чистку одежды и амуниции и были очень довольны тем, что неприятель оставил в Тростинце большие запасы фуража, который лошади ели до отвалу, а солдатам не пришлось рыскать по халупам, добывая для них корм, который на войне для кавалерии является самой трудной задачей.

Тростинец довольно большое и торгое местечко, в котором дивизия разместилась довольно широко и не в чем не нуждалась; но эта стоянка впоследствии сделалась для нашей дивизии роковой: ушедшие австрийцы оставили много своих больных и наши врачи только к вечеру дневки обнаружили у них холеру, конечно, эта отвратительная, заразительная болезнь быстро распространилась среди нашей дивизии, о чем я напишу позже, а теперь перейду к нашему походу на город Санок и переправу через реку Сан.

За время дневки в местечке Тростинец, раз'езды, высланные в направлении Санокской переправы,, доносили, что противник безостановочно двигается к этому пункту

Выступив из Тростинца 12-го сентября мы весь этот день и на другой день 13-го не встретили неприятеля и около 3-х часов дня достигли переправы на реке Сан у города Са-

нок, где мост через эту реку был взрован, отступающими австрийскими войсками

В этот день гусарский полк опять шел в авангарде и на меня легла задача форсировать переправу. По донесениям раз'ездов и по произведенной мною рекогносцировки было видно, что неприятель покинул город Санок, оставив лишь там свой наблюдательный раз'езд.

Лава выпущенных разведчиков начала искать брод, и только в одном пункте удалось найти место, где лошади могли перейти реку погружаясь в воду по спины и дно было более-менее твердое, в других-же местах вода была выше роста лошадей и с илистым дном.

Первым переправился раз'езд Корнета Эмниха, а за ним Шт. Ротмистр Ряснянский с разведчиками и далее два эскадрона под командой Подполковника Опатовича. Переправившиеся гусары очистили город Санок от неприятельских раз'ездов, а я переправившись с полком, сейчас-же выдвинул авангард Опатовича к западу от города; назначил Подполковника фон-Кюгельхен комендантом города Санок и приказал ему выпустить воззвание к жителям, указав, что им опасность совершенно не угрожает, они могут открыть свои лавки, вести торговлю и жить нормальным путем,а в случае грабежа или насилий со стороны солдат, то немедленно заявлять патрулям, охраняющим город или коменданту, который разместил свое управление в городской управе. Выпущенное воззвание быстро имело свое воздействие и вначале опустевший город начал оживать. Евреи открыли лавки, жители появились на улицах, а дети с любопытством смотрели в окна на красивых всадников раз'езжающихся по квартирам. До вечера городская жизнь почти вошла в свое нормальное русло, но с наступлением темноты начали появляться случаи грабежей; даже три молоденькие девушки - сестры испуганные прибежали ко мне в штаб полка и заявили, что к ним пришли выпившие солдаты и начали приставать к женщинам и что они убедительно просят поставить к ним на квартиру офицера. Я выполнил их просьбу, узнав об этом многие женщины засыпали такими-же просьбами.Не будучи в состоянии удовлетворить всех, я в помощь патрулям послал несколько конных офицерских раз'ездов, в распоряжение коменданта города и приказал об'явить, что все грабители и насильники будут арестованы и преданы военно-полевому суду, что повлечет за

собою смертную казнь, согласно законам военного времени. После этого все грабежи и насилия быстро прекратились.

И так с занятием Санока наша дивизия выполнила свою задачу и крепость Перемышль была нами отрезана с Юго-Запада и таким образом она, — краса и гордость инженерной фортификации, твердыня и надежда австрийского командования, была окружена русскими войсками.

Граф Келлер получил за эти действия личную благодарность от Верховного Главнокомандующего Великого Князя Николая Николаевича и на него была возложена дальнейшая задача наблюдение и охранение путей, ведущих к Перемышлю с югозапада т. е. главнейшее направление, по которому австрийская армия может возобновить свое наступление.

Мы же гордились тем, что первые отрезали Кр. Перемышль, а теперь стоим на главном направлении впереди всех войск нашего Юго-Западного фронта.

Граф решил оставаться в городе Саноке до прихода нашей пехоты и выставив сторожевое охранение в направлении города Риманова, лежащаго верстах 35-ти к западу от Санока.

На другой день нашей стоянки т. е. 14-го сентября гусарский полк был сменен со сторожевого охранения и с охраны города и расположился в районе школы и церкви, а штаб полка поместился в доме униатского священника галичанина, у которого жена была ярая руссофилка, а он сторонник Австрии и на этой почве у них были горячие споры доходившие до семейного раскола; он доказывал, что австрийская армия никогда не допустит прихода русских в Санок, она же держалась другого мнения и была весьма обрадована нашему приходу и делала все возможное, чтобы лучше устроить русских.

Уже к вечеру 14-го сентября стали поступать донесения из эскадронов о тяжеломом желудочном заболевании гусар, а утром 15 числа полковой врач донес рапортом, что у заболевших он нашел сиптомы холеры. Я донес об этом в штаб дивизии и узнал, что эта болезнь появилась во всех наших частях и распростаняется очень быстро, а дня через два мы имели более одной трети людей больных холерой.

Оставленный австрийский госпиталь, городская дума, школа и свободные австрийские бараки были отведены под больных: все врачи, фелшера и санитары целыми сутками

без отдыха и сна боролись с этой ужастной болезней,, напрягали все силы спасти людей от такой мерзо-пакостной безславной смерти молодых, здоровых и полных жизни солдат. Сам Граф Келлер два раза в сутки обходил всех больных,следя, чтобы у каждого больного были у ног бутылки с горячей водой и растирали-б тех у кого сильная рвота и корчи.

Отдать справедливость Графу он совершенно игнорировал опасность заразиться, — подходил к тяжело больным и сам растирал им руки и пробовал горяча-ли вода в бутылках, разговаривал и утешал больных, что холера в легкой форме и ни кто еще не умер и наверное смертных случаев не будет. Это сильно ободряло больных солдат морально.

Такую-же заботу о больных он требовал и от своего командного состава дивизии.

Положение наше было очень серьезное, если не критическое: мы находились на растоянии более ста верст впереди нашей армии, эвакуировать так много больных при такой тяжелой и заразной болезни, как холера, без санитарных поездов было не возможно; имея одну треть больных и одну треть связанных с лошадьми заболевших и с другими нарядами полки дивизии потеряли две трети своей боевой способности.

В один из вечеров Граф вызвал всех командиров полков на совещание; он был сильно взволнован и как только мы собрались, сейчас-же начал всех ругать за мало проявленную заботу о больных.

Командир конно-артиллерийского дивизиона поднялся и сказал: «Чтоже мы можем больше сделать, все что от нас зависело и что Вы требовали мы выполнили, а прекратить холеру не в наших силах.

Граф взбеленился, вскочил со своего стула ударил кулаком по столу и закричал: «Вы еще смеете говорить, что Вы все сделали и больше ни чем помочь не можете, так я Вам покажу, что Вы еще можете сделать». И обратился к начальнику штаба сказал: «Я назначаю командиров полков ночными дежурными по холерным баракам и Вы распределите им очередь». Выпалив это, Граф хлопнул дверью вышел из комнаты заседани»

«Ну, и пошто Вы разсердили Графа», заговорил Войсковой Старшина Печенкин, «вот теперь и наделали сами себе неприятностей».

«По бараку, что у церкви придется делить ночь Полковнику Черимисену с полковником Чеславским, в в другом Войсковому-Старшине Печенкину с Вами», сказал начальник штаба дивизии, обратившись к Командиру конно-артиллерийского дивизиона. Драгуны были в охранении поэтому Командир драгунского полка не попал в наряд.

К этому времени Командир уланского полка Полковник Данилов был назначен командиром бригады, а Черимисенов вступил в командование полком, поэтому он и очутился моим партнером по холерному бараку.

«Это невозможно», начал говорить Черимисинов, когда мы ушли из штаба дивизии, «ни в одном воинском уставе или за коне не предусматривается назначать командиров полков дежурными по бараку, это обязанность унтер-офицеров и фельдшаров, а тут прослуживши 35 лет, на старости, приходится обратиться в унтера и дежурить по холерному бараку, да я еще ненавижу и, по правде сказать боюсь, заразиться этой ужасной болезнью».

Да, это просто самодурство», сказал командир артиллерийского дивизиона, «подождите он еще нас заставит дневалить по конюшням, от него все можно ожидать».

«Вы уж, дежурьте с 12-ти до утра, а я буду с вечера до полуночи; Вы помоложе меня и легче, чем я можете отбыть это глухое полуночное время», обратился ко мне Черимисинов.

«Хорошо, ответил я», и мы разошлись по домам.

Когда я вошел в квартиру, за столом уже сидели все офицеры моего штаба полка, во главе с нашей матушкой руссофилкой, у которой мы разместились на стоянку.

В этот вечер она приготовила нам ужин и даже достала из погреба очень хорошее старое венгерское вино.

«Ну, что новенького в штабе дивизии?» спросил меня ад'ютант.

«Ничего особенного», ответил я, «нашу дивизию из 3-ей армии перевели в 8-ю Генерала Брусилова; и мы теперь составляем кавалерийскую завесу к Западу от кр. Перемышль и будем стоять в этом направлении, пока наша пехота не окружит эту крепость».

Матушка, заметив, что моя рюмка все время стоит не выпитой, взяла свою рюмку и, протягивая ко мне, сказала: «Чегоце пан Полковник ны чого не пье?»

«Я же Вам говорил, матушка, что наш командир почти ни-

чего не пьет», вмешался ад'ютант, «но Вы знаете, матушка, в армии приятно, что во всех случаях командира должен «выручат» ад'ютант, вот я и выпью с Вами».

«Та, я хочу выпыты с паном Полковником», ответила матушка», «Выпийте, Пане Полковник зо мною», продолжала она, чекаясь своей рюмкой о мою.

«Так, Ваше здоровьечко», сказал я чекаясь с матушкой, «что же батюшка не ужинает с нами?»

«Та вин щесь занидужав и пишов спаты», ответила матушка, подливаая в мою рюмку вина.

«Спасибо, матушка, но я не могу больше пить», возразил я.

«Чому?» удивленно, спросила она.

У меня есть еще ночная слажба сегодня», ответил я.

«Ну, выпейте еще, господин Полковник«, сказал обращаясь ко мне Подполковник Фон-Кюгелькен», «какая-же у Вас ночная служба, Вы уже перед вечером обошли полк, да ведь, мы же стоим по квартирам, а не в сторожевом охранении».

Да, но мне нужно с 12-ти часов ночи идти дежурить по холерному бараку», ответил я.

Все удивленно на меня взглянули и засмеялись.

«Но, это правда», подтвердил я и разсказал историю происшедшую в штабе дивизии.

«Пошлите кого нибудь из офицеров дежурить, смешно же чтобы Командир полка нес службу ту, которую не обязан нести даже младший офицер, «горячо возразил Штабс-Ротмистр Ряснянский.

«Это получается комично», сказал ад'ютант», все дежурные по эскадронам, командам и баракам подчиняются по уставу дежерному по полку и встречают его с рапортом, значит Вы должны рапортовать Корнету Венцель, который сегдня дежурит по полку.

«Я не могу послать за себя дежурить офицера, когда Граф приказал дежурить лично командирам полков», возразил я.

«Но Вы можете не исполнять такого приказания, которое противоречит всем воинским законам и уставам», произнес уверенно Фон-Кюгельхен, считавшийся знатоком военно-юридических законов.

«Это так», ответил я, но на войне все — законы, что приказывает начальник.

«Но, Вы подорвете свой авторитет в глазах Ваших подчиненных», возразил опять ад'ютант.

«Исполнением приказа начальника, хотя бы и не законного, нельзя подорвать авторитет; подрывают авторитет те, кто в атаке, вместо того, чтобы выскочить вперед и скомандовать: «За мной», командуют: «В атаку с Богом», а сами исчезают, как и было по Вашим разсказам, при нашей конной атаке на австрийскую кавалерийскую дивизию 8-го августа у деревни Ярославце севернее Львова, где один из наших старших начальников, скомандовав «С Богом», и изчез так, что ни сам Граф Келлер и никто из подчиненных не знают, где он был во время этого знаменитого конного боя.

Закончив наш ужин с вином и дебатами, я надел амуницию и пошел на свое дежурство. Подходя к бараку я заметил, какой то черный предмет находящийся у дверей, который при моем приближении быстро поднялся и сбросил с себя кавказскую бурку, тогда я узнал Черимисенова, сидящяго на скамайке у дверей барака с накинутой на голову буркой.

«Что с Вами? Вы заболели, что так закутались?» спросил я его.

«Какое там заболел, я боюсь заболеть этой проклятой холерой», и закутался с головой чтобы бацилы не влетели в рот при дыхании ответил Черимисинов.

«А как-же Вы ходили по бараку„ тоже закутавшись в бурку», опять спросил я Черимисинова.

«Ну, Вы наивный человек, кто же из здоровых людей пойдет в холерный барак, чтобы заразиться этой ужасной болезнью. Помочь мы больным не можем, а лечить их это дело врачей, фельдшеров и санитаров, они этому учились и знают, как избежать заражений, сказал Черимисинов и пошагал домой, а я пошел в барак.

Картина преставилась ужасная: вдоль обеих стен барака, ногами к проходу, лежали вплотную больные холерой солдаты несколько санитаров с жестяными чашками в руках бегали от одного больного к другову, убирая эксперименты рвоты и поноса; фельдшера и дежурный врач растерали руки и ноги у больных, кои корчились от боли.

«Чем могу я Вам помочь?» спросил я у дежурнаго врача.

«Да, Вы не безпокойтесь, господин Полковник, мы справимся с больными и сами», ответил мне доктор.

«Но мне все равно придется быть здесь до рассвета, так лучше я, чем нибудь помогу, вместо того, чтобы слоняться по по бараку без дела, это скучно, да и время ночью тянется долго», сказал я врачу.

«Ну, если Вы хотите помогать, то меняйте воду в бутылках у тех больных, где вода остыла и давайте им пить, приготовленный кисловатый напиток, быстро ответил мне врач и побежал к больному, который начал стонать от корчей рук и ног.

Я же занялся этим делом: брал бутылки с остывшей водой, наполнял их кипятком и клал в ноги больным, разносил питье тем у кого начались рвоты, разговаривал с теми больными, коим становилось лучше. Время летело быстро и я совершенно забыл, что нахожусь в холерном бараке и могу заразиться холерой.

Около 3-х часов ночи, в барак зашел Граф Келлер сумрачный и злой, он обошел всех больных, разговаривал с ними и утешал их.

«Ну, что Вы скажете доктор?» обратился Граф к дежурному врачу.

«Сейчас определенно сказать трудно, но по всем данным болезнь истекает в сравнительно легкой форме и идет на убыль, за последние сутки не было ни одного умершаго в этом бараке», ответил доктор.

Граф немного повеселел от такого доклада врача и сказал:

«Да, мне тоже самое доложили и в других местах, где я обходил холерных больных, может быть принятыми мерами мы победим эту страшную болезнь и не допустим дальнейших заболеваний».

«Ну, а Вы идите отдыхать, а то Вашему полку завтра нужно будет сменить драгун в сторожевом охранении, а здесь уж пусть медицинский персонал потрудится и спасет наших доблестных солдат от тяжкой болезни», сказал мне Граф и мы оба ушли из барака. Вернувших домой я повел полк в сторожевое охранение.

17-го сентября мой полк был сменен со сторожевого охранения и мы простояли еще дня три в Саноке. За это время холера значительно стихла, поступлений больных больше не было, а многие легко больные выздоровели и вернулись в строй, всех же тяжело больных сосредоточили в один австрийский госпиталь.

Вскоре были получены от раз'ездов сведения об активности неприятеля врайоне города Риманова и 20-го сентября наша дивизия выступила в этом направлении.

Противник не оказал большого сопротивления и мы за-

няли этот город около 11-ти часов дня

Риманов находится в устье ущелья, ведущего к Дукленскому проходу через Карпатские горы в равнину Венгрии. В этом направлении Граф выдвинул разведывательные эскадроны, сам же с двумя полками и артиллерией расположился в деревнях около Риманова, а меня с полком выслал занять деревню Вздув, где, по показаниям местных жителей, стоит австрийская кавалерия.

Эта деревня находится в 10-ти верстах к Северу от Риманова в направлении города Бржозева

Показание местных жителей оправдалось: во Вздуве действисельно стояла австрийская кавалерия, а в фольварке располагался их штаб дивизии.

Но австрийская кавалерия до того была напугана проигранным нам конным боем 8-го Августа у дер. Ярославце, что даже при значительно превосходя нас свой численностью, никогда больше не принимала конного боя; и на этот раз лишь заметив движение моего полка, быстро очистила деревню и фольварок и ускакала в западном направлении, оставив нам значисельное количество фуража.

Сама деревня Вздув не большая и бедная, но около нея находится большой помещичий фольварок, со всеми угодьями.

Эта усадьба была расположена на возвышенности, окруженная громадной рощей, прилягая одной стороной к реке, а другой к деревне.

Двух-этажный большой дом красовался среди рощи, утопая в зелени деревьев и цветочных клумб; к нему вела широкая аллея обсаженная высокими ветвистыми вековыми деревьями, сзади дома находились всевозможные хозяйственные постройки с длинными конюшнями и сараями, наполненными сеном и соломой, что нам весьма пригодилось.

Вся усадьба была обнесена железной решоткой на кирпичном фундаменте, с тяжелыми чугунными воротами, закрывающие вход в аллею.

При таких условиях фольварок представлял собою основательное укрепление и еслибы его занимали не австрийцы, а японцы, то я уверен, что потребовались бы большие силы и время, чтобы выбить даже их кавалерийские части из этого укрепления.

Но австрийская кавалерийская дивизия по тактическим ли или по другим причинам, без боя, очистила это место.

Конюшни и сараи так были велики, что почти весь полк в них разместился и только незначисельную часть пришлось выделить на стоянку в деревню; штаб полка и большинство офицеров расположились в помещичьем доме.

Нижний этаж состоял из нескольких гостинных, будуаров, большой столовой, громадной залы и роскошного кабинета.

В круглой передней стояли чучела громадных полярных-белых медведей, поднятые на дыбы и держащие в передних лапах серебрянные блюда, для везитных карточек.

Второй этаж состоял из ряда спален, детских комнат и из огромной залы со стекляной крышей, где размещалась библиотека; в ней находились тысячи книг на всех языках мира. Позже мы узнали, что хозяин этого дома был большой лингвист и говорил на 24-х языках.

Сам помещик и его семья с частью прислуги бежали вместе с австрийской кавалерией, но мелкие служащие остались в доме, среди них оказался турок, который уже три года преподает арабский и турецкий языки хозяину дома.

Этот турок хорошо говорил по французски и от него мы подробно узнали о фольварке, о хозяине этого дома, о его семье и об австрийской кавалерийской дивизии, которая стояла там до нашего прихода.

Вот, что разсказал нам турок: «Хозяин дома польского происхождения, но большой австро-фил, ученый ленгвист и знаток истории древняго Египта и египетских иероглифов, куда он ездил неоднократно, для изучения египетских надписей на пирамидах.

Человек он был очень нервный и ужасно суеверен. При встрече последнего новаго года, когда более 200 гостей сидело за столом и когда часы начали бить 12-ть, вдруг, неожиданно сова ударилась об оконное стекло, разбила его, влетела в столовую, покружилась над гостями и уселась на голову хозяина, окропив его кровью текущей из ея ран, порезанных разбитым стеклом; согнанная сова вылетела в тоже разбитое оконное стекло.

С тех пор хозяин сделался сам не свой, нервничал, не спал ночами и все время говорил своей жене, что произойдет, какое то ужасное событие и их постигнет громадное несчастье. Жена его уговаривала, просила не беспокоиться, доказывала, что сова влетела случайно и т. д., но он остался при своем и верил, что в сову вошел злой дух, который

и принес в их дом несчастье.

Когда грянула война он решил немедленно уехать в нейтральную страну, но австрийские офицеры уговорили его не уезжать доказывая, что они не допустят русских пройти мимо крепости Перемышль и продвинуться к Карпатам. Хозяин поверил и остался.

«Еще сегодня утром», продолжал свой рассказ турок, «Австрийский Генерал говорил хозяину, что никакая опасность не угрожает и, что русские стоят в Саноке и не имеют намерения продвигаться дальше, а около полудня прискакал австрийский раз'езд и в попыхах доложил, что русская кавалерия быстро двигается от Риманова к Вздову. Поднялась невыразимая паника: солдаты, кое как, спешно седлали лошадей и в разсыпную скакали на запад, штабные схватили свои вещи и на автомобилях умчались в том же направлении.

Хозяин совершенно разстерялся, он бегал из одной комнаты в другую, собирал какие то книги, затем бросал их и все время твердил: «Сова, злой дух, несчастье».

Жена его уговаривала не волноваться, а спокойно сесть в экипаж и ехать за австрийцами или лучше всего остаться дома, она ручалась, что русские их не тронут т. к. она бывая в России встречалась там с русскими офицерами и находила, их хорошими и вежливыми людьми, наконец, ссылась на сведения из мест уже занятых русской армией, где русские с жителями обращаются хорошо и там, где хозяева не убежали, а остались дома их имущество сохраняется не тронутым. Но хозяин не хотел слушать, посадил жену, двух детей, часть прислуги и, бросив все, уехал в Краков.

Жена хозяина говорила турку, что она предпочла бы отправить мужа, а сама остаться дома, для сохранения имущества. «Да, было бы приятно испытать некоторые ощущения и встречать новых людей, чем скитаться с мужем по гостиницам», добавила она, уходя из дому. Но муж был упрям и не позволил ей остаться.

Выставив сторожевые заставы и выслав раз'езды за ушедшим противником я с полком оставался еще три дня во Вздуве, а к вечеру 22-го сентября было получено приказание от штаба дивизии, где указывалось, что дивизия немного продвинется к западу, а мне приказывалось присоединиться к ней и занять какую-то деревню. К сожалению сейчас я не помню ея названия, но знаю, что она находит-

ся верстах в восьми к Северо- Западу от города Риманова.

Выслав квартирьеров вперед, я с полком только к сумеркам пришел на новую стоянку, но все же удалось разсмотреть расположение деревни. Она тянулас. с Юга на Запад по низменному берегу небольшой речки, оканчиваясь на юге, близь большой дороги у моста через реку.

Противоположный берег, лежащий к стороне неприятеля, был высокий и покрыт лесом.

При входе на стоянку нас всегда встречали квартирьеры и разводили эскадроны в районы, отведенные под их квартиры.

Я обыкновенно ожидал, пока эскадроны и команды разместятся и дежурный по полку, выставив бивачные караулы, придет ко мне с рапортом, после чего я с ним об'езжал расположение полка и проверял выставленные караулы.

Под'ехав к караулу стоявшему на южной окраине деревни, я сказал дежурному по полку, что было бы лучше выставить этот караул на мосту, а то меня беспокоит лес по ту сторону речки, уж слишком близко он подходит к нашему ночлегу.

«Я думал сам там поставить южный караул, но на мосту стоит застава сторожевого охранения», ответил мне дежурный офицер.

«Как? Застава сторожевого охранения стоит на мосту? Рядом с деревней, где мы расположились на ночлег? Это не может быть»? возразил я, «поедем туда».

Действительно, около халупы, внизу плотины стоит застава, а на мосту пост.

«Какой полк сегодня несет сторожевое охранение?» спросил я солдата.

«Драгунский», послышался ответ.

«А кто начальник заставы?» опять спросил я.

«Ротмистр Александров», ответили мне драгуны.

«Попросите Ротмистра ко мне», сказал я старшему на посту.

«Слушай, как это ты поставил свою сторожевую заставу наравне квартирного расположения гусарского полка», сказал я Александрову, когда он вышел ко мне из халупы. (Александров был мой однокашник по кавалерийской школе и мы были с ним на ты).

«Я не знаю», ответил он мне, «начальник сторожевого охранения был здесь и ничего не сказал, что застава стоит у

моста».

«А кто начальник охранения и где он находится?» переспросил я Александрова.

«Принц Мерза, он со сторожевым резервом стоит сзади в ближайшей деревушке», сказал Александров.

Персидский Принц Мерза, кажется брат Шаха персидского, после дворцового переворота в Персии бежал в Россию, был зачислен на службу в русскую кавалерию и служил в 10-м драгунском Новогородском полку Подполковником.

«Вызовите Принца к телефону, я хочу с ним переговорить», сказал я Александрову, слезая с лошади и шагая за ним в халупу.

«У тэлэфона Принц Мерза», услыхал я, взяв телефонную трубку.

«Говорит командир гусарского полка. Скажите, Принц, как это вышло, что застава сторожевого охранения выставлена на равне, а сторожевой резерв стоит в версте сзади квартирного расположения моего полка? Кто же будет нас охранять в случае наступления противника? Ведь впереди гусар нет совершенно никакого охранения», сказал я.

«Нычего ны знаю. Граф лично по карта провел лынию охранения и я, без его разрешения измыныть ее нэ могу», был ответ Принца, на неправильном русском языке.

Конечно я мог бы вызвать штаб дивизии и доложить о положении охранения и Граф приказал бы выдвинуть его вперед, но было уже поздно и я не надеялся, что в темноте переставят охранение в надлежащие места, да и я не хотел ссориться с драгунами, которые могли сказать, что по моему докладу их заставили ночью передвигаться.

Вспомнив подобный случай из японской войны, который будет полезен, как пример для будущих начальников, я счел нужным его описать.

В 1904-м году, летом, из отряда Генерала Мищенко была выслана 1-го Читинскаго казачьяго полка сотня казаков под командей Есаула Сарычева на разведку. К вечеру сотня возвращалась назад измученная и усталая разведкой и движением весь день по горам, зайдя за линию нашего пехотного сторожевого охранения, командир сотни решил заночевать сзади пехотного полка, т. к. до своего отряда нужно было еще пройти вдоль фронта верст 15-ть.

Получив согласие командира пехотного полка Есаул Сарычев, послал донесение Ген. Мищенко, расположился в до-

лине у ручья биваком.

На рассвете, когда дневальные будили спящих казаков на уборку и водопой лошадей, вдруг неожиданно тысячи японских пуль полетели по их расположению и казаки увидели густую японскую цепь, лежащую от них шагах в 200-300 за берегом ручья, откуда японцы разстреливали казаков и привязанных на коновязи лошадей.

Потери сотня понесла громадные: два офицера, много казаков и лошадей было убито и ранено; только случайно самому Сарычеву с несколькими казаками удалось скрыться в горы невредимыми.

Из произведенного разследования выяснилось, что Командир пехотного полка, ночью, получив приказание отступить в приготовленные сзади окопы, снял свое сторожевое охранение и ушел назад ни сказав ничего об этом сотне, а Сарычев не послал казаков к Командиру полка для связи, кои должны бы дать ему знать в случае, каких либо перемен в пехотном сторожевом охранении. Командир пехотного полка заявил, что уходя в темноте он не видел бивака сотни. Сарычев был уверен, что ему пехота даст знать в случае ея ухода. Понадеялись один на другого, а с сотней произошла катастрофа.

И так я не настаивал на выдвижение драгунского охранения вперед, а взял от дежурного эскадрона, гусарского полка конную офицерскую заставу, повел ее и поставил на шоссе, на западной опушке тревожащаго меня леса, а вернувшись в деревню приказал трем эскадронам и четырем пулеметам поседлать лошадей.

Было уже около часу ночи, когда я мог лечь спать.

Только, что разсвело, как прискакал разведчик от выставленной мною заставы и привез донесение, в котором начальник заставы написал, что с запада по шоссе в направлении его заставы двигается противник силой около двух рот с пулеметами, а за ними виднеется колонна неприятельского пехотного полка с артиллерией. Противник, вероятно, выступил ночью т. к., чуть забрезжал разсвет, он был уже обнаружен не так далеко от расположения заставы.

Прочитав такое донесение я сказал ад'ютанту написать начальнику заставы, что сейчас же вы'ступлю с полком и на рысях приду к нему, а телефонисту приказал передать в эскадроны, чтобы три поседланных и четыре пулемета строились, а остальные седлались. Кухням и патронным двухкол-

кам отойти к штабу дивизии.

Спал я не раздеваясь: надев быстро амуницию, я сразу был готов к выступлению; пошел к телефону, вызвал дежурного офицера штаба дивизии и сказал ему, разбудить Графа Келлера и попросить его к телефону.

Через минуту Граф уже говорил со мной. Я доложил ему обстановку, о моих распоряжениях и добавил, что с тремя эскадронами и 4-мя пулеметами немедленно выступаю к заставе, чтобы не дать противнику захватить лес. Граф одобрил все мною ему изложенное и добавил, что он подымает сейчас же всю дивизию и подойдет ко мне на помощь, а затем спросил: «А где же сторожевое охранение, я не получал от него никакого донесения?» Я доложил ему, что охранение на месте и вероятно скоро донесут ему. Но позже Граф узнал истину всего дела и дал большой нагоняй Принцу Мерза.

Покончив с докладом Графу, я взял три оседланных эскадрона с 4-мя пулеметами и полной рысью повел их к гусарской заставе.

За это время противник успел подойти так близко к западной опушке леса, что застава завязала с ним перестрелку.

Видя слабый огонь двух десятков гусар нашей заставы, пехотные цепи неприятельскаго авангарда безостановочно двигались к лесу.

Спешив свои эскадроны, я скрытно разместил цепь гусар под деревьями и поставил пулеметы на опушке леса у самой дороги.

Подпустив противника на разстояние прямого выстрела, (Прямым выстрелом в армии называли такое положение стрелка, когда он мог поражать противника выстрелом из винтовки при постоянном прицеле) я приказал эскадронам и пулеметам одновременно открыть частый огонь по наступающему неприятелю.

Это было так неожиданно для противника, что он сразу ринулся назад и ушел не подобрав своих раненных и убитых.

От подобранных его раненных, нам удалось узнать, что австрийская армия, получив подкрипление за Карпатами и переорганизованная немцами, перешла в наступление против всего русскаго фронта. Об этом я сейчас-же послал донесение Графу.

Увидев неудачную попытку своего авангарда с налета захватить лес, противник стал действовать осторожно и повел против меня систематическое наступление.

Сначала он выкатил свою артиллерию, обстрелял занятый нами лес, а затем, сосредоточив беглый огонь по опушке, где лежали гусарские цепи, двинул пехоту в атаку.

К этому времени ко мне подошли еще три моих эскадрона с пулеметами, которых я влил в цепь, оставив в резерве при коноводах лишь один эскадрон.

Противник сначала шел не останавливаясь, но попав под действительный огонь гусарскаго полка, остановился и начал продвигаться перебежками.

Мы развили самый интенсивный огонь, но противник всеже хотя медленно, но продолжал наступление. Я все время поджидал подхода Графа Келлера с дивизией, но вместо этого получил следующее приказание: «Ваши донесения получил и в то же время начали поступать от разведывательных эскадронов и раз'ездов сведения о полном наступлении противника по всему нашему фронту: На Риманув двигаются громадные колонны, через Дукленский проход. Это движение угрожает нашему левому флангу, поэтому подойти к Вам с дивизией не могу, старайтесь сдерживать противника до моих последующих указаний». Гр. Келлер.

Получив такое приказание я послал за патронными двухколками и решил обороняться, если-бы дело дошло до штыков.

Конфигурация местности моей позиции была крайне благоприятна для нас: Во первых мы занимали лес и противник не мог точно видеть где мы, а главное сколько нас. Второе позиция занимаемая гусарами была возвышена и постепенным склоном шла к противнику, поэтому мы точно видели все силы неприятеля и его движение, кроме того перпендикулярно пути противника протекали небольшие, но с топкими берегами, ручейки, что крайне замедляло его движение. Последний из этих ручьев был довольно широкий и сравнительно глубокий доходящий до груди человека, переходящаго его в брод, а главное лежащий всего лишь шагах в 600-х от нашей позиции, поэтому находился почти под обстрелом прямых выстрелов.

Скоро подошли патронные двуколки и гусары засыпали по неприятелю пулями, как градом, не жалея патронов.

К полудню Граф вступил в бой с неприятельскими колоннами, наступающими с Юга от города Риманова. Вероятно нашим артиллеристам стало видно наступление противника и на мои позици т. к. вскоре они начали обстреливать и его,

чем еще более усугубили положение моего противника настолько сильно,, что он дойдя до последняго ручья не мог далее продвигаться, а начал окапываться.

Каждая его попытка перебраться через ручей, встречалась пулеметным и ружейным огнем гусар и оканчивалась неудачей, — потеряв несколько человек убитыми и раненными, противник вынужден был возвращаться назад в свои окопики.

Так продолжалось до 4-х часов вечера, когда я получил от Гр. Келлера приказание в котором было написано, что по донесениям разведки, противник продолжает наступать по всему фронту и его передовые части появились со стороны МЕЗАЛАБОРЖСКАГО прохода что угрожает нашему пути сообщению на г. Санок. Командующий 8-ой армией Генерал Брусилов считает недостаточным число частей его армии находящихся на левом берегу реки Сана, чтобы остановить наступление австрийской армии и он решил все части 8-ой армии перевести на правый берег этой реки, где и встретить атаку противника. Нашей дивизии указывалось, не теряя из вида неприятеля, под его напором отходить также на правый берег Сана.

«Постарайтесь задержать, наступающаго перед Вами противника до вечера и с темнотой уходите по дороге на Санок, где присоединяйтесь к дивизии», было приписано внизу приказания.

Мой противник больше не проявлял попыток перейти ручей и я, оставив раз'езд для наблюдения за ним, с темнотой увел полк согласно полученному приказанию. Пройдя верст десять я застал дивизию в деревне на ночлеге и также остановился на ночь со своим полком.

Явившись к Графу с докладом, я нашел штаб дивизии в тревожном состоянии, донесения поступали о подходе неприятеля все ближе и ближе к г. Саноку со стороны прохода Меза-Лабор и Граф волновался за наш обоз 2-го разряда, который стоял у города Санока на правом берегу реки Сана, где оставался все время от начала занятия нами Санок, т. к. наша пехота к этому городу еще не продвигалась и саперы моста не наводили, мы же сообщались со своим обозом через брод.

Если посмотреть на карту, то можно видеть, как река Сан подходит к г. Саноку с Юга на Север и пройдя этот город поворачивает на восток, течет к Перемышлю огибает его поворачивает опять на Север и уходит далее на Ра-

дымно и г. Ярослав, поэтому наш обоз, находясь в излучине этой реки, мог отступить лишь на Запад, но с Юга наперерез ему шли австрийцы. Граф хотя и послал приказание начальнику обоза идти в Г. Добромыль, но он опасался что неприятель может его захватить, поэтому в штабе дивизии царила тревога.

Граф поблагодарил меня за работу сегодняшняго дня, главное за инициативу проявленную мною по охране полка, чем была предотвращена возможность нечаяннаго нападения на стоящий по квартирам полк. За этот бой, по его представлению, Георгиевская дума присудила мне «Золотое Георгиевское Оружие», что занесено в мой послужной список, в котором значится:

«Приказом по армии от 26-го Ноября 1914-го года за № 210, на основании п. 2-го статьи 411-ой положения о полевом управлении войск награжден «Золотым Георгиевским Оружием», за то, что 23-го Сентября 1914-го года, когда было обнаружено наступление неприятеля в значительных силах и обход им праваго фланга дивизии, по собственной инициативе с тремя эскадронами полка отбросил передовые части противника и, с подошедшей остальной частью полка, заняв позицию, задержал наступление более, чем полка неприятельской пехоты. Статья 112-я, пункт 1-ый Георгиевскаго Статута.

Сказав, что завтра мы будем продолжать отходить к г. Саноку Граф отпустил меня.

24-го сентября мы вернулись в г. Санок и сейчас-же приступили к проверке брода реки Сана, для переправы на его правый берег, но уже начались осенние дожди и вода в реке сильно поднялась и там, где мы раньше переходили вброд, он уже был глубиной выше головы всадника, кроме того, течение воды сделалось столь быстрым, что сносило плывущих лошадей под всадниками-разведчиками на большую глубину и вертело их в водоворотах, как игрушечные волчки.

Принимая во внимание, что противник наступающий с Юга, может скоро подойти и обстреливать нашу переправу, по меньшей мере, артиллерийским огнем, переправлять дивизию вплавь не представлялось никакой возможности и Граф Келлер вынужден был решиться на рискованный фланговый марш на Север вдоль леваго берега реки Сана, имея с Запада наступление целой австрийской армии, которая легко могла прижать нашу дивизию к непроходимому вброд Сану.

В городе Саноке находился еще неэвакуированный наш госпиталь с тяжело больными холерой солдатами, кои были так слабы, что увозить их на лошадях было совершенно не возможно; и Граф решил оставить этот госпиталь под покровительством Краснаго Креста, для этого были вызваны один врач и два фельдшара, пожелавшие разделить участь с больными, кои и остались в Саноке, а дивизия благополучно вышла на Север и переправилась на правый берег Сана у м. Радымно.

Таким образом мы, обошли Перемышль и вышли опять на то место, где месяц тому назад отбили неприятельский обоз двух австрийских армий, что я описал в главе III-ей этой книги.

С переходом на правый берег Сана нашу дивизию включили в состав армии Генерала Силеванаго, осаждающую крепость Перемышль и мы стали по квартирам в деревнях за восточным осадным сектором.

К нам присоединился наш обоз 11-го разряда, за который мы так волновались. По донесению начальника обоза, он благополучно провел его от Санока в г. Добромиль, несмотря на то, что неприятельская кавалерия шла за ним по пятам, не решаясь атаковать наше конное прикрытие, идущее при обозе.

ГЛАВА V.

Простояли мы восточнее Перемышля дней пять. За это время люди и лошади вполне отдохнули и привели свою амуницию и одежду в порядок, пополнив белье для людей и подковы для лошадей из запасов обоза 1р-го разряда; воспользовавшись походными кузницами, перековали конский состав на все четыре ноги.

В это время осенние дожди начали перепадать чаще и чаще, превращая поле в топкое болото, а не мощенные улицы в невылазную грязь.

Как я уже писал я не любил на стоянках возиться с седловкой лошадей для об'езда полка или поездок в штаб дивизии, а просто садились на неоседланную лошадь и со своим конным вестовым ехал куда было необходимо.

Однажды, мне понадобилось поехать по хозяйственным делам в штаб дивизии и по своему обычаю я поехал без седла. Вдруг, не доезжая усадьбы, где был расположен штаб, я встретил Графа Келлера, идущаго с начальником штаба дивизии Полковником генеральнаго штаба Агапеевым, ну, думаю, разнесет меня Граф за неформенную седловку, но он поздоро-

вавшись, поговорил со мной и пошел своей дорогой, не сделав мне никакого замечания. Я разсказал об этом штабным офицерам и один из них на это заметил: «Подождите, Господин Полковник, что еще будет о Вас в приказе по дивизии. Граф часто так делает, — лично ничего не скажет, а затем разнесет в приказе».

Я ждал выхода грознаго приказа, но дня через два мне доложили, что Граф Келлер приехал в нашу деревню и осматривает расположение полка. Я вышел к нему на встречу и к удивлению своему увидел Графа, его ординарца офицера и их коннаго вестового, едущих верхом на неоседланных лошадях; с тех пор во всей дивизии последовали этому примеру и начали ездить на неоседланных лошадях в районе расположения частей, за исключением физически немошных, кто не мог усидеть без седла вроде Генерала Маркова, который и в седле едва держался.

За время нашей стоянки в резерве осадной армии, австрийцы подошли на линию Перемышля и повели атаку на нашу армию на протяжении от Ярославля, через Родымно, Перемышль, Добромиль, до г. Самбора.

Особенно усиленные атаки противник производил южнее Перемышля на фронте Добромиль — Самбор, имея целью прорвать русский фронт в этом месте, где им не приходилось форсировать реку Сан.

День и ночь гудела канонада и тысячи снарядов разных калибров бороздили воздух во всех направлениях разрываясь на мелкие куски, засыпая землю, несли смерть всем, кто находился на их дороге.

В одну из темных ночей неожиданно было получено приказание дивизии собраться по тревоге. Построившись дивизия выступила в направлении крепости Перемышль.

За три войны мне пришлось не мало делать ночных походов и летом и зимой, в дождь и по снегу, по грязи и по воде, в горах и степях России, Манчжурии и Австрии, но такого сквернаго похода, как нам пришлось сделать в эту ночь, во всей моей жизни мне не приходилось видеть ничего подобнаго: мы шли по шоссе по которому отступала австрийская армия, прошла наша осадная армия, а главное по этой дороге все время подвозили тяжелые орудия, снаряды и все необходимые для осады крпости. На каждом аршине шоссе была выбита яма иногда довольно глубокая, часто попадались выбитые канавы поперек шоссе, а местами весь щебень был раз-

мыт и снсен с шоссе и оставалась только насыпь размоченная дождями, в которой лошади утопали до самой груди.

Ночь была невероятно темная. Светящиеся ракеты бросаемые из крепости на миг ослепляли наши глаза и после этого ночь казалась еще темнее. Идя по такому шоссе лошади передними или задними ногами попадали в рытвины или канавы, старались выкарабкаться из них и попадали в другуе, часто падая на землю в грязь вместе с всадниками. Лично моя лошадь упала так три раза и я вымок и вымазался в грязи с ног до головы.

Пробовали спешиваться и вести лошадей в поводу, но это оказалось еще хуже: ведущий в темноте сам, попадая в яму падал, а испуганная лошадь, не хотела идти за ним и все движение задерживалось.

Этот переход в 8 верст мы шли 5 часов. Выступили в 7 часов вечера, а подошли к штабу восточнаго сектора после 12-ти часов ночи. Там мы узнали, что по показаниям взятых в плен солдат Перемышленскаго гарнизона, армия Генерала Кусманека, зищищающая крепость должна выйти из фортов и атаковать русский восточный сектор, дабы облегчить задачу австрийской армии прорвать русский фронт южнее Перемышля. Поэтому Генерал Силиванов приказал нашей дивизии усилить восточный сектор.

Зайдя в штаб сектора я встретил там Генерала генеральнаго штаба Хвастова, который командовал пехотной бригадой в этом раионе.

Я знал Хвастова еще по - китайскому походу в Манчжурии, это был толстый ленивый человек и меня ничуть не удивило, что в такое тяжелое и тревожное время я застал его спокойно играющаго в карты.

Простояли мы в раионе штаба восточнаго осаднаго сектора два или три дня, ожидая наступления Генерала Кусманека, но видимо он не решился выйти из крепости, а в это время наша доблестная армия Генерала Брусилова, в течении почти двух недель не только отбила все яростные атаки противника, но сама перешла в наступление, прорвала фронт австрийской армии и погнала ее опять на запад к городу Санку.

Нашу дивизию немедленно перевели обратно в 8-ю армию и двинули для преследования отступающаго противника.

Мы опять двинулись по старой дороге в направлении городов Добромиль - Санок - Риманов. Дивизия выступила

около полудня и к вечеру прибыла в Добромиль сделав переход около 40-ка верст.

Граф Келлер, отправив дивизию, сам поехал в штаб армии за инструкциями, которая располагалась верстах в 15-ти сзади нашей стоянки.

Получив приказание он вечером приехал в Добромиль, где мы остановились на ночлег. Таким образом Генерал Келлер, которому уже перевалило за 60, сделал верхом в один день 70 верст и на другой день выступил с дивизией дальше на г. Санок. Нужно было удивляться выносливости, силе воли и энергии этого неутомимаго начальника.

Добромиль был главным местом удара австрийской армии, где почти две недели шли непрерывные бои; город страшно пострадал, половина домов и зданий были разрушены снарядами или сгорели от огня.

Наша пехота прорвавшая фронт двигалась за отступающим противником на запад.

Переночевав в Добромиле, мы рано утром выступили и в этот же день, обогнав нашу пехоту, настигли противника, который не принимая боя безостановочно отходил опять за Карпаты, оставляя за собой массу утомленных солдат и воинскаго снаряжения. Настигнутые нами части противника сдавались без всякаго сопротивления и тысячами отправлялись нами в плен под конвоем всего лишь нескольких всадников, пленные были так потрясены нервно и настолько утомлены, что даже не пытались бежать, несмотря на совершенно недостаточный конвой их сопровождавший.

Солдаты часто шутили: «Зачем им наряжать конвой, поставить по дороге указки с надписями» «Дорога до плену», а по ним они и сами дойдут до России».

Идя по пятам противника мы без боя заняли Санок.

На этот раз он даже не успел взорвать мост на реке Сане и мы захватили его в полной исправности. В Саноке мы не остановились, а двинулись дальше за противником, не давая ему времени оправиться или отдохнуть.

Мы все были крайне обрадованы, когда узнали, что оставленные нами в санокском госпитале наши солдаты больные холерой не тронуты австрийцами и не эвакуированы в глубь Австрии. Оставленный с больными солдатами наш врач доложил Графу, что все солдаты уже выздоровили и могут стать в строй. Граф всем им дал двух-месячный отпуск, для поправления здоровья и отправил их на родину.

Врач и фельшера нам разсказывали о их жизни в Саноке после нашего ухода: они видели, как пришла наступающая австрийская армия, как приехал в Санок Австрийский Крон-Принц и с каким торжеством его встречали городские власти и население. В своей речи к народу Крон-Принц сказал, что глубоко надеется на победу австрийской армии и он уверен, что занятие Санока русскими больше не повторится. Ему доложили, об оставлении в Саноке русскаго холернаго госпиталя, на что Принц спросил: «Достаточно-ли русские больные имеют пищи и медикаментов?» и распорядился о снабжении всем необходимым, оставленный русский госпиталь.

«Так прошло недели три», говорили нам наши солдаты, «австрийцы к нам отнеслись хорошо и только ихние солдаты надоедали нам, они все старались посмотреть на нас поближе, чтобы видеть тех кто с ними так храбро дерется».

А вот за последние дни в городе началась какая то суета из Санока стали уезжать их тыловые учреждения, а затем видим, через город стали проходить на запад их обозы. Мы догадались, что началось их отступление и очень боялись, чтобы они не увезли нас с собой. С тех пор день и ночь двигались их войска через Санок.

Вчера вечером зашла матушка (жена галицийскаго священника) и тихонько сказала, что австрийцы разбиты и русские войска скоро придут опять в Санок. Мы так были рады, что не спали всю ночь, ожидая прихода своих. Сегодня с утра все время смотрели в окна, — австрийцев уже в городе не было, а только их раз'езд стоял у моста. Около полудня мы видим этот раз'езд скачет от моста в город и понесся по дороге на Запад, а за ним вошел в город русский раз'езд. У нас сердце забилось от радости, при виде своих людей, да еще нашей дивизии». Так окончили свой разсказ наши невольные пленники, бывшие почти месяц в плену у австрийцев.

Переночевав в деревнях западнее Санока мы кажется 18-го Октября подошли к городу Риманов. Противник оставил город без боя, но укрепился южнее этого города на высотах, по обе стороны ущелья, ведущаго к Дукленскому перевалу. Видимо противник имел задачу задержать нас, пока их войска перейдут Карпатские горы.

Мы вступили с ним в бой и наша артиллерия начала обстреливать его позиции. В течение этого боя произошли

два случая: один очень печальный, другой оригинальный. На скате возвышенности между нами и противником находился отдельный крестьянский дом и двор.

Была обнаружена за стенками этого двора небольшая австрийская цепь с пулеметами, кои обстреливали фланг нашего расположения.

Тогда Граф приказал батарее прямой наводкой обстрелять этот двор. Артиллеристы нацелили пушку прямо в дом и выпустили лишь один снаряд, поставив дистанционную трубку на удар. Вылетевший снаряд пробил стенку дома и разорвался внутри комнаты. Из окон домика показался дымок. Австрийские солдаты, бросив пулемет, убежали на гору в свои окопы. А в это время из домика выскочил какой то человек, начал нам махать руками, что-то кричать, затем опять бросился в дом, через минутку выскочил из него во двор, стал на стенку и продолжал махать нам руками. Граф послал туда патруль, который донес, что разорвавшимся нашим снарядом внутри дома перебита находящаяся там семья, состоящая из одинадцати маленьких детей и матери; оторванные детские руки, ноги и други части тела разбросаны по всей комнате и только отец этой семьи остался невредимым и с окровавленными руками совершенно разстерянный метался из дома в двор, взывая к нам о помощи.

Граф Келлер послал туда врача, фельдшера и санитаров, чтобы помочь этим несчастным ни в чем не повинным страдальцам. Завернутые в простыни, искалеченные, полуживые тела были нашими санитарими перенесены в городскую больницу. Доктор, оказавший помощь пострадавшим, говорил нам, что в течение 20-летней медицинской практики, он никогда не видел такой ужасной картины, которую он нашел здесь: «Мать, ожидавшая двенадцатаго младенца, почувствовала себя плохо и легла на кровать, а в это время послышались артиллерийские выстрелы так близко, что задрожали окна, испуганные дети, взобрались все на кровать и прижавшись к матери, сидели около нея; муж стоял у печки и готовил еду для них. Влетевший снаряд разорвался, как раз над кроватью, где вся семья, которую он превратил в груду обезображенных тел», таков был разсказ доктора об этом ужасном случае, который оставил в моей памяти самое тягчайшее впечатление.

Противник обстрелянный нашей артиллерией постепенно начал очищать свои высоты, а наши цепи вкоре их заня-

ли. В этот день я с полком стоял в резерве у батареи и был лишь свидетелем всего происходящаго. Как только высоты были окончательно заняты нами, Граф приказал отправить квартирьеров в Риманов для размещения дивизии на ночлег. Только что квартирьеры двинулись к городу, как в тылу у нас раздалась частая ружейная стрельба. Я взглянул в бинокль и вижу, что сотня 1-го Оренбургскаго полка, составляющая наш авангард, лавой отскакивает к нам, а за нею в нескольких стах шагах идут две австрийские пехотные роты. Одна из них наступает цепью и обстреливает отходящую казачью лаву, а другая идет по дороге в колонне. Для нас это было неожиданностью. Откуда взялись эти роты и почему так храбро наступают на целую нашу дивизиз? Граф послал Войскового Старшину Печенкина с остальными сотнями Оренбургскаго казачьяго полка на помощь отступающей лаве. Как только казачий полк развернулся и во главе со своим Командиром, взяв пики к бою, наметом (наметом у казаков называется галоп) понесся на неприятельские роты, австрийцы совершенно растерялись, бросили оружие и сбившись в кучу, стали на дороге, подняв руки вверх. Казаки забрали их всех в плен.

Взятые в плен командиры австрийских рот показали, что их бригада составляла арьергард колонны, отступающей за Карпаты, через Дуклянский перевал. Заняв Южнее Риманова высоту у входа в Дуклянское ущелье, командир, бригады приказал выслать три роты в наблюдательные заставы на дороги, ведущие с Востока и Севера к городу Риманову.

«Сегодня утром мы должны были быть сменены другими ротами», сказал австрийский капитан, «прождав до полудня, мы послали на главную заставу, которая стояла на дороге Санок-Риманов, спросить, почему нас не сменяют, но посланные патрули не нашли главной заставы. Видимо, эта рота, обнаружив Ваше движение, ушла к бригаде, не дав нам знать».

Затем послышались орудийные выстрелы; мы снялись и пошли ближайшей дорогой к Риманову, будучи уверены что наши части еще находятся позади нас и встреченных Ваших казаков приняли за прорвавшийся раз'езд и решили его прогнать с нашей дороги. Вы можете себе представить наше удивление, когда мы увидели несущийся в атаку на нас казачий полк и нам пришлось так неожиданно попасть к

Вам в плен. Судьба предрешила нам так безславно закончить войну», разочарованно закончил свое показание австрийский капитан. Солдаты же были довольны, что их не перекололи казаки и они покончили с войной живыми и невредимыми.

Слушая показание австрийскаго капитана, я опять вспомнил случай происшедший с сотней Забайкальскаго Казачьяго Войска, который я описал раньше на страницах этой книги и невольно подумал о том, чтобы произошло с моим полком, еслибы я не предусмотрел выставить своей собственной заставы.

Предусмотрительность на войне является наиболее важной из всех действий начальников. Непредусмотрительность же часто ведет к катастрофе, и виновные должны наказываться самым безпощадным образом.

«Недостаточно знать, что делается у соседей справа и слева, а необходимо еще знать, что делается и дальше за ними», неоднократно вспоминал я слова Генерала Мищенко: следовал постоянно этому мудрому поучению, и оно весьма мне помогало в трудные минуты решения задач, возлагаемых на мой полк, и скажу не хвастаясь, что в течение всей Мировой войны неоднократно я подвергался атакам неприятеля, но ни на стоянках, на на походе, ни в боях я никогда не подверг мой полк неожиданному нападению противника.

Отправив две роты взятых в плен в город Санок, наша дивизия расположилась на ночлег в г. Риманове, осталась там и на другой день, ожидая пока подошла бригада нашей пехоты, которая должна была составить гарнизон Риманова, как заслон к Дуклянскому перевалу. (Графу Келлеру ставилось задачей дальнейшее движение на запад к реке Дунайцу и к городам новому и старому Сандец).

На другой день нашей стоянки пришла в Риманов ожидаемая нами пехотная бригада с тремя полевыми батареями и вернулся из госпиталя Полковник Богородский, а Граф Келлер назначил меня командовать 10-м драгунским полком, командир котораго заболел и уехал в госпиталь.

В этом полку я знал раньше только Ротмистра Александрова, моего однокашника по кавалерийской школе.

В драгунские полки выходили офицеры с меньшими средствами, чем в гусарские и уланские. Драгунский полк был попроще и скромнее нежели гусарский. В строевом же

и боевом отношениях все полки 10-ой кавалерийской дивизии были подготовлены Графом Келлером совершенно одинаково и большая или меньшая деятельность того или другого полка всецело зависела от энергии, знания, решительности, настойчивости, исполнительности, аккуратности, предусмотрительности, боевого самолюбия, опыта и храбрости командира полка. «История конницы — история ея начальников», говорила старая военная пословица.

Состав офицеров драгунскаго полка, также как и всех кавалерийских полков я-бы разделил на три категории: 1-я это та, которая обладает теми качествами, о которых я выше упомянул, как необходимых, для выдающихся кавалерийских начальников.

2-я это та, которая обладает не всеми вышеупомянутыми качествами и наконец 3-я эта категория, которая служит постольку, — поскольку. Среди нея попадается элемент не только безполезный, но и вредный, т. к. своим скверным примером они влияли на молодежь. К счастью в кавалерии их было не много и все они улизнули в тыл, когда началась война..

Ночью было получено приказание из штаба армии пехотной бригаде вернуться в г. Санок, а нашей дивизии двигаться в направлении Дуклянскаго перевала. Пехота ушла рано утром, а мы должны были выступить после полудня.

Часов в 8 утра было получено донесение от наших раз’ездов о движени п-ка с юга по ущелью, лежащему между Мазалаборжским и Дуклянским перевалами и выходящему приблизительно на половине дороги между Саноком и Римановым.

Часам к 10-ти начали поступать об этом донесения от 1-го Оренбургскаго казачьяго полка, который на этот раз нес сторожевое охранение, а через некоторое время вступил в бой с неприятелем и стал отступать. Командир казачьяго полка донес, что п-к наступает громадными силами.

Войсковой Старшина Печенкин, как я уже писал, был весьма серьезный командир полка и за Графа Келлера готов был броситься в огонь и воду и если он писал тревожные донесения, то они всегда соответствовали действительности. Граф ему доверял, и вызвал дивизию по тревоге.

Когда мы построились у восточной части г. Риманова, мы увидели интересную картину: Из ущелья, как из «рога изобилия» непрерывно выходили неприятельские колонны,

и как муравьи разсыпались в густые цепи, наступая на се- вер и отчасти на запад на Риманов т. е. против нашей ди- визии тесня наших казаков, по которым п к открыл артил- лерийский огонь. Казаки упорно оборонялись и сыпали по неприятслю ружейным и пулеметным огнем.

Граф выслал кажется уланский полк на поддержку ка- заков и сейчас-же открыл обеими батареями огонь по на- ступающему п-ку, поражая его левый фланг.

Мы пожалели, что ушла наша пехота, но в это время десятки артиллерийских снарядов начали рваться над цепя- ми противника, наступающими на север к дороге Санок-Ри- манов, по которой ушла утром от нас бригада нашей пехо- ты и мы догадались, что это она открыла огонь по фронту противника.

Вскоре к нашему удивлению начали рваться шрапнели и на правом фланге неприятеля.

Посланный в Санок наш мотоциклист привез от начальника пехотной дивизии записку, которая гласила: «Бригада моей дивизии, вышедшая сегодня из Риманова на присоединение ко мне, заметила наступающаго противника на перерез ея пу- ти и вступила сним в бой. Я с другой бригадой вышел на поддержку. Если Вы еще не ушли из Риманова, окажите нам помощь».

Таким образом, совершенно случайно противник был взят под обстрел с трех сторон. Упорный бой продолжался весь день, Около 3-х часов дня обнаружилось его отступление и он в безпорядке полез обратно в свое горное ущелье. Мы пре- следовали его до темноты взяв несколько пулеметов и много пленных, среди них капитана австрийскаго генеральнаго шта- ба. Он был польскаго происхождения и большой славяно- фил. Мы пригласили его к себе ужинать и он откровенно раз- сказал нам историю сегодняшняго боя.

«Вы сегодня были атакованы нашим 7-м корпусом», ска- зал капитан, «мы находились все время на фронте в Царстве Польском на реке Висле. Когда руские прорвали австрий- ский фронт южнее Перемышля, наш корпус был переброшен с Вислы за Карпаты на помощь отступающей нашей армии. Нам поставлено было задачей овладеть Саноком и обеспечить тыл Перемышленскаго гарнизона.

Наша тайная разведка донесла, что в Риманове находится только русская кавалерия, а в Саноке пехотная дивизия.

Командир 7-го корпуса решил выйти на дорогу Санок-Ри-

манов; таким образом отрезать русскую кавалерию, находящуюся в Риманове, выставить против нея заслон, а всеми силами корпуса обрушиться на Санок и сбросить русских в реку Сан.

Сначала наше дело шло хорошо: Мы первых встретили, как и ожидали, казаков, а затем подверглись обстрелу артиллерией из Риманова, но мы не придавали этому особаго значения, послали против Вас заслон, а сами спешили выполнить нашу задачу — выйти скорее на дорогу Санок-Риманов; как вдруг неожиданно нарвались на русскую пехоту, котораая начала нас бить артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем с фронта.

Узнав об этом, командир корпуса приказал энергично атаковать эту пехоту. Наши части при поддержке нашей артиллерии непрерывно шли вперед, как вдруг, совершенно неожиданно понеслись сотни артиллерийских снарядов на наш правый фланг и в тыл наступающим нашим частям. Таким образом мы неожиданно попали под русский огонь с трех сторон и командиры частей донесли, что они несут страшные потери и при таких условиях наступать дальше не могут.

Командир корпуса послал меня выяснить обстановку, но меня казаки поймали в плен». Этим закончил капитан свой разсказ и добавил, «за все время войны, мы никогда не были в таком тяжелом положении, как сегодня.

«На войне случай—Его Величество», говорил Наполеон. «Удивить—победить», сказал наш полководец Суворов о чем мы учили еще в военном училище, на лекциях по истории военнаго искусства.

Отбив наступление 7-го австрийскаго корпуса мы отошли на ночлег в Риманов.

В течение ночи была получена диспозиция Командарма. (Диспозицией называется задание для войск, в которой указывается: каким частям, где и как действовать и какую задачу они должны выполнить).

По этой диспозиции в Мезалаборжский проход направлялась пехотная дивизия, находящаяся в г. Саноке, а нашей дивизии было приказано двигаться к Дуклянскому перевалу.

Двинувшись на Юг по Дудлянскому ущелью мы ежедневно имели стычки с неприятелем, а 26-го Октября довольно упорный бой у дер. Залуж, где выбив противника мы заночевали и на другой день взяли местечко Прусик. Здесь мы

первый раз встретились с австрийскими альпийскими стрелками: на нас они произвели впечатление своей меткой стрельбой, но были недостаточно устойчивы. Венгерские войска дрались упорнее всех остальных аавстрийских войск и мы считали венгров самыми лучшими солдатами в австрийской армии.

28-го Октября пр-к пытался весь день отобрать обратно от нас м. Прусик, но был отбит во всех направлениях.

В ночь с 28-го на 29-ое Октября, мой полк был оставлен на позиции, а дивизия отошла за перевал в ближайшую деревню на ночлег.

Противник в течение ночи не проявлял никай активности, зато с наступлением рассвета он перешол против меня в наступление: сначала показались его небольшие части, а затем стали переваливать из за гор все более и более густые и длинные цепи, а за ними колонны, как гусеницы переваливали через хребет горы; артиллерия поддерживала наступление своих войск, у меня же не было ни одного орудия и я защищался только ружейным и пулеметным огнем. о чем и доложил Графу по телефону.

«Ни подойти к Вам, ни послать артиллерию я не могу» сказал Граф т. к. действую с дивизией в другом направлении к Востоку от Вас, но на смену Вашего полка идет пехотная бригада с тремя батареями.

На мой вопрос, как далеко пехота, Граф ответил, что она находится в 20-ти верстах. Прикинув, что она может подойти ко мне часов через 5-6, я попросил Графа послать мотоциклиста на встречу Командиру пехотной бригады с приказанием артиллерии, как можно скорее на рысях обогнать пехоту и прибыть ко мне. Граф согласился и часа через два ко мне явился молодой, высокаго роста, стройный артиллерийский Полковник, с закрученными вверх усами, подобно Вильгельму II-му.

«С 24-мя орудиями прибыл в Ваше распоряжение, что прикажете делать»? отрапортовал мне лихой артиллерист.

Я увидел, что это был боевой, энергичный Полковник, которому не нужно было много говорить; я вкратце обрисовал обстановку и сказал ему, как можно скорее стать на позицию и бить по противнику, который колоннами переваливает через хребет горы и спускается в долину за наступающими на мня цепями.

«Вы боритесь с колоннами и артиллерией противника,

а я буду продолжать обстреливать, его цепи», добавил я когда Полковник уже уходил выбирать для себя наблюдательный пункт.

«Не безпокойтесь, я их всех быстро усмирю», крикнул он мне и торопливо зашагал в гору.

Противник за это время успел спуститься в долину в значительных силах, а колонны его все время продолжали переваливать горы, поддерживаемые их артиллерией. Не встретив с нашей стороны артиллерийскаго огня, и лишь подвергаясь слабому огню спешанной кавалерии, неприятель наступал довольно энергично и я видел, что не буду в состоянии удержать свою позицию.

Но вот, раздались один за другим наши пристрелочные артиллерийские выстрелы, они просвистели над нашими головами и разорвались не долетев до горнаго хребта, через который переходил противник. Молочный дым от разорвавшихся снарядов, как белое облако медленно поплыл в голубом небе. За выпущенными снарядами полетело еще две пары, некоторые из них разорвались надхребтом или перелетели его.

Просвистело еще несколько пар, а затем на момент все стихло, но вскоре с визгом и шипением 24 наших снаряда полетели на неприятеля: одни рвались над горным хребтом, другие дальше, а третьи засыпали, как градом по склонам гор и по долине, где скопился противник.

Скорость стрельбы наших батарей все больше и больше усиливалась было видно, что мой Полковник пристрелялся и открыл беглый огонь по неприятелю, двумя батареями по его колоннам и артиллерии, а одной по цепям.

Положение противника спустившагося в долину оказалось весьма тяжелым: наступать по гладкому месту на деревню откуда мы обсыпали его пулеметным и ружейным огнем плюс шрапнелями нашей батареи, было крайне затруднительно; отходить назад еще хуже, мы бы его били в тыл, а две наши батареи устроили артиллерийскую завесу.

Было видно, как противник заметался по долине, подобно мыше пойманной в клетке, более малодушные бросились в сторону и начали уходить по долине на запад, ища спасения в рытвинах ручья, в ямах и оврагах, а оставшиеся начали быстро окапываться в землю и всякое наступление с его стороны прекратилось.

Успех этого боя нужно всецело отнести к умелой рабо-

те прибывшаго артиллерийскаго Полковника и великолепным балистическим свойствам нашей 3-х дюймовой полевой артиллерии. Разрыв шрапнели покрывал довольно большой радиус и наносил громадные потери противнику, приводя его в панику.

«О, руссиши каноны, каноны», часто кричали австрийцы, взятые в плен.

К вечеру подошла ко мне пехотная бригада и заняла мои окоп.Чтобы не показать противнику, что мой полк уходит, я сговорился с командиром пехотной бригады, о выводе эскадронов из окопов с наступлением темноты, поэтому роты влились прямо в эскадроны.

Командир бригады приказал в окопы пойти одному его полку, а другой поставил в резерве. И ту позицию, которую мы занимали 5-ю спешанными эскадронами в составе 350-ти драгун, пехота заняла 16-ю ротами в составе около 3500 стрелков, т.е. где был один драагун, туда пришло 10 пехотинцев.

Глаз кавалериста не привык видеть такую массу людей в цепи и драгуны с удивлением смотрели, как этот муравейник людей сыпался в окопы.

Я пошел по окопам, чтобы ближе познакомиться с пехотой.

При приеме новобранцев в кавалерию выбирались специальные люди: средняго или выше средняго роста, стройные, легкие, с коротким туловищем и длинными ногами. При спешивании кавалерист имел на себе лишь сумки с патронами да винтовку в руках, все остальное оставалось на седле, поэтому, кавалерист всегда имел вид легкаго и подвижного солдата, в противоположность пихотинцу, который был маленькаго роста, навьюченый тяжелым вещевым мешком, палаткой, котелком, баклагой для воды лопаткой или киркой, обвешан патронами и скаткой из шенели.

Пришедшая бригада спешила нам на помощь и прошла в один день 30 верст. Люди были крайне усталы и невероятно запылены. Видимо они ужасно хотели пить и набросились на баклаги, которые драгуны имели наполненными холодным чаем. Кавалеристы вообще пили воду редко и мало

Я видел, как драгуны с дюжиной баклаг пехотинцев бегали к колодцам и приносили пехоте воду в окопы. Многие поделились с пехотинцами папиросами и хлебом, который они взяли из седла с собой в окоп.

Противник не проявлял никаких действий и между пехотинцами и кавалеристами завязался дружеский разговор, каждый старался поделиться своими переживаниями или разсматривали разницу между пехотной и кавалерийской одеждой и амуницией. Усталые пехотинцы полу-лежа сидели в окопах, а кавалеристы наблюдали за неприятелем и изредка постреливали, как-бы охраняя пехоту. Мне казалось, что такое смешение могло в боях давать хорошие результаты, особенно, когда пехота сильно потрясена морально.

С наступлением темноты я увел полк к дивизии.

31-го Октября пехота сменила нашу дивизию у местечка Прусик и мы, покинув Дуклянское направление двинулись на запад, для выполнения, поставленной Графу Келлеру задачи, идти впереди 8-ой армии к реке Дунайцу и городу Ново-Сандец.

Пр-к не оказывал большаго сопротивления по пути нашего следования и мы легко заняли 2-го Ноября деревню Кролик-Польский, а 4-го деревню Роги.

6-го Ноября мы имели бой у города Змигрод, где пр-к оборонялся весьма упорно и мы в течение целаго дня не могли взять этого города, пока к вечеру не подошла наша пехота с севера, от города Кросно и мы совместно, кажется, со 124-м пех. Воронежским полком выбили противника и заняли этот город.

Мы наступали прямо на Змигрод, а наша пехота шла правее нас, и лишь только обнаружилось отступление неприятеля, Граф сейчас-же выслал квартиерьеров, которые под выстрелами противника отвели квартиры. За квартирьерами втянулась в город и вся дивизия. Пр-к остановился за городом и начал обстреливать наше расположение. Пули пронизывали халупы наполненные людьми и дворы, где разбили коновязи для лошадей.

Я стоял у ворот штаба полка и ожидал, что Граф прикажет выступить и прогнать пр-ка дальше от города, но никаких приказаний не последовало и полки продолжали размещаться по своим квартирам.

Уже, совершенно стемнело, как я услыхал голос за забором, со стороны поля:

«Что за люди здесь такие?»

«Русская кавалерия», ответили солдаты.

«Ну слава Богу, это наши», послышался опять голос и через забор перепрыгнули три пехотных солдата.

«Сюда идет полк, мы шли в авангарде, командир роты

рассыпал людей в цепь и хотел уже обстреливать Вас, да сумление нас взяло, може это наши, уже заняли этот город, который мы должны атаковать и мы вызвались охотниками пробраться сюда и узнать, кто здесь», доложил мне молодцеватый и видно боевой пехотный унтер-офицер.

«Беги к ротному и доложи, что наши уже заняли этот город», сказал он своему солдату.

«А как же это так, что сюда летят пули, где Вы стали на ночь?» Спросил весьма расторопный унтер.

Мне не хотелось ответить ему, что мы так пренебрежительно относились к противнику и я сказал, что правая пехотная колонна должна отогнать неприятеля и выставить сторожевое охранение.

«Ну, если они его не отгонят, то подойдут наши и мы его пуганем» сказал уверенно унтер-офицер.

В его словах не было видно ни похвальства, ни хвастовства, а чувствовалась полная уверенность в успех и отсутствовала нерешительность или какой либо намек боязни противника.

«Какие прекрасные русские кадровые солдаты, как они отлично подготовлены и дисциплинированы, какой хороший элемент для войны при надлежащем руководстве и при соответствующем офицерском составе», подумал я глядя на этого унтер-офицера.

Вскоре подошла рота, а за ней потянулась и остальная колонна полка, они прошли город, отодвинули противника и, выставив сторожевое охранение, расположились в западной части города совершенно прикрыв нас со стороны врага.

«При совместном действии пехоты и кавалерии, пехота должна охранять кавалерию, как род оружия, могущий быстрее изготовиться к бою и необремененный лошадьми», вспомнились мне слова при изучении военной тактики.

Обойдя расположение полка, я пошел к Графу с докладом.

«Ну, как Вам нравится сегодняшнее наше нахальство?» сказал мне Граф, когда я доложил ему, о размещении моего полка.

«Да, но если бы с японцами, то мы имели бы много неприятностей», ответил я Графу.

«Но, против японцев я действовал-бы иначе», возразил мне Граф.

Будучи довольны, что благодаря пехоте, ни один из полков нашей дивизии не пошел в охранение, мы первый раз, за все время войны спали под ея охраной.

На другой день дивизия выступила далее в направлении города Старый-Сандец, а мне Граф Келлер приказал идти с полком в местечко Горлицу, где составить заслон в направлении города Кракова.

Отделившись от дивизии я вступил в Горлицы и к вечеру подошел к охотнечьему замку княгини Браницкой. По дороге мы не встречали совершенно противника и по показанию местных жителй он оставил м. Горлицы и ушел в Краков.

При походе к замку княгини Браницкой пошел снег и поднялась страшная буря и мятель. Я назначил полтора эскадрона в сторожевое охранение и пол эскадрона в дежурную часть. Кроме деревни прилегающей к замку в направлении Горлицы не было никаго жилья и заставы пришлось ставить совершенно в чистом поле. где свирепствовал снежный ураган. Я чувствовал, как неприятно было бедным солдатам идти в поле и провести там всю ночь. Чтобы поддержать их морально, я поехал сам разставлять охранение.

За несколько часов буря нанесла снежные сугробы, а снег падал так густо, что в двух шагах ничего не было видно. Кое как по компасу мне удалось сомкнуть дугу сторожеваго охранения, упираясь флангами одним в речку, а другим в шоссейную будку. Чтобы облегчить солдат вынужденных стоять в поле в снегу, я приказал половину всадников каждой заставы отправить в деревню и сменяться каждые четыре часа, а на разсвете сменить все охранение другими эскадронами. Слава Богу, за всю ночь не было ни одного обмороженнаго солдата.

Намерзшись за весь день похода и при выставлении охранения я был рад, когда наконец добрался до замка и выпил горячаго чаю.

Замок был громадный на-столько, что почти весь полк разместился в нем и в ближайшей деревушке. Конюшень, сараев и навесов было достаточно для размещения всех лошадей.

Было приятно видеть, наших боевых товарищей, благородных животных, разделяющих с нами все трудности военно-пехотной жизни, поставленных в конюшни, где они могли высохнуть и отдохнуть под крышей в эту снежную бу-

рю.

Замок княгини Браницкой был обставлен роскошно: в низу этого дома находилась громадная зала, столовая и несколько гостиных, стены которых были украшены разными трофеями добытыми на охотах князей Браницких.

Во втором этаже было много спален для хозяев и приезжающих гостей.

Семья князей Браницких была самая богатая среди аристократических польских фамилий, она имела громадныя имения в Австрии, Германии и России. Особенно славилось своим богатством имение Белая Церковь на юге России.

Управляющий замком, где мы разместились, оказался довольно любезным, — он приготовил ужин не только на всех офицеров, расположившихся в замке, но и на всех солдат штаба полка.

Со времени стоянки во Вздуве, мы первый раз попали на ночевку при таких удобствах, особенно после похода в мятель и бурю.

Управляющий для меня, как старшаго начальника, отвел лучшую комнату, — спальню самой княгини Браницкой.

Вся мебель и декорация этой спальни была сделана в стиле Марии Антуанет, а весь пол был услан роскошным, толстым, пушистым и мягким персидским ковром, в котором ноги при ходьбе утопали, как в мягкой садовой траве.

Из спальни одна дверь вела в мраморную ванную комнату, а другая в гардеробную, в которой стояло дюжины полторы. шкафов.

Я из любопытства заглянул в эти гардеробы, там висело дюжины три чудных бальных, вечерних, повседневных и летних платьев; в других были развешанные женские капоты, как европейские, так турецкие, персидские, китайские и японские.

Один гардероб был наполнен спортивными костюмами, для охоты, для теннса и амазонками, для верховой езды.

Приняв ванну, я юркнул в роскошную кровать княгини на белоснежныя простыни и наволочки и закрывшись шелковым одеялом крепко уснул.

С княгиней Браницкой я познакомился в Варшаве еще

в 1907 году при следующих обстоятельствах:

ГЛАВА VI

Прежде, чем описать обстоятельства, при которых я познакомился с княгиней Браницкой, я хочу дать читателю некоторый отдых от непрерывнаго чтения моих статей боевого характера и временно вернуться назад к довоенному времени.

Укомплектование старой русской армии офицерским составом происходило выпуском из военных училищ.

Каждый молодой человек, окончивший кадетский корпус, реальное училище, гимназию или вообще учебное заведение имел право поступать в военное училище, независимо от его социальнаго происхождения: сын офицера, купца или крестьянина; поляк, фин, латыш, кавказец, калмык, киргиз, бурят, даже якут или камчадал были моими однокарниками по училищу или сослуживцами по полку. (Однокашниками назывались в России, те ученики, кои учились, жили и столовались вместе, где русская гречневая или пшенная каша была обыденным блюдом, отсюда и взято слово «Однокашник»).

И так, каждый молодой человек, имевший аттестат об окончании средняго учебнаго заведения и физически пригодный к военной службе имел право поступить в училище и по окончании его выйти в офицеры. Не допускались в военное училище только евреи.

Поступившие в военное училище назывались юнкерами. Курс кавалерийскаго училища был два года и программа обучения была сложная и трудная: кроме общеобразовательных наук, как математика, физика и химия, на плечи юнкера взваливалось много специальных военных наук, — как военная история и география, история военнаго искусства, стратегия и тактика, топография, администрация, фортификация, иностранные языки, военные законы и все воинские уставы, — как строевой, полевой,, внутренний, гарнизонный и дисциплинарный; баллистические данные по артиллерии и ручному оружию и иппология (наука о лошади), а также приктическая ковка. Все это нужно было изучить в течение двух лет. Кроме того из штатскаго человека, нужно было сделать — военнаго.

Его нужно было выучить ездить верхом, рубить шашкой, колоть пикой и стрелять из винтовки, пулемета и револьвера; обучить сменной езде; шереножному, взводному, эскадронному и полковому учению, как в конном, так и в пешом строю.

Мало того, что всему перечисленному нужно было выучить юнкера, лично, но он должен был быть подготовлен и как будущий учитель солдат.

А для того, чтобы все это детально изучить за два года и окончить училище хорошо, нужно было иметь на это много времени, но его было совершенно недостаточно: 5 часов в день юнкерам приходилось высиживать в классах, слушая лекции (уроки) и два часа или три часа шли строевыя занятия и только вечером мы имели часа три на подготовку уроков. В одинандцаать часов ночи тушилось электричество в классах и залах, а чтобы закончить уроки приходилось уходить в уборную комнату и там учить часов до двух или до трех ночи, а вставать в 6 часов утра.

В два года невозможно было твердо усвоить все науки указанные в программе по этому военным министерством, были учреждены не только в России, но почти во всех европейских государствах, специальныя офицерския школы для пополнения образования офицеров.

В России были: стрелковая, артиллерийская и кавалерийская офицерские школы. Первые две имели годичный курс, кавалерийская двухгодичный.

Кавалерийская школа с 2-годичным курсом была одна из самых полезных военно учебных заведений и давала прекрасную подготовку офицерскому составу кавалерии.

В былыя времена эта школа называлась учебным эскадроном. В ней был одно-годичный курс, который проходили командиры эскадронов, кандидаты в штаб- офицерский чин. Позже было решено переформировать учебный эскадрон в офицерскую кавалерийскую школу с двух-годичным курсом и посылать в нее молодых офицеров, дабы пополнить те пробелы в образовании кавалеристов, кои за недостатком времени в училище, не могли изучать всего, что требовалось от кавалерийскаго офицераа.

Выпуски из этой школы давали прекрасные результаты, — окончившая молодежь пелучила полную подготовку в знании лошади и своего специальнаго кавалерийскаго дела, а также и в обще-воинских науках.

Система посылки слишком молодого состава, который еще не успел основательно войти в полковую жизнь строевого офицера, дала некоторый недочет: молодежь, прожив в такой прекрасной культурной столице, как Петербург, неохотно возвращалась в захолустные стоянки полков и старалась

устроиться или в глаавном штабе, или в каком либо министерстве, а некоторые даже оставляли военную службу и находили себе места в частных предприятиях, лишь бы остаться жить в столице.

Это являлось для военнаго министерства не выгодным, т. к.двух-летнее содержание офицера в школе несло большие расходы.

Конечно, можно было издать закон, об обязательной службе в полку за образование в школе, но в России, слишком гуманно к всему относились и в этом вопросе пошли на компромисс, — начали посылать в школу не самых молодых офицеров, а кандидатов на командиров эскадронов.

Пожалуй это было рациальное решение, ведь ответственная и серьезная служба для офицера начиналась со времени вступления им в командование эскадроном: кроме общей подготовки эскадрона, в его обязанность входило непосредственное обучение новобранцев и выездка молодых лошадей, в чем прохождение курса школы ему весьма помогало.

На такой курс поступил и я в 1907-м году. Но мое поступление в школу сопровождалось с некоторым затруднением: как я написал выше в школу тогда принимались только кандидаты на эскадроны, я же уже командовал эскадроном в течении русско-японской войны 1904 и 1905 г-х и по правилам я не мог быть принят, но я подал рапорт инспектору кавалерии генералу Остроградскому. указывая, что я не поступил раньше в кавалерийскую школу не по моей вине, а по причине моего участия на войне.

Ответ на мой рапорт долго не приходил, тогда я взял отпуск и поехал в Петербург. В канцелярии инспектора кавалерии мне сказали, , что решения по моему рапорту еще не вынесено, но вероятно мое ходатайство будет отклонено. Я был этим очень обескуражен, но одно обстоятельство мне помогло:

Каждый офицер, приехавший в Петербург должен был явиться в главный штаб. дежурному генералу, для регистрации. Дежурный Генерал. Генерал Гонзеровский, один из самых милых штабных Генералов, которых мне приходилось встречать, увидев. что я георгиевский кавалер, сказал: «Если Вы хотите, то Вы, как имеющий орден Св. Георгия, можете записаться на прием Государя, что я сейчас-же и сделал.

Через некоторое время, получив отказ на мой рапорт

от инспектора кавалерии, я собирался уже уезжать обратно в полк, как в один вечер, когда вернулся на квартиру, хозяйка мне сказала, что приезжал из Царскаго Села фельдегерь и оставил на мое имя срочный пакет.

Распечатав конверт, я нашел в нем письмо министра двора, где сообщалось, что я назначен представиться Государю в следующую среду в 11 часов в Царском Селе. К письму был приложен пропуск на министерский поезд, отходящий из Петербурга в среду в 9 часов утра.

Приготовив свою парадную форму с вечера, я приехал на вокзал в среду утром минут за 25 до отхода поезда. Войдя на платформу я увидел жандармов, проверяющих пропуски у идущих на министерский поезд. Я достал полученное мною письмо, но пропуска в нем не оказалось; имея намерение держать пропуск отдельно от письма, я его оставил у себя на столе.

Будучи крайне удручен этим случаем, т. к. неприбывшие на представление Государю, второй раз уже не допускались, я побежал обратно к моему извозщику и спросил может-ли он отвезти меня на квартиру и привезти обратно на вокзал в течение 20-ти минут.

«Не могу», ответил извощик, «езда туда и обратно возмет минут 30-35.

«А где Ваша квартира?» спросил меня другой извощик.

«На Шпалерной улице, около Смольнаго института», ответил я.

«Дадите троячку, свожу Вас туда и обратно за 20 минут», сказал он мне.

Я посмотрел на его маленькую, худую серенькую лошаденку. Видимо на моем лице выражалось сомнение. т. к. извощик, быстро проговорил: «Да не сомливайтесь, садитесь, сомчу туда и обратно до отхода поезда».

И действительно он мчал меня, как хороший лихач, все время покрикивая прохожим «Берегись», а сани прыгали по снегу, как челн по волнам.

Через двадцать минут, мы были уже обратно у вокзала и я, дав извощику вместо троячки — пятерку, показал жандарму пропуск и через три минуты уже катил в министерском поезде в Царское Село.

Под'езжая к Царскому Селу, первое, что привлекает внимание это красивые позолоченные купола церкви. Само же Царское Село представляет собой тихий, маленький, чистень-

кий, провинциальный городок.

Царский дворец старой постройки: длинное двухэтажное белое здание имеет форму буквы «Г», выходя длинной сторонкой в сад и парк, а короткой на улицу; входы во дворец были только со двора; сзади дворца тянулись низкие длинные белые служебные здания, соединенные между собой и с дворцом оградой, что образует большой замкнутый двор.

К прибытию нашего поезда у Царскосельскаго вокзала ожидали дворцовыя кареты, запряженныя парой прекрасных дышловых лошадей.

На козлах сидел кучер в темной ливрее с золотой отделкой,, а рядом с ним форейтор (помощник кучера) в красном камзоле, обшитом внизу черной широкой лентой с двуглавыми орлами. Оба были одеты в трех-угольные шляпы, времен Наполеона. Форейтор имел шляпу всегда надетой углами вперед и назад, а кучер поварачивал свою шляпу углами в сторону, если в карете ехал кто либо из царской фамилии.

Кареты были двухместныя, в одну из них сел я и морской лейтенант.

Форейтор, закрыв двери нашей кареты, вскочил на козлы и вороные рысаки быстро помчали нас по дороге ко дворцу.

По бокам ворот дворцовой ограды у будок стояли парные часовые гвардейскаго полка. При приближении кареты, пристав дворцовой полиции, посмотрев внимательно, кто сидит в карете, открыл ворота. В'ехав во двор, кучер повернул налево и остановился у одного из дворцовых под'ездов.

По дюжине ступенек мы поднялись на верх крыльца; швейцар открыл дверь и мы вошли в приемную комнату; лакеи взяли наши шинели, каски и скрылись.

Меня крайне удивил такой легкой контроль за приезжающими в царский дворец, — достаточно было показать пропуск, при входе в поезд, чтобы дальше безпрепятственно прямо приехать во дворец.

Продолговатая приемная комната имела два широких открывающихся окна, между ними висел портрет Александра III-го, а на другой стороне громадный снимок красивой молодой женщины. В нем я узнал Государыню Александру Феодоровну.

У горевшаго камина виднелась художественная картина, изображающая крестьян занятых на поле жатвой пшеницы.

Картина была нарисована так живописно, что люди казались совершенно живыми, а золотистая пшеница, как бы колыхалась волной от движения душнаго воздуха.

Пол приемной был покрыт турецким ковром, на котором стояло много разнообразных кресел, а посредине овальный стол накрытый коричневой шелковой скатертью.

Кроме входной двери была еще боковая дверь, ведущая во внутренния покои дворца.

У этих дверей стоял курьер молодой стройный, высокаго роста мужчина. На нем была оригинальная шапка обвязанная широкой лентой и походила на мусульманскую чалму. К шапке были прикреплены белыя перья.

Одет он был в темно-красный короткий жакет, в синие штаны, доходящие лишь до колен и далее белые чулки с ярко-голубыми подвязками и черными туфлями.

Вскоре вошли два лакея в коричневых фраках и штанах и также в белых чулках и черных туфлях, как и у курьера. Фраки были расшиты золотым галуном. Они принесли на подносах фарфоровыя чашки с чаем и печением. Я с холода с удовольствием выпил горячаго чаю.

Приемом в этот день заведывал Граф Гендриков, которого я встречал в Манчжурии, когда он привозил подарки солдатам во время русско-японской войны. Гендриков меня узнал и мы вспомнили нашу встречу.

В это время прошла через приемную комнату дама с моложенькой белокурой красивой девушкой.

«Это княгиня Галицина с дочерью, она сегодня дежурит у Государыни», сказал мне Гендриков.

Вскоре из внутренней двери вошел другой курьер и что то шепнул на ухо Гендрикову.

«Кто назначен на представление Государю следуйте за курь ером», громко, но учтиво произнес Гендриков.

Мы вошли через внутреннюю дверь в небольшой зал и далее в корридор, который шел мимо разных комнат. В одной мы увидели Наследника, играющаго с электрическим по ездом. Около него стоял матрос, вероятно Деревенко.

Из корридора курьер провел нас в комнату, где по средине стоял небольшой биллиард, в левом углу от входа находился письменный стол, а вдоль наружной стены были рас положены шкафы с книгами.

Кроме двери, в которую мы вошли, еще была дверь ведущая в следующую комнату, как я позже узнал в спальню

Государя.

Нас встретил флигель-ад'ютант князь Орлов-Давыдов, очень полный человек, с открытым и добрым лицом. Орлов был женат на княгине Белосельской-Белозерской, сестре князя С. А. Белосельскаго- Белозерскаго, который был командиром 3-го драгунскаго Новороссийскаго полка, в г. Ковно, где я служил до производства в полковники. Орлов иногда приезжал в Ковно к Белосельскому и я там с ним познакомился.

Орлов, проверив наши фамилии по списку, построил нас постаршинству в одну шеренгу спиной к биллиарду. Он нас предупредил, что Государь войдет через правую дверь, что он будет разговаривать с каждым отдельно и когда кончит говорить, то мы должны поочередно уходит в те же двери, откуда вошли, но не поварачиваться сразу спиной к Государю, а отступив несколько шагов назад. Об этом я уже слыхал от своего командира полка Белосельскаго, который иногда разсказывал нам о придворных церемониях.

Часы пробили одиннадцать. Внутренняя дверь преоткрылась и из за нея показалась голова негра, который посмотрел на Орлова, а последний кивнул ему утвердительно головой. Мы догадались, что это был потомок арапа Петра Великаго, привезенный из Африки.

По придворным традициям только арапы могли входить во внутренния покои царской семьи без доклада.

«Сейчас войдет Государь», сказал нам Орлов.

Я и, вероятно, все стали внутренне волноваться: Мы сейчас увидим человека — неограниченнаго правителя страны потчи с двухсот-миллионным населением. От одного его слова, —«да» или «нет» зависила не только судьба народа, но и история великой нашей родины.

Немногим удавалось видеть даже издали правителя земли русской, но мы оказались одни из тех редких счастливцев, кои удостоились не только видеть лично Государя, но даже говорить с ним о своих частных делах.

Всех нас представляющихся было в этот день 13-ть человек; я и морской лейтенант были по чинам самые младшие и стояли на левом фланге шеренги, правее нас стояли полковники, назначенные командирами полков, которые при приезде в Петербург имели право быть представленными Государю, далее стояли один адмирал и два генерала.

Все мы с волнением ждали появления Государя. Но вот

опять дврь приоткрылась, высунулась та же голова арапа и кивнула Орлову, а через несколько секунд арап распахнул широко дверь в которую величественной осанкой вошел Государь и остановившись сказал: «Я рад Вас видеть у себя, приехавших с разных мест нашей великой родины доложить мне, о нуждах моей доблестной армии». Затем он подошел к правому флангу нашей шеренги, подал руку генералу и стал с ним разговаривать, а мы тщательно в него всматривались и следили за каждым его движением и словами.

Несмотря на царственную осанку Государь сразу производил впечатление очень добраго и спокойнаго человека; его большие выразительные лучезарные глаза, мягкия движения, вкрадчивый голос и природная доброта успокоительно действовали на всех, кому приходилось с ним встречаться. Всякое волнение исчезало безследно и чувствовалось, что стоишь не перед Императором, а перед самым обыкновенным человеком, гораздо менее строгим, нежели многие военные начальники.

Одет был Государь в форму императорских стрелков: малиновая рубашка русскаго покроя (косоворотка), черного сукна мундир, типа русской короткой поддевки, с открытой грудью, с малиновым поясом, с погонами полковника, в черных брюках, с малиновым кантом и шевровыми высокими плохо вычищенными сапогами со шпорами. Брюки были довольно потерты с выцветающими кантами, которые можно было часто видеть на пехотных капитанах, обремененных большой семьей и нуждающихся в средствах.

В частной жизни Государь был очень скремным человеком.

Говорил он очень быстро, отрывисто и вопросительно. У каждаго спрашивал о кондициях стоянок войсковых частей, какия казармы, хорошо ли отапливаются, свободно ли размещены солдаты, достаточны ли отпуски от казны, имеются ли гарнизонныя офицерския собрания, дружно ли живут офицеры и т. д.

Вслушиваясь в разговор мы были поражены колоссальной памятью, которой обладал Государь.

«С какой бригадой Вы участвовали на войне?» спросил Государь артиллерийскаго генерала. Тот ответил.

«О, я помню», сказал Государь, «Ваша бригада потеряла 9 пушек в Мукденском сражении.

Генерал сконфузился и что-то начал говорить в свое оправдание.

«Я Вас не обвиняю», заметил Государь, увидев волнение генерала, «есть для этого начальство, которое и должно разбираться в Ваших действиях, а я желаю полнаго успеха в Вашей новой должности», закончил Государь и подал руку генералу, который начал отступать назад и забыв, что сзади нас стоит биллиард, чуть не ударился о его борт .

«Осторожно, сзади Вас биллиард», проговорил Государь и начал разговаривать со следующим, а затем перешел к адмиралу:

«Ваш крейсер представился мне в блестящем виде», сказал Государь, «пища для матросов была прекрасная; особенно на меня хорошее произвел впечатление боцман Клеменко, он так толково все мне докладывал. Он еще служит и теперь?» Спросил Государь.

Адмирал ответил утвердительно.

Так, от одного к другому Государь подошел ко мне.

«В каком Вы отряде были на войне?» Спросил он меня.

«У Генерала Мищенко», ответил я.

«Ну, этот отряд был надежный и Мищенко даром к Георгию не представит», заметил Государь и спросил:

«Вы приехали в Петербург в отпуск или по службе»?

«Я взял отпуск и приехал сюда, с целью хлопотать о поступлении в офицерскую кавалерийскую школу, но инспектор кавалерии отказал мне в этом, т. к. я уже командовал эскадроном, а раньше я не мог поступить, ввиду моего участия в войне», ответил я.

«Это я Вам устрою», сказал Государь подавая мне руку.

Я отступил шага три назад, затем повернулся и пошел к той двери в которую вошел, но Орлов окликнул меня, дал мне записку и сказал, чтобы я уезжая из дворца, зашел в походную канцелярию Государя и получил от дежурнаго чиновника бумагу, начальник офицерской кавалерийской школы. Я догадался, что это приказание Государя о принятии меня в школу и заранее был обрадован.

Вернувшись в приемную комнату я нашел там всех, кто представлялся Государю.

«Вы хотите представиться Государыне» спросил меня Гр. Гендриков.

Я ответил утвердительно и пошел за курьером. Пройдя опять несколько комнат, мы вошли в небольшой кабинет, где сидела княгиня Галицына. Записав мою фамилию, она показала мне на дверь и сказала: «Входите».

Я открыл дверь и вошел в квадратную, средней величи -

ны, комнату, отделанную в голубой цвет: стены, ковер, вся мебель бирюзоваго цвета. За небольшим овальным столом сидела Государыня в придворном открытом бирюзовом платье и читала книгу. При моем появлении она поднялась, вышла из за стола, ответила на мой поклон и подала мне руку, которую я поцеловал.

Все ея вопросы и наш разговор был семейнаго характера: она спросила меня женат-ли я, имею-ли детей был-ли я ранен на войне, как я себя чувствую после войны, нравится ли мне Петербург, хорошо-ли я переношу Петербургский климат после жаркой Манчжурии и т. д.

Исчерпав все обычные вопросы, она подала мне руку в знак того, что я могу уходить. Я также отступил назад и повернувшись у дверей вышел из ея комнаты. Государыня выглядела очень красивой женщиной; с акцентом, но хорошо говорила по русски и мне кажется, что она говорила по русски лучше, чем Мария Феодоровна, с которой мне пришлось говорить позже и многих ея вопросов я не мог понять.

Проходя мимо княгини Галицыной я поклонился ей и вышел из ея кабинета. К моему удивлению я не нашел курьера у дверей, и был смущен найду ли приемную комнату и не попаду ли в другое место, где могу сконфузиться сам и сконфузить кого нибудь, но тщательно припоминая дорогу по которой я шел, мне удалось не сбиваясь придти в приемную и меня опять удивила та свобода, которая царила во дворце, ведь так легко было какому нибудь злоумышленнику стать за портьеры или спрятаться под любой диван и наделать много неприятностей царской семье.

Через некоторое время Гр. Генриков об'явил, что Государь всех пригласил на завтрак и он повел нас в золотую столовую.

Эта столовая действительно соответствовала своему названию,— золотая, — все в ней было сделано под золотой цвет; стены, панели, ковер, столы, стулья, скатерти и вся посуда были позолочены, даже фраки у лакеев были сделаны из золотистой материи.

В столовой уже было много лиц коих я не видел в приемной комнате.

Там находился министр двора Граф Фредерикс, обер-гофмарфал Граф Бенкендорф, военный атташе Японии, испанский посол и весь кабинет министров. Среди них я узнал Столыпина, Коковцова, военнаго министра генерала Редигера и начальника генеральнаго штаба Палицына.

Министры приезжали в Царское Село с докладом к Государю по средам и имели свой министерский под'езд, куда также приезжали иностранные послы и другие высокие сановники.

Все стояли группами или по-два и тихо разговаривали между собой. У меня никого не было знакомых, кроме Гендрикова, который был занят указанием кому и за какой стол садиться и я был доволен, что мне не нужно было ни с кем разговаривать и я мог наблюдать за всем происходящим в столовой. Посредине стоял большой овальный стол, а во круг него круглые столы размерами на четверых, шесть и восем человек. За каждым стулом стоял лакей.

Через некоторое время арап открыл обе половины внутренней двери через которую вошел Государь под руку с Государыней, за ним Великий Князь Николай Николаевич со своей супругой Милицей Николаевной, дочерью Короля Черногорскаго Николая.

Далее шли княгиня Гнлицына, князь Орлов и некоторые другие придворныя лица, которых я не знал. Из детей Государя в завтраке никто не участвовал. И я пожалел, что мне не удалось на этот раз их видеть. Проходя по столовой Государь и Государыня кланялись присутствующим и сели за овальный стол один против другого. Около Государя села Милица Николаевна, а с Государыней сел В. К. Николай Николаевич.

Как только Государь сел, лакеи отодвинули стулья от столов и все гости заняли указанныя места.

За царский стол, кроме перечисленных выше лиц, сели еще: Фредерикс, Бенкендорф, Столыпин, Орлов, Галицына и какая то придворнаяа дама.

Мое место было за четырехместным столом, а моими соседями были морской лейтенант, полковник главнаго штаба Харин и японский военный аташе, который довольно хорошо говорил по русски.

Харина я как-то раньше встретил в Мариинском оперном театре и был поражен красотой, сидевшей с ним в ложе женщины.

На мой вопрос, «кто это?» мне ответили, что это полковник Харин, имеющий самое богатое имение в Екатеринославской губернии и самую красивую жену в Петербурге.

Во время завтрака Харин разсказывал о его столетних винах, но этот разговор меня мало интересовал, я слушал его разсеянно, а больше следил за царским столом и слушал, что

там говорили.

На каждом столе стояло несколько бутылок с разными винами и графинчик с водкой. Сначала лакеи подали одну закуску, а затем другую, обе оне были круглой формы и состояли из двух слоев разнаго цвета.

К сожалению я сидел крайний от входа и лакей начинал подавать начиная от меня. Признаюсь по правде, я не знал, какой слой закуски нужно было брать верхний, нижний или оба и чтобы не попасть в смешное положение перед сидящими, а главное передъ лакеем, я отказывался от них и мой маневр оказался удачным, т. к. в одной закуске нужно было брать нижний слой, а в другой верхний, а остальные слои были нес'едобны, а служили: один фундаментом, а другой крышей для закусок.

«Почему Вы не берете, это довольно вкусная закуска», сказал мне Харин.

Я ответил, что не пью водки и по этому не беру закусок.

Я видел, как моряк и японец, тоже не зная с какого конца начинать закуску, следили за Хариным и следовали его примеру.

После закусок подали рыбу под белым соусом; я взял порядочный кусок, чтобы возместить пропущенную закуску, но и здесь меня постигла неудача: не зная придворнаго этикета, я не окончив еду положил нож и вилку на тарелку и взглянул на Харина, что-то ему отвечая, в это время моя тарелка с рыбой исчезла, — ее быстро убрал лакей. Оказывается, что по придворным правилам, нож и вилка, положенные на тарелку, являются признаком, что гость больше не хочет есть этого блюда и лакей должен убрать тарелку. Когда же подали жаркое, то я не клал ножа и вилки, пока не с'ел всего взятаго. После дессерта, появились лакеи, несущие зеленые сосуды наполненные араматной теплой водой. С этим я уже был знаком т. к. в некоторых аристократических домах, где мне приходилось бывать, такую воду тоже подавали. но я все же из любопытства смотрел на царский стол. Первая Государыня взяла сосуд, освежила рот водой и помочила пальцы в оставшейся воде, многие же только обмывали пальцы, что сделал и я.

Закончив омовение водой Государыня и все дамы встали и ушли во внутренние покои, а Государь еще оставался недолго, курил и разговаривал, затем он с придворными лицами ушел в свои покои, а мы вернулись в приемную комнату.

Гр. Гендриков предложил желающим осмотреть дворец, но я весь был заинтересован бумагой, которую мне нужно было получить в канцелярии Государя, поэтому я от осомтра дворца отказался, одел свою шинель и каску и пошел за бумагой.

Дежурный чиновник подал мне конверт и сказал: «В этой бумаге написано, что Государь приказал Вас принять в Офицерскую кавалерийскую школу, это вручите начальнику школы, а копию мы посылаем инспектору кавалерии». Я был очень обрадован и вынув 5 рублей, протянул их чиновнику.

«Нет-с, мы взяток не беремс», пробормотал чиновник.

«Я не думаю, что это является взяткой, я просто хочу Вам заплатить, за Вашу сверхурочную работу для меня», ответил я чиновнику.

«Нет-с, нет-с», повторил чиновник и не взял денег.

Взяв стоящую у под'езда дворцовую карету, я поехал на вокзал, а оттуда по жел. дороге в Петербург.

На другой день я уже был зачислен в школу.

Офицерская кавалерийская школа находилась на Шпалерной улице и размещалась в старых длинных и низких аракчеевских зданиях. Только два громадных манежа и конюшни были заново выстроены, в современном стиле строительной техники.

Чины школы делились на постоянный и переменный составы. Пстоянный состоял: из начальника школы, его помощника, начальников отделов, сменных инструкторов преподавателей наук и других лиц, занимающих хозяйственныя и административныя должности. Кроме того при школе был еще учебный эскадрон, для практических кавалерийских занятий.Переменный состав делился на отделы: кавалерийский, казачий и отдел наездников. Кавалерийский и наезднический отделы имели двухгодичный курс, а казачий — одногодичный.

Начальником школы в это время был Генерал Брусилов, а его помощником Полковник Химец, но вскоре Брусилов был назначен начальиком 2-ой гвардейской кавалерийской дивизии, а начальником школы назначили бывшаго командира 4 Псковскаго Драгунскаго полка Генерала Барона Мэйнарда, очень строгаго начальника с немецким педантизмом.

Псковские драгуны разсказывали нам, что Мейнард так хорошо подготовил Псковский полк, что бывший инспек-

тор кавалерии В. К. Николай Николаевич, делая осмостр этому полку сказал: «Долгие годы будучи инспектором, я первый раз вижу, так прекрасно подготовленный полк и с тех пор Николай Николаевич протежировал Мейнарду, но в школе его постигла неудача: Принимая школу он обходил казармы и не любил, когда солдаты развешивали на стенках лубочныя или вырезанныя из газет картинки. Он считал, что такие картинки портят вид стен, а главное на них садилось много пыли, поэтому он приказал эти картинки снимать. В одной из комнат казармы висел лубочный образ Св. Николая. Мейнард приказал его снять. На доклад командира эскадрона, что это не простая картинка, а образ Св. Николая. Мейнард сказал: «Ну, и этому старику здесь нечего делать» и приказал убрать этот образ.

В числе сопровождавших Мейнарда находился школьный священник. Услыхав такую фразу Мейнарда, он в тот же день поехал в Цаское село и разсказал об этом своему тестю придворному священнику, последний пошел к Государю и доложил о случившемся.

Так как Мейнард был лютеранин, то его слова были приняты, как святотатство над православной религией и он был уволен со службы без мундира и пенсии.

Вместо Мейнарда был назначен начальником школы Генерал Безобразов. Это был грузный и тяжелый человек, совершенно не подходящий к этой должности, где требовалась жокейская легкость и подвижность, поэтому Безобразов был начальником лишь номинально, а все делал его помощник Пол. Химец, который с молодых лет все время служил в кавалерийской школе, был прекрасный ездок, отлично знал лошадь и великолепно вел парфорсныя охоты о чем я напишу позже.

Ежегодно от каждой кавалерийской дивизии посылалось по два офицера в школу.

На наш курс поступил также Принц Мюрат, покинувший Францию и служивший в русской гвардейской кавалерии, а также, впоследствии сыгравшие большую роль в истории России, Полковник Кавалергардскаго полка Павел Скоропадский и Лб. Гв. Атаманскаго Казачьяго полка, известный писатель Есаул Петр Краснов. Первый был избран Гетманом Украины, а второй Атаманом Всесильнаго Войска Донского.

Всех вновь прибывших в школу разделяли на три сме-

ны, приблизительно по 20 человек в каждой. Всякий из нас должен был выезжать 4-х лошадей: собственную, казенно-офицерскую, под'ездку и доездку.

Под'ездкой называлась молодая лошадь 4-х летняго возраста, только что купленная в табуне и доставленная в школу в полудиком состоянии, которая не только что никогда не седлалась, но и узду на нее надели первый раз после покупки.

Доездка — это та лошадь, которая уже год под'езжалась, а собственная и казенно-офицерская, — те которыя каждый офицер должен был привести с собой при поступлении в школу. Собственныя лошади в большинстве были чистокровныя и необходимо офицеру было знать, как выезжать и таких лошадей.

Казенно-офицерская лошадь служила для правильной выправки ездока, для практики владения оружием, для практической езды в поле, а главное для парфорстных охот.

Каждую лошадь выезжали ежедневно по одному часу, плюс один час вольтежировка и один час практическая ковка или фехтование, таким образом мы имели 5 часов в день интенсивной физической работы и три часа классных занятий.

Занятия начинались с 8-ми часов утра и оканчивались в 5 часов вечера, с перерывом на один час на завтрак.

Каждым сортом лошадей заведывал особый инструктор-офицер из постояннаго состава школы. В мое время инструктором собственных лошадей был Ротмистр Васильев, казенно-офицерских — Рот. Божерянов, под'ездкой Рот. Губин и доездкой Рот. Энгельгард.

Вольтежировокой заведывал чиновник Алексеев, который 25 лет прослужил в школе на этой должности и, несмотря на его 57-летний возраст, прыгал легче, чем самый мололодой наездник.

Кавалерийским отделом заведывил Полковник Князь Багратион.

Общее наблюдение за выездкой всех лошадей в школе было возложено на англичанина Мистера Филисса, который был одним из самых знаменитых жокеев и наездиком в Англии и Франции.

Свою карьеру он начал на английской скаковой конюшне, еще будучи 12-летним мальчиком. С первых же лет своей работы он показал удивительныя способности по подготовке скаковых лошадей и вскоре сделался знаменитым жокеем

и был приглашен во Францию, где взял несколько первых призов на парижских скачках.

Затем он увлекся выездкой лошадей, для высшей цирковой езды и много лет посвятил этому трудному делу.

Однажды он показывал высшую езду в Петербурге в цирке Чинизелы при чем свободно галопировал назад. Всякий наездник знает, как трудно и как не любит лошадь осаживать назад даже шагом. Но заставить лошадь осаживать назад галопом, никто в мире не мог этого добаться, кроме Филисса.

На одном из таких представлений в цирке присутствовал инспектор кавалерии Великий Князь Николай Николаевич, который был поражен ездой Филисса и предложил ему поступить в кавалерийскую школу инструктором для выездки лошадей по его системе.

Филисс много лет пробыл в школе идеально поставил выездку лошадей и написал книгу: «Верховая езда и выездка лошади», эта книга была переведена на все европейские языки.

На практике Филисс показывал чудеса высшей верховой езды и его система выездки молодых лошадей была введена во всей русской кавалерии.

С первых же дней в школе началась нормальная работа: с утра начинали работать молодую лошадь, постепенно приучая ее сначала идти за ведущим ее всадником, хлопали ее по шее, по спине, пробовали подымать ее ноги и конечно не проходило и однаго дня без каких нибудь случаев: то лошадь, вместо того чтобы идти за всадником тащила его назад через весь манеж, а когда пробовали подымать ее ногу, то она становилась на дабы или прыгала на человека. Особенно было много курьеза, когда пробовали уже садиться на молодых лошадей: не успеет смена двинутся, как, вдруг, неожаданно, какая нибудь из лошадей начинает прыгать, как, козел, бить задом, становиться на дыбы, а иногда опрокидываться на спину, стараясь сбить с себя всадника.

Ея примеру следуют другие — смотришь, на земле уже лежат несколько человек. Такое падение в кавалерии называется: « закопать репу», и первому, кто упадет с лошади, подносили в подарок золотой жетон, имевший форму репы, с вырезаной датой падения.

Особенно частыми падениями отличался 3 го государского Елисаветградского полка (Тогда еще 9-ый драгунский) Штабс-Ротмистр Безобразов, он был низкого роста, с толстым тулови-

шем и короткими ногами, и поэтому ему очень трудно было удержаться на маленьком скользком английском седле, на которых мы выезжали лошадей.

За частыя падения Безобразова назвали «манежной трамбовкой».

Нужно заметить, что выездка, а особенно тринеровка лошадей, гораздо труднее других животных, а Филисс неоднократно повторял: «Вепреки общественному мнению, что лошадка умненькое существо, в действительности она одна из глупых животных: собака, кошка, вол, и даже овца быстро привыкают к хозяину, легко его узнают и за редким исключением бросаются на своего хозяина, тогда, как лошадь всегда может это сделать, несмотря на то, что вы долгое время ее кормите и за ней смотрите.

Но лошадь очень хорошо помнит дорогу и те места, где она останавливалась, были случаи когда лошадь за сотни верст прибегала одна домой и часто поварачивала в те дворы, где много лет тому назад останавливалась всего лишь на короткое время.

Остальных трех лошадей мы выезжали, тоже на английских седлах, но без стремя на всех алюрах, включая облегченную рысь. (Облегченной рысью называется, когда всадник опускается в седло через шаг лошадинаго бега).

Езда без стремян довольно трудная, но это лучший способ выучить всадника крепко держаться в седле. После двух, трех месяцев ежедневной езды без стремян, так привыкаешь к этому способу что стремя кажется лишним.

Насколько крепко держишься в седле после долгой практики езды без стремян, я испытал на себе: На Царскосельских скачках на крутом повороте круга у меня оборвалось стремя и я удержался в седле, а всякий ездок знает, как трудно при таком положении усидеть и не свалиться не землю.

На собственных же лошадях мы ездили на своих строевых седлах и тоже без стремян.

Так продолжалось без всяких изменений мое начало пребывания в школе, но месяца через полтора появилось среди лошадей сильное эпидемическое заболевание, в весьма тяжелой форме и несколько лошадей пало, среди них и моя собственная лошадь, которую я недавно купил заплатив 450 руб.

По правилам школы, если потерявший лошадь не при-

обретет новую в течение 30-ти дней, то отчисляется от школы, и мне пришлось метаться по всему Петербургу за покупкой лошади.

«Помните», сказал мне Филисс, «при покупке лошадей, как и всякой вещи, первое смотрите, чтобы она вам понравилась по общему виду и только после этого, осматривайте, так как если лошадь вам не нравится вообще, то какими-бы она другими качествами не обладала, все равно вы ее любить не будете».

Следуя совету, я осмотрел много продающихся лошадей, но ни одна из них мне не нравилась по общему виду.

За несколько дней до 30-ти дневнаго срока, мы шли с практической ковки в столовую на завтрак и встретили Пол. Химца.

«Когда же Вы приобретете лошадь? Срок истекает и Вы будете отчислены от школы», сказал мне Химец.

Почти все мы имели завтрак в нашей школьной столовой и только некоторые семейные ходили завтракать домой. Садились мы за столы группами и имели всегда один и тот же стол.

За нашим столом сидели: Лб. Гв. Уланскаго полка Барон Притвиц, Нарвскаго гусарскаго полка Шт. Рот. Чембер, Волынскаго уланскаго полка Шт. Рт. Кунсман, Приморскаго драг. полка Шт. Рот. Воронин, Крымскаго коннаго полка Шр. Рот. Дроздовский и я.

За завтраком я разсказал, что Химец угрожает отчислить меня от школы если я не приобрету лошади в указанный срок. Наш разговор услышал сидящий за соседним столом Малороссийскаго драгунскаго полка Шт. Рот. Троцкий и сказал мне, что его однополчанин Корнет Крюков ушел в запас и продает свою лошадь.

Сговорившись с Крюковым по телефону, я в первое же воскресенье поехал к нему, но его не застал дома. Меня приняла его мать и пригласила у нея позавтракать.

Она меня познакомила со своей дочерью. Оказалась это очень милая интеллигентная богатая купеческая семья, которая имела свою фабрику. Мать Крюкова была вдова и всеми делами управляла сама.

«Мне очень жаль продавать эту лошадь, но я вынуждена это сделать. Я держу ее для верховых поездок моего сына, но эта лошадь не умеет прыгать. Недавно мой сын поехал покататься попробовал прыгнуть и вместе с лошадью упал.

С тех пор я запретила ему ездить на этой лошади и решила ее продать. Однако я не думаю, чтобы она Вам подошла: я слыхала, что в кавалерийской школе приходится много прыгать. Как видете, эта лошадь плохо прыгает и Вам трудно будет ездить на ней в школе», сказала мне мать Крюкова.

«Это верно, ответил я, но все же разришите мне ее посмотреть?»

«О, конечно», ответила М-м Крюкова, и мы все после завтрака пошли на конюшню.

С перваго же взгляда эта лошадь мне очень понравилась: она была темно-караковой масти, 2 аршина и 3 вершка роста, на крепких ровных мускулистых ногах, с прямой спиной, широким сильным задом, развитой грудью, длинным плечем, гибкой шеей и красивой маленькой головой с большими выразительными карими, немного злыми но умными глазами и тонкими ноздрями, с красивыми маленькими ушами,всегда стоявшими вперед.

Я ощупал нет ли запала (отдышки), целы ли жилы, провел ее по двору, чтобы убедиться нет ли шпата и храмоты; все оказалось в порядке. Зубы показывали 7-летний возраст. По общему виду конь был красив и крепок.

«Я куплю эту лошадь», сказал я М-м Крюковой.

«Да, мне уж не хочется продавать ее, уж больно красиво выглядит она», ответила мне Крюкова, глядя на лошадь.

Видя, что она теряет желание продавать этого коня, я начал доказывать ей, что имея одного лишь сына, довольно опасно держать, для него такую лошадь, с которой он может легко упасть, изкалечиться или даже убиться.

Видимо это подействовало на ея материнское чувство и она продала мне эту лошадь за 300 рублей.

Дав 25 рублей конюху, я в тот же день взял купленную мною лошадь в школу.

Будучи предупрежден о неумении прыгать лошади я начал ее тренировать систиматически: первые дни переводил его только шагом через положенное бревно и сейчас же давал кусок сахару. хлопая лошадь по шее. Через несколько дней мой конь, как только кончалась езда, уже смотрел в ту сторону,где клали бревно, надеясь получить обычный кусок сахару. В то же время я ежедневно повышал бревно на один вершок. Когда бревно было настолько высоко, что конь не мог его переступить шагом, я вел его рысью прыгая через бревно сам, а он прыгал за мной, получая за каждый

прыжек кусок сахару..

Когда мой конь подучился прыгать, без седока я начал его тренировать садясь на его верхом. После каждаго удачнаго прыжка я моментально слезал с него и давал ему кусок сахару; таким образом я делал для него двойное удовольствие: кроме сахара он еще избавлялся от всадника, тяжесть котораго всегда является для лошади неприятной.

Практикуясь все больше и больше мой конь проявил хорошия способности к прыжкам и в короткое время я уже мог прыгать на нем через деревянную стенку высотой почти в 2 аршина, что могли сделать немногия лошади нашей смены.

Как то Филисс, увидев меня прыгающаго через барьер, сказал:

«Ваш конь начал прыгать, как заяц».

С этого момента я стал называть мою лошадь «Зайчиком».

Время подходило к рождеству. Началась проверка смен Полковником Химец.

Еще при приеме в школу всех предупредили, что все показавшие малые успехи по езде, при осмотре смен перед Рождеством, будут отчислены от школы, вместе с теми, кто не уменьшит своего веса до 5-ти пудов.

Многие из тяжеловестных, не надеясь похудеть, заранее отчислились сами, но некоторые усиленно тренировались: Мало ели, бегали по манежу, ходили часто в горячую баню и т. д. Я помню Павлоградскаго полка Ш. Р. Арнольде, Курляннскаго полка Ш. Р. Климова и Ново-миргордскаго полка Ш. Р. Грамбека, кои при поступлении в школу весили около 7-ми пудов, а к Рождеству сбавили свой вес до пяти пудов.

Всех отчисленных от школы за тяжелый вес, за слабую езду, по болезням и т. д. мы называли «Декабристами».

Казалось странным, как это можно служить в кавалерии и плохо ездить верхом. Однако в нашей старой матушке России было все возможно, и как пример, я приведу следующий факт: Прибывший в школу Ш. Ротмистр (фамилию его я не помню) Нижегородскаго драг. полка был отчислен от школы за плохую езду, причем выяснилось, что он в течение 7-милет не садился на лошадь, все это время он был полковым казначеем и когда нужно было ездить на учение он всегда находил отговорку, ссылаясь, что он занят казначейскими делами.

Но было еще более странным, «декабристы» возвраща-

лись в полки и оставались служить в кавалерии, а не были переведены в пехоту или вообще уволены со службы.

В кавалерийской школе, как и вообще во всех учебных заведениях, были двухнедельныя Рождественские каникулы. Большинство раз'езжалось по домам, а меньшинство оставалось в Петербурге. И нужно сказать, что оставшимся приходилось на каникулах работать довольно много, т. к. нужно было делать проездки лошадям не только своим, но и уехавших.

Я оставался при школе и эти две недели продолжал тренировать своего «Зайчика», который делал большия успехи в прыжках.

После Рождества в школе по воскресеньям начинались «Конкур иппик». (Конския состязания).

Конкур иппик состоял в том, что в манеже ставился ряд всевозможных барьеров: каменная стенка, деревяный забор, корзина, длинные обеденные столы и открывалась канава с водой.

Участники конкура должны были перепрыгнуть все барьеры —чисто т. е. чтобы лошадь прыгая не задела верхушки барьера, не остановилась бы перед барьером и не обнесла его. Для прыгающих устанавливалось время от перваго прыжка до последняго. Первый приз получал тот, кто прошел все барьеры чисто и в назначенное время, а второй и третий призы получали те, у которых были недочеты в прижках или во времени.

Самым трудным барьером считалась корзина; она имела плетеныя из хвороста стенки и представлялала собой прямоугольник в три аршина ширины и шесть длины, нужно было прыгнуть в корзинку и выпрыгнуть из нея. Для этого лошадь и всадник должны были иметь хороший разсчет в прыжке и ловкости, лошадь брала этот барьер в два прижка: раз, прыжек в корзинку, два прыжек из корзинки, поэтому необходимо было, чтобы лошадь прыгнула, как раз на середину корзины, иначе она не выпрыгнет из корзины, не ударившись о заднюю стенку. Плохо тринерованная или мало соображающая лошадь часто делала прыжек, намереваясь перепрыгнуть через всю корзинку одним прыжком и ударяясь о вторую стенку сама падала через голову, ушибая или калеча всадника. Многие лошади не могли сделать второго прыжка без разбега и попав в корзину, пытались сделать этот разбег и грудью ломали стенку. На более дорогие призы ставилась двойная кор-

зина, что еще более затрудняло преодолеть такое препятствие и только акробатически тренированныя лошади могли перепрыгнуть. ее чисто.

Петербургская публика проявляла большой интересъ к «Конкур Иппик» кавалерийской школы и с удовольствием посещала наши состязания; кроме наших знакомых приезжали пажи, юнкера Николаевскаго кавалерийскаго и Михайловскаго артиллерийскаго училищ, студенты, а также институтки Смольнаго и Ксеневьескаго института со своими пипеньерками, заполняли трибуны нашего большого манежа.

Кроме «Конкур Иппик» мы показывали вольтежировку, рубку шашкой и уколы пикой, а также карусельную езду.

Вечер заканчивался высшей ездой офицеров постояннаго состава кавалерийской школы под руководством самого Филисса. Первым номером т. е. вел смену всегда помощник начальника школы Полковник Химец.

Перед первым состязанием Химец подобрал группу участников, в которую попал и я, на моем «Зайчике».

Для «Конкур Иппик» было поставлено 5 барьеров: каменная стенка, полевая изгородь, гердел (садовая загородка из крупных срезанных прутьев), деревенския крестьянския ворота и канава, наполненная водой. Корзину на первый раз не ставили, пока лошади и всадники попривыкнуть выступать на состязаниях в присутствии публики.

Особенно сильно лошадей пугали дамы своими громадными шляпами с длинными страусовыми перьями, кои были в большой моде в те времена. Самые дорогие места, это были в ложах находящихся у самых барьеров и обычно переполненных фешенебельными дамами, искавшими сильных ощущений Сидя в ложах, они облакачивались на перила, а их длинныя и пушистыя перья на шляпах колыхались над самым барьером. Больше всего дамы любили сидеть в ложах у корзины, где чаще всего падали лошади и всадники, что доставляло дамам сильныя ощущения или как по-английски говорят "Great Thrill"

Были случаи когда лошадь, прыгнувшая в корзину, испугавшись качающихся перьев, выпрыгивала не прямо, а в сторону,ломала боковую стенку корзины и падала на бок вместе с всадником.

Так пострадал мой иструктор Ротмистр Васильев, он ушиб спину так сильно, что ему пришлось пролежать в госпитале долгое время.

Я, конечно, не надеялся взять первый приз, т. к. в состязании участвовали офицеры старшаго курса на лучших лоша-

дях, чем моя и более опытные в «Конкур Иппике» нежели я. Но заезд, в который меня записали состоял в том, что нужно было взять (перепрыгнуть) 5 барьеров по-два раза каждый т. е. взяв первый, сейчас-же нужно было об'ехать назад и перепрыгнуть тот же барьер вторично и так все 5 барьеров в установленный срок времени.

Многие в том числе и я прошли все препятствия чисто, т. к. после каждаго барьера пришлось поварачивать лошадь назад, то многия лошди с разгона не сразу поддавались повороту назад, а делали большой круг, и на это они теряли много времени, особенно на канаве, она была 4-ре шага шириной и нужно было на нее вести лошадь довольно резво, чтобы она имела достаточный разгон перепрыгнуть это препятствие.

Но мой «Зайчик» оказался крайне поворотлив и послушен, стоило мне только после прыжка направит его поводом и наклонением корпуса, как он повиновался и накоротке поварачивал назад и прыгал вторично через тот-же барьер, даже после взятия канавы я легко повернул его обратно и прыгнул через нее вторично тоже чисто.

Когда подсчитали время, то у меня оказалось самое короткое и я получил первый приз. Приз был не дорогой, всего лишь 12-ти рублевый скаковой хлыст с серебрянной ручкой, на которой была вырезана моя фамилия и дата выигрыша приза.

Так постепенно, каждое воскресенье я брал то первый, то второй, а иногда и третий приз, но никогда не было, чтобы я ничего не взял.

Памятными школьными призами были у меня чудное оголовье с серебрянным налобником и наносником для моего «Зайчика», приз от князя Багратиона и скаковое английское седло стоящее более ста рублей, приз начальника школы.

И так мой конь из неумеющаго прыгать, оказался известным на всю школу прыгуном.

Пришла масляная. «Конкур Иппик» прекратился в школе и начался в Михайловском городском манеже. Это громаднейшее здание, в котором устраивались разнаго рода выставки, базары, ярмарки и другия предприятия.

Зимой военное ведомство пользовалось этим манежем для смотров, парадов и для конских состязаний.

С перваго Воскресенья Великаго поста в Михайловском манеже начинался «Конкур Иппик» и другия конския состя-

зания и продолжались до Пасхи. Хотя «Конкур Иппик», устраивался спортивным обществом, но штатские русские люди были весьма неспортивны и все состязания велись кавалерией и изредка принимали участие иностранцы, главным образом англичане; в мое время деятельное участие в конских состязаниях принимал Мистер Вандербилт и несколько английских и американских леди.

Состязания в Михайловском манеже были весьма трудныя и серьезныя. Арена манежа настолько была велика, что на ней сотня казаков свободно производила конное учение.

На состязаниях участвовали известные всей Европе спортсмены, как Лб. Гв. Кавлергардскаго полка братья Родзянко, окончившие не только русскую кавалерийскую школу, но и итальянскую.

Затем Лб. Гв. Кирасирскаго полка Экссе и Плешков, Конно-Гранедер Скуратов, Лб. гусар Грэвс, инструктор верховой езды Московскаго военнаго училища Ш. Р. Захарченко, постояннаго состава офицерской кавалерийской школы Ротмистра Губин, Васильев, Бертрен и много других офицеровров гвардейской и армейской кавалерии.

Самым большим конкурентом был Алек Родзянко он был довольно богатый человек и покупал за границей дорогих лошадей. Он имел лошадь, которая взяла первый приз в Италии на высоту, прыгнувшая через барьер в три аршина и один вершок высоты. Он также имел лошадь, купленную в Англии, которая прыгала в ширину одинадцать аршин и несколько гунтеров хорошо прыгающих серии барьеров.

Однако судьба повернулась ко мне иначе: Химец узнав, что кроме Родзянко никто из переменнаго состава школы не записался на «Конкур Иппик», в Михайловский манеж на первое Воскресенье поста, он собрал оба курса и прочитав всем основательную натацию, выбрал несколько человек и «посоветовал» записаться немедленно на состязания; вспоминаю, что в список выбранных попали: Атаманец П. Н. Краснов, улан Барон Притвиц, гусар Чембер, конно-артиллерист Ротт, улан Роговский, еще несколько человек и я. На наши протесты, что мы не имеем шансов на выигрыш призов, Химец ответил: «Выиграите ли вы или нет, это вопрос для школы второстепенный, но для нас важно, чтобы как можно больше было-бы записавшихся на состязания от школы».

«А Вы», добавил Химец, обратившись ко мне, «на своей лошади по-моему мнению имеете шанс выиграть состязание

на серии барьеров».

И так мы оказались «желающими» участвовать в «Конкур Иппик» Михайловскаго манежа и записались на первое же Воскресенье Великаго поста.

Первой трудностью с которой нам пришлось столкнуться при состязаниях в Михайловском манеже, это была невозможность в нем делать репетиции. Днем мы были заняты в школе, а вечером манеж занят, каким нибудь предприятием, поэтому при выезде на состязание лошади очутились в незнакомой обстановке. Барьеры были другого типа нежели в кавалерийской школе. Для меня же камнем преткновения была канава с водой: во-первых она была 6 шагов ширины, в школе же мы прыгали только четырех-аршинную, во-вторых в Михайловском манеже не было настоящей канавы, а разстилали брезент и заливали его водой.

Мой «Зайчик» прекрасно выучился прыгать в высоту, и акробатически брал корзинку, но физически не мог брать большую ширину.

Будучи хорошо сложенным для прыжка вверх, у него было короткое туловище и поэтому ему трудно было прыгать в ширину, а ведь брезентная канава была в две сажени шириной, ее не так легко было перепрыгнуть.

В первом же заезде мой «Зайчик» прошел все барьеры чисто, включая корзину, но на канаве он попал задними ногами в воду и я получил второй приз 75 рублей. Для перваго раза в Михайловском манеже получить второй приз, это уже было хорошо, но испортило моего «Зайчика».

На заезде во второе Воскресенье, пройдя опять чисто все барьеры, он брезентную канаву прошел галопом по брезенту без всякаго прыжка, расплескав воду вверх и в стороны, видимо он вспомнил, что попав в воду на прндыдущем заезде почувствовал, что это была ложная канава, и на этот раз он даже не попытался ее перепрыгнуть.

Это вызвало ему гром аплодисментов со стороны публики, но мне сбавили 8 баллов и я едва получил третий приз.

Состязаниями руководили судьи, стоявшие на вышке, где почетным председателем был Великий Князь Николай Николаевич, а техническую обязанность нес Генерал Брусилов. Все судьи, находящиеся на вышке ставили баллы, кроме того, чтобы не было ошибки, у каждаго барьера стоял судья, тоже ставивший баллы.

За чистый прыжек ставилось 12-ть баллов, если лошадь задела верхушку барьера задними ногами снималось 2 бал-

ла, передними 4-ре.

За каждую остановку у барьера или за закидку — снималось по 2 балла. (Закидкой называется, когда лошадь, подойдя к барьеру вместо прыжка бросится в сторону).

Если лошадь на канаве попадет в воду задними ногами — снимали — 2, а передними — 4-ре балла, а если лошадь попадет в воду всеми четыремя, как мой «Зайчик», тогда снимали 8 баллов.

За падение лошади или всадника во время состязания, а также за сваливание барьера, всадник снимался с круга.

Будучи удручен поведением моего «Зайчика» на заезде во второе Воскресенье, я начал его тренировать через брезент, залитый водою, но он и в школе не хотел через него прыгать, а прямо галопировал по брезенту также, как и в Михайловском манеже. Я сказал об этом Филиссу.

«Мы его сейчас отучим от этой привычки», сказал Филисс.

Он открыл мелкую, но широкую канаву, наполнил ее водой и закрыл брезентом.

«Берите корду (веревку) и направляйте его на эту канаву», сказал мне Филисс.

Взяв на корду я начал гонять «Зайчика» вокруг себя, постепенно увеличивая круг и подводя его к канаве. Затем я направил его прямо на канаву. Думая, что брезент также лежит на земле, как и в Михайловском манеже, он тоже не прыгнул через него, а шел обыкновенным галопом, но провалившись передними ногами, упал в канаву, ударился и вымок весь в воде и видимо страшно испугался, т. к. поднявшись весь дрожал.

Быстро его седлайте и идите на нем на этот брезент», крикнул мне Филисс.

Через несколько минут я уже галопировал на «Зайчике» на канаву. Перед самым брезентом я почувствовал, что он неохотно идет на препятствие. Тогда я крепко взял его в шенкеля (шенкелем называется в кавалерии нога человека от колена до щиколодки), а чтобы не бросился в сторону перед самым барьером я дал ему шпоры и мой конь прыгнул действительно, как заяц, совершенно не задев брезента.

«Вишь, как прыгнул, видимо неприятно падать в канаву и купаться в холодной воде», заметил Филисс и добавил: «теперь он будет прыгать, а не скакать по брезенту».

Я спешился, дал «Зайчику» сахару, отвел его в станок конюшни, вытер с него воду, накрыл теплой попоной и засы-

пал овса с сахаром.

Мнение Филисса оправдалось, в течение всего сезона состязаний «Зайчик» никогда не пытался прогалопировать по брезенту и хотя с трудом, но перепрыгивал это препятствие.

На третье Воскресенье я взял первый приз пройдя все барьеры чисто включая канаву.

Особенно «Зайчик» наловчился брать корзину, где большинство участников не были в состоянии преодолеть это злополученное препятствие, благодаря этому он сделался весьма популярен среди публики, которая на нем выигрывала порядочные деньги. Больше всего его любили дамы, а «Зайчик» до того привык к этому, что как только я выезжал из манежа в отделение, где стояли лошади участников, он сейчас же подходил к какой нибудь даме и тянул свои губы к ея рукам, как бы прося должный кусок сахару за его работу и часто пытался укусить ту, даму,, которая вместо сахару показывала ему ладонь и моему конному вестовому приходилось крепко держать его, чтобы он не укусил кого нибудь.

Однажды он до того озлился на даму, которая не дала ему сахару, что схватил державшаго его вестового зубами за плечо и вырвал у него кусок полушубка.

Ко второй половине поста я уже выиграл на своем «Зайчике» несколько первых призов на сумму более 2000 рублей и мой конь стал не только популярным но и знаменитым прыгуном на весь Михайловский манеж .

В один из дней когда я выиграл приз в 500 рублей Великой Княгини Марии Павловны, Матери Великаго Князя Кирилла Владимировича, ко мне подошла М-м Крюкова и предложила мне продать ей обратно «Зайчика» за 1000 рублей, плюс она возвратит мне 325 рублей, уплоченныя мною ей при покупке, но я отказался продать его за какую бы то ни было цену.

Помню в 5-е Воскресенье поста разыгрывался большой приз Великаго Князя Николая Николаевича. Приз этот назывался строевым т. к. на него нужно было выезжать на строевом седле, с полным вьюком и амуницией.

Ввиду тяжести вьюка барьеры были уменьшены и канава была положена в 5 аршин, вместо обычных 6-ти. Я был уверен, что выиграю этот приз первым, хотя записавшихся было очоень много, но на первом же барьере (каменная стенка) мой «Зайчик» поскользнулся и задел верхушку стенки передними ногами, мне сбавили 4 балла и дали 2-ой приз 250 рублей. Первый приз был 600, а третий 150 рублей.

Но вот подходило Вербное Воскресенье и последний «Конкур Иппик», на нем разыгрывался самый большой, но и самый трудный приз, под названием: «Приз всех Великих Князей», при чем за 1-й приз выдавалось 1250 рублей деньгами и вещь в 750 рублей, которую выигравший мог выбрать по своему вкусу у придворнаго поставщика известнаго ювелира Фаберже.

На этот приз ставилось 24-ре барьера высотой не ниже 2-х аршин, двойная корзина и канава в 7 аршин шириной, кроме того судьи вырабатывали ряд оригинальных препятствий, кои держались в секрете и ставились в манеже перед самым началом состязания и поэтому нельзя было их прорепетировать раньше, при чем те препятствия кои ставились в предыдущие годы, больше уже не ставились и никто не знал из участников, через какие барьеры ему придется прыгать.

Одно из самых трудных условий розыгрыша приза всех Великих князей, было то, что 1-ый приз выдавался не только по высшей сумме баллов, но необходимо было пройти все 24 препятствия чисто т. е. получить полные 288 баллов, Если никто не мог получить указанной суммы баллов, то первый приз не выдавался и оставался на следующий год, а выдавались только 2 и3-й призы. В течение двух последних лет этот приз оставался неразыгранным. Об этом состязании много говорилось и даже в шутку посмеивались, что этот приз дан для того, чтобы его никто не мог получить.

Я знал, что гвардия мобилизует все силы, чтобы выиграть этот приз, не для денег, конечно, а чтобы слава выигрыша столь популярнаго приза осталась за ними.

Все известные спортсмены, которых я перечислил раньше, включая Мистера Вандербилт записались в число участников.

Мне как то не хотелось записываться на это состязание: «Куда мне на 300 рублей лошаденке конкурировать с 5000-ми лошадьми», думал я и все оттягивал запись.

«Что-же это Вы не записываетесь?» спросил меня мой инструктор Ротмистр Васильев.

«Да, мало шансов на выигрыш, разве я могу, что нибудь выиграть при таком неравном шансе», ответил я.

«А чем Вы рискуете, если ничего не выиграете, потеряете 10 рублей подписных и только, но зато приобретете больше практики на будущия «Кункур Иппик», сказал мне Ва-

сильев.

Я записался и последний раз тренировал моего «Зайчика» в Вербную пятницу, главным образом напрыгивая его на 7-ми аршинную канаву. Но он не перепрыгнул ее и попал задними ногами в воду.

«Больше не прыгайте его до состязания», сказал мне Филисс, «Ваша лошадь опять напугана, попав задними ногами в воду и вероятно в будущем прыжке перепрыгнет канаву чисто».

Я послушал Филисса и больше «Зайчика» не тревожил.

В Вербное Воскресенье, как только встал, сейчас же купил программу состязаний в Михайловском манеже, которая меня совершенно разочаровала: на приз «Всех Великих Князей» было записано более 80-ти лучших конкурных лошадей. При чем Родзянко записал 7 своих лошадей, он выезжал первым, а затем через каждых десять участников.

С удрученным видом я сел на конку и поехал к Михайловскому манежу не смотря на то, что в кавалерии не принято было ездить на конке.

Заняв место в ложе участников, которая была устроена над выездными воротами, я начал разсматривать поставленныя препятствия:

Всех барьеров было 24, включая двойную корзину и 7-ми аршинную канаву. Среди незнакомых мне препятствий были поставлены следующия:

а) — Обеденный стол, установленный тарелками, бутылками и графинами.

б)—Крестьянская телега, нагруженная мешками с зерном

в) — Банкет с земляным валом. Нужно было вскочить на площадку, а затем прыгать через вал вниз.

г) — Полоса, установленная елками в крестовинах. При перепрыгивании этой полосы елок, разрешалось задеть их верхушки, но так легко, чтобы елка не упала.

д) — Земляная стенка на которой стояло два неукрепленных столба. Ширина между ними была всего лишь 6 четвертей. Стенку нужно было брать в промежутке между этими столбами не задевая их, кои падали при малейшем толчке

е) — Садовыя ворота, в которых нужно было ручкой хлыста поднять защелку, затем открыть ворота, в'ехать в сад, закрыть все обратно, сделав это не слезая с лошади и выскочить из сада, прыгнув через садовую ограду.

ж) — Рама, затянутая тонкой бумагой, в которую лошадь должна была проскочить, прорвав бумагу.

Много препятствий было поставлено не вдоль стен манежа, а по диагонале, поэтому приходилось их перепрыгивать в разных направлениях и нужно было быть крайне внимательным, чтобы не об'ехать флаг, указывающий дорогу и не ошибиться в каком направлении нужно было ехать дальше и какое брать препятствие.

Осмотрев препятствия, я начал разглядывать публику: Все ложи, все места и галлерка были переполнены, а кому не хватало мест стояли в проходах и сзади галлерки.

Это был последний «Конкур Иппик» и весь фешенебельный Петербург считал модным и необходимым в этот день всех повидать и себя показать, перед закрытием зимняго сезона.Не только все высшее общество столицы, но и большинство Великих Князей и Княжен находились в Императорских ложах. Также присутствовал весь дипломатический корпус сидя в ложах, где красовались гербы и флаги, каждаго государства. Блестящая форма гвардейской кавалерии и военных атташе дополняла красоту богатых и красивых туалетов прекраснаго пола.

Два гвардейских военных оркестра попеременно играли мелодичныя пьесы, пока судьи на вышке сговаривались и распределяли роли.

Видя такую очаровательную красоту разодетых дам и слушая волшебныя звуки музыки я как то забылся и не думал, что и мне придется выступить перед таким громадным стечением публики высшаго Петербургскаго общества и очнулся только тогда, когда услыхал звон колокола, даннаго Генералом Брусиловым, как знак начала состязаний.

Первым выехал Родзянко на прекрасном шотландском гунторе,он свободным полевым галопом пошел на первое препятствие — кирпичная стенка и легко через нее перепрыгнул, несмотря на высоту стенки равной большому пианино и далее пошел свободно и чисто брать все барьеры, как буд то он гнался в поле за козой или лисицей. Но вот он направляется на корзинку, конь начинает горячиться и прибавляет ходу, Родзянко его сдерживает, но не смотря на это гунтер делает сильный прыжек, перепрыгивает первую корзину, попадает во вторую и ломает последнюю стенку, раздается три звонка и Родзянко с'езжает с круга манежа.

Выехал второй, три раза закинулся на стенке, тоже получил три звонка и уехал.

Третий повалил все елки; четвертый упал с лошадью на банкете, затем выехал мой инструктор Рот. Васильев и тоже

перевернулся через голову на корзине и так ушибся, что был унесен на носилках.

Выезжал вторично Родзянко и на чем то опять срезался; срезались и все до 45-го номера. Я был записан 47-м и когда 45-й выехал меня вызвали приготовиться.

Идя в предманежник к моему «Зайчику», я как то начал волноваться больше, чем на предыдущих состязаниях, но стоило мне только сесть верхом, как мое волнение изчезало безследно. 46-ой номер выехал, но очень быстро вернулся; я догадался, что его выезд был тоже неудачный.

Но вот дали звонок и мне. Выпускающий открыл ворота предманежника и я в'ехал в манеж. Поровнявшись со стартовым флагом, я поднял «Зайчика» в галоп и направился на кирпичную стенку, как, вдруг, раздалось два удара в колокол, что означало, — стой. Я остановился, но по правде сказать, этот звон был для меня, все равно, что ушат холодной воды на мою голову. Только участники состязаний знают, как неприятно действует на лошадь остановка перед препятствием и как она после этого теряет энергию при дальнейших прыжках.

Оказалось, как узнал я позже, что Ген. Брусилов давая звонок, для моего выезда, не заметил, что одно из препятствий, сваленное моим предшественником, не было еще исправлено и поэтому меня пришлось остановить.

К счастью «Зайчик» стоял все время спокойно, разглядывая публику и поглядывая на качающиеся громадныя перья на широких дамских шляпах, чего он частенько пугался. Спокойствие моей лошади передавалось и мне и хотя я чувствовал, что тысячи глаз зрителей были установлены на меня, но это меня не волновало и как только раздался опять стартовый звонок, я с места легко поднял моего «Зайчика» в галоп и повел его на кирпичную стенку.

Мой «Зайчик» замечательно разсчитывал свой прыжок прыгая препятствие в один аршин высоты он брал на один вершок выше, а двухаршинное он тоже прыгал не выше одного вершка, но высоко подымал передния и тщательно прижимал к животу задния ноги, поэтому он очень редко задевал препятствия.

Многие же лошади плохо соразмерали их прыжки, одно и тоже препятствие то перепрыгивали на пол-аршина выше, то задевали его.

Подходя ближе к кирпичной стенке, которая была почти равна его росту, он еще сильнее насторожил свои острыя

красивыя маленькия уши, как бы нацеливался, как лучше ее перепрыгнуть.

Подскакав почти вплотную к стенке он сжался и прыгнул в высоту, я ослабил ему повод, давая свободу его гололове и шее при высоком прыжке, благодаря этому он, опустив голову вниз, легко перенес задния ноги через верхушку стенки и первое препятствие было взято чисто.

Идя на обеденный стол «Зайчик» удивленно посмотрел на раставленную посуду, но без заминки его перепрыгнул; подходя же к крестьянской телеге, я чувствовал маленькую его нерешительность, видимо он не знал прыгать ли ему на телегу или через ее, но я взял крепче его в шенкеля и заставил прибавить ходу, «Зайчик» пошел резвее и перепрыгнул телегу, не задев ниодного мешка.

Увидев банкет он поскакал еще скорее, намериваясь сразу перепрыгнуть его и вал, но я его сдержал, дал ему сначала вспрыгнуть на площадку, а затем прыгнуть вниз через земляной вал, что он выполнил тоже чисто.

Через елки он прыгнул без старания и я чувствовал как он задел их верхушки, но к счастью ни одна елка не упала. Между столбами я направил его так верно, что он прыгнул через стенку не задевая столбов.

Галопируя к раме затянутой белой бумагой мой «Зайчик» совершенно замялся не зная, что делать, — прыгать, рама была слишком высока, оставалось или закинуться или обнести препятствие, но я взял его в шенкеля так крепко, как только мог; укоротил повод, чтобы не дать ему закинуться, показал ему хлыст и крикнув: «ну, пошел», слегка тронул его шпорами. «Зайчик» видимо сообразил, что нужно прорываться, прижал уши и понесся прямо, прорвал бумагу и проскочил сквозь раму.

После рамы стояли садовыя ворота, куда я и направился; но конь думая, что придется через них прыгать, начал просить у меня повод и прибавил алюр «просить повод, — это специальное кавалерийское выражение, означает действие лошади, когда она старается, вытягивая голову, вырвать повод из рук всадника», но я его успокоил и под'ехал к воротам шагом, поднял железную защелку и, открыв ворота, в'ехал во внутрь палисадника и, выпрыгнув через ограду, поехал брать несколько разных барьеров, разставленных по диагонале манежа.

Эти барьеры были мне более-менее знакомы и «Зайчик» их брал легко. Я скоро выехал опять на дорогу вдоль стен-

ки лож, где стояла злополученная двойная корзинка, на которую и направился.

Зная, что «Зайчик» довольно хорошо берет корзину, я решил ему не мешать и на мягком поводу, ровным галопом повел его на это препятствие.

Конь шел на него с охотой и я только стерег его, чтобы не дать ему возможность, испугавшись, качающихся перьев на дамских шляпах, броситься в сторону и сломать боковую стенку корзины.

Подходя к корзинке «в кавалерии было принято говорить, — подходить верхом на лошаде, вместо под'езжать. «Пад-ез-жж-а-ют только изз ввощщи-ки, а не кавалеристы», об'яснили корнеты дамам, которыя спрашивали, почему мы говорим подошел к барьеру, — вместо под'ехал», я слыхал, что разговоры и шум среди публики притихли, все, как-бы присмирели в ожидании моей катастрофы, при прыжке через корзину.

Но мой «Зайчик» шел уверенно: одним прыжком—«раз» в корзину, — «два» во вторую, — «три»,— выскочил из корзины чисто.

После третьяго прыжка среди публики произошел невероятный шум: ложи и ряды аплодировали, галерка неистово кричала, — «Браво», а многия дамы бросали в «Зайчика» цветами, он этого успугался, налег на удила и потащил меня, но переводом с трензеля на мундштук и обратно я быстро заставил его мне повиноваться.

Мне еще предстояло взять несколько препятствий по диагноле; обойдя флаг, я опять спокойно повел его в новом направлении и взял их чисто.

Наконец, я вышел на прямую и пошел на последнее, но самое трудное, для моей лошади, препятствие, — брезентовую семиаршинной ширны канаву.

«Зайчик» уже издалека заметил неприятное ему препятствие, замялся и начал уменьшать аллюр. Я дал ему крепкий толчек шпорами и приготовился дать ему хороший удар хлыстом.

Нужно заметить, что когда лошадь скачет, то невсегда удар хлыста приносит пользу, а иногда даже имеет обратный результат; и у всадника, а собенно у жокея должна быть хорошая сноровка и опыт, когда ударить лошадь хлыстом.

Для этого нужно знать аллюры лошади: Известно, что лошадь шагом идет в четыре счета т. е. подымает и ставит но-

ги поочереди, каждую отдельно.

Рысью она бежит в два счета; вынося одновременно, то переднюю правую и заднюю левую, то переднюю левую и заднюю правую перебрасывая себя на диагональныя ноги.

Галапом лошадь скачет в три счета: передняя правая, передняя левая с задней правой «диагональ», затем задняя левая, таким образом она скачет качаясь на диагональных ногах; при быстрой скачке лошадь так сильно отталкивается задней ногой от земли, что летит в воздухе не касаясь земли и если лошадь в этот момент получит удар хлыстом, то она, стараясь сделать более широкий скачок, но не имея под собой опоры, теряет в своей скорости, поэтому всадник должен так разсчитывать удар хлыстом, чтобы он пришелся в тот момент, когда лошадь касается земли.

После удара шпорами «Зайчик» прибавил ходу и подскакав к канаве сжался, как пружина, а в этот момент я ударил его хлыстом так крепко, как никогда и мой «Зайчик» напрег все силы и прыгнул через канаву, я же для облегчения прыжка бросил его вперед.

«Бросить лошадь тяжестью корпуса всадника, тоже нужен большой опыт для этого необходимо долгое время упражняться верхом на стуле прыгая вперед не касаясь пола ногами».

Перепрыгнул ли «Зайчик» чисто канаву, я не был уверен, т. к. мне казалось, что он задними ногами ударил по брезенту, но взрыв еще более громких аплодисментов указывал, что прыжок был удачный.

Не успел я в'ехать в предманежник, как был окружен знакомой и незнакомой мне публикой, которая поздравляла меня с выигришем перваго приза.

«Подождите, господа, с поздравлением», говорил я, «ведь я еще не знаю прошел-ли я все препятствия чисто».

«Да, да, все чисто», кричали одни.

«Кругом двенадцать», повторяли другие.

Но, еще осталось более тридцати лошадей, которые будут прыгать после меня и могут сделать время короче, чем мое, отвечал я.

«И время у Вас хорошее», возражали третие.

Оставив «Зайчика» среди дам, которыя закармливали его сахаром, я пошел по проходу между ложами и местами посетить своих знакомых. Когда я проходил, то публика смотрела на меня, как на необыкновеннаго человека. Сначала я чувствовал себя смущенно, но вспомнив, что я также часто

глазел на артистов и артисток в театрах и на наездниц и акрабатов в цирках, как и сегодня публика смотрит на меня, я перестал смущаться и не стесняясь шагал разсматривая шикарных дам, сидящих в ложах.

Когда я поравнялся с ложей английскаго посольства, меня остановил худой долговязый англичанин и преподняв свой блестящий высокий цилиндр, спросил, может-ли он меня представить своим дамам.

Я ответил, что польщен этим и вошел в их ложу, где был представлен всем там находящимся. Все выразили одобрение моему «Зайчику» и моей езде, а одна из сидящих там леди, сказала, что она обожает конный спорт, боготворит мою лошадь и просит меня позвонить ей по телефону, когда я буду иметь время приехать к ним на обед. Я поблагодарил, но сказал, что после Пасхи мы уходим из Петербурга в лагери и к сожалению мне не удастся в этом году воспользоваться ее любезным приглашением.

В действительности же я отказался от дальнейшаго знакомства, благодаря плохому тогда знанию мною английскаго языка.

Откланявшись английским ледис я пошел дальше, как меня остановила миловидная дама с дочерью лет 10-ти. Эта девочка была влюблена в моего «Зайчика», каждое воскресенье посещала наши состязания и на программах отметила какие, когда и сколько взято мною призов и даже какие препятствия были взяты чисто, а какия задеты. Она попросила меня расписаться на программах, а ея мать предложила бывать у них.

Пока я ходил между публикой, прошли все лошади участвовавшия на состязаниях, но ни одна не прошла чисто все препятствия и только Лб. Гв. Конно-Гренадерскаго полка Штабс-Ротмистр Скуратов, на своей лошади «Княгине» прошел с двумя помарками и получил 2-й приз. 3-й, кажется, получил Родзянко.

Нам приказали сесть на лошадей и под'хать к судейской вышке, где Вел. Княгиня Анастасия Николаевна выдавала нам призы, затем мы прогалопировали вокруг всего манежа, под аплодисменты публики. «Зайчика» опять забросали цветами.

Я получил 1250 рублей и письмо к ювелиру Фаберже, о выдаче мне вещи в 750 рублей. Вечером мой приз я отпраздновал в ресторане «Медведь».

Так закончился зимний период моего пребывания в кава-

лериской школе и сезон состязаний. Мой «Зайчик» сделал мне кавалерискую известность и через него я приобрел большое знакомство в Петербурге.

ГЛАВА VII

Вскоре после Пасхи школа вышла в Красносельский лагерь, для летних занятий. Все классныя занятия прекратились и мы занялись исключительно полевой работой и ездили каждую из 4-х лошадей по полутора часа в день.

Главным образом приучали молодых лошадей ходить разными алюрами по неровной местности, для этого мы выезжали к Лабораторной балке, где производилась артиллерийская стрельба и вся поверхность земли была изрыта упавшими снарядами. Молодыя лошади неуклюже в перевалку барахтались из одной рытвины в другую, напоминая движение маленьких детей, только что начинающих ходить.

Кроме выездки лошадей мы производили разнаго рода с'емки и решали на поле тактическия задачи. Из с'емок тогда серьезное внимание уделяли перспективным чертежам, часто применявшихся во время русско-японской войны для с'емок неприятельских позиций.

Признаться по правде, я очень хорошо знал теорию топографии и недурно умел делать с'емки, но не имел никаких способностей к черчению и рисованию, поэтому в училище я всегда имел по 12-ть баллов за с'емки и только 6-ть баллов за чертежи, но в кавалерийской школе в этом деле мне много помог Есаул Лб. Гв. Атаманскаго полка Петр Николаевич Краснов, он не только был прекрасный писатель, но оказался и хорошим художником. Мы ездили на с'емки попарно и я всегда пристраивался к Петру Николаевичу и он мне помогал вычерчивать мои с'емки.

Работа в лагерях была разнообразная и время проходило быстро; занятия оканчивались в субботу после обеда и мы были свободны до утра в понедельник и это время проводили в Петербурге, или на дачных местах, как Петергоф, Павловск, Гатчина и Дудергоф.

Незаметно подошло время подвижных сборов, на которыя выезжал Главнокомандующий гвардии и Петербургскаго военнаго округа Великий Князь Николай Николаевич. К нему от кавалерийской школы ежедневно наряжались два офицера переменнаго состава в конные ординарцы.

В. К. Ник. Ник. был весьма строгий начальник, кроме

того он был очень нервный и раздражительный человек и все свое неудовольствие выливал на находящихся при нем лиц, главным образом на безобидных ординарцев. Мы уже знали, что наряд к нему ординарцем часто оканчивался арестом.

Наряд начали вести по алфавиту и моя фамилия начинающаяся на букву «Ч» была совсем в конце списка; я был спокоен т. к. очередь была далеко, а может быть наряд и совсем до меня не дойдет, но в один из обычных жарких дней, во время завтрака, в столовую вошел Шт. Рот. Барон Притвиц и подойдя к нашему столу сказал: «Ну, Чеславский и Чембер послезавтра собирайтесь на гауптвахту, Вы на - завтра наряжены ординарцами. Химец приказал вести наряд сверху и снизу списка и Вы оба попали.

Сначала мы думали, что Барон шутит, но к вечеру получили записку, в которой указывалось, что завтра к 9-ти часам утра, на собственных лошадях и на строевых седлах при полной амуниции мы должны явиться главнокомандующему в штаб лагернаго сбора.

Прибыв к указанному времени мы застали там личных ад'ютантов Великаго Князя, —Полковника Кавалергардскаго полка Графа Менгдена, того же полка Ротмистра Князя Кантакузина и Лейб-Гв. Казачьяго полка Полковника Князя Орлова-Денисова, потомка героя наполеоновской войны Донскаго Атамана Денисова. Орлов оказался самым симпатичным человеком среди личнаго штаба Главнокомандующаго, большой весельчак и балагур, часто смешил всех, когда Ник. Ник. был особенно сердитым.

Громадные серые лошади Вел. Князя были уже оседланы и стояли у штаба. Держал их нашей школы отличный наездник и конкурент Филисса чиновник Андреев.

Вскоре вышел Вел. Князь Ник. Ник., сопровождаемый начальником штаба Генералом Раухом и Полковником Генеральнаго Штаба, фамилию котораго я не помню.

Как только он спустился с крельца, мы подошли и отрапортовали ему.

Во время рапорта Вел. Кн. посмотрел на мой Георгиевский крест и видимо ему приятно было видеть Орден Св. Георгия на молодом офицере, который он тоже имел еще с Русско-Турецкой войны 1877-1878 год. и его лицо всегда серьезное и суровое немного прояснилось.

Мы все сели на лошадей и поехали к тому месту, где должны происходить частичные маневры войсковых частей.

Во время пути с нами поравнялся Князь Орлов и сказал: «Слушайте, я сегодня дежурный ад'ютант и моя обязанность заведывать ординарцами. Где Вы будете и что будете делать, для меня все равно, но когда Главнокомандующий крикнет «Ординарец», Вы должны через две, три секунды под'ехать к нему, а опоздаете, то он Вас загонит в такие тартарары, куда Макар телят не гоняет», улыбаясь говорил он, сидя на казачьем седле и помахивая нагайкой.

«Так придется по очереди все время сидеть верхом, даже когда Вел. Кн. не будет на лошади» сказал Чембер.

«Я же Вам сказал, мне все равно, как вы будете пешком или верхом, но Вы моментально должны под'ехать, когда Главком. Вас позовет; посоветовать Вам ничего не могу, а скажу то, что часто у нас говорят казаки: «Потрафляйте», ответил Орлов.

Часа через два резвой езды мы под'ехали к чухонской избушке, обнесенной деревянной изгородью.

Вел. Князь и Раух вошли во внутрь двора и сели на заваленке, а мы остались за оградой. Я был на очереди, держал лошадь и был готов в любой момент сесть верхом и под'ехать.

Спустя полчаса или больше раздался голос Вел. Князя: «Ординарец».

Я вскочил на лошадь и под'ехал к нему.

«Видите эту колонну?» спросилл он меня, указывая рукой на шоссе, где медленно двигалась длинная, защитнаго цвета пехотная колонна.

«Так точно, вижу», ответил я.

«Поезжайте прямо и спросите: какая это колонна, откуда и куда идет и какую задачу она должна выполнить», сказал мне Вел. Князь.

Еще в школе мне говорили, бывшие уже ординарцами, что если Вел. Кн. сказал: «Поезжайте прямо», то нечего искать ворота или об'езжать канаву, а нужно ехать прямо, иначе вечером получишь записку к начальнику школы с приказанием, — арестовать этого офицера за нерешительную езду, что недопустимо в кавалерии и не назначать его больше ординарцем к Вел. Князю, поэтому я, получив приказание, направился прямо в указанном направлении.

На пол-пути мою дорогу пересекал небольшой ручей. Перепрыгнуть его было нетрудно, но я боялся, что берега этого ручья болотистые и мой «Зайчик» может в них завязнуть, а Вел. Князь мне на это скажет то, что он сказал одно-

му ординарцу, который завяз в болоте: «Только вороны летают прямо не разбираясь с дорогой», поэтому я напрег все мое зрение, чтобы найти место перепрыгнуть ручей; к счастью я заметил белеющий песок и направил туда своего коня и на карьере, взяв ручей, подскакал к колонне.

Получив необходимыя сведения, я вернулся тем же путем, опять перепрыгнул изгородь и во дворе доложил Главнк.

«Хорошо», сказал Вел. Князь.

Через некоторое время послали кудато Чембера и он свое поручение исполнил тоже хорошо.

По окончании маневра, Вел. Князь что то сказал Рауху, тот вынув полевую книжку, написал в ней и подозвав меня сказал: «Работа Ваша окончена, Вы можете ехать домой, а это письмо передайте начальнику школы.

Мы с Чембером, как гоголевский почтмейстер, были весьма заинтересованы, содержанием письма.

Приехав, мы явились в школьную канцелярию и отдали письмо ад'ютанту, который отнес его начальнику школы и вернувшись сказал; что нач. школы просит нас зайти к нему в кабинет.

«Ну, вот видете, вас приказано арестовать на 5 суток каждаго», сказал начальник школы Ген. Безобразов, когда мы вошли к нему.

От этих слов меня даже в жар бросило, думаю почему такая жестокость и несправедливость; мы выполнили все поручения и не получили ниодного замечания, за чтоже нас арестовывают.

Но в это время начальник школы улыбнувшись сказал: «Нет, нет, я пошутил, из письма видно, что Вел. Князь остался доволен Вашей работой и приказал назначить Вас постоянными к нему ординарцами на все время подвежных сборов и маневров, которые состоятся под Ропшей.

Жаль, что Вам придется пропустить более месяца школьных занятий, но вполне уверен, что Вы поддержите престиж нашей школы в глазах Главнокомандующаго.

С этого времени я и Чембер ежедневно выезжали ординарцами к Вел. Князю.

Работа каждаго дня была похожа на описанный мною первый день, с той лишь разницей, что Вел. Князь никогда больше не делал нам испытаний, а лишь посылал нас с поручениями.

В один из таких обычных дней произошла большая перемена в нашей работе:

Около 10-ти часов утра, когда мы ехали полем между маневрирующими войсками, пошел довольно сильный дождь. Вел. Кн. направился к домику, спешился, приказал конным вестовым держать лошадей стоя у стенки под крышей здания, а сам со всем своим штабом зашел в сарай.

Посредине сарая лежала куча обмолоченнаго, но невеяннаго зерна, а кругом валялись снопы, на которыя уселся Вел. Кн. и все мы в ожидании, пока перестанет идти дождь.

Вел. Князь Ник. Ник. был в плохом настроении, все время молчал и только изредка улыбался когда вечно веселый, казачий полковник Князь Орлов разсказывал, какую нибудь смешаую историю.

Через некоторое время под'ехал к сараю конвойный казак и спросив, здесь -ли находится Главнокомандующий, доложил что сюда едет Государь

«Ха-а-ра-шо», буркнул Ник. Николаевич и, продолжая сидеть в том же положении, сказал: «Терпеть не могу, когда он приезжает раньше, чем окончится маневр, — люди начинают на него смотреть, развлекаются и получается не маневр, а какая-то каша».

Мне неособенно понравилась такая фраза по отношению к Государю; это можно говорить в интимном кругу, посвященным в тайны и интриги Двора, но я и Чембер были там посторонние люди, да и, державшие лошадей, солдаты могли услышать столь недружелюбные слова, касающиеся Государя.

«Ты когда-нибудь видел Государя?» шепнул мне Чембер.

«Не только видел, но разговаривал и обедал с ним, когда представлялся ему в «Царском Селе», перед поступлением в школу» ответил я.

«А, я ще никогда его не видел», сказал волнуясь Чембер.

«Ну, вот, сейчас увидишь», проговорил я и в это время в сарай вошел Государь, такой же величественный и скромный, как я его видел во дворце. Он прошел прямо, где сидел Ник. Ник., поздоровался с ним и, кивнув нам головой, сам сел на сноп соломы рядом с Вел. Каязем.

За Государем вошел инспектор артиллерии Вел. Князь Сергей Михайлович, инспектор кавалерии Генерал Острорадский и начальник конвоя Полковник Князь Эристов.

Видимо разговор не клеился между Государем и Николаем Николаевичем, они изредка перебрасывались короткими фразами, но большую часть молчали, а с ними мол-

чали все и даже любитель поболтать, Иван Орлов тоже притих.

Сергей Михайлович задумался и начал ногой трогать зерно, лежащее в куче среди сарая.

«Не трогай, Сергей, этого зерна», сказал Государь, «ты видишь какие бедные люди живут в этом доме, наверное их все состояние заключается в куче этого зерна».

«Да, я об этом не думал», сказал смущенно Сергей Михайлович.

«Ну, кажется дождь перестал», сказал Государь и выйдя из сарая, остановился у окна избушки и начал в бинокль наблюдать за манервами войск.

Вероятно хозяйка увидела Государя в окно, т. к. неожиданно вышла из за угла хаты, подошла к Государю и начала целовать его руку, приговаривая:

Батюшка, ты мой родной, да мне и не снилось тебя повидать, а ты сам подошел к нашему окну и я тебя узнала по твоему портрету на полтинничке. Ты наверное уже кушать хочешь, я тебе принесу молочка». И не дождавшись ответа побежала в избу, откуда вернулась с кувшином и стаканом в руках

Конвойный казак хотел ее задержать, но Государь махнул ему рукой и женщина подошла опять к Государю, налила в стакан молока и подавая его Государю сказала:

«Пей батюшка, Царь мой родной, ей Богу, молочко свежее и цельное».

Государь выпил несколько глотков молока и дал хозяйке 10-ти рублевый золотой.

Не успели покончить с хозяйкой, как из за другого угла хаты показался седой, но бодрый и сильный старик с с корзиной на голове и, увидев Государя, громко сказал: «Не угодно ли Вашему Величеству откушать пирожков?»

Государь подозвал старика и спросил: «Сколько же у тебя пирожков?»

«Сто, по три копеечки штука», ответил разнощик, «я еще при Вашем батюшке начал эту торговлю и они от меня тоже покупали пирожки».

Государь дал ему десять рублей и сказал; «А пирожки пойди и раздай солдатам, в ту роту, видишь, которая лежит в резерве в лощине недалеко отсюда. Старик поклонился Государю, поставил корзинку на голову и пошел к указанной роте.

Более часу Государь оставался у избы и наблюдал за ма-

неврами, пока обе стороны маневрирующих войск сошлись на дистанцию штыкового удара, в это время Вел. Князь приказал трубачам сыграть «отбой».

Войска остановились на тех местах, где их застал сигаал «стой»

Государь подозвал меня и Чембера и мягким спокойным голосом сказал: «Поезжайте и передайте начальникам обеих маневрирующих сторон, что я прошу их построить войска по обе стороны разделяющих их шоссе, по которому я проеду и поздоровуюсь с полками.

«Скачи ты к начальнику южной стороны, а я к северной», сказал я Чемберу, и мы оба поскакали в нужных нам направлениях и передали данное нам поручение.

Меня и Чембера удивило то спокойствие с которым войсковые начальники выслушивали приказания, переданыя нами от Государя, в сравнении с тем волнением, которое они проявляли при передаче нами приказаний от Вел. Князя Ник. Николаевича.

Это уже служит большим показателем, каким добрым характером обладал Государь, котораго враги его и России в заграничной прессе называли «кровавым».

Мы вернулись и доложили Государю о выполнении его поручения, после чего он сел верхом и рысью поехал к шоссе, а весь штаб последовал за ним.

Рядом с Государем ехал Ник. Ник., а за ним сейчас же ехал начальник конвоя. Мы с Чембером ехали вначале рядом с ним, ао вскоре он начал оттягивать и мы опасаясь, что можем не услышать, когда нас позовет Государь или Ник. Ник., обогнали начальника конвоя и начали ехать впереди его. Он обиделся и сказал, что по правилам он никого не может пустить ехать между ним и Государем.

Я сказал об этом Орлову.

«Я же Вам говорил, не спрашивайте меня, а «потрафляйте», ответил Орлов. И мы действительно выучились «потрафлять», ехали ближе к Государю, чем сам начальник конвоя, но держались с боку, на что он не возражал.

Выехав на шоссе Государь перевел лошадь в шаг и поехал вдоль линии войск, построенных у дороги.

Он здоровался с полками, а иногда останавливался и разговаривал с солдатами. Поравнявшись с Лб. Гв. Егерским полком Госудрь довольно любезно говорил с командиром этого полка Генералом Яблочкиным, а затем на фланге 1-ой гвардейской пехотной дивизии его встретил началь-

ник этой дивизии Генерал Личицкий с которым Государь довольно продолжительно беседовал.

«Какая судьба», подумал я, «всего лишь 6 лет тому назад мне пришлось познакомиться с этими офицерами во время Китайскаго Боксерскаго возстания в Мукдене, в Манчжурии зимой 1900 года.

Тогда Личицкий был Подполковником 4-го Вост. Сиб. Стр. полка, а Яблочкин Капитаном 3-го В. С. С. П., теперь же первый Начальник гвардейской дивизии, а второй командир гвардейскаго полка.

Это были типичные сибирские офицеры, служившие еще в прежних сибирских линейных баталионах, о чем я писал в началле моих воспоминаний.

Без высшаго оброзования, без средств и без всякой протекциии они лишь своими трудами, акуратностью по службе и проявлением прекрасных боевых качеств во время Русско-Япенской войны выдвинулись из обыкновенных армейских офицеров на столь высокие гвардейские посты.

Не даром русская пословица говорит: «За Богом молитва, а за Царем служба не пропадают».

Во время моих дум и воспоминаний о Манчжурии чувствую, кто-то тронул меня за левую ногу, я оглянулся, смотрю стоит мой соратник по Рус.-Японской войне Лб. Гв. Семеновскаго полка Шт. Кап. Веселаго.

«Здравствуй, какими судьбами ты попал в царскую свиту?» спросил он меня.

«За отличие, брат, за отличие», шутя ответил я.

«Ну разскажи»... начал было Веселаго, но в это время раздался голос Вел. Князя: «Ординарец» и я поскакал к нему, крикнув Веселаго: «Заходи ко мне в школу все разскажу»

«Его Величество даст Вам распоряжение», сказал Ник. Ник., когда я под'ехал к нему.

«Поезжайте к кавалерии и скажите, чтобы передние два взвода повернули кругом, я хочу проехать посредине строя, чтобы видеть всех всадников», сказал мне Государь.

Кавалерия была сосредоточена под командой Генерала Роппа, которому я и передал приказание.

Покончив с осмотром войск, Государь опять поехал рысью по шоссе, пока не встретили автомобилей, ожидающих на перекрестке дорог, где он сел на автомобиль и поехал в Царское Село, а мы направились в лагерь.

С этого времени Государь ежедневно около 11-ти ча-

сов дня приезжал в район маневрирования войск, присоединялся к Главнокомандующему Великому Князю Николаю Николаевичу и оставался с ним до конца маневра, который обычно оканчивался около полудня.

К этому времени приезжало придворное ландо (особый экипаж) в котором привозили на завтрак пирожки и бутерброды для всей свиты Государя и штаба Главнокомандующаго.

Иногда приезжали Великия Княжны, но наследника среди них я не видел; говорили, что в это время он был болен.

Было видно, что отношения между Государем и Ник. Николаевичем с каждым днем все улучшались и настроение у Главнокомандующаго изменилось, он стал веселее, все время разговаривал с Государем и часто шутил с нами.

«Ну-ка, молодежь идите сюда», сказал Ник. Ник., обращаясь ко мне и Чемберу, «выпьем очищеннаго вина», и он достал из ландо бутылку на ярлыке которой красовалась надпись: «Поставщик двора Его Величества Петр Смирнов. Очищенное вино. Москва. У Кузнецкаго моста».

Налив три рюмки, Вел. Князь дал нам и одну выпил сам.

«Налью еще, если не перепутаете передаваемых приказаний», сказал он усмехаясь. Но мы отказались: я, как непьющий водки, а Чембер из солидарности со мной.

На другой день происходил кавалерийский маневр. Полки выступали в 4-е часа утра на их исходное положение. К 8-ми часам Главнокомандующий уже был на месте, где должен был закончиться маневр, а в 9-ть часов уже приехал и сам Государь. Видно было, что они оба весьма интерисовались этим маневром.

Маневр происходил между 1-ой и 2-ой гвардейскими каваллерийскими дивизиями. Первой командовал Генерал Крузенштерн, а второй Генерал Брусилов. Эти два кавалерийских начальника были противоположны как по характеру, так по внешнему виду и службе:

Крузенштерн был очень грузный и ожиревший, довольно строгий, но ленивый человек. Вся служба его прошла в гвардии и он имел хорошую протекцию.

Брусилов же был худой легкий и энергичный кавалерист. Службу свою он начал в одном из кавказских кавалерийских армейских полков; молодым офицером окончил офицерскую кавалерийскую школу и был оставлен вней, где прослужил до должности нач. этой школы, а затем прямо получил гвардейскую кавалерийскую дивизию не командуя ни

полком, ни бригадой, что вызвало среди гвардейских кавалерийских начальиков зависть. Он не был богат и не имел протекции, а выдвигался быстро по службе, лишь благодаря своим способностям и энергии, которые ценил В. К. Ник. Ник., еще будучи инспектором кавалерии.

Этот маневр был первым экзаменом для Брусилова и Ник. Ник. хотелось чтобы Брусилов выиграл.

К пункту, где находился Государь, все время привозили Главнокомандующему донесения от посредников обеих сторон. Содержание этих донесений читал вслух Ген. Раух, а Госуарь с Ник. Николаевичем, слушая смотрели по карте.

«Поезжайте к Генералу Брусилову», сказал мне Главнокомандующий, «и скажите ему, что я не хочу вмешиваться в его распоряжения, но если-бы я был на его месте, то я оставил-бы лишь один полк со всей артиллерией на переправе, которую ему поручено защищать, а с остальными бы полками, по мало проходимым и скрытым дорогам незаметно обошел бы 1-ю дивизию и неожиданно ударил бы Крузенштерна в тыл».

Я и Чембер тоже слушали когда Раух читал донесения и отмечали по карте обе стороны, чтобы знать, где они находятся, на случай если будем посланы с приказанием, поэтому я приблизительно уже знал, где находится Брусилов и поскакал ему наперерез.

Наши симпатии были тоже на стороне Брусилова и я гнал своего «Зайчика», как можно скорее, чтобы настичь его у переправы, но когда я под'ехал к переправе, там уже никого не было. Брусилов усиленными аллюрами повел свою дивизию навстречу Крузенштерну. Я погнался за ним.

Настигнув хвост дивизии, я узнал, что Брусилов едет в голове колонны. Я пустился вперед, но дивизия шла все время широкой рысью; «Зайчик» мой совершенно выдохся и я видел, что обгонять дивизию возьмет очень много времени, тогда я рискнул остановить Брусилова.

Под'хав к одному и эскадронных командиров, я сказал, что по приказанию Главнокомандующаго, у котораго я состою ординарцем, необходимо остановить дивизию. Он посмотрел на меня нерешительно и спросил мою фамилию. Я назвал.

«Этот офицер из кавалерийской школы, который успешно прыгал в Михайловском манеже, мы его знаем», подтвердили остальные офицеры эскадрона. Тогда командир эскадрона приказал трубачу играть «Стой», который был быст-

ро подхвачен трубачами впереди идущих частей и дивизия, к удевлению всех, остановилась.

«Повод вправо», крикнул я и поскакал вперед вдоль стоявших полков.

«Повод вправо», передавали эскадроны один другому и ряды всадников прижимались вправо, чтобы дать дорогу мне проехать

Все удивленно смотрели на меня, а некоторые спрашивали, что случилось?

«Главнокомандующий приказал остановить», отвечал я на ходу, а сам скакал все дальше и дальше.

Наконец, я догнал Брусилова, когда мой конь был настолько мокрый, что весь покрылся белой пеной, как-будто его облили мыльной водой.

По выражению лица Брусилова видно было, что он сильно волновался не зная кто и почему остановил его дивизию, но когда я передал ему слова Вел. Князя, он сейчас же приказал авангардному полку с артиллерией медленно отступить к переправе и занять там позицию, а сам с остальными полками свернул с шоссе и лесной дорогой рысью повел дивизию в тыл Крузенштерну, а я шагом поехал назад.

Вернувшись я доложил Главнокомандующему, он остался очень доволен, что я догнал Брусилова и тот последовал его совету.

«Я думаю маневр разыграется у переправы и нам нужно будет переехать», сказал Вел. Князь Государю и они оба сели на лошадей.

«Ну, ведите нас кротчайшим путем к переправе», сказал мне В. К.

«Вот, так, так», подумал я выезжая вперед, «хотя имел в течение двух войн большую практику ориентироваться на любой местности, но я неособенно обращал внимание на дорогу, когда спешил к Брусилову, да и вести Государя по той дороге, где проехал я прыгая через рытвины и канавы, — довольно рискованно».

Взяв общее направление я старался находить дорогу, как можно лучше, но Государь ехал довольно быстро на своем прекрасно выезженном вороном белокопытом коне и у меня не было достаточно времени выбирать хорошую дорогу.

Хотя я знал, что Государь, еще будучи наследником, командовал эскадроном Лб. Гв. гусарскаго полка, но я был удивлен, когда увидел, какой хороший и смелый он был

наездник; многие кавалерийские генералы гораздо хуже ездили верхом, чем он.

Государь красиво и крепко сидел на лошади, уверенно вел ее по скверной дороге, легко перепрыгивая попадающиеся препятствия.

Заехав в лес, я на некоторое время потерял уверенность, что веду по правильной дороге и, по-правде сказать, сильно волновался, пока не увидел дерево сломанное бурей которое я заметил когда ехал к Брусилову.

Выехав из леса я увидел знакомый холм лежащий у переправы куда и взял направление, обрадованный, что не сбился с дороги.

Под'ехав к холму я остановился и дождавшись Государя доложил ему, что с этого места лучше всего видна переправа.

Спешившись мы все пошли на холм, где открылась следующая картина:

Недалеко от холма стояла на позиции вся артиллерия Брусилова, готовая открыть огонь в случае появления противника; по берегу речки у переправы по обе стороны моста веднелись цепи спешенной кавалерии с пулеметами, а сзади моста стояли эскадроны в конном строю и коноводы. По серой масти лошадей можно было видет, что там стоят Царскосельские гусары.

Вел. Князь заметив, что эти эскадроны стоят слишком открыто и противник их может легко увидеть, подозвал меня и сказал:

«Поезжайте и спросите, какой там дурак сегодня командует гусарским полком? Только так и спросите, какой дурак командует?» Повторил В. К.

Я поскакал к гусарам и спросил, кто командует полком?

«Полковник Воейков» ответили мне офицеры и указали, где он стоит.

«Вы, господин полковник, командуете полком?» под'-хав спросил я Воейкова.

«Да, я, а что?» Спросил он.

Я передал ему, что Главнокомандующий не доволен, построенными так открыто эскадронами.

«Доложите Главноком., что так поставил эскадроны Полковник.... Начальник резерва, а не я» поспешил оправдаться Воейков.

Эскадроны сейчас-же были поставлены укрыто и я вернувшись на холм решил не докладовать В. К. о передаче рез-

кого его приказания, а улучив момент, когда он разговаривал с Государем, замешался среди штаба, т. к. я боялся, что В. К. может спросить меня в той-ли форме я передал его поручение, как он мне сказал и мне, конечно, пришлось-бы сознаться и сказать, что я постеснялся передать так, как он мне приказывал. К счастью В. К. заговорился и позабыл об этом

Вскоре за переправой показалась кавалерия 1-ой дивизии Ген. Крузенштерна, которая развернувшись повела атаку на переправу.

Артиллерия Брусилова открыла по ней огонь, а когда она приблизилась к переправе 2-я дивизия Ген. Брусилова ударила кавалерию Крузенштерна во фланг и тыл.

Увидев это Государь приказал играть сигналы: «стой», «слезай», «отбой» и «сбор» начальников.

Море всадников разсыпанное по всему полю, остановилось и спешилось, лишь их одиночные точки скакали к холму, где стоял Государь.

Как только начальники собрались, начался разбор маневра:

Сначала докладовали посредники, а затем начальники сторон Крузенштерна и Брусилова.

Из докладов выяснилось, что раз'езды Крузенштерна донесли о движении кавалерии Брусилова от переправы большой дорогой к месту нахождения Крузенштерна; тогда последний решил атаковать кавалерию Брусилова, как только она покажется из леса и начнет разворачиваться. План был хорош, но Брусилов не показался в ожидаемом направлении и Крузенштерн простояв впустую, выслал опять раз'езды искать дивизию Брусилова, которые донесли об его отходе назад на переправу.

Тогда Крузенштерн решил сам двинуться на переправу и атаковать Брусилова, но, как сказано выше, он потерпел полную неудачу.

В заключение Вел. Князь сказал: «Как Вашему Величеству будет угодно, но Ген. Крузенштерн неумело наладил разведку и, потеряв кавалерию Ген. Брусилова, действовал вслепую и проиграл маневр, за это я 1-ю дивизию отправил бы назад на 20 верст и приказал бы повторить маневр».

«Сейчас уже около 2-х часов дня, люди и лошади работали с 4-х часов утра и видно крайне устали, на этот раз мы закончим маневр без повторения», ответил Государь тихим, как бы упрашивающим голосом, подымая вверх голо-

ву, чтобы видеть лицо В. К. Николая Николаевича, рост которого почти был равен росту Петра Великаго.

Через несколько дней после окончания кавалерийских маневров, мы выехали на большие маневры и были размещены в Ропщинском дворце.

В самом дворце поместился Государь и Главнокомандующий Вел. Князь Николай Николаевич. Туда же переехала Государыня Александра Феодоровна и жена Николая Николаевича Великая Княгиня Анастасия Николаевна, дочь Черногорскаго короля Николая.

Всю свиту Государя и чинов штаба, включая меня и Чембера, разместили во дворцовых флигелях. Даже мой «Зайчик» удостоился быть поставленным в царскую конюшню.

Работа моя и Чембера была такая же, как и на подвижных сборах у Краснаго Села, лишь с той разницей, что на места маневров Государь выезжал в 9-ть часов утра вместе с Вел. Князем Ник. Ник. и почти всегда посылал нас с поручением или приказанием лично сам, при чем часто говорилл, «Вам там придется ехать по болотистой и лесной местности, будте осторожнее, не завязните в болоте или не налитите в лесу на сук дерева». Т. е. он говорил совершенно противоположное, тому чего требовал Вел. Князь, настаивавший на решительной и опасной езде.

Режим дня был другой чем прежде: мы вставали в 6 час. утра и к семи часам нам приносили завтрак в наши комнаты, без четверти 9-ть мы уже сидели на лошадях и ожидали выхода Государя с Ник. Ник.

В обыкновенные дни Государь выезжал с весьма скромной свитой: начальник конвоя, два казака-трубача и нас двое ординарцев вот и все, что находилось при нем, да еще три личных ад'ютанта В. К. Ник. Николаевича, имена коих я приводил раньше.

При выезде по пути следования Государя высылались сыщики, одетые в штатское платье, некоторые из них ехали на волосипедах, но вероятно Государь не любил этой охраны и проехав немного по шоссе, сварачивал на маленькую дорогу или просто ехал по полю. Конечно, все сыщики отставали и мы их не видели весь остальной день.

В поле к штабу присоединялись инспектор артиллерии и кавалерии.

Ехали каждое утро часа три, а затем останавливались у какого-нибудь пункта, откуда были видны маневрирующие

войска.

В 12-ть часов дня посылали казака за ландо, в котором привозили бутер-броды и пирожки.

Иногда Государь останавливался у штаба гвардейскаго корпуса, которым тогда командовал Генерал Данилов, а при нем была его правая рука Полковник генеральнаго штаба, кажется, Свечин.

Данилов больше любил посмотреть в рюмочку, мало интересовался маневром, а делал все за него Свечин.

Как-то под'ехал казак и доложил, что скоро сюда приедет ландо, услыхав это Свечин спросил:
«А водочка там есть?»

Казак ответил утвердительно.

«Ваше Превосходительство, получено очень важное донесение», воскликнул Свечин, обращаясь к Данилову.

«Что?» растеряно спохватился Данилов.

«Сюда скоро под'едет ландо с выпивкой и закусками», добавил Свечин улыбаясь.

«А, ну Вас, Вы вечно, что нибудь придумаете, чтобы напугать меня, а впрочем, действительно уже время закусить, ведь адмиральский час давно прошел», сказал Ген. Данилов, предвкушая выпить рюмку живительной влаги.

После закуски Государь еще оставался в поле часа два, а затем возвращался со своим штабом в Ропшинский дворец на ночлег.

Без четверти 8 вечера все мы собирались в дворцовую столовую на обед. Это была большая продолговатая комната; панели на стенах и вся мебель была сделана из дуба, выглядывала просто, но уютно. Также, как и в столовой «Царскаго Села», посредине стоял овальный стол, а вдоль стен были разставлены небольшие круглые столы разных размеров.

Четверть часа проходило в разговорах до прихода Государя.

Я разсказал Чемберу о моем обеде в «Царском Селе» и предупредил его, не класть ножа и вилки пока не с'ест сколько ему нужно, а иначе лакей быстро уберет тарелку. Относительнаго того, как брать незнакомыя закуски я спросил Полковника Князя И. Орлова.

«Слушайте», сказал он, «я много лет при дворе и то часто не разбираюсь в разных поварских затеях и если не знаю, что в закуске есть верх, низ или средину, то я просто спрашиваю лакея, что это за зверь и как его нужно есть?»

Ровно в 8 часов входил Государь с Государиней, а за

ними Вел. Кн. Николай Николаевич со своей супругой Великой Княгиней Анастасией Николаевной. Они садились за овальный стол, за которым также сидели министр двора Граф Фредерикс и обер-гофмаршал двора Граф Бенкендорф, а все остальные разсаживались за круглыми столами. Я и Чембер сидели вместе с полковником Ген. Штаба, фамилию его я не помню, и с Полковником Главнаго Штаба Хариным, с которым я познакомился на обеде в «Царском Селе».

По окончании обеда первой вставала Государыня и с Анастисией Николаевной уходили в соседнюю комнату, а Государь оставался еще за столом около получаса, разговаривал, курил и шутил с присутствующими и за все время пребывания в Ропше, мы никогда не видели его в плохом настроении.

Так продолжалась наша жизнь при дворе около двух недель пока окончились маневры.

В последний день маневра с Государем выехала большая свита: Министр двора, военный министр, много Генералов и флигель-ад'ютатов и почти все военные атташе иностранных держав.

Маневр закончился около полудня и после разбора Государь, а за ним вся свита направилась к шоссе, где ожидали автомобили. В это время пошел сильный проливной дождь, все конечно, мечтали скорее добраться до автомобилей, чтобы укрывшись от дождя уехать в Ропшу.

Но как они были разочарованы, когда Государь под'ехал к своему автомобилю, что-то сказал шоферу, а затем выехал на шоссе и полной рысью поехал в направлении Ропши, до которой было еще 18 верст езды.

Все конечно двинулись за ним.

Вороной конь Государя шел настолько большой рысью, что даже В. К. Ник. Ник. на своем громадном гунтере не успевал за ним и должен был часто галопировать. В свите же получалась не езда, а «каша», как выражался Вел. Князь: Сначала все растянулись, а затем лошади разгорячились и многих плохих ездоков потащили галопом вперед.

Начальник конвоя, конвойные казаки, я и Чембер старались сдерживать безпомощно несущихся всадников, чтобы они не наехали на Государя или Вел. Князя.

Особенно безпомощный вид имел японский военный атташе и старик Генерал-Ад'ютант Николаев, первый потерял стремена и бросив поводья, держась за луку седла, несся по

шоссе, а второй тоже бросив поводья, схватил лошадь за шею и скакал, поддерживаемый Флигель-ад'ютантом Полковником П. Скоропадским.

В результате вместе с Государем приехали в Ропшу, только В. К. Ник. Ник., инспектор кавалерии Остроградский, Граф Фредерикс, английский и германский военные атташе, начальник ковоя с своими казаками да я с Чембером. Конечно, для нас при школьной тренировке проскакать 18 верст галопом казалось приятной прогулкой, но мы были удивлены выносливостью старика Фредерикса, который занимая столь кабинетную должность, как министр двора в свои преклонные годы мог проскакать такое разстояие.

Вся остальная свита далеко отстала и многие были подобраны в автомобили.

Как только приехали к Ропше Государь спешился, мы с Чембером соскочив с лошадей, полюбопытствовали, как чувствует себя Государь после такого кавалерийскаго пробега, оказалось, что он выглядел совершенно неусталым, а наоборот бодрым, здоровым и был в прекрасном настроении.

Это был последний день нашего с Чембером пребывания при главной квартире Государя, все было готово для от'езда в «Царское Село» и он подозвав меня и Чембера поблагодарил за нашу работу и собрался подать нам на прощанье руку; я выхватил носовой платок, чтобы обтереть свою от дождя мокрую руку, но Государь сказал: «Охота Вам вытирать, ведь моя рука такая же мокрая как и Ваша», и он пожав нам руки пошел во дворец, а мы с Чембером побежали во флигель, взяли свои вещи и уехали обратно в Красное Село в лагерь кавалерийской школы.

Так закончилось никогда незабываемое наше месячное пребывание при Государе и Вел. Кн. Ник. Николаевиче.

ГЛАВА — VIII

Сейчас-же после маневров, наша офицерская кавалерийская школа была погружена и отправлена на парфорстныя охоты в местечко Поставы Виленской губернии, недалеко от жел. дорож. станции Свенцяны, откуда узкоколейная ветка отходила к Поставам.

Поставы было небольшое бедное местечко, населенное главым образом евреями, но невдалеке от него находился большой дворец польскаго помещика, который был арендован военным ведомством для парфорстных охот кавалерийской школы.

Внутренность дворцовых зданий была переделана на небольшия комнаты, где и размещались офицеры. Для конных вестовых были построены казармы, а для лошадей конюшни.

Близ дворца находился большой парк, обнесенный проволочной оградой, где содержались и тренировались дикия козы (Лань).

При дворце содержалась стая особой породы английских гончих собак. Они небольшого роста, рябыя с желто-черно-белыми пятнами, с короткими поднятыми вверх хвостами.

С такими собаками в Шотландии охотятся на парфорстных охотах английские лорды в своих имениях.

Ими пользуются для таких охот, как обладающими очень острым обонянием, поэтому они быстро находят след зверя и очень редко его теряют, кроме того эти собаки идут по следу ровным ходом и гонят долгое время зверя пока он выдохнется и упадет от усталости, что заставляет всадников скакать за ним по 20 верс и больше, благодаря чему ездоки получают громадную практику езды скорым аллюром на длинную дистанцию полевого пробега с преодолением всевозможных препятствий.

Для тренировки коз и собак вокруг парка была проведена дорожка, имеющая с обоих сторон проволочную высокую изгородь, благодаря чему получался корридор, по которому зверь может бежать только между проволочными изгородями и свернуть с дороги лишь в специальныя ворота, которыя открывает тренер, когда заканчивает тренировку.

На тренировочную дорожку выпускают зверя из парка, а за ним собак, которыя гонят его по этой дорожке пока их остановит тренер.

Парфорстныя охоты бывают по искусственному следу и по живому зверю:

В первом случае берут губку, обмакивают ее в мочу зверя, затем кладут в сетчатый мешочек, привязанный за конец длинной веревки. Офицер, прокладывающий след, едет галопом и тащит за собой по земле сетку; губка от тряски брызгает на землю капли жидкости. След ведут через изгороди, разгораживающия поля, по крутым спускам и под'емам, через канавы и леса.

В девят часов утра вся школа выезжает на охоту. Впереди едет старший доезжачий, котораго по английски называют грумом; за ним покорно бежит стая собак, сопровождаемая сзади двумя помощниками грума; они следят за поряд-

ком движения собак не позволяют им отставать и в то же время охраняют их, от опасности быть ушибленными, пота - щивщими или сбросившими всадноков, лошадьми.

Грум и его помощники были одеты в жокейския кепи, красные фраки, в белыя рейтузы (штаны) и черные высокие сапоги со шпорами.

За собаками шагах в 25-ти ехал ведущий охоту. Когда начальником школы был Ген. Брусилов он всегда водил охоту сам, но когда он ушел и школу принял Ген. Безобразов, то охоту водил его помощник Полк. Химец, т. к. Безобразов был слишком грузный для таких длинных, трудных и опасных пробегов.

За Химцем шагах в ста сзади следовал начальник отдела Полк. князь Багратион, а в пространстве между ними ехали все остальные участники охоты.

По приезде на место, откуда начинался проложенный след, грум посылал собак его искать громко крикнув: «ИЩИ».

Вся свора с лаем бросалась во все стороны; Химец подымал стэк над головой, а мы все были наготове скакать за ним.

В таком положении мы ожидали пока раздастся радостный и звонкий голос собаки нашедшей след. Услыхав ея лай главный и опытный пес бросается к ней и ведет по следу всю стаю гончих; рядом с ним бегут тоже две опытных собаки, как бы контролируя не потерял ли их вожак звериный след. Остальныя собаки бегут кучей сзади этой тройки, как резерв, что - бы свалить настигутаго зверя. Химец опускает стэк, поды - мает свою лошадь в галоп и скачет за грумом, ехавшим непосредственно за собаками; остальные всадники следуют за ним

Некоторыя лошади горячатся и тащат своих всадников вперед, Химец покрикивает на них и им приходится свернуть в сторону, сделать круг назад, чтобы усмирить лошадь и за - нять опять свое место в колонне.

Но вот, собаки подходят к изгороди, через которую проложен след, прыгают через нее или проскакивают в дырки между жердями и несутся дальше.

Для всадников предстоит трудная задача, нужно прыг - нуть через изгородь, чтобы лошадь не задела верхней жерди и не упала сама, чтобы не толкнуть на прыжке другого всадника или не прыгнуть вкось и пересечь дорогу другому прыгающему.

Конечно, ниодной охоты не проходит, чтобы не упало и не ушиблось несколько человек. Были часто случаи, когда пада ли лошади и ломали всадникам ноги или руки. Вообще этот

спорт был полезен для практики кавалеристов, но очень опасен.

Далее собаки бегут через канавы, обрывы и через лес, где они быстро проскакивают под ветками деревьев; всадникам же приходится бороться с громадными, длинными иногда переплевшимися ветьвями; но задерживаться нельзя ни на минуту т. к. собаки быстро уходят вперед.

Иногда бывает случай, что собака ведущая по следу, вдруг, тревожно залает и этим показывает, что она потеряла след. Услышав ея лай, вся остальная свора с визгом разсыпается в стороны и с нервным лаем начинает искать потер. след, пока услышат радостный лай счастливой собаки, которая опять попала на след и несется по нему вперед, но ее догоняет старый вожак и, заняв ее место, продолжает вести охоту пока окончится проложенный след, а грум сыграет им сбор, после чего они все радостно, виляя хвостами, собираются вокруг него и охота заканчивается; туда с'езжаются всадники и кто приезжал позже начальника отдела, тот считался невыполнившим охоту. Невыполнение, по разным причинам, более чем 10% охот влечет за собой отчисление от школы и такой офицер считается неокончившим курса.

Охота по живому зверю производится в том же порядке, с той лишь разницей, что вместо прокладки искусственнаго следа привозят к месту начала охоты тренированнаго зверя и за час до прибытия охотников его выпускают из клетки в поле. С прибытием собак грум тоже громко кричит им «ИЩИ»

Найдя след, собаки бегут по нему пока обнаружат зверя; завидя его, они все начинают громко лаять; испуганный зверь бросается от них, убегает и быстро скрывается, собаки же продолжают идти за ним по его следу.

Конечно, зверь, может скорее и дольше бежать чем собаки и он легко ушел-бы от них, еслибы он ровным ходом убегал, — собаки выдохнулись бы и отстали, но он, увидев приближение собак, пускается от них, как говорят «сколько есть духу», а затем останавливается передохнуть, но собаки опять его догонят, зверь продолжает убегать, но он нуждается в передышке чаще и чаще, а его пробеги становятся все короче и короче, пока, наконец, он от усталости не может бежать и собаки догнав зверя сваливают его на землю и разорвали-бы его на куски, но грозный окрик грума заставляет их остановиться, а грум охотничьем ножем быстро докалывает зверя, у которого кровь не течет из раны, т. к. она свернулась от переутомления и недостатка кислорода в легких.

Первый из охотников подсккавший к зверю считается «королем» охоты. Затем грум снимает со зверя кожу,, а мясо отдаетв собакам, которыя в 5 минут его с'едают. Это им награда за их трудную работу.

Во время парфорсных охот, по воскресеньям школа также устраивала свои «Конкур Иппики» на открытом воз духе.

Некоторые говорили, что мой «Зайчик» имеет большую способность к акробатическим прыжкам и поэтому хорошо прыгает в манеже, но на открытом воздухе, где необходимы широкие прыжки и сильный аллюр, его побьют большия лошади.

Но это предсказание не оправдалось и я выиграл несколько призов, среди которых я взял самый большой и важный приз Графини Друцкой-Любецкой. Она пожертволала на ее приз старинный польский серебрянный фамильный большой кувшин, в котором в старину на пирах к столу разносили мед. Этот кувшин имел узкое горло и напоминал восточную форму сосудов, в которых рабыни разносили напитки на римских оргиях. Снаружи кувшин был украшен гроздями винограда, выделанными ручной работой.

Один раз к нам приехали фотографы снимать охоту для кино-картины, для прыжков были на открытом воздухе поставлены обеденные столы с сидящими за ними офицерами, через которых прыгали: Родзянко, П. Н. Краснов и я.

По окончании парфорстных охот школа вернулась в Петербург для зимних занятий.

Теперь мне остается разсказать о варшавских «Конкур Иппик» и о княгине Браницкой, вследствие чего я временно и прервал мои воспоминания о войне.

Кавалерийская школа получила приглашение от варшавскаго скаковаго общества принять участие в конских состязаниях, устраеваемых этим обществом.

В приказании по школе было предложено, желающим ехать на эти состязания записаться у ад'ютанта. На этот раз я вызвался с большой охотой; меня не так интересовали призы, как возможность побывать в Варшаве в этом «Восточном Париже».

От школы нас поехало только четверо: Родзянко, Бертрен, я и Барон Притвиц. Последний мало имел шансов на выигрыш призов, но он сам служил в Лб. Гв. Уланском полку, стоявшем тогда в Варшаве и ему хотелось побывать дома.

Приехав в Варшаву мы остановились в гостинице «Бристоль», но Барон Притвиц предложил мне переехать в их полк к нему на квартиру. Это меня весьма устраивало, т. к. наши лошади были тоже размещены в Уланском полку, а состязания устраивались в Лозенках, вблизи расположения этого полка.

Кроме школы в варшавских состязаниях принимали участия, главным образом кавалеристы варшавскаго военнаго округа и очень много польских спортсменов из польскаго высшаго общества. Среди них известный спортмен пан Д—ский. Фамилию его я помню и теперь, но по некоторым соображениям воздерживаюсь писать полностью.

Он имел свою скаковую конюшню и был большой любитель лошадей и конскаго спорта.

Нужно отдать справедливость польское высшее общество было гораздо спортивнее русскаго, — как в Петербурге так и в Москве можно было очень родко видоть кавлькаду едущую за город; иногда только попадались амозонки, но и то больше из военной кавалерийской семьи. Среди же штатской русской публики, конный спорт совершенно отсутствовал.

В Польше же наоборот: вы ежедневно могли видеть много молодых пань и паннен ехавших кавалькадами в кругу панув красиво одетых и выглядивших джентлеменами.

Было приятно смотреть на эти красивыя кавалькады весело и беззаботно рысившия по Уяздовской аллее и галопирующия по Мокотово полю.

Пан Д—й привел прекрасных лошадей, из них две чистокровных: это были красивыя рослыя выхоленныя и отлично выезженные лошади. Было завидно смотреть, как уверенно и легко они прыгали через громоздкия препятствия; казалось, что пан Д—й выиграет все призы, но, к сожалению, эти лошади плохо рызсчитывали их прыжки на тонкия препятствия, как изгородь, забор, корзина и т. д.

Начались состязания. Участников было много, но главными конкурентами были: Родзянко, Бертрен, Захарченко, пан Д—й и я.

Не проходило и одного дня, чтобы я не взял какого нибудь приза. Мой «Зайчик» сделался дакже популярен в Варшаве, как и в Петербурге, особенно его полюбили варшавянки.

Как только я заканчивал удачно состязание, сейчас-же «Зайчика» окружали любители лошадей главным образом

женщины.

«Цо в ним скаче?» Часто слышались такия фразы среди поляков, смотревшихъ на моего небольшого «Зайчика» в сравнении с громадными лошадьми Родзянко и пана Д—го.

Как-то так случилось, что пан Д—й часто выигрывал призы в тех заездах, в которых он участвовал без меня и всегда проигрывал, когда я участвовал вместе с ним в одном и том же заезде.

Однажды выиграв приз я размундштучивал «Зайчика» и отпускал ему подпруги, пока конный вестовой вытерал с него пот. Нас быстро окружили панны и разглядывали «Зайчика».

«Среди какого пышнаго цветника Вы очутились, и как Вам нравятся наши панны?» Сказал пан Д—й, подходя ко мне.

«Я давно слыхал о женственности, изящности и кокетливости варшавянок и теперь убедился в справедливости этого мнения», ответил я.

«Какая же из них Вам больше всего нравится?» Спросил пан Д—й, обводя взглядом стоявших около нас паннен.

«Все» ответил я, «но ни в одну я не могу влюбиться серьезно».

«Почему?» Спросил он.

«Потому, что они слишком молоды», об'яснил я.

Пан Д—й посмотрел на меня удивленно и сказал' «Да, Вы сами еще очень молоды, сколько Вам лет?»

«28», ответил я.

«В 28 лет Вы считаете 20-ти летних женщин молодыми для Вас!» Сказал пан Д—й, «а какой же возраст Вам нравится?»

«За 30-ть и старше», совершенно серьезно ответил я.

«Ну, полное разочарование», сказал пан Д—й, «а я только, что хотел познакомить Вас с двумя моими хорошенькими ми племянницами».

«Пойдем», сказал он, беря меня под руку, «у меня есть к Вам большое дело, я хочу с Вами поговорить».

Мы пошли вдоль скаковой дорожки.

«Вы самый большой мой конкурент, котораго я еще не мог побить» говорил пан Д—й, шагая рядом со мной, «Вы знаете, в последний день состязаний будут разыгрывать приз варшавскаго дамскаго спортивнаго общества, председательницей котораго состоит княгиня Браницкая, а членами в это общество входят многия дамы из высшаго обще-

ства, как графиня Потоцкая. Тышкевич, Пшездетская, Замойская и др.

Вы здесь временный человек, возьмете приз и уедете, но для меня выиграть этот приз имеет громадное значение и мои шансы в этом обществе сильно подымутся».

«А что-же Вы от меня хотите?» Спросил я.

«Я хочу предложить Вам продать Вашего «Зайчика» на очень выгодных для Вас условиях», сказал пан Д—й, «Я отдам Вам одну из моих лошадей, по Вашему выбору и доплачу Вам еще 1000 рублей. Кроме того если я выиграю приз, то я возьму только вещь, а деньги тоже передам Вам».

«Нет, пан Д—й, «Зайчика» я не намерен продавать ни при каких условиях, он мне сделал многое и я его оставлю у себя до его смерти», сказал я.

«Как хотите, но лучших условий Вам никто не предложит, впрочем, осталось еще две недели, может быть Вы еще раздумаете», сказал пан Д—й и пошел в свою ложу. Я видел, как он что-то серьезно говорил даме, сидящей в его ложе, а затем опять подошел ко мне и сказал, что его жена хочет со мною познакомиться.

Я поблагодарил его за любезность и пошел с ним в ложу, где он представил меня его жене, двум своим племянницам, еще одной даме и двум мужчинам.

«Садитесь», сказала пани Д—ская, указав мне на стул, стоявший рядом с нею, «и разскажите нам, историю Вашего «Зайчика» и как Вы добились такого хорошаго успеха в его прыжках».

Я был доволен ея идеей предложить мне тему для разговора, т. к. при первом неожиданном знакомстве приходится говорить отвлеченно и сразу трудно повести интересный разговор с мало знакомыми людьми.

Я начал разсказывать историю «Зайчика», а сам тщательно разсматривал пани Д—скую.Она была лет 35-ти, средняго роста, светлая блондинка, с голубыми небольшими, но выразительными глазами, с некрасивым, но миловидным лицом и была идеально сложена: ея точенная шея, круглыя красивыя плечи, длинная талия, весьма развитой бюст и маленькая ножка при средней комлекции всей фигуры делали ее женственной и привлекательной, а ея жеманная и кокетливыя движения были крайне притягательны.

«Вы имеете, какие либо планы на сегодняшний вечер?» Спросила меня пани Д—ская, когда я окончил разсказ о «Зайчике».

«Мы обыкновенно решаем, где провести вечер по окончании состязаний, т. к. у нас принято, что взявший самый большой приз приглашает нас провести с ним время в каком нибудь веселом месте», ответил я.

«Ваш «Зайчик» заставляет Вас довольно часто делать такия приглашения», заметила пани Д—я, кокетливо прищуривая свои небольшия глаза.

«А Вы могли-бы пожертвовать собой сегодня вечером и пообедать в нашей скучной компании?» опять спросила меня пани Д—я.

«Я не думаю, что кто либо может скучать в Вашем присутствии», ответил я.

«Ну, довольно при первом же знакомстве говорить комплименты, а скажите прямо, можете ли Вы приехать сегодня к нам на обед», проговорила пани Д—я, жеманно откидываясь на спинку кресла.

«Благодарю за приглашение, с удовольствием приеду», ответил я.

«В таком случае в 8 часов вечера я жду Вас в нашей гостинице «Бристоль», а теперь идите получайте Ваш сегодняшний приз, сказала пани Д—я, указывая на наблюдательную будку, куда собрались лица выигравшие призы.

Я откланялся, получил свой приз, позвонил в самый лучший цветочный магазин и заказал отправить пани Д—ой букет цветов в 25 рублей.

Без четверти 8 часов вечера я уже был в фойе гостиницы «Бристоль», где меня встретил пан Д—й, а вскоре за ним спустилась на лифте пани Д—я в компании дамы и мужчины, которым я был представлен в ложе пана Д—каго на состязаниях.

Пани Д—ая была одета в шелковое черное вечернее платье с глубоким декольте, с вырезанной спиной до самой поясницы и только две ленточки поддерживали платье на ея круглых и красивых плечах.

Платье резко оттеняло белезну ея тела и пани Д—кая выглядила еще эффектнее нежели днем на состязаниях.

Бриллиантовыя ея серги отражали сотни огней электрическаго света, а на ея выточенной белой шее висела длинная нитка жемчуга, гармонирующая под золотистый цвет ея волос. Казалось, вся ея внешность дышала прелестью и привлекательностью. Видимо она знала цену своего сложения и гордилась своим выдающимся бюстом.

Перекинувшись несклькими фразами пани Д—ая взяла

меня под руку и кокетливо поддерживая свой длинный шлейф пригласила всех нас в столовую, где мы сели за стол, на котором стоял громадный букет чудных дорогих цветов.

«Благодарю Вас за прекрасные цветы, как они ароматно пахнут», с полной искренностью и восторгом воскликнула пани Д—ая.

«Самый красивый цветок среди этого букета, это — Вы», сказал я наклонившись к сидящей со мною рядом пани Д—ой.

«Поменьше комплементов, а больше реальнаго», ответила шутливо пани Д—ая, выразительно посмотрев на меня.

Ну, с чего мы начнем?» спросил пан Д—й, разглядывая бутылки с разными водками.

«Мужчины начинайте с чистой, а мы с пани выпьем рябиновки», сказала пани Д—ая.

«Благодарствуйте, но я водки не пью», поспешил я предупредить пана Д—аго, который начал разливать водки в рюмки.

«В товажестве пань млоды чловек не може сіе вымавіать», строго заметила по польски пани Д—я.

Хотя я не знал польскаго языка, но я все же понял значение этой фразы т. е. «в обществе дам молодой человек не может так говорить».

«Вы мужчина и должны пить больше женщины и во всяком случае не отставать от нас», добавила пани Д—ая, наливая мне вторую рюмку.

Этим замечанием пани Д—ая так на меня повлияла, что я решил от нея не отставать. После водки мы выпили круг рябиновки, затем круг малиновки и вишневки; под рыбу пили белое вино, а с мясом красное, но когда подали дисерт и фрукты и дело дошло до шампанскаго, я почувствовал себя неважно; к счастью наши дамы встали и нетвердыми шагами пошли в дамскую комнату, я воспользовался этим случаем ушел в уборную, быстро сделал «фридрих эраус», и это меня облегчило, я намочил голову холодной водой, сказал человеку обрызгать меня тройным одеколоном, после чего я совершенно свежим вернулся опять к столу и чувствовал себя гораздо устойчивее, чем наши дамы.

«Ну, панове», сказал пан Д—ский, «мне нужно ехать по делам в имение и мой поезд отходит через минут сорок».

«Если пан Чеславский согласится сопровождать меня, то мы поедем тебя проводить на вокзал», сказала жеманно

пани Д—я, немного заплетая языком.

«В этом не может быть сомнения», поспешил я уверить пани Д—ую.

Проводив поезд пана Д—аго мы направились к выходу вокзала и распрощались с дамой и мужчиной, кои обедали с нами.

«Однако мои ноги неособенно меня хорошо слушают», сказала пани Д—ая беря меня под руку, «но я не мам охоты ехать до дому, поедземь до иней рестаурацыи».

«Я в Вашем распоряжении, но Вы выберете сами место куда мы поедем т. к. я еще мало знаю Варшаву», ответил я.

«Поедем до долины Швайцарской», ответила пани Д—ая.

Через полчаса мы уже сидели за столиком прекраснаго фешенебельнаго кабаре. Зал был переполнен разфранченной публикой. Почти все дамы были в вечерних туалетах, а мужчины во фраках. «Что прикажете еще заказать», спросил я пани Д—ую, когда лакей поставил на стол серебрянное ведро с бутылкой шампанскаго, засыпанную льдом и тарелку посоленнаго мендаля.

«Проше пшынесть ликеры», сказала пани Д—ая лакею.

«Какой Вы предпочитаете, дамский «Какао-Шуа» или мужской «Бенедиктин», спросил я пани Д—ую, когда лакей принес несколько бутылок с ликерами.

«Бенедиктин», ответила пани Д—ская.

Мы пили попеременно, то ликер, то шампанское, но я был удивлен видя, что на мою даму мало действуют напитки, она лишь сделалась веселее, кокетливее, жеманнее и более развязанная в разговоре и в движениях. Я хотя и пил но дер жался крепко и лишь немного кружилось в голове, да шансонетки поющия и танцующия на сцене казались мне вертящимися куклами.

Мы просидели довольно долго говорили о многом: сравнивали Петербург и Варшаву, шутили, я разсказал ей несколько веселых анектодов, а затем пани поведала мне о своей семейной жизни: она сказала, что уже 12-ть лет замужем и не имеет детей и что, по определению доктора, в этом виноват муж, а она совершенно здорова и способна к рождению детей, которых она и ее муж обожают.

«Скажите пан Чеславский, можете Вы дать мне слово, что Вы не откажете мне сделать, то что я Вас попрошу, а за это»........... и она шопотом добавила по-польски:

«То може пан зробить зе мну, тсо пан зехтсе»........... и она подала мне свою руку в знак ея согласия, которую я по-

целовал

«Я согласен дать такое обещание, если оно выполнимо, но Вы может быть прикажите мне выполнить невозможное», сказал я.

«Без всякаго если, невозможнаго я не потребую, Вы дайте мне обещание, после этого Вы можете делать со мной, что хотите, а затем выполните, что я потребую, условия для Вас выгодныя, а для меня рискованныя.... но все же на их я соглашаюсь, а теперь слово за Вами:разсчитывайтесь, проводите меня в дамскую, а затем поедем и по дороге Вы дадите мне свое обещание». сказала пани Д—ая, вставая из за стола.

Пока пани Д—я была в дамской комнате, я обдумывал, что ей ответить, когда мы поедем. В это время у меня мелькнула мысль, что пани Д—я ведет к тому, чтобы я дал ей слово, продать моего «Зайчика» ея мужу.

«Теперь Вы должны дать мне Ваше обещание», сказала пани Д—я, когда мы в экипаже ехали с нею по Уяздовской аллее в гостиницу «Бристоль».

«Я догадываюсь, пани Д—я, какое обещание Вы хотите от меня получить» сказал я.

«Какое?» спросила она.

«Продать моего «Зайчика Вашему мужу», ответил я.

«Да, об этом я и хотела Вась просить», сказала пани Д—я, «а почему, Вы знаете из разговора моего мужа с Вами»

«Но, должен Вас огорчить, дать Вам слово, продать моего «Зайчика» я не могу, но для Вас я пойду на компромисс: я не запишусь на приз Варшавскаго Дамскаго спортивнаго общества и таким образом не буду конкурентом Вашему мужу», сказал я.

«Это прекрасная идея», радостно воскликнула пани Д—я, «этим Вы меня выручили, я дала слово моему мужу, во что бы то ни стало, добиться от Вас слова продать ему Вашего «Зайчика» и теперь я могу сказать ему об исполнении даннаго мною обещания.

"Czego diabeł nie može zrobic, to poszle kobietę", добавила пани Д—я.

"Partout cherchez la femme", говорят французы, сказал я.

«До приезда моего мужа, я еще хочу Вас повидать, дайте мне номер Вашего телефона», сказала пани Д—я, когда я уходил из ея комнаты в гостинице «Бристоль».

Я записал ей свой телефон и распрощавшись уехал домой.

На второй день я был разбужен заоблачными фееричс-

скими звуками мелодичнаго вальса, играемаго военным оркестром; вскочив с постели я подошел к окну, в которое врывался чистый прохладный утренний воздух, солнце только, что начало всходить и бросало свои низкие лучи на верхушки деревьев и крыши высоких зданий.

Стояла утренняя тишина и ясно доносились звуки хора трубачей Лб. Гв. Гродненскаго гусарскаго полка, идущаго на полковое учение.

С высоты моего окна была видна трудно описуемая красивая картина двигающагося кавалерийскаго полка: Гусары в красных чакчирах (штанах), на прекрасно выхоленных и вычищенных караковых лошадях, стройными рядами по-шести шли за трубачами сверкая на солнце концами пик, рукоятками шашек, ярко вычищенными шпорами и другими блестящими металлическими предметами.

Сколько красоты, мощности и гибкости можно видеть, наблюдая кавалерийский полк.

«Солдаты меняются в полку каждые четыре года, а офицеры в продолжение четверти или трети века, но полк, его слава, его заслуги перед Родиной, его традиции остаются и передаются из поколения в поколение», думал я, стоя у окна и наблюдая Гродненских гусар, как вдруг, неожиданно, меня окликнул вестовой и доложил, что к флигелю под'ехала верхом какая то пани и сказала, что она хочет меня видеть.

Быстро одевшись я спустился в низ флигеля и увидел пани Д—ю, одетую в черную амазонку и дерби (котелок) с длинной развивавшейся вуалью. Плотно облегающая амазонка, ясно вырисовывала ее красивую фигуру. Она красиво сидела на дамском седле и изящно держа в левой руке поводья, правой кокетливо помахивала стеком.

«Я Вас рано подняла», сказала пани Д—я, подавая мне ее маленькую руку затянутую в лайковую белую перчатку, «но муж неожиданно вернулся из имения днем раньше и просил меня повидать Вас немедленно сегодня рано утром. Прикажите оседлать Вашу лошадь и поедем со мной кататься».

Через полчаса мы уже рысили с нею по Уяздовской аллее, к Мокотово поле.

«Под'едем к кафе и позавтрикаем», сказала пани Д—я, «а то ни Вы, ни я еще ничего не ели».

Отдав лошадей ея конюху, мы уселись за столик, стоявший под широким китайским зонтиком и потребовали зав-

трак.

«Ну, как принял нашу идею Ваш муж», спросил я пани Д—ю.

«Он благодарил Вас за Ваше любезное предложение, но думает, что без «Зайчика» вряд ли он выиграет приз и поручил мне опять об этом переговорить с Вами; мы поедем дальше и я Вам там все разскажу», ответила пани Д—я.

Выехав за город, мы повернули к реке Висле, спешились и спустившись к воде сели на скамеечку.

«Моему мужу хочется выиграть этот приз во что бы то ни стало, а я опять возвращаюсь к первому нашему условию, Вы сделайте мне одолжение, а я отплачу Вам взаимно, как мы и говорили об этом раньше», сказала пани Д—я.

«Я для Вас могу пожертвовать чем хотите, но только не «Зайчиком», он для меня сделал очень многое и мне было бы стыдно его продать, тем более, что мне еще нужно кончать мою школу, а там хорошая лошадь — самое главное», ответил я.

«Да, я Вас понимаю, идя на компромисс, Вы делаете мне большое одолжение, я знала, что Вы не пойдете на продажу Вашей лошади, а приехала сегодня, только для того, чтобы исполнить просьбу мужа, да... и повидать В-а-а-с, такого добраго мальчика», сказала пани Д—я.

На другой день, когда я репетировал «Зайчика», приехал пан Д—й. Мы опять долго говорили с ним по этому вопросу и я доказал ему, что при состязаниях бывает много случайностей и часто выигрывают те, кто не имел шансов, он же имеет двух прекрасных лошадей и может взять этот приз.

Пан Д—й согласился и записался на приз дамскаго общества, не приняв мой компромисс.

Пришел день состязаний, погода удалась чудная, народу собралось очень много, приехало почти все фешенебельное варшавское высшее общество, где преобладал главным образом прекрасный пол, т. к. разыгрывался дамский приз.

Председательница Варшавскаго дамскаго спортивнаго общества Княгиня Браницкая сидела в судейской будке с некоторыми избранными дамами, вероятно членами комитета этого общества.

Участников на этот приз записалось довольно много, я был записан между двумя лошадьми пана Д—каго, По правде сказать мне хотелось, чтобы этот приз выиграл пан Д—й, не для удовлетворения его самолюбия, а для удовольствия его жены, которая мне так понравилась.

До первой пана Д—каго лошади никто не прошел препятствия чисто, пан же Д—й прошел все препятствия довольно удачно, но развалил корзину.

За ним поехал я и не только, что не волновался перед выездом, но даже шел без особаго старания выиграть этот приз, за то мой «Зайчик» на этот раз шел и прыгал с каким то особым под'емом, ни на одном препятствии я не тронул его ни шпорами ни хлыстом, даже на канаву с водой он пошел без всякаго с моей стороны понукания и перепрыгнул ее также чисто, как и все остальные препятствия, за что получил столько аплодисментов, сколько он получал их в Петербурге в Михайловском манеже.

После меня выехал пан Д—й на второй лошади и тоже срезался, чем был так недоволен, что прямо с круга уехал домой.

Мне так было неловко перед пани Д—ой, что я пошел в ея ложу выразить ей свое соболезнование, но она совершенно не была удручена проигрышем своего мужа, а наоборот была очень веселая, искренно поздравила меня с получением дамскаго приза и пригласила меня приехать к ним в имение, во время моих каникул.

После окончания состязаний меня вызвали в судейскую ложу, представили Княгине Браницкой, где она мне выдала приз Варшавскаго Дамскаго Спортивнаго Общества, состоящаго из золотых мужских часов швейцарской работы стоимостью в 250 руб. и 250 руб. деньгами. На внутренней стороне крышки часов было вырезано по-польски указание, от кого эти часы были получены. На другой день Княгиня Браницкая пригласила меня к себе на обед и когда я сидел у нея за столом, то не мог даже подумать, что через семь лет я с полком во время войны займу ее замок в Австрии близь Горлицы и буду в нем ночевать в ея комнате и на ея кровате.

«СУДЬБА ИГРАЕТ ЧЕЛОВЕКОМ, А ЧЕЛОВЕК СУДЬБОЙ», говорит русская пословица.

После варшавских сотязаний мы вернулись обратно в кавалерийскую нашу школу, которую я с помощью моего «Зайчика» окончил первым, о чем и об'явлено в Приказе Инспектора кавалерии за № 20-1908 года, а Высочайшим Приказом, состоявшимся 16-го Июля 1909-го года об'явлено мне ВЫСОЧАЙШЕЕ БЛАГОВОЛЕНИЕ, за отличное окончание 2-х годичнаго курса Офицерской Кавалерийской Школы.

ГЛАВА IX.

Теперь я вернусь опять к описанию моих воспоминаний о боевых действиях 10-го гусарскаго Ингерманладскаго полка, под моей командой в Мировую войну 1914-1917-х годах, которыя я временно прервал на странице 100-ой VI главы моей книги.

Переночевав в охотничьем замке Княгини Браницкой, я утром 8-го Ноября 1914-го года выступил в местечко Горлицы в раионе Краковской области.

Противник оставил это местечко до моего прихода и я занял его без боя.

Место для стоянки полка в хозяйственном отношении было прекрасное: штаб полка и три эскадрона разместились в помещичьем замке, а остальная часть полка в самом местечке Горлицы. Противник уходя оставил достаточно фуража для лошадей и продовольствия для людей.

Люди стали на широких квартирах, а лошади все были поставлены под крышей.

В боевом же отношении стоянка была довольно опасная: Полк был выдвинут далеко вперед не только от своей дивизии, но и вообще от передовых частей русской армии, поэтому я вынужден был охраняться со всех четырех сторон наблюдательными заставами на больших дорогах ведущих к Тарнову, Кракову и Новосандецу, высылая в этом же направлении раз'езды.

Не имея сплошного сторожевого охранения я всегда мог ожидать нападения на меня неприятеля. Мы выдвинулись далеко в глубь неприятельской страны и каждый житель мог пройти к своим войскам и сообщить о стоянке русскаго кавалерийскаго полка, удаленнаго от своих войск.

Достаточно было противнику послать одну кавалерийскую дивизию, чтобы окружить мой полк, тем более, что я был прикован к стоянке на одном и том же месте несколько дней.

При таких условиях я не мог не беспокоится о судьбе моего полка.

Несмотря на все удобства стоянки у меня все время было какое то тревожное предчувствие и хотя моя стоянка в Горлицах для моего полка прошла благополучно, но через несколько месяцев это местечко сделалось заколдованным местом для нашей армии.

Весной 1915-го года командующий германской армией Ге-

нерал Макензен, совместно с австрийскими войсками, прорвал русский фронт у местечка Горлицы и начал свое знаменитое галицийское наступление, заставившее русских очистить большую часть Галиции.

Простоял я в Горлицах 5 дней, а 11-го ноября ночью получил от Графа Келлера приказание, в котором указывалось, что с 6-ти часов утра 12-го Ноября 1914-го года я с полком поступаю в распоряжение командира пехотнаго корпуса.

Получив это приказание я сейчас-же выехал в штаб корпуса за инструкциями. К сожалению часть моего дневника, который я вел ежедневно и в котором было записано и это событие, было утеряно во время революции и я сейчас не помню ни номера корпуса ни фамилии Командира корпуса. Помню лишь, что штаб корпуса располагался в это время в раионе города Ясло в старинном польском помещичьем замке, окруженном вековыми ветвистыми деревьями. Командир корпуса произвел на меня очень приятное впечатление: среднято роста, коренастый с седой небольшой бородой, напоменающей бороду Ген. Скобелева; он по виду был очень симпатичный человек и видимо боевой и дельный генерал.

Он лично очень толково об'яснил мне задание его корпусу о переходе венгерской границы и наступая далее овладеть венгерским городом Бартфельд или, как называют его галичане, Бардиев.

На мой полк он возложил охрану праваго фланга его корпуса во время наступления на Бартфельд, с тем, чтобы я перевалил через хребет Карпатских гор в долину Венгрии и занял бы село Усте-Русское, откуда двигался-бы параллельно движению правой колонны корпуса и обошел-бы город Бартфельд с Западной стороны.

По тону Командира Корпуса была видна его ориентировка в положение дел его корпуса, а также о силах противника, видимо он лично вникал во все операционныя детали действий своих частей и противника, не полагаясь лишь на работу своего штаба.

«Уж больно разстянули мой корпус», жаловался он мне: «дали фронт более 40-ка верст, а теперь приказывают форсировать Карпаты, но раз задано нужно принять все меры, чтобы действия увенчались успехом, нужно будет проехать самому лично осмотреть раион наступления», добавил Командир Корпуса.

Мне очень понравились его взгляды на работу, как старшаго начальника и я с большим под'емом выехал из штаба

корпуса и быстро помчался в Горлицы, чтобы скорее вести полк, для выполнения возложенной на меня задачи.

К 7-ми часам утра я уже вернулся в Горлицы, сделав за ночь на моем «Зайчике» около 50-ти верст в штаб корпуса и обратно.

Отдав распоряжение полку седлаться, выводить и строиться на сборном пункте, а сторожевому охранению присоединиться к полку, я наскоро выпил чаю с черными сухарями (мое любимое блюдо в походе) и без четверти 8-м был на сборном пункте, где уже построился полк.

Вызвав вперед всех офицеров и взводных унтер-офицеров, разсказал им какое задание имеет пехотный корпус и что должен выполнить наш полк, отметил все пункты на карте, чтобы каждый мой всадник знал куда нам нужно идти и что делать; знание солдатом обстановки имеет громадное значение на успех боя.

«Каждый воин должен знать свой маневр», говорил великий русский полководец Генералисимус Суворов. Я никогда не забывал его знаменитых слов и рекомендую будущему поколению, всегда помнить это поучение.

Как только я выступил из Горлицы, сейчас-же написал об этом Командиру Корпуса донесение, а копии послал: одну начальнику правой пехотной колонны, а другую Графу Келлеру

Хотя я и ушел временно из подчинения ему, но все же я считал нужным, чтобы Гр. Келлер, знал, где я и что делаю.

Пройдя по большой дороге 15-ть верст на Юг от местечка Горлицы я у деревни Гладышев повернул на Запад и пошел на село Смерковцы, при чем об этом послал опять всем трем донесение.

Здесь дорога пошла проселочная и гористая. Пройдя село Смерковцы, полк втянулся в деревню Квитон, лежащую в 3-х верстах к северу от вершины высокаго Карпатскаго перевала, через который мне нужно было перевалить, чтобы занять село Устье-Русское, расположенное у южнаго подножья перевала.

Зарание высланные мною раз'езды донесли, что с Устье-Русскаго перевала они были обстреляны противником, находящимся в окопах.

Полк прошел уже почти 25-ть верст от Горлицы и лошади нуждались в отдыхе, кроме того нужно было дать время разведчикам выяснить обстановку, поэтому я решил сделать привал в деревне Квитон,

Как только мы остановились, нас окружила толпа жите-

лей, состоящая из женщин и детей и отчасти стариков, т. к. все годные к военной службе мужчины были призваны в австро-венгерскую армию. Они весьма доброжелательно разговаривали с нами. Вообще галичане очень хорошо относились к русским, а в этом районе жили уже карпато-россы, симпатии которых всецело находились на стороне России.

Карпато-россы считают себя колыбелью русскаго народа, их язык и религия самые близкие к русской и всегдашней их мечтой было слиться с Россией. Нашим войскам они помогали совершенно открыто и когда нам приходилось отступать, то австрийцы занимая эти места жестоко расправлялись с карпато-россами.

«Мы еще никогда не видели москалей и все вышли посмотреть на Вас», говорили карпато-россы моим солдатам.

«А, мы думали встретит здесь мадьяр, а оказалось, что здесь живут русские люди», говорили солдаты, мало знающие географию Карпат.

«Мадьяры живут там за перевалом на долине, а в горах живем мы карпато-россы, только состоим под мадьярским управлением», отвечали жители.

«А, много здесь проходило австрийских войск?» просил я.

«Нет по этим горным дорогам их шло очень мало, они шли, по большой дороге с Горлицы на Зборо и дальше на Бардиев», отвечали мне карпато-россы.

Пока мы стояли на привале, мои разведчики пробрались на Устье-Русский перевал и донесли, что окопы на перевале заняты приблизительно двумя ротами неприятельской пехоты с пулеметами, а в селе Устье-Русское виднеются обоз и кучи солдат; вероятно там стоит их резерв. Артиллерии разведчики нигде не обнаружили.

Не теряя времени, я назначил два спешенных эскадрона с двумя пулеметами, под командой Подполковника Персидскаго Прынца Мерза и приказал ему лесом пройти на перевал, в той части, где он не занят противником и атаковать неприятельские окопы с леваго их фланга.

Оставив в деревне Квитон один эскадрон в конном строю, для прикрытия своего тыла и коноводов, я с тремя эскадронами и остальными пулеметами повел наступление прямо на неприятельские окопы.

Перевал был довольно высокий около 1000 метров высоты, но его северный склон был отлогий и усеян кустами, пнями срубленных деревьев и большими камнями, что способствовало скрытному наступлению и уменьшало потери.

Противник открыл по моим цепям огонь сейчас же, как только мы подошли к перевалу, но разстояние было еще большое и его огонь был безпорядочный, пули летели высоко над нашими головами и мы наступали почти без потерь.

От куста, к кусту, от одних пней до других мои эскадроны двигались безостановочно к хребту перевала, пока не подошли к неприятельским окопам шагов на 500.

Это пространство было совершенно очищено от кустов, пней и больших камней, что крайне затруднило мое наступление, т. к. противник ясно видел каждаго солдата и открыл по нам огонь с постояннаго прицела, нанося моим цепям значительный урон.

Я приказал эскадронам залечь за закрытия и обстреливать противника с фронта, облегчая этим движение моих обходных эскадронов, для выхода на перевал.

Но эти эскадроны попав в густой лес подвигались очень медленно, чем поставили меня в весьма затруднительное положение.

Прождав в таком состоянии около часу, я начал волноваться:

Это было уже в Ноябре месяце, когда дни становились короткими, а мне предстояло еще взять перевал и занять село Устье-Русское, да и держать цепи под прямым огнем противника без окопов было довольно трудно.

Видя, что мои обходные эскадроны сильно опаздывают, я решил атаковать противника прямо в лоб.

Для этого я приказал все мои пулеметы подтащить к центру наступающих цепей, поднести, как можно больше патронов и вести непрерывный огонь веером по неприятельским окопам, а эскадронам перейти в атаку на противника.

Как только эскадроны поднялись и двинулись по открытому месту неприятель открыл по ним сильный огонь. В цепи начались потери, а две пули пронзили мой полушубок.

Я видел, что положение моих эскадронов создается тяжелым:

Пройти 500 шагов под таким огнем, по открытому месту, это значит понести тяжелыя потери, но еще губительнее былобы отвести эскадроны назад.

Я очень волновался в душе, но делал вид спокойный и весело подбадривал солдат:

«Скорее, скорее ребята вперед, чем скорее мы заскочим в их окопы, тем меньше они нас перебьют», говорил я тем,

кто боялся под пулями подняться и идти вперед.

«Да, уж больно много он сыпет пуль», отвечали мне некоторые.

А, Вы как думаете, наши пулеметы и Ваши ружья посылают им орешки, да сладкие конфекты», скрывая свой страх говорил я шутливо побаиваясь, что цепи могут повернуть назад от такаго сильнаго огня.

Но мое военное счастье, как всегда выручило меня и на этот раз:

Вдруг, правее нас на перевале раздался пулеметный и ружейный огонь по неприятельским окопам. Я догадался, что мои обходные эскадроны взошли на перевал и бьют по неприятелию с леваго фланга.

Я до того обрадовался, что неистово закричал «УРА» и бросился вперед; эскадроны побежали к хребту перевала; огонь противника стих, а затем совсем прекратился; против ник не выдержал фланговаго огня и, бросив раненых и убитых, оставил окопы, которые и были заняты моими эскадронами.

Выбитый из окопов противник быстро отступал по крутому южному скату перевала к селу Устье-Русское, из котораго на юг двигались обоз и пехота.

Я приказал из пулеметов обстреливать уходящаго противника,а эскадронам двигаться вниз и занимать село Устье-Русское.

К наступлению темноты это село было уже занято моим полком, о чем я сейчас-же донес Командиру корпуса, а копии донесения послал начальнику правой пехотной колонны и Графу Келлеру.

Послав приказание коноводам передвинуться в село Устье-Русское, я продолжал преследовать противника на Юг надеясь занять село Ханчово, лежащее верстах в 5-ти южнее Устья-Русскаго, с тем, чтобы в нем поставить сторожевое охранение, а полк отвести на ночлег в Устье-Русское, но противник еще задержал нас в окопах на половине дороги между Устье-Русское и селом Ханчево.

Пока мы выбили противника из этих окопов, наступила темнота и я отложил атаку села Хончево до утра.

Эскадрон охранявший коноводов, как менее усталый, я поставил в сторожевое охранение, добавив ему два пулемета, а с остальными эскадронами ушел на ночлег в село Устье Русское.

В тылу на перевале поставил заставу и, в виду близо-

сти противника, приказал половине полка не разседлывать лошадей.

Для штаба полка была отведена квартира у мадьярска го ксенза. Он оказался очень словоохотливым и за ужином много говорил о войне и политике, а переводчицей нам служила его хозяйка, очень красивая Карпато-росска.

Ксенз возмущаясь разсказывал: «Сегодня утром я получил Буда-Пештския газеты, где было написано, что русские, как степные жители хорошо дерутся на равнинах, но через Карпаты они не с'умеют пройти, да их и не пропустит мадьярская армия, а русские в Венгрии встретят вместо людей горных «львов»-мадьяр. А к полудню я увидел ваших казаков на горах у нашего села. Вот и верьте газетам», добавил ксенз.

Было уже около 12-ти часов ночи, когда я обошел квартирное расположение полка и вернувшись на квартиру собрался уснуть.

Я не спал всю прошлую ночь т. к. ездил в штаб корпуса, затем дневной поход около 45-ти верст, переход с боем через высокий перевал, занятие села Устье-Русское, обход квартирнаго раиона полка, наконец, моральное переживание немогло не утомить меня. И лишь моя молодость и крепкое здоровье позволяли переносить такия трудныя физическия и нравственныя лишения. Вот почему я заповедую, чтобы в будущей русской армии, командиры кавалерийских полков были-бы молодые, здоровые и хорошо тренированы, тогда только от них можно потребовать выполнения возложенных на них боевых задач. Все дряхлое, старое и безсильное должно быть убрано из армии и заменено здоровыми, молодыми и хорошо тренированными силами.

В 7 часов утра 13-го Ноября я с полком выступил из села Устье-Русское на село Ханчево о чем послал донесение.

Село Ханчево противник уступил почти без боя и, к моему удивлению, пошел не на Юг, а повернул на Восток по дороге на город Зборо, о чем я донес немедленно всем моим начальникам и особенно предупредил об этом начальника правой колонны, который наступал на город Зборо.

Я же с полком продолжал свой путь на Юг. Около 12-ти часов дня мы заняли село Сигалка, где я остановил полк на один час на привал, чтобы накормить лошадей и выдать людям обед, при чем здесь произошел весьма оригинальный случай, достойный внимания, чтобы о нем разсказать.

Местность между селами Сигалка и Доболто почти на

протяжении 5-ти верст была ровная и степная, с маленьким возвышением к селу Тоболто, из за котораго виднелись только крыши домов и верхушки деревьев этого села.

Эти села соединялись широким шоссе, обнесенным широкими и глубокими канавами. Благодаря конфигурации местности это шоссе шло не прямо, а извиваясь.

Эскадрону, несущему походное сторожевое охранение, я приказал выдвинуться версты на две вперед и охранять полк с фронта во время привала, а заднему эскадрону выставить тыловую заставу.

На колокольне костела поставил наблюдательный пост из двух разведчиков с биноклями при одном офицере, а к селу Тоболто послал небольшой раз'езд.

Командир головного эскадрона с главной засатавой расположился на шоссе, а боковыя заставы остановились прямо в поле, а дальше на горизонте виднелась цепь спешанных наших дозоров.

Солдаты, усевшись на землю и держа лошадей в поводу, открыли банки с мясными консервами, для своего обеда, а эскадроны находящиеся в селе разогревали их в халупах, т. к. походныя кухни и обоз я оставил в Устье-Русском.

День был пасмурный, но видимость была хорошая и я, убедившись, что все в порядке и кругом спокойно, зашел в халупу закусить.

Около получаса спустя, я почувствовал, что мой желудок не поладил с вчерашним ксензовским обедом и заставил меня пойти в уборную.

Вдруг, я услыхал нервный стук в мою туалетную дверь и тревожный голос полкового ад'ютанта: «Господин полковник! с наблюдательнаго пункта передают , что нас атакует неприятельская кавалерия».

Я выскочил и побежал к наблюдательному пункту, одной рукой подтягивая поясной ремень, а другой вытаскивал свой бинокль из футляра.

Взбежав на колокольню, я увидел следующую картину:

От села Тоболто по шоссе скакал назад наш раз'езд, а за ним в колонне по четыре неслась неприятельская кавалерия.

Сразу не было видно, какое количество кавалерии идет на нас, но я не предавал особаго значения неприятельской кавалерии несущейся по шоссе, т. к. понимал, что ни один кавалерийский начальник не пустит кавалерию в атаку по шоссе, обнесенному глубокими и широкими канавами, где ей нельзя будет развернуться, по этому я тщательно смотрел в бинокль

по обеим сторонам шоссе, ожидая, что там появится главная масса кавалерии и мне придется быстро принять решение, как на это реагировать.

Но, к моему удивлению, ни с одной стороны шоссе неприятельская кавалерия не появлялась.

В это время кавалерия, несущаяся по шоссе, на его изгибе скакала некоторое время ко мне флангом, благодаря чему можно было ясно определить ея силы в два эскадрона.

Я приказал главной походной заставе быстро отскочить к главным силам полка, а дежурным пулеметам нацелить на шоссе и открыть огонь по неприятельской кавалерии, как только наш раз'езд очистит шоссе, а двум эскадронам в конном строю атаковать неприятеля при выходе его из шоссе на плац перед селом.

Когда эскадроны противника достигли линии наших походных застав, то обе боковыя заставы открыли по ним перекрестный огнь.

Попав под пули застав, задний эскадрон повернул назад и в кар'ер понесся обратно в село Тоболто, но передний, не бращая внимания на огонь и потери, продолжал скакать к нам.

Когда наш раз'езд успел выскочить на плац, до неприятеля было еще шагов 800 и дежурные пулеметы открыли огонь. С первых же выстрылов повалились передние ряды неприятельских всадников и с ними упал раненный офицер, скакавший впереди с обнаженной саблей в руке.

Остальные всадники заметались: часть повернула назад и поскакала обратно, но наши заставы пересекли им дорогу; другие искали спасения стараясь перепрыгнуть через канавы, но они были так широки и глубоки, что ни одна лошадь не могла их взять; тогда большинство прямо с лошадей прыгали в канаву, где и скрывались от пуль.

Я приказал пулеметам прекратить эту бойню и послал эскадрон забрать пленных людей и лошадей и подобрать раненых и убитых.

Но многие из мадьярских гусар не хотели здаваться в плен.

Первым их раненый офицер из револьвера в упор убил двух наших унтер-офицеров, которые подошли к нему и наклонились, чтобы его подобрать.

Многие из их солдат стреляли в наших, когда они пытались их взять в плен.

Покончив с безумно зарвавшимся эскадроном, я приказал всех пленных людей и лошадей отправить в Устье-Русское, а

раненых, как своих, так и неприятельских разместить в селе Сигелка, под наблюдением старшаго полковаго врача. Убитых же пока положить в костел.

Сам же с полком двинулся дальше в село Тоболто и занял его без боя. Видимо отступивший мадьярский эскадрон, так был напуган, что не решился дольше оставаться в этом селе.

День клонился к вечеру и я остановился в Тоболто на ночлег.

Это село уже было населено мадьярами. Они относились к нам не особенно доброжелательно; мы не понимали их языка и сразу увидели, какая разница стоять в Венгрии или Галиции.

Выставив обычное охранение я написал подробное донесение всем троим моим начальникам и добавил, что завтра утром 14-го Ноября выступаю дальше на Юг и двигаясь через село Куро надеюсь занять село Тарно, лежащее на большой дороге из города Алт-Лубло в Бартфельд, откуда поверну на восток и буду содействовать взятию Бартфельд, с Запада.

За эту ночь мой офицер, говорящий хорошо по немецки, опросил взятых нами пленных мадьяр. при чем довольно правдивое и откровенное показание дал вахмистр перваго эскадрона. Привожу его подлинные слова:

«Наши главныя силы стоят в гор. Бартфельд, а авангард выдвинут в Зборо. На наш полк было возложено охранение леваго фланга наших войск. От него два эскадрона под командой Маиора были выдвинуты в село Тоболто, для наблюдения за вашей кавалерией, которая оттеснила нашу пехоту и заняла село Устье-Русское.

Сегодня утром наш раз'езд донес, что вы стоите в Устье-Русское и движения дальше не видно.

Тогда Маиор взял командиров эскадронов и пошел с ними охотиться на лисиц, оставив в эскадронах по одному Лейтенанту.

Как только показался ваш раз'езд у села Тоболто, мой Лейтенант решил с двумя эскадронами погнаться за вашим раз'ездом и на его плечах ворваться в село Сигалка и изрубить русский эскадрон, который, по его мнению, выдвинулся в это село.

Я ему не советывал этого делать, предупреждая, что русская кавалерия сильная, храбрая и многочисленная, с нею нужно быть осторожно т. к. за эти четыре месяца войны, мы много имели от нея неприятностей и на этот раз можем попасть

в беду. Но Лейтенант меня не слушал, он был очень рад, что Маиор отсутствовал и он может без него сделать храброе кавалерийское дело.

Вот и сделал: сам пошел на тот свет и много солдат без пользы погубил, да и весь эскадрон без толку уничтожил». Так закончил свое показание пленный эскадронный вахмистр.

В полевой сумке убитаго офицера мы нашли его донесения, письма и фот. карточку его невесты, что мною было отправлено в шведский «Красный Крест», для отсылки в Австрию по принадлежности.

В эту же ночь я получил от командира Корпуса ответ на мое донесение, где он благодарил за успешныя действия, но писал, что главныя наши силы двигаются медленно и он находит, что я слишком выдвинулся вперед, поэтому он советует мне отойти назад в Устье-Русское и, оставаясь там, вести на фронте наблюдение раз'ездами.

14-го Ноября я с полком вернулся в Устье-Русское, отправил раненых и пленных в г. Ясло, а убитых, как своих, так и неприятеля похоронил на кладбище в Устье-Русском. Служил похоронное молебствие ксенз, на которое собрались все жители села и, может быть, они и теперь поддерживают могилы похороненных убитых русских и венгерских воинов.

17-го Ноября я получил от Командира Корпуса сообщение, что гор. Зборо взят нашим авангардом, но дальнейшее наступление в Венгрию, по изменившимся стратегическим обстоятельствам, Верховный Главнокомандующий приказал прекратить и мой полк откомандировывается обратно в свою 10-ую кавалерийскую дивизию Графа Келлера.

По пути к дивизии я заехал в штаб Корпуса с докладом.

Командир Корпуса очень любезно меня принял, благодарил за работу полка, а главное за мои постоянныя донесения: «Я все время знал, где Вы и был спокоен за свой правый фланг. Но, представьте себе, одновременно с Вами я высылал Донской казачий полк, для охраны моего леваго фланга и до сих пор не получил от него ни одного донесения и даже не мог его найти, поэтому и теперь не знаю, где он и что с ним», сказал Ком. Корпуса.

После доклада меня пригласили в штаб завтракать. Во время завтрака, Командиру Корпуса доложили, что прибыл Командир казачьяго полка.

«Наконец то» воскликнул Командир Корпуса и сказал: «Ну давайте, давайте его сюда».

В столовую вошел очень пожилой и дряхлый Войсковой

Старшина.

«Где-же это Вы были и почему я не получил от Вас ниодного донесения», сердито спросил его Ком. Корпуса.

«Я Ваше Превосходительство, был все время на левом фланге корпуса, как Вы мне указали, а не посылал донесений потому что ничего не случилось и поэтому писать было нечего» ответил старческим голосом Войсковой-Старшина.

Все невольно громко расхохотались.

Как печально было слушать такой доклад Командира полка, хотя бы и третей очереди.

Примечание: Казачьи полки делились на три очереди:

1-я состояла из полков действительной службы, 2-я и 3-я состояли из полков, укомплектованных казаками отбывшими действительную службу и состоящими по войску т. е. в запасе.

3-я очередь комплектовалась из более пожилых возрастов

О полученном мною приказании Командира Корпуса, я послал донесение Гр. Келлер и добавил, что надеюсь присоединиться к дивизии 22-го Ноября.

По дороге, на одном из ночлегов в полк прибыл Полковник Тупальский, переведенный, кажется, из 14-го гусарскаго Митавскаго полка.

В эту ночь мы ночевали в небольшой деревушке, где было так мало дворов и полк разместился так тесно, что даже для штаба полка отвели столь маленькую халупу, в которой нам всем пришлось спать на глиняном полу, прямо на подстеленной соломе.

День был холодный, дороги занесло глубоким снегом, переход был длинный и утомительный. Только к 11-ти часам ночи мы добрались до этой маленькой деревушки и так были утомлены, что не дождавшись ужина повалились спать на солому, и так крепко уснули, что не слыхали, когда солдат из полеваго караула привел Тупальскаго в нашу хижину.

Увидев спящих на соломе, Тупальский тихо спросил: «Где командир полка?» но не получив ответа громко повторил свой вопрос.

Во сне мне показалось, что меня опять зовут по тревоге, ввиду вторичной атаки нас неприятельской кавалерией.

Под этим впечатлением я вскочил и схватив револьвер хотел выбежать на улицу, чтобы разобраться в чем дело и пойти в контр атаку против неприятеля, но к удивлению увидел перед собой Пол. Тупальскаго, который рапортовал мне о его прибытии в полк.

Успокоившись, я опять повалился на солому и крепко уснул.

ГЛАВА X.

Около полудня я привел полк в город Старо-Сандец, который накануне был занят нашей дивизией, после упорнаго боя с противником.

Оставив полк в резервной колонне на городской площади, я поехал к Гр. Келлер с рапортом.

У входа в его комнату, в штабе дивизии, я услыхал крупный разговор между Графом и командиром конно-артиллерийскаго дивизиона.

«Я, Ваше Сиятельство, боюсь с ним идти в серьезное дело, я уже имел с ним опыт и опасаюсь, что это наше предприятие может окончиться неприятностью», слышалось возражение артиллериста.

«Но, кого же я Вам дам», говорил Гр. Келлер, «Войск.-Старшина Печенкин сегодня стоит с казачьим полком в сторожевом охранении, Полковник Чеславский донес, что только сегодня он присоединится к дивизии.

Я сказал дежурному ординарцу, доложить Графу о моем приходе.

«Вот, легок на помине», сказал Граф, когда я вошел в его комнату, «мы только что о вас говорили, слышали полковник боится идти с Черемисиным в отдел, а все полки, кроме уланскаго, заняты. Может быть Вы опять хотите идти в отдел?» спросил меня Граф.

«Я лично ничего не имею против, но это будет тяжело для полка, он очень утомлен боями и продолжительными переходами за время пребывания в отделе и нуждается хотя бы в суточном отдыхе», ответил я.

«О, кстати, Командир гусарскаго полка заболел. Сдавайте драгунский полк Тупальскому, а сами примите Ваших гусар, сейчас же выступайте, взяв с собой одну батарею артиллерии, и займите перевал у села Лиски, куда, по донесениям наших раз'ездов, двигается противник», сказал мне Граф.

«Гусары должны сегодня ночью сменить казаков в сторожевом охранении», доложил ген. штаба Капитан Сливинский.

«Ах, да, я забыл об этом. Ну, значит не судьба Вам идти опять в отдел», сказал мне Граф и обратившись к артиллерийскому Полковнику добавил: «А Вы немедленно выступайте с Черемисиновым на перевал».

Узнав район, где я должен расположить драгунский полк по квартирам, я вышел из штаба вместе с Командиром арт. дивизиона.

«Так всегда бывает, кто больше везет, того больше подгоняют», сказал он мне когда мы садились на лошадей, «Вы только что вернулись из отдела и опять хотели Вас послать, все потому что некоторые ведут себя так в бою, что на них нельзя надеяться, и этим выезжают на плечах других».

Сдав драгунский полк я принял опять своих доблестных,храбрых Ингерманландских гусар, которых за это время хорошо узнал, да и они ко мне попривыкли, благодаря этому,своим полком гораздо легче командовать, чем другим, котораго мало знаешь.

Гусары в это время были расположены на квартирах в окрестностях города Старый-Сандец, на правом берегу реки Дунайца.

Я на стоянках, так-же, как и на позиции любил познакомиться с окружающей местностью и на другой день, после возвращения гусар со сторожевого охранения, взял своего лучшаго ординарца Старшаго унтер-офицера Тышевскаго и поехал с ним вниз по берегу р. Дунайца.

Тышевский был очень храбрый солдат, довольно интеллигентный, а главное он учился в немецкой гимназии в Кракове и отлично говорил по немецки, чем много помогал мне при опросе немецких пленных.

Кроме того Тышевский хорошо знал западную Галицию и, как поляк, умел хорошо говорить с тамошним польским населением и часто от них добывал довольно важныя сведения о неприятельской армии.

Особенно Тышевский был незаменим при стоянках полка в польских деревнях и селах. Какое бы то не было бедное или разоренное село, он всегда умел достать,, как фураж для штабных лошадей, так и продукты для штаба полка.

Все хозяйки весьма симпатично относились к Тышевскому и почти на всех стоянках полка он имел роман с красивыми польками.

Следующие мои ординарцы, которых я очень ценил, были: Хоменко — Полтавской губернии, Миргородскаго уезда и Кузнецов — Курской губернии, Рыльскаго уезда. Эти солдаты были храбрые и надежные люди, на которых можно было вполне положиться: они всегда точно передавали приказание и какой бы то не был сильный огонь они непременно пробирались в самыя опасныя места и доставляли донесения или приказания по назначению. Все они были разнаго происхождения: один был поляк, другой украинец, а третий великоросс, но все они были проникнуты одной идеей за-

щиты России и храбро шли на врага, не думая какого он происхождения или религии.

Едучи по берегу Дунайца, я часто останавливался и в бинокль разсматривал противоположный берег этой реки, но везде было спокойно и нигде не было видно присутствия неприятеля.

Однако, дальше вниз по течению я заметил возвышенность, которая с трех сторон обстреливалась противником, а затем было видно, как он колоннами повел атаку на эту высоту, но встречным штыковым ударом был отбит обратно.

Я очень заинтересовался этим событием и, возвращаясь домой, заехал в штаб дивизии, чтобы получить информацию.

Там мне сказали, что командующий армией приказал всем частям войск, перешедшим реку Дунаец, переправиться назад на правый его берег. Все выполнили его приказание, но начальник стрелковой дивизии Генерал Деникин донес, что возвышенность, которую он занимает имеет важное тактическое значение и необходимо ее удержать в русских руках. Командующий армией согласился с этим доводом и Ген. Деникин остался на своей позиции.

Конечно, эта дивизия явилась бельмом в глазу австрийскаго командования и оно решило во что бы то нистало оттеснить ее за реку Дунаец и для этого повело на эту дивизию ежедневныя яростныя атаки.

А так, как остальныя части нашей армии ушли на правый берег Дунайца и обнажили оба фланга позиции ген. Деникина, то австрийцы получили возможность обстреливать и атаковать ее с трех сторон, что поставило стрелковую дивизию в крайне тяжелое положение.

Было крайне интересно наблюдать, когда атакующия колонны австрийцев одновременно с трех сторон почти доходили до русских окопов, но встреченныя штыковой контр атакой стрелков, под личным руководством Генерала Деникина, с большими потерями каждый раз отбрасывались назад вниз с возвышенности.

Я знал генерала Деникина еще по русско-японской войне, когда он был старшим ад'ютантом штаба коннаго отряда Генерала Мищенко.

Мы, тогдашняя молодежь, считали его за очень дельнаго и толковаго офицера генеральнаго штаба и вполне ему доверяли, в то же время остальных офицеров генер. штаба считали непрактичными теоретиками, без основания заносчивыми, мало подготовленными для практическаго руководства

войсками в бою и очень слабыми строевыми начальниками.

В кавалерии особенно скептически относились к генеральному штабу и когда ожидали назначения новаго командира полка, то часто говорили: «Лишь бы не генеральнаго штаба, а то опять начнет портить полк».

И действительно: за последнее время три командира 10-го гусарскаго Ингерманландскаго полка, из офицеров генеральнаго штаба были один хуже другого.

Ген. штаба Полковник Максимовский, настолько плохо знал строй, что не мог на смотру инспектора кавалерии произвести правильнаго полкового коннаго учения и был удален с полкового плаца.

Сам по себе Максимовский совершенно не вникал в жизнь полка, вид всегда имел неопрятный, что компроментировало блестящую гусарскую молодежь и молодые офицеры, часто жгли в офицерском собрании его заношенную фуражку, намекая этим, что командиру гусарскаго полка следует одеваться опрятнее и чище.

Второй, тоже Полковник ген. штаба Асеев, как я уже писал в начале моей книги, не пошел на войну и даже тихонько уговаривал солдат прекратить мобилизацию, и наконец третий командир полка Полковник ген. штаба Приходкин был безразличен ко всему окружающему; сидел все время в халупе и играл день и ночь в винт и был до того разсеян, что через несколько минут уже не помнил, что он имел на обед. Единственным его отвлечением от винта, это была охота на зайцев, по которым он стрелял великолепно. Его командование прошло совершенно незаметно для полка.

На другой день, после обеда, я только что сел на лошадь, чтобы поехить на позицию к Генералу Деникину, как за мной выскочил телефонист и доложил, что из штаба дивизии передали по телефону приказание полку по тревоге седлаться и выходить на сборный пункт дивизии.

Я вернулся и послал ординарцев в эскадроны с таким же приказанием.

Не прошло и 20-ти минут, как эскадроны уже рысили на сборный пункт. Было просто удивительно насколько за время войны солдаты напрактиковались, так скоро седлать лошадей и выходить по тревоге.

Как только эскадроны собрались, я повел полк на сборное место дивизии, куда также спешили 1-й Оренбургский казачий полк и Новгородские драгуны, а за ними грохотала наша конная артиллерия.

Мимо меня проскакал ординарец штаба дивизии.

«В чем дело?» крикнул я ему.

«Что-то случилось с уланами», ответил он мне на ходу

Вскоре выехал Гр. Келлер, быстро поздоровался с полками и спросил:

«Кто сегодня в авангарде?»

«Казаки», ответил капитан Сливинский.

«Ну, станичники, вперед», скомандовал Граф, подзывая к себе Командира казачьго полка, Восйкового Старшину Печенкина.

Получив от Графа указания, Печенкин поскакал к своему полку и после необходимых команд, казаки, на своих маленьких вахлатых лошаденках, с развевающимися под папахами чубами, сверкая шашками, понеслись на Юг, по дороге на село Ласки.

За казаками поехал Граф со своим конвоем, а я, выслав цепочку из парных всадников, для связи с казаками, повел гусарский полк в голове главных сил нашей дивизии.

День стоял пасмурный и холодный, накануне была оттепель и все покрылось инеем; ветви деревьев и телеграфныя проволоки обвисли под тяжестью намерзшаго на них льда, ветер был пронзительно- холодный и дул прямо в лицо. Всадники кутались в башлыки; их усы и брови покрылись инеем, а ресницы слипались от мороза.

Лошади ровно бежали, помахивая головами, фыркали от насевшаго на их ноздри инея и старались его обтереть о шеи соседних коней.

Все ехали задумчиво, предаваясь своим собственным мыслям, понятно все думали главным образом о далекой родине, о своем доме, о деревне, о своей хате, о жене и детях, о родителях или об оставленной невесте.

Все похожее на что либо в России невольно напоминало родное:

«Вот, маленький вишневый садочек, такой же, как у меня дома, вот, ворота, как у соседа Ивана, а там верба склонилась над ручьем, точь в точь, как над нашим прудом. У дверей халупы стоит галичанка похожая на мою жену, а около нея мальчик, напоминающий моего сына», так думают воины, заброшенные в чужую страну далеко от своей родины.

«Поздравляю Вас с Вашим праздником», сказал мне полковой ад'ютант Штабс-Ротмист Луговой.

«О, большое спасибо, я забыл, что сегодня 26-е Ноя-

бря», ответил я, а сам вспомнил мирное время, когда в этот день по всейРоссии в церквах служили панихиду по убитым воинам и молебен о здравии Георгиевских Кавалеров, а в воинских частях в честь их устраивались парады и обеды.

Вспомнил я также два Георгиевских Праздника, проведенных мною в столице, в 1906-м году в Царском Селе, и 1907 году в Зимнем Дворце в Петербурге, где все Георгиевские Кавалеры, после церковной службы, приглашались в Георгиевский зал на обед с Государем.

Там мне пришлось видеть очень старых Георгиевских Кавалеров еще Крымской войны 1854-1855 и Русско-Турецкой 1876-1877 годов.

Крымской войны было лишь три человека и они были так стары и слабы, что едва двигались, опираясь на палочки. После обеда всем Геор. Кавалерам выдавались безплатные билеты, для посещения любого театра. а в Маринском оперном театре ставилась в этот день патриотическая опера, большею частью «Жизнь за Царя».

«Вы наверное задумались о бывших в мирное время Георгиевских праздниках», сказал опять мне Луговой, «а мне вспомнился, как дружно и весело мы гусарской семьей проводили наш полковой праздник 27-го Ноября, а завтра наверное придется провести его в бою на засыпанных снегом горах».

Холодный ветер все время продолжал дуть прямо в лицо и мешал разговаривать и мы молча продолжали наш поход.

Пройдя несколько верст по равнине, мы вошли в долину, которая по мере приближения к перевалу, все делалась уже и уже, а боковыя горы росли все выше и выше.

Вскоре стали встречаться одиночно ехавшие назад уланы, а затем группами и наконец отдельные их эскадроны. Видно было, что 10-й Улан. Одесский полк отходил без всякаго управления со стороны Командира этого полка, Полковника Черемисинова.

В одном из постоялых дворов стояла группа улан со Штандартом, а из двери дома вышел Черемисинов и растерянно, что-то докладывал под'ехавшему Графу Келлер.

Мы прошли мимо не останавливаясь и далее встретили нашу конную батарею, которая, сойдя с дороги, приводила себя в порядок после какого то потрясения.

«Ну, что все цело у Вас?» спросил Граф под'ехавшаго к нему Командира артиллерийскаго дивизиона.

«Слава Богу, все удалось вывести», ответил он Графу.

Позже мы узнали, что Черемисинов занял перевал, поставил на нем батарею и дал ей в прикрытие два эскадрона улан,а сам с остальной частью полка, расположился сзади под перевалом в ближайшей деревне.

Повидимому Черемисинов не организовал надлежащую разведку на фронте и флангах перевала, т. к. через два дня неприятель, незамеченный уланами, обошел перевал и вышел в тыл нашей батареи, заняв дорогу между перевалом и деревней, где находился уланский полк, начал обстреливать его расположение.

Это было так неожиданно, что Черемисинов совершенно разстерялся начал отходить назад, оставив батарею с двумя эскадронами на произвол судьбы.

Отдав приказание об отходе полка он, не дождавшись сбора всех эскадронов с первыми попавшимися уланами поехал в тыл, оставив полк без всякаго управления.

Командир артиллерийскаго дивизиона с помощью дельнаго храбраго и решительнаго Командира эскадрона Ротмистра Казакова пробился сквозь огонь неприятеля, не оставив ему ни одного орудия.

Граф Келлер будучи крайне строгим начальником по отношению офицеров и командиров полков, к нашему удивлению, только выругал Черемисинова, не удалив его от командования полком.

Вероятно Граф, зная Черемисинова, как очень дельнаго штаб-офицера мирнаго времени, котораго он повышал по службе, не мог примириться с мыслей о непригодности его к командованию полком на войне.

Иногда Граф за мелочи удалял от командования частью и если бы, кто либо из командиров поступил так, как это сделал Черемисинов, то он бы такого командира, как говорят, «свернул бы в бараний рог», но для Черемисинова все окончилось благополучно.

Когда наш авангард под командой Войс.-Старшины Печенкина подошел к деревне. где ночевал Черемисинов, то она уже была в руках противника. С помощью артиллерии казаки выбили его и, заняв эту деревню, потеснили неприятеля к перевалу.

Стало уже темнеть, пошел мелкий снег, что еще более ускорило сумерки. Граф, оставив казаков у перевала на позиции, с дивизией расположился на ночлег в деревне, отдав приказ перед разсветом начать атаку перевала, но ночью

было получено приказание от Командующаго армией, где указывалось, что в направлении этого перевала высылается пехота, а нашей дивизии приказано двигаться немедленно, на город Новый-Сандец, выбить из него противника и занять этот город.

28-го Ноября дивизия, после продолжительно упорнаго боя, заняла Новый-Сандец, который представлял собой довольно большой и красивый город, расположенный по обеем берегам реки Дунайца и соединенным при помощи новаго большого моста.

Во время стоянки в Ново-Сандеце, была получена сводка положения всего русскаго фронта к 27-му Ноября 1914 года. Это было самое лучшее положение нашей армии в течение всей Мировой войны.

Мы занимали всю Восточную и Западную Галицию начиная от Бессарабии и почти до самаго Кракова и даже в некоторых местах перешли Карпаты и вторглись в Венгрию. Вся Польша была в наших руках и только Ченстахов занимали немцы, но зато мы в это время удерживали часть Восточной Пруссии.

Среди жителей Ново-Сандеца все более и более стали ходить слухи о прибытии немецких войск в Галицию, на помощь австрийской армии и о сосредотачивании их к Юго-Западу от Кракова.

Затем эти слухи подтвердились поступившей сводкой, где указывалось, что на фронте 31-ой пехотной дивизии появились немцы и вынудили 2-ую бригаду этой дивизии 123-й Козловский и 124-ый Воронежский полки, отступить.

Эта была первая весть об отступлении части русских войск в Галиции, где русская армия не знала слова «отступление» на этом фронте.

Простояли мы в Ново-Сандеце недолго, 30-го Ноября противник сосредоточил большия силы против нас и мы после упорнаго боя с большими потерями отступили от этого города в город Фриштаг, где 1-го Декабря имели бой и удержали этот город до подхода нашей пехоты. Здесь наша дивизия получила приказание перейти опять на знакомое нам направление к Duклянскому перевалу.

ГЛАВА XI.

Шли мы к Дукле вдоль и близко к фронту и нам попути часто приходилось вступать в бой с противником, что бы очистить себе дорогу.

Как-то под вечер проходя около леса мы увидили в нем много разложенных костров и толпы русских пехотных солдат. Сразу было видно, что это не был бивак или привал строевой части, а какое то безпорядочное сборище. Мы заинтересовались столь странной картиной.

Оказалось, что это были солдаты 8-го армейскаго корпуса,14-ой пехотной дивизии, главным образом 56-го Волынскаго пехотнаго полка.

По их обычным в таких случаях разсказам: «Весь наш полк разбит и взят в плен и только нам удалось спастись», можно было судить, что какой то неприятный случай произошел с этой дивизией.

Конечно, к таким разсказам солдат, нужно всегда относиться весьма осторожно, так как в большинстве случаев, полк еще держится на позиции, а малодушные тайком или по разным причинам по-одиночке уходят в тыл и там распускают слух о гибели полка и о их личном случайном спасении.

Такия истории главным образом случаются в пехоте благодаря постянному недостатку там офицеров. В кавалерии такие случаи недопустимы, если командир полка будет на своем месте, что в дальнейшем моем разсказе я докажу на происшедших фактах.

Через неделю мы подошли опять к старым местам, прошли около помещичей усадьбы Вздув, которую я описал в главе IV-ой, на страницах 72, 73 и 74-ой моей книги. Из любопытства я заехал посмотреть на свою бывшую стоянку.

О, Боже, что я там увидел: из благоустроенной усадьбы остались только руины. Все стекла в окнах были выбиты, двери сорваны, от стеклянной крыши над библиотекой остались только мелкие кусочки разбитаго стекла, смешанные с разорванными в клочки книгами. Нужно было иметь варварское терпение, чтобы изорвать тысячи книг и рукописей. Вся мягкая мебель была изорвана, а дерево поломано, зеркала разбиты, а из роялей и пианино были вырваны струны и устроены кормушки для лошадей. Особенно злостно издевались над чучелами двух белых медведей, которыя стояли в прихожей на задних лапах, а в передних дер-

жали металлическия блюда, для визитных карточек.

Вся шкура изрезана в лохмотья, а на блюдах были совершены туалеты.

Каким нужно быть диким варваром, что бы делать такия бесчинства.

У Вздува еще не было боев. Мы оставили этот дом не тронув ни одной нитки, а вернувшись назад нашли руины. Все было уничтожено проходящими обозами, парками и вообще тыловыми учреждениями, где не было офицерскаго глаза и некому было поддержать дисциплину.

А наш «Богоносный народ и «Христолюбивое» воинство, ускользнув от глаз начальства, обращается в дикаго вандала, ненавидящаго всех и вся, доходя до полнаго разгильдяйства.

Конечно, на войне, во всех армиях всегда было, есть и будет недостаток в пище, одежде, топливе и фураже; и если солдат это возмет, то никто в вину этого не поставит, но такое варварство, которое я видел и описал должно наказываться самым безпощадным образом, до разстрела включительно. Но, что бы искоренить вандализм в армии недостаточно одной воинской дисциплины, а нужно воспитывать народ в этом направлении.

Немецкая армия, в отношении порядка, была гораздо выше всех европейских армий, а японская была даже лучше немецкой. Мне лично приходилось видеть места, где во время войны переходила японская армия, и казалось, что эта армия прошла, как-будто в мирное время или на маневрах.

Они даже собирали разбросанную солому в кучи и чистили китайские дворы, где они стояли, а наши обозные солдаты часто рубили фруктовыя деревья, что бы сделать из них колышки для привязания лошадей. Это при строгой старой дисциплине и воспитании солдат в сохранении и уважении частной собственности; вообразите теперь ту страну, где прокатится армия, воспитанная в отрицании частной собственности.

От Вздува мы повернули на Юг и пошли через город Риманов к Дуклянскому проходу, заночевав в селе Кролик Польский, где мы месяц тому назад т. е. 2-го Ноября имели бой о чем я кратко упомянул на странице 96-ой моей книги, но теперь я на нем остановлюсь подробнее, как на примере, в котором я сделал непростительную ошибку и которую не могу забыть до настоящаго времени. А было это так:

Село Кролик Польский лежит в устье узкой долины идущей на Юг от города Риманова, которая входит в перпендикулярно пересекаемую ее широкую долину идущую с Востока на Запад.

Приблизительно в версте южнее села Кролик Польский в долине лежал огромный лес, занятый противником, а в самом селе неприятель держал только свое сторожевое охранение, которое при приближении нашей дивизии отошло в лес в окопы, к своим главным силам.

Из этого леса противник встретил нас сильным огнем и дивизии пришлось развернуться и занять позицию на северном берегу долины, по обе стороны села Кролик Польский.

Накануне я, командуя тогда 10-м драгун- Новгородским полком, стоял в сторожевом охранении и когда дивизия прошла полк обычно, собравшись к линии охранения, шел за дивизией в ар'ергарде, а с началом боя становился в резерве.

Поставив полк за северной окраиной села Кролик Польский. я залез на колокольню костела и следил за боем, который продолжался более 4-х часов и дивизия не могла выбить противника из леса, действуя прямо с фронта.

Часов около 3-х дня, Гр. Келлер вызвал меня на его наблюдательный пункт и приказал отыскать на фронте противника перерыв, прорвать его и обойти лес с Юга, ударить неприятеля в тыл и завладеть лесом, лежащим южнее Кролика Польсскаго т. к. противник из этого леса пронизывает село пулями и не дает возможности стать в нем нашей дивизии на ночлег.

Такая задача была трудная и рискованная, но интересная и чисто кавалерийская, поэтому я с большой охотой пошел ее выполнять.

Наблюдая с высоты колоколни костела фронт противника, я заметил, что левее села Кролик Польский, он тянулся непрерывно далеко на Восток, в то время, как к западу от этого села, его фронт имел перерывы, куда я и двинулся со своим полком.

Выступая я послал двух ординарцев проехать по всему фронту нашей дивзии и предупредить о моем намерении выйти в тыл неприятелю, дабы наши части не приняли мой полк за кавалерию противника.

Прошел неприятельский фронт я довольно удачно, встретив на своем пути лишь небольшия его части, кои при приближении полка, быстро уходили на Запад, открывая мне дорогу в тыл.

Чтобы не обнаружить неприятелю занимающему лес моего обходнаго движения, я взял направление прямо на Юг, перешел долину и когда горы скрыли мой полк, я повернул на восток, что-бы обойти лес с Юга.

Выйдя на линию села Кролик Польский, я повернул на север и поднявшись на гору стал спускаться к лесу, лежащему между мною и селом Кролик Польский и занятому противником.

Неприятель даже не наблюдал за его тылом и дал мне возможность в конном строю, без выстрела, подойти прямо вплотную к лесу.

Заняв южную опушку этого леса, я спешил пять эскадронов, а один эскадрон оставил в прикрытие коноводов и полкового Штандарта.

Только, что я успел разсыпать три эскадрона в цепь, а два поставил в развернутом сомкнутом строю во вторую линию за цепью, как наша артиллерия прекратив стрелять по неприятельским окопам открыла беглый огонь по расположению моего полка, а главным образом по коноводам, среди которых произошло замешательство.

Снаряды ложились около них очень близко, а иногда разрывались над их головами, попадая в людей и лошадей.

Видя, что лошади в испуге могут вырваться от коноводов и разбежаться, я приказал их продвинуть вдоль опушки леса к западу, что-бы вывести из сферы огня, но артиллерия продолжала обстреливать и эту часть леса, гоняя моих коноводов с места на место.

Приказав спешанным драгунам лечь за деревьями, я выжидал пока наша артиллерия прекратит огонь, но она продолжала обстрел до наступления полной темноты, не дав мне возможности нанести удар противнику.

Посланный мною офицер с несколькими драгунами доложить об этом Гр. Келлер, конечно не мог проскакать прямо через неприятельский фронт, а был вынужден ехать назад по той же дороге, по которой мы пришли в этот лес и я понимал, что мое донесение не достигнет дивизии во-время.

Вскоре наступила темнота, а нависшия тучи еще более ее усиливали и собрать людей, разсыпанных в темном лесу, построить их, отвести в тот пункт, откуда нужно было произвести атаку на окопы противника, не являлось столь легкой задачей и я, как только люди собрались, посадил их на лошадей и увел обратно в село Кролик Польский.

«А, мы Вас ждем, как манны небесной» сказал мне Граф,

когда я вошел в штаб дивизии и доложил о случившемся.

Я видел. что Граф остался моими действиями не доволен. Я сознавал, что сделал непростительную ошибку и когда Граф вопросительно сказал: «Что же мы будем делать, ночевать здесь опасно, а следующая деревня далеко, когда к ней ночью доберешся», я на это ответил: «Это Ваше Сиятельство не так уж страшно, разрешите мне я пойду с полком и выбью неприятеля из леса».

Граф как-будто повеселел и сказал: «Хорошо, идите».

Я обрадовался, что могу исправить свою ошибку и быстро направился к двери, но в это время прискакал казак с летучей почты и привез срочное приказание из штаба армии, в котором указывалось нашей дивизии немедленно выступить из Кролика Польскаго, т. к. туда направляется пехота. Граф приказал сейчас же выступать дивизии и моя атака противника отпала.

Все окончилось благополучно, но я не мог и не могу себе простить, как я мог сделать такую недопустимую ошибку.

Выполнив весьма успешно самое трудное в моей задаче т. е. прорвав фронт противника, скрытно вышел ему прямо в тыл и вместо того, чтобы закончить последнюю ступень и ударить противника, я, благодаря обстрелу нас нашей же артиллерией, увел полк обратно к дивизии.

Срельба по моему полку своей артиллерией, трудность его передвижения в темном лесу к месту откуда надо было начать атаку противника не могут служить мне оправданием. Я должен был не обращать внимания на стрельбу своей артиллерии, а быстро атаковать противника. Но я этого не сделал и не выполнил возложенной на меня задачи, о чем и теперь вспоминаю с большой горечью об этом случае.

Я старался выяснить почему наша артиллерия так усердно угощала мой полк шрапнелью и узнал следующее:

Мои ординарцы, посланные вдоль нашего фронта предупридить наши части о моем движении в тыл неприятелю, доложили об этом первым попавшимся на позиции офицерам и ничего не сказали артиллеристам.

Через час после моего выступления из Кролика Польскаго, с наблюдательнаго артиллерийскаго пункта передали Гр. Келлер, что неприятельская кавалерийская дивизия с юга переваливает через гору и спускается к лесу, лежащему в долине южнее Кролика Польскаго и занятому пехотой противника.

Граф Келлер не предполагая, что я мог так скоро очу-

титься в тылу неприятеля, а главное, что ему доносили о движении не полка, а целой дивизии, приказал артиллерии беглым огнем все время обстреливать южную опушку леса, т. е. то место, где я перестраивал полк для атаки засевшаго в лесу противника.

10-го Декабря 1914-го года мы еще имели бой за деревню Синява, что в 10-ти верстах к юго-востоку от города Риманова, затем на другой день был большой бой у деревни Любашова, а 14-го Декабря, после упорнаго боя мы заняли село Веслок-Велький и передав его пехоте, сами, по указанию Командующаго 8-ой Армии Ген. Брусилова, пошли в кавалерийскую завесу, прикрывающую с Запада, осажденную нашими войсками крепость Перемышль.

Заняв линию Кросно-Бжозев-Риманов, мы простояли там с 15-го Декабря 1914-го года по 1-е Февраля 1915-го года.

Стоянка была довольно спокойная, неприятель не проявлял никакой активности, а мы ограничились дальней разведкой раз'ездами и слабым сторожевым охранением.

Это время мы использовали, для приведения в порядок одежды, амуниции и седел, а также перековали всех лошадей на зимния подковы с энными шипами.

Граф не упустил случая произвести несколько строевых, конных дивизионных учений.

Я первый раз попал на дивизионное учение 10-ой кавалерийской дивизии и с большим любопытством следил за всем его ходом, что-бы сравнить строевую подготовку дивизии Графа Келлера с другими кавалерийскими дивизиями, где мне пришлось служить в мирное время.

Хотя мы и считали подготовку строевых частей, стоявших во внутренних военных округах, слабее, чем в пограничных, но 10-ая кавалерийская дивизия, при столь строгом и энергичном Начальнике дивизии, как Граф Келлер, не уступала в строевой подготовке 3-тей кав. дивизии стояшей вдоль немецкой границы в Ковенской и Сувальской губерниях, которую неоднократно тренировал сам Генерал Ренненкампф, будучи Командиром 3-го корпуса, а затем Командиющим войсками Виленскаго военнаго округа.

В этой дивизии я служил в мирное время до производства меня в Подполковники и перевода в Приморский драг. полк и поэтому прекрасно знал подготовку не только 3-ей

кав. дивизии, но и соседних с нами , как 2-ая и 4-ая кав. дивизии, с которыми нам приходилось встречаться.

Конный состав 10-ой кав. дивизии, был такой-же, как и в остальных дивизиях русской кавалерии.

Рыжей масти лошади были всегда легкаго типа и более подходили к службе в кавалерии и этой мастью пополнялись драгунские полки; гнедыя более крепкия, но менее легкия чем драгунския посылались в уланския полки, а вороными и серыми снабжались гусары, в зависимости от номера дивизии. В нечетных номерах дивизий гусары имели вороных, а в четных серых лошадей.

В России вороныя лошади были более рысистаго типа и считались худшими лошадьми для кавалерии. Серыя лошади были разнообразнаго типа от легких до более тяжелых пород, они были хуже драгунских и уланских, но лучше гусарских вороной масти.

Все полки 10-ой кав. дивизии в строевом отношении были Графом Келлер подготовлены одинаково, но по внутреннему порядку 10-й Одесский уланский полк считался лучшим полком в дивизии.

По характеру уланский полк был спокойный; более энергичный был 10-ый драгун. Новгородский, а лихой был 10-й гусар. Ингерманландский полк и такой характер полки проявляли, как на строевых учениях, так и в бою.

И так в кавалерийской завесе к западу от крепости Перемышль мы провели Рождество и встретили 1915-ый год, довольно спокойно. Но, как то, в средине Января подул страшный северный ветер, пошел сухой снег, навеяло высокие сугробы и занесло все дороги глубоким снегом. К счастью мы стояли на широких квартирах и все лошади были под крышей, а люди в халупах.

В один из таких вечеров, сидя в халупе при свете одной мерцающей свечи, под свист ветра и рев бури, мы довольно долго разговаривали. Я разсказывал о бурях в Индийском океане, о снежных буранах в Монголии, о страшных морозах на манчжурских горах, кои мне приходилось видеть и испытывать.

«Ну, господа, пора спать», сказал я ложась на свою походную кровать.

«Разскажите еще, что нибуть, господин Полковник, ведь это так интересно слушать, завтра никуда не пойдем и выспимся», говорила мне молодежь.

«Нет, на войне ешь, когда есть что и спи пока можно,т. к. не

знаешь, что случится через час», ответил я и стал дремать, вспоминая стишек о буре: «То как зверь она завоет, то заплачет, как дитя».

В это время в мою халупу вошел телефонист и подал мне спешную телефонограмму из штаба дивизии, в которой было следующее приказание:

«По полученным сведениям, Комендант крепости Перемышль Генерал Кусманек намерен прорвать наш западный осадный сектор и вывести весь гарнизон крепости, на присоединение к австрийской армии.

10-й кавалерийской дивизии немедленно выступить и самым усиленным маршем прибыть в раион западных фортов Перемышля и оказать содействие нашей пехоте ударжать гарнизон крепости от прорыва на запад».

Гр. Келлер с его всегдашним желанием помочь в успехе русской армии, не посмотрел ни на глухую темную ночь, ни на страшую метель и холод, ни на занесенную снегом тяжело проходимую дорогу, а приказал немедленно дивизии выступить.

Я сказал ад'ютанту передать по телефону приказание в эскадроны и команды немедленно по тревоге седлаться и строиться на сборном пункте. Он только перебежал через двор в другую халупу, где размещался телефон и вернулся совершенно засыпанный снегом.

«Ей Богу, даже самый жестокий хозяин не выгонит на двор собаку в такую ужасную погоду. И я не знаю как мы пойдем в такую стужу и по совершенно занесенной дороге», сказал ад'ютант, отряхивая снег с шинели.

«Терпение и труд все перетрут», ответил я русской пословицей, надевая быстро на себя амуницию и оружие.

К двум часам ночи дивизия собралась на шоссе в указанном месте и была засыпана так снегом, что мы не были похожи на живых кавалеристов, а казались медными всадниками покрытыми снегом.

Граф приказал казачьему полку, как имевшему легких и маленьких сибирских лошадей, привыкших преодолевать снежные бураны, идти в голове дивизии, протаптывая для нея дорогу.

За казаками пошел я с гусарами, а уланы и драгуны шли сзади. Артиллерию Граф приказал вести за последним полком прикрывая ее с тыла двумя эскадронами.

Общее направление нашего движения было на восток, ветер же был северо-восточный и дул почти навстречу.

Густой снег падал сверху, а буря рвала и метала его во все стороны, то засыпая дорогу, то подымая и крутя вихри выше всадников, проникая во внутрь их одежды и залепляя лица и глаза людям и лошадям.

«Як подуе з России, то зачиняй ворота и двери и сыды в халупи», говорили галичане, когда начинал дутьНорд-Ост.

Движение для лошадей было крайне тяжелое, нанесен-ные громадные сугробы лежали вкось на шоссе и доходили в высоту до груди лошади, а в некоторых местах снег был снесен совершенно с дороги или сравнивал углубленное шоссе с краями выемки.

След проложенный казачьим полком заметался моментально и через несколько верст все лошади были мокры от пота.

Пробовали спешиваться и вести бегом в поводу, но люди вязли в снегу по пояс, снег набирался за голенища сапог и всадники мокрые и потные вскакивали опять на лошадей.

Граф ехал впереди гусар, за казаками и все время торопил их передавая вперед по колонне казачьяго полка:

«Станичники спешите, нашей помощи ждет пехота», или: «Атаманцы вперед скорее, противник хочет вырваться из крепости».

Можно было подбадривать людей, но лошади с каждым часом становились утомленнее и слабее.

Так борясь со снегом, бурей, морозом и темнотой ночи мы безостановочно шли все вперед и вперед, на выручку своих.

Наконец, забрежал разсвет, но холод на заре казался еще сильнее, чем ночью. Казачьи лошади, идущия впереди, совершенно выбились из сил и то поодиночке, то группами стали отставать, тогда Граф приказал казачьему полку остановиться и, пропустив остальные полки идти сзади, а мне с гусарами выдвинуться вперед.

Ослабевших лошадей он приказал в каждом полку выделить в особый взвод и составить слабый эскадрон, которому остаться в ближайшей деревне на дневку, под командой младшаго штаб-офицера уланскаго полка.

Остальные части дивизии продолжали движение дальше.

Погода совершенно не стихала и казалось, что днем подул более сильный ветер, а падающий снег представлял собою сплошную снежную завесу, из за которой в двух шагах ничего не было видно.

Снежные бураны, шли, по полю как морския волны, уда-

ряясь и переваливая через шоссе, подобно бурной воде перекатывающейся через палубу парохода. Впереди идущия лошади грудью разбивали сугробы и прорезали их, как плуги бороздившие пашню. Мой «Зайчик» сначала старался прыгать через них, но завязал еще глубже в снегу и довольно утомившись стал спокойно бежать прокладывая грудью себе дорогу.

Я менял головной эскадрон каждый час и приказал ставить впереди самых сильеных лошадей, чем ускорилось движение.

Несмотря на свист сильнаго ветра и львинный рев бури, мы все же около 10-ти часов дня услыхали сильную артиллерийскую канонаду доносившуюся к нам со стороны Перемышля.

Можно было предполагать, что генерал Кусманек начал прорываться и это предавало нам еще более энергии и каждый всадник прилагал все силы, что-бы помочь его лошади идти скорее и скорее вперед; и чем дальше мы продвигались, тем канонада слышалась все яснее и яснее.

К полудню и в моем полку лошади совершенно выбились из сил, тогда Граф сменил гусар и уланы пошли вперед, а я повел полк за дивизией. Сзади идти гораздо легче, т. к. прошедшие три кавалерийских полка достаточно натаптывали дорогу, несмотря на снежную бурю. За задним полком шла наша артиллерия уже по хорошо набитому пути и не отставала от дивизии.

Так мы шли до 4-х часов дня т.е. были в непрерывном движении 16-ть часов и сделали по такой ужасной дороге и погоде 73 версты и до Перемышля оставалось всего лишь 10-15 верст.

Мы вошли в село Бирчи, где нас встретил раз'езд с телеграммой, в которой указывалось:

«Генерал Кусманек, пользуясь снежной метелью, вышел из фортов крепости и повел атаку на наш западный сектор, но при помощи артиллерийскаго, пулеметнаго и ружейнаго огня наши части отбили эту атаку и заставили противника вернуться обратно в крепость.

10-ой кавалерийской дивизии надлежит остановиться в раионе сел Бирчи Ольшаны и занять выжидательное положение, а вслучае возобновления атаки перемышленским гарнизоном дивизии вступить в распоряжение командующаго западным сектором и действовать по его указанию».

Мы вздохнули свободно и стали по квартирам, где про-

стояли несколько дней.

Австрийцы понесли, при попытке прорыва, такия тяжкия потери, что не решились его повторять, а нашей дивизии приказали вернуться опять на свое старое место и продолжать прекрывать кавалерийской завесой Перемышль с запада.

Мы вернулись на линию Кросно- Риманов и стояли там еще около двух недель.

ГЛАВА XII.

За это время меня, как старшаго Георгиевскаго Кавалера, вызвали в штаб юго-западнаго фронта в Георгиевскую Думу, для разсмотрения представлений о награждении офицеров Георгиевскими крестами.

Перед от'ездом мне Граф Келлер дал письмо и приказал передать его Главнокомандующему фронтом Генералу Иванову, где он просит его утвердить меня в командовании полком и добавил, что вслучае назначения командира полка не из 10-ой кав. дивизии, то таковаго он в свою дивизию не примет.

Явившись в штаб фронта я, при представлении Генералу Иванову, вручил ему письмо Графа Келлера. Он его прочел и изменился в лице, а затем, скрывая свое волнение, сказал: «Графу Келлер будет отвечено на его письмо».

После представления нас разместили в штабе фронта и отвели каждому номер в гостинице, а столоваться предложили в штабе.

После полугодового скитания, по Галиции с риском почти ежедневно быть убитым или еще хуже навеки искалеченным, после ночевок на глиняных полах грязных халуп, кормя блох, клопов и других насекомых, а иногда проводя день и ночь на мокрой земле под дождем и снегом, жизнь в штабе мне показалась раем.

Ночи спали спокойно, без боязни, что вызовут по тревоге, вставали нормально, как в мирное время около 8-ми часов утра неспеша умывались и одевались, шли в штабную столовую к чаю. Затем занимались до 12-ти часов дня и шли на завтрак.

После завтрака опять занимались часов до 4-5 и в 6 часов имели обед.

Вечером работы бывали не во всех отделениях и большинство штабных после обеда ничего не далали, а проводи-

ли время в гостях или за чтением книг, игрой в шашки или карты. Многие имели при себе их семьи.

Я не имею ввиду критиковать тот жизненный комфорт, который имели штабные офицеры и при котором проходила штабная работа, т. к. каждый культурный человек должен всегда и везде стремиться к найлучшим удобствам жизни, но мы все строевые возмущались, несправедливым сопоставлением штабной и строевой службы в отношении награждения боевыми наградами.

Капитаны генеральнаго штаба, иногда совершенно невыезжавшие из штаба или лишь командированные на фронт с поручением доложить, что там творится, коим прозвище было «Гастролеры», награждались такими же боевыми орденами, как и строевые пехотные капитаны, кои на нагах исходили всю Польшу и Галицию, подвергаясь постоянно быть убитыми или раненными, а иногда со своей ротой ходившие в штыковую атаку, что только могло лишь сниться генеральному штабу, а их награждали часто даже меньше, чем штабных.

Но ,больше всего было странным, что в статут о награждении офицеров орденом Св. Георгия, за личную храбрость, был введен параграф допускающий награждение генеральнаго штаба этим великим боевым орденом за совет, который привел к удачному результату.

Еще до войны, когда Генерал Рененкампф приехал делать смотр нашему «3-му драг. Новороссийскому полку в городе Ковно, я зная, что он был членом по пересмотру этого статута , спросил:

«Как же это Вы, Ваше Превосходительство, допустили поместить такой унизительный параграф, для получения ордена Св. Георгия, который сотни лет считался наградой только лишь за личную храбрость, а не за другия качества?»

«Я, хотя и сам генеральнаго штаба», сказал Рененкампф, «но я боролся против введения такого параграфа в статут и доказывал в комиссии, что самый низкий трус может дать удачный совет, храбрым же он никогда не будет, однако, большинство членов генеральнаго штаба голосовали за принятие этого параграфа и победили нас. Знаете «своя рубашка ближе к телу», закончил, Ген. Рененкампф.

Я не говорю, что бы штабные офицеры не получали боевых наград, но нужно было и нужно будет, делать наружное отличие боевых орденов штабных от строевых, так напр., давать штабным орден «Владимира» на георгиевской ленте

или «Георгия», на владимирской ленте, тогда бы было каждому видно, кто и за что получил боевой орден.

На другой день приезда наша дума приступила к разбору представлений о награждении офицеров Орденом С. Георгия.

Мы разделились по родам оружия, и каждая секция принялась тщательно изучать материалы и свидетельския показания,приложенныя при представлениях и подготавливали доклады, для внесения в заседание общей Георгиевской Думы. Я был избран председателем кавалерийской и конно-артиллерийской секции.

Закончив подготовку представлений по родам оружия, мы собрались для обсуждения их на общем заседании Георгиевской Думы.

Каждый председатель секции читал разобранныя и подготовленныя представления со свидетельскими показаниями по роду оружия.

Отдать справедливость все члены думы относились к делу весьма серьезно, тщательно изучали материалы представлений, внимательно выслушивали доклады и выносили строгое, но справедливое решение, При чем за награждение требовалось лишь простое большинство, а за отклонение две трети голосов.

Помню горячия прения вызвало представление одного из Капитанов пехотнаго полка, который был Командиром 12-ой роты.

Из внесеннаго представления было видно, что полку было приказано атаковать противника, но его огонь был настолько силен и губительный, что выскакивающие из окопов люди были моментально ранены или убиты и полк никак не мог начать атаку.

Видя это Командир полка приказал его 3-му батальону, как находящемуся ближе к неприятельским окопам, первому повести наступление.

Инициативу проявил Командир 12-ой роты, он первый поднял свою роту, атаковал противника и, выбив его штыками, завладел окопом,, где много было взято пленных и несклько пулеметов.

Остальныя роты полка, увлеченныя примером 12-ой роты, также атаковали противника и вся неприятельская позиция была взята.

Основываясь на представлении, не было никаких причин отклонит награждение, но прочтя показания картина

представлялась в другом виде.

Нужно заметить, что к каждому представлению о награде ОрденомСв. Георгия должно было быть приложено произведенное дознание и не менее четырех свидетельских показаний, два офицерския и два от нижних чинов.

Два младших офицера 12-ой роты были убиты при атаке, а показания дали офицеры соседних рот, кои не знали точно деталей.

Основательное показание написал фельдфебель этой роты ты. Он по простоте душевной описал всю правду, желая помочь своему ротному Командиру, но в действительности дело приняло другой оборот.

«Так што наша рота сидела в окопах», начал с этого фельдфебель, свое показание, «с ротой сидели Поручик и Прапорщик, а командер со мной и барабанщиками находились в «штабе» роты, шагах в 200 сзади окопов в блиндаже. Когда было получено приказание роте наступать, то ротный сказали мне пойти в окоп передать Поручику, чтобы они вели роту в атаку.

Как только Поручик выскочили из окопа и скомандовали «рота за мной», то сразу были убиты, а Прапорщик не знали, что делать.

Тогда я пошел и доложил ротному о случившемся. Ротный приказали Прапорщику и мне вести роту в атаку. Я вернулся в окоп и доложил об этом Прапорщику. Они сразу выскочили и скмаандовав: «рота за мной», побежали к стороне неприятеля. Я и унтер-офицеры пустились за ними, а за нами побежала и рота и мы штыками выбили противника и захватили его окопы, пленных и пулеметы. Прапорщик и много солдат были заколоны штыками, я был легко ранен в руку.

Вскорости к нам пришли и ротный со «штабом роты», закончил свое показание фельдфебель.

Примеч. В словах «штаб» роты ковычки поставлены мною.

Я первый начал протестовать против награждения этого Капитана Ординой Св. Георгия доказывая, что он не проявил никакой храбрости, а наоборот вел себя не так, как подобает вести себя ротному Командиру. Он обязан был сам вести роту в атаку, а не приказывать, это делать младшим офицерам.

Поручик и Прапорщик были герои и их следует наградить посмертным Ординoм Св. Георгия. Таково было мое

мнение.

Этот вопрос долго и горячо дебатировался. Сторонники награждения Капитана основывали свое мнение на факте успешнаго действия 12-ой роты, независимо от того, как действовал Командир роты, но результат был удачный. Сторонники отклонения доказывали,, что согласно статута нараждаемый должен лично принять участи в бою и проявить свою храбрость.

Голосование дало более две трети голосов за отклонение награждения Капитана, а единогласно дума постановила наградить убитых Поручика и Прапорщика посмертными Орденами Св. Георгия.

За время пребывания в штабе фронта я часто заходил к Полковнику генеральнаго штаба Середину, котораго я знал раньше через его брата Ротмистра Середина моего однополчанина по 3-му драг. Новороссийскому полку, умершаго за неслоько лет до Мировой войны.

При разговоре мы вспомнили его брата, а затем частенько говорили об общем положении войны и особенно о юго-западном фронте.

Кроме Середина в нашем разговоре принимали участие и некоторые его сослуживцы по штабу.

Видимо им тоже хотелось услышать о действиях 10-ой кавалерийской дивизии и о Графе Келлер, который стал героем Карпат.

«Донесение — одно, а слово участника другое», заметил один из слушавших мои разсказы.

Конечно чаще всего говорили, о близкой нашему сердцу — кавалерии.

Кто-то из пресутствующих офицеров генеральнаго штаба сказал, что на фронте масса кавалерии , но, кроме 10-ой дивизии мало она проявляет деятельности.

Я был очень доволен, что коснулись этого вопроса и высказал все, что об этом всегда думал раньше.

«А, кто в этом виноват, как не штаб», сказал я, «Вы мозг амии, Вы зубы с'ели на изучении военнаго искусства Вы прекрасно знаете, что история конницы — история ея начальников. А, что Вы сделали с нами, раздробили на мелкия части, держите бездарных кавалерийских начальников, кои только и думают, чтобы у них взяли побольше частей, дабы остаться с дивизионным или полковым значком и быть прикомандированным при каком нибудь большом

штабе, а когда прикажут атаковать дивизией, то не выедут перед дивизией и не скомандуют: «дивизия за мной», как это делал Гр. Келлер, а посылают бригаду, бригадный посылает полк, а Командир полка эскадрон. Последний дозорами выясняет противника, который так «силен» и так окопался, что атаковать невозможно. Такое донесение идет все выше и выше и атака дивизии обычно не могла состояться.

А, что еще хуже есть слух, что кавалерию посадят в окопы, разве это не абсурд. Что спешанная дивизия представляет собой? Один хороший баталион, да еще связанная с коноводами 4-х полков.

Есть ли расчет столь дорогой род оружия гноить в окопах, где свободно дивизию заменит хороший баталион».

«А, что по вашему необходимо предпринять?» Спросил Середин.

«Что», ответил я. «Первое, это нужно убрать из строя немощных, безсильных, нерешительных, а главное боящихся неприятеля начальников.

Второе, свести дивизий 6-7 в кавалерийский корпус, назначить Командиром такого корпуса Графа Келлер, дать ему помощников, таких доблестных кавалеристов, как Ген. В. Гурко и Ген. Крымов и бросить эту массу конницы в прорыв и далее в глубокий тыл противника и Вы увидите, какой блестящий результат от этого получился бы.

Представте себе, что десяток австро-германских кавалерийских дивизий прорвались через наш фронт и двигаются в глубокий тыл, взрывая железнодорожные мосты, тунели, пускают поезда один на другой, взрывают склады снарядов и жгут продовольствие, обезоруживают попадающиеся воинския части и уничтожают обозы артиллерийские парки со снарядами и патронами. Какая бы поднялась в тылу паника, что могло неприятно отразиться даже и на фронте. Но мы богаты кавалерией и можем окружить и уничтожить, зарвавшуюся неприятельскую кавалерию, но наши противники не обладают такой массой конницы, как мы и ему не так легко будет собрать столько кавалерии, чтобы уничтожить нас хотябы и забравшихся далеко в тыл неприятельской страны.

Вы наверное помните сколько неприятностей и тревоги принесли нашему командованию всего лишь два японских эскадрона, которые во время русско-японской войны, обошли по Монголии фланг нашей армии и взорвали неболь-

шой железно-дорожный мост в тылу нашего фронта.

Во-первых, эти два эскадрона, в глазах тыловых «очевидцев», выросли в две японских кав. дивизии,, во-вторых, навели в тылу такую панику, что заставили Генерала Куропаткина снять с фронта 2 казачьих дивизии и послать их на охрану тыла; при чем донская казачья дивизия была снята с праваго фланга нашей армии, чем было ослаблено наблюдение за этим флангом, где и прошла 3-я японская армия Генерала Ноги и заставила Генерала Куропаткина отступить от Мукдена.

Даже еслибы наша конница, прорвавшаяся в тыл неприятелю, была бы уничтожена противником, то ею можно пожертвовать, ввиду той громадной и неоценимой пользы, которую она может принести нашей армии рейдом, а может быть даже привести неприятельский фронт к полной катастрофе и заставить противника заключить мир.

«Цель оправдывает средство», говорит военное искусство.

В русско-японскую войну я был участником двух набегов нашей конницы, один на город Инкоу зимой 1904-го года. а другой в Мае 1905-го года в тыл армии Генерала Ноги и при полном неумелом и бездарном ведении этих набегов Генералом Мищенко, все же мы много принесли неприятности японскому командованию и даже привели с собой несколько сот пленных японцев, что в японскую войну не удавалось брать так легко пленных, как в эту войну.

И я из опыта видел, чем глубже конница заходит в тыл неприятеля, тем легче ей действовать. И если бы, вместо Мищенко рейдом руководил такой знаток кавалерийскаго дела, решительный, толковый и храбрый Генерал В. Гурко, то результат был бы другой», этим я закончил защиту нашей доблестной конницы.

«А не сказать-ли об этом «Деду?» Спросил Середин, своих штабных коллег.

«Это была бы прекрасная идея», ответили они Середину.

Примечание: «Дедом» называли Главнокомандующего юго-западным фронтом Генерала Иванова.

Я слыхал, что Полковник Середин — правая рука Генерала Иванова и имеет большой вес в штабе фронта, поэтому можно было надеяться, что он может повлиять в этом направлении на своего принципала.

«Знаете», сказал мне Середин когда мы остались с ним одни, «Дед» очень ценит боевыя качества и неутомимую

энергиюГенерала Графа Келлер, но он не может простить ему дерзких писем и телеграмм.

Вот пример с Вами. Вам известна крайне неразумная система назначения Командиров кавалерийских полков по фронтам, а не Ставкой Главковерха. И вот, что из этого получается,— на западном и северном фронтах очень мало кандидатов на кавалерийские полки и там уже назначаются Командирами полков Полковники Генеральнаго штаба, пробывшие в чине Полковника не более 5-ти лет, между тем на нашем фронте есть Полковники ген. штаба, которые в этом чине сидят по 10 и более лет и д. с. п. не могут получить полков.

Среди них Полковник А. Драгомиров, человек с именем и большой протекцией и все же еще не командует полком. Затем Полковник Приходкин 10 лет и я 8 лет Полковником и, как видете ,торчим в штабе.

О Вашем утверждении в должности Командира полка было получено много ходатайств от Графа Келлер, кроме того это утвержение усиленно поддерживает Командующий 8-ой армией Генерал Брусилов, а Командир корпуса, с которым Вы ходили в Венгрию на город Бартфельд, представили Вас в Генералы.

Сумируя все это «Дед» решил утвердить Вас внеочереди Командиром10-го гусарскаго Ингерманландскего полка. но последнее письмо Графа Келлер, привезенное Вами, где он пишет, что не примет Командира полка, назначеннаго не из 10-й кавал. дивизии, крайне разсердило «Деда» и вот, что он приказал сделать:

Вопреки желаниям Графа Келлер, Вас назначить Командиром не 10-го гус. Ингерманладскаго полка, а в другую дивизию.

Командиром же Вашего полка назначить кандидата из полковников генеральнаго штаба, при чем добавил: «Посмотрим, как Граф. Келлер не примет, в его дивизию назначеннаго мною Командира полка, не из его дивизии».

Для назначения Вас Командиром полка в другую дивизию, по закону, необходимо иметь согласие Вашего же начальника дивизии, поэтому мы запросили Графа Келлер, он ответил отказом. Таким образом, благодаря упрямству Гр. Келлер, не состоялось Ваше назначение.

«Паны дерутся, а у мужиков чубы болят», привел я русскую пословицу и распрощался с Серединым.

Закончив дела Георгиевской Думы, я вернулся в свою

дивизию и явился Гр. Келлер, при чем разсказал ему о нашем разговоре с Серединым, по поводу боевых действий нашей кавалерии на юго-западном фронте и добавил, что Середин решил развить эту идею перед Генералом Ивановым.

«Да, разве этот баштанный «дед» годится на что-нибудь, кроме сбора арбузов и выкуривания пчел из улиев на пасеке», резко сказал Граф и затем добавил, «а Вы знаете, что он сотворил с Вашим утверждением в должности Командира полка».

Я сделал вид, что ничего не знаю, тогда он повторил мне то, что я слыхал от Середина и опять добавил: «Этот пасечный «дед», хотел взять Вас от меня иприслать мне, какое нибудь гороховое чучело, котораго я совершенно не знаю. Пусть пришлет я его быстро уберу из дивизии, а Вы не безпокойтесь, без полка не останетесь».

И действительно, ни одного дня не было, чтобы я не командовал каким нибудь полком в дивизии, пока не был утвержден Командиром 10-го гусарскаго Ингерманландскаго полка.

Поблагодарив Графа за его заботу обо мне, я пошел в свою халупу ночевать, которая показалась мне лачужкой, после штабных квартир.

Слова Графа Келлер сбылись. Генерал Иванов не только, что не собрал кавалерию в конную массу, а наоборот посадил ее в окпы в числе коей и нашей дивизии приказано было занять окопы у деревни Лутовиски, сменив там пехоту. Странно, что офицеры кавалеристы его штаба, как А. Драгомиров, Середин и др. не могли повлиять на Ген. Иванова в кавалерийском духе, а получивши полки, разделяли с нами бездеятельную для кавалерии окопную участь.

Но еще более недопустимая была вещь, это полная инертность инспектора кавалерии Генерала Остроградскаго.

Почти десять лет он готовил кавалерию к войне, его смотры были грозой для командиров полков; он добивался виртуазности на смотровых учениях, как например заезд развернутым фронтом целой дивизией.

И что же, когда грянула война и Родина потребовала полнаго напряжения сил и жертв от малаго до великаго наш инспектор кавалерии, вместо того, чтобы стать во главе конной массы, предпочел, жить во Львове в гостинице и с балкона здороваться с проходящими маршевыми эскадронами.

Вот в чем выразилась деятельность главы русской кон-

ницы в Мировой войне.

Почему он не последовал примеру Меньшикова, Мюрата, Платова, Кульнева, Зейдлеца, Цитена и других, известных всему миру кавалерийских начальников, деятельность которых была ему отлично знакома.

В ночь на 1ое Февраля 1915 года мы первый раз засели в окопы у деревни Лутовиски. конечно, эти окопы не были похожи на те, которыя нам пришлось строить и занимать в конце 1915 -го и в начале 1916-го года.

Мы просто занимали глиняныя стенки, присыпанныя землей заборы и просто покинутыя жителями халупы, с прорезанными в стенках бойницами.

От противника нас отделяла неширокая быстроходная незамерзающая горная реченка. На другой стороне этой реки находилась тоже большая деревня, а за ней шли высокия карпатския горы.

Противник занимал эту деревню, а его артиллерия стояла на позиции за отрогами гор.

Деревня Лутовиски расположена на низком левом берегу реки, а правый высокий берег, с прилегающими к нему горами занимался противником, который был гораздо в лучших тактических условиях нежели мы, т. к. стоя на высотах, мог видеть каждаго нашего солдата, проходящаго по улице Лутовиски, в то время, как для нас он был совершенно скрыт горами и безнаказанно обстреливал нашу деревню не только артиллерийским, но и пулеметным огнем.

Воизбежание лишних потерь, мы производили смену ночью, днем же положительно нел.зя было показаться на улице, не будучи сейчас же обстреленным противником. Особенно страдало несчастное население этой деревни. Как и по всей Галиции в деревне Лутовиски остались только старики, женщины и дети, которые больше всего и страдали от пуль противника.

Неоднократно я спрашивал их почему они не уйдут из деревни, где идет бой.

«Да, куда тут уйдешь с детьми в такой холод и по глубокому снегу», отвечали они, «пробовали некоторые уходить, да то замерзали по дороге или попадали в деревни, где еще больше стреляли чем у нас.

Да и как здесь разберешь, где безопаснее, сегодня Вы стоите здесь, а завтра идете драться в другое место, у нас стало спокойнее, а смотришь Вы вернулись обратно и опять затеяли драку в нашей деревне.

Как не плохо здесь, но все же лучше, чем в чужом селе и чужом доме».

Особенно тяжелое впечатление производила на нас одна женщина; ея дом был сравнительно далеко в тылу от наших окопов, но однажды неприятельский снаряд попал прямо в эту халупу, разорвался внутри, убил двух маленьких детей и поджег все здание и только печь и высокая кирпичная труба остались памятниками этого дома.

От страшнаго потрясения хозяйка сошла с ума. Соседи взяли ее к себе, но она по ночам, как только все в доме засыпали, убегала на место сгоревшей своей халупы, взлезала на печку, брала на руки котенка, который не покидал своего стараго жилья и качала его, ласково припевая, воображая, что у нея на руках ея ребенок.

Было жутко смотреть на эту женщину, одетую лишь в длинную белую рубашку, с распущенными волосами, босая с котенком на руках, освещенная лунным светом и дрожащая от холода.

Когда приходили жители, чтобы ее снять с печки и увести в халупу, она отбивалась, царапалась, кусалась и кричала: «Оставьте меня, я кормлю своего ребенка».

Приходилось приказывать гусарам, силой брать ее и уводить к соседям.

Мне было ее очень жаль, но я не знал, что с нею сделать.

Австрийские больницы были закрыты, при нас же был лишь полковой походный лазарет. Оставалось только одно, устроить ее в какой нибудь дом, где хозяева взялись бы смотреть за нею.

Я вызвал сельскаго старосту и предложил ему найти такую семью, которой я заплачу за содержание и присмотр этой женщины.

Конечно, когда узнали, что за это будет уплочено, то желающих оказалось много.

Я предоставил старосте выбрать для нея дом и при нем уплатил хозяину деньги и взял от него росписку, в которой он обязался содержать эту женщину, до установления в этом районе гражданской власти.

Был еще случай с другой женщиной, которая была весьма несчастлива от ранения. За время месячной нашей стоянки в окопах у деревни Лутовиски, она была три раза ранена. Две пули попали ей в руку, а одна в ногу, но все раны были легкия, ни одна пуля не задела кости, и она пользовалась только перевязками, при чем очень симпатизировала гуса-

рам и как только моему полку подходила очередь и мы занимали окопы, она сейчас же приходила в штаб полка и просила доктора сделать перевязку.

Это была в полном смысле красавица — женщина: с большими черными, как раскаленный уголь, горящими глазами; с открытыми белыми красивыми зубами; с матовым цветом лица, покрытым легким румянцем и при идеальной фигуре, она представляла собой тип восточной гаремной красавицы. Мы ее называли «гусарской цыганкой».

Часто она засиживалась подолгу у нас, обедала с нами и разсказывала свою биографию.

«Вы, вероятно, заметили, что по типу я резко отличаюсь от галичанок», как-то сказала она нам, «я родилась в Тироле, мой отец был итальянец, а мать венгерская цыганка. Я вышла замуж за австрийскаго сержанта, который окончив военную службу, вернулся домой и привез меня в эту скучную деревню Лутовиски. С началом войны он был призван в армию и ушел на фронт, а меня оставил здесь, надеясь, что русская армия никогда не дойдет до этих далеких от России мест, но Вы пришли и отрезали меня от моей родины, а наши солдаты ранили мою руку и ногу. Помогите мне и отправьте меня в русский госпиталь, для лечения моих ран».

Я сказал старшему полковому врачу, написать санитарный билет и отправить ее во Львов в русский госпиталь.

С тех пор мы потеряли из виду нашу красавицу «гусарскую цыганку», и только через год один из наших офицеров встретил ее в Киеве, где она уже была примадоной в одном из цыганских хоров и собиралась уехать в Москву в «Яр».

Наше сидение в окопах у дер. Лутовиски оставило нам неприятное воспоминание. Мы ежедневно несли безполезныя потери раненными и убитыми и были крайне порадованы, когда получили приказ о сформировании 3-го коннаго корпуса, Командиром котораго назначался наш боевой и храбрый начальник дивизии Генерал Граф Келлер.

При чем в этом же приказе указывалось, 10-ой кавал. дивизии выступить на буковинский фронт в раион города Черновицы, где противник начал проявлять активность и куда будут сосредоточены остальныя кавал. дивизии, вошедшия в состав 3-го Коннаго корпуса.

КОНЕЦ I-ой ЧАСТИ.

ЧАСТЬ II-АЯ.

ГЛАВА XIII-АЯ.

В ночь на 1-е Марта 1915-го года, нас сменила пехота, а утром мы уже выступили на буковинский фронт, покинув навсегда дер. Лутовиски, а с нею и галицийский фронт.

С перваго же дня похода мы удалились от фронта и пошли по выработанному маршруту через города: Санок, Самбар, Драгобыч, Стрый, Станислав, Бучач и далее между селом Лашковицы и местечком Званец перешли австро-русскую границу и направились уже по русской земле на город Хотин.

Каждый полк дивизии шел отдельно, чем облегчалось движение, которое приняло характер мирнаго похода.

Заранее высылались квартирьеры и походныя кухни и к приходу полка на место ночлега, квартиры были уже отведены и обед приготовлен. Города и села проходили под звуки трубачей, что вызывало на улицу массу любопытных жителей и многия молодыя девушки подплясывали в такт музыки.

Видно было, что австрийское население в тылу нашей армии привыкло к русским и не только, что не боялось наших солдат, но часто молодыя женщины сами заигрывали с ними.

Между прочим с моим полком имел место следующий забавный случай.

Нам неоднократно приходилось двигаться вдоль железно-дорожнаго полотна. Зима в 1915-м году была довольно снежная и заносила путь особенно в глубоких выемках. Рабочии батальоны были заняты укреплением позиций и очищать железную дорогу от снега было некому.

Тогда начальник тыла прибегнул к найму населения, но т. к. мужское способное к труду население было австрийскими властями мобилизовано в армию или эвакуировано в глубь Австрии пришлось нанимать молодых женщин, которым платили довольно высокую плату и поэтому недостатка в женском труде не было, а желающих работать было больше, чем требовалось.

И вот проходя глубокие выемки, мы часто подвергались бомбардировке снежками, кокетливо бросаемыми работающими на верхах выемки молодыми женщинами. Многие бросали так метко, что попадали прямо нам в лицо и

многим подбивали синяки под глазами.

В одной из таких бомбардировек, я остановил полк, спешил гусар и разришил им снежками отбить атаку женской армии. Но оказалось не так легко было их побить. Пока гусары карабкались в глубоком снегу, по крутым скатам выемки, женщины сбрасывали на них тысячи комков снега и только, когда гусары выбрались на вершину выемки женщины бежали или сдавались, садясь в снег и подымая руки вверх. Это вызывало массу смеха и веселья, что разнообразило наш монотонный зимний поход.

В городе Станиславе мы имели дневку, во время которой была получена радостная для нас телеграмма о сдаче Комендантом Генералом Кусманеком Перемышлянской крепости с его 40,000-ным гарнизоном.

Сдача этой крепости облегчила оперативныя действия нашего Юго-Западнаго фронта. Она освободила нашу осадную армию Генерала Селиванова, которую можно было выдвинуть на фронт. Изчезла опасность прорыва гарнизона из крепости Перемышль. Было много взято в этой крепости тяжелых и легких орудий, масса снарядов, пулеметов, ружей, бомб и патронов, в которых мы в это время начали испытывать недостаток.

В Станиславе для штаба гусарскаго полка была отведена квартира в доме владельца одного из самых больших магазинов обуви.

Хозяин и его семья оказались очень семпатичными и интеллигентными людьми. Он с акцентом, но довольно хорошо говорил по-русски.

Конечно, наш разговор касался главным образом текущих событий.

Как-то сидя вечером, он разсказывал нам свои взгляды на войну и ее влияние на коммерчиския дела.

«Война приносит ужасныя несчатья, для обоих воюющих сторон,» сказал он, «но мы станиславцы и львовцы оказались довольно счастливыми и пока совершенно не пострадали от нее.

Ваша армия обходила эти города по сторонам, а наша, боясь окружения, оставляла их без боя. Русское командование приняло энергичныя меры и, как Львов, так и Станислав совершенно не пострадали, а для нас купцов даже оказалось выгодным.

Я должен сказать, что за последние годы перед войной

в Австрии было громадное перепроизводство фабричных товаров вообще и обуви в частности. Мы половины не могли продать того, что нам присылали фабрики, а мода на обувь меняется ежегодно и нам приходилось все остатки возвращать обратно на фабрики. Кое-что они переделывали по новой моде, но многое приходилось прямо уничтожать, что приносило большие убытки и создавало кризис фабричной промышленности. Война же все изменила. Мы многое продали нашей армии, а остальное продаем русским.

Такое положение мы находили почти во всех городах, через которые нам приходилось проходить.

Деревни и села пострадали гораздо больше, чем города, т. к. отступающая австрийская армия реквизировала все с'естные припасы и фураж, выдавая населению росписки, по которым им будет уплочено, по окончании войны.

Осталное, что оставалось забирала русская армия. Помещичьи усадьбы сохранились только те, которыя не были покинуты хозяевами, а остальныя были разорены.

При ночевках в деревнях, для штаба полка отводили квартиру часто у католических священников.

Будучи хорошо образованными и интеллигентными, живя все время в деревнях и постоянно соприкасаясь со своими прихожанами, эти священники прекрасно знали жизнь и настроение австрийскаго народа и даже много влияли на его отношение, как к австрийскому правительству, так и к русской армии.

На одном из ночлегов, уже недалеко от нашей границы, мне пришлось говорить с одним ксензом, который всю свою жизнь посвятил крестьянскму земельному вопросу.

«Кроме Австрии и вообще всей Европы я побывал еще в Южной Америке, где изучал крестьянский земельный вопрос», сказал мне ксенз.

«Вы, вероятно, знаете, что последний десяток лет перед войной американския пароходния компании разбросали сеть своих агентов по всей Галиции и в ярких заманчивых красках рисовали жизнь переселившихся земледельцев в Южную Америку. Благодаря этому галицийских крестьян охватила переселенческая лихорадка. Многие продавали свою землю и дворы за безценок и уезжали за океан искать счастья. Часть из них вернулась обратно. Израсходовав все свои деньги на переезды, они очутились без гроша, потеряв свою землю и дворы на родине. Многие же более сильные и энергичные остались в Америке и сделались богатыми фермерами.

Побывал я несколько раз у вас в России, где хорошо познакомился с крестьянским земледелием на Украине, на Дону, Кубани, Волги и Сибири и могу откровенно сказать, что у Ваших крестьян гораздо больше земли, чем у крестьян Западной Европы, но русские крестьяне не умеют ее обрабатывать и использовать, так, как это делают у нас.

Ведь в Австрии действительно недостет у крестьян земли и каждый из них готов убить кого угодно за акр земли. (Акр равен 1/3 десятины). У вас же во-первых 1/3 всей земли гуляет, благодаря трех-польной системе, а во-вторых обработка происходит руками, а не машинами. Я видел на Юге России, на Волге и в Сибири немецкия колонии, в которых дома и все постройки выстроены из кирпича и покрыты железными крышами, в то время, как крестьянские русския избы построены из глины и покрыты соломой.

Также я видел на Волыне колонии австрийских чехов, которые эмигрировали в Россию и они живут гораздо богаче русских крестьян, а пользуются той же землей, что и русские.

Униччтожьте трех-польную систему, снабдите Ваших крестьян земледельческими машинами и привлеките их зимой к фабричной работе и Вы увидите, что их материальное состояние значительно улучшится.

Дело не так в количестве земли, как в умении ею пользоваться». Так закончил мой собеседник о крестьянском земельном вопросе и его толковое и практичное доказательство навсегда врезалось в мою память.

16-го Марта 1915-го года мы переправились через реку Збруч и после восьми месяцев пребывания в Галиции вступили на свою родную землю. У города Хотина мы по временным высоким военным мостам перешли на правый берег реки Днестра..

Весна уже вошла в свои права, снег быстро таял на полях, превращаясь в маленькие ручейки, бегущие в долини и реки. Лед на Днестре тронулся и громадные его глыбы, толкая и давя друг-друга, плыли вниз по течению, ударяясь об устои мостов и загромождая проходы между ними.

Понтонная рота взрывала динамитом большия льдины и разбивала их железными ломами на небольшия части.

Пройдя город Хотин, мы повернули на Запад и пошли между реками Днестром и Прутом в направлении нашей Бу-

ковинско-Бессарабской границы в раион города Черновиц.

Остановились мы на ночлег в деревях Окопы и Атаки, кои носили свои названия, еще со времен Суворова, когда он здесь дрался с турками.

За это время произошло много перемен в командном составе 10-й кавалерийской дивизии: Вместо Графа Келлер, который получил 3-ий Конный Корпус, начальником нашей дивизии был, по ходатайству Графа, назначен Командир 1-й бригады Ген. В. Е. Марков, а его место занял, бывший Командир 1-го Оренбургскаго полка Ген. Тимашев.

Войскового-Старшину Печенкина произвели в Полковники и утвердили Командиром 1-го Оренбургскаго казачьяго полка.

Начальником штаба корпуса был назначен Генеральнаго штаба Генерал Сенча, человек дельный, строгий и толковый.

Но всех нас удивило, это назначение начальником нашей дивизииГен. В. Е Маркова. Все в дивизии были самого плохого мнения о боевых качествах этого Генерала. И, как я уже писал раньше, он не был годен «ни к бою, ни к строю». Такого же мнения о нем был и Граф Келлер поэтому нас всех удивило, почему он дал ему дивизию.

Позже я узнал об этом подробно из слов самаго Гр Келлер.

Как то, я заехал в штаб нашего корпуса и Граф пригласил меня обедать. За обедом я встретил моего стараго знакомаго, боеваго, дельнаго и храбраго Генерала Павлова. Нельзя не вспомнить добрым словом этого выдающагося Генерала.

Павлов начал службу в Лб.-Гв. гусарском полку, стоявшем в Царском Селе. Эскадроном, в котором Павлов был младшим офицером, тогда командовал Цесаревич Николай Александрович, будучи наследником, а Командиром гусар был в это время Вел. Кн. Николай Николаевич.

Таким образом Павлова знали хорошо и Государь и Николай Николаевич.

Павлов был маленькаго роста, худой, не носил усов и бороды и был похож скорее на жокея, нежели на Генерала, Он был большой спорстмен, всегда держал несколько скаковых лошадей и принимал лично участие в скачках, даже в чине Генерала и терпеть не мог неспортивных и тяжелых кавалеристов.

В 1900 году, как только началось «Боксерское» возстание в Китае, Павлов сейчас-же уехал в Манчжурию. В Чите его

взял к себе начальником штаба Генерал Ренненкампф, который был назначен начальником Забайкальскаго коннаго отряда, для движения в Маньчжурию с Севера. С этим отрядом Павлов прошел от Читы до Мукдена, разбив по пути китайския войска и заняв несколько больших маньчжурских городов, за что Ренненкампф получил Георгия, а Павлов золотое оружие.

Павлову, как спортсмену, так понравилась походная жизнь и Дальний Восток, что он не вернулся в веселый Петербург, а остался служить в маньчжурских дебрях и был назначен Командиром 1-го Норчинскаго полка Забайкальскаго казачьяго войска и быстро поднял этот полк в строевом и спртивнм отношении. Он организовал ремонтный капитал, благодаря чему его офицеры могли приобрести чистокровных лошадей и заняться спортом. Некоторые из них были командированы в Петербург на офицерския скачки и получили Императорские призы.

С Нерчинским полком Павлов провел Русско-Японскую войну, командуя отрядом в корейском направлении к Югу от Владивостока.

Псле этой войны Павлов со своим полком был поставлен на стоянку в городе Благовещенске, Амурской Области, войдя в состав Уссурийской отдельной конной бригады.

Начальником этой бригады назначили сподвижника Скобелева по покорению Туркенстанскаго Края Генерала Калитина. Конечно, «каждому овощу — свое время», говорит пословица; и если Калитин был прекрасный офицер в 1870 годах, то он устарел и отяжелел к 1907-му году и за это он Павлову не нравился. Калитин это чувствовал и чтобы показать свою власть, он после смотра написал нелестный приказ о состоянии Нерчинскаго полка.

Но когда Калитин приехал смотреть этот полк вторично, то Павлов приказал заседлать и подать Калитину Павлова лучшую, но строптивую и строгую лошадь. На ней мог свободно ездить Павлов, но с нею не мог справиться старик Калитин. И когда он сел на эту лошадь и под'ехал к полку, трубачи заиграли встречный марш, конь по привычке начал играть и прыгать также, как это он делал, когда на нем ехал Павлов, но Калитин не удержался в седле и, как у нас говорят в кавалерии, «закопал репу», а конь подняв хвост понесся вдоль фронта. Калитина подняли казаки в безчувственном состоянии. Придя в себя, Калитин начал укорять Павлова в подаче ему несмирной лошади, на что Павлов ему ответил:

«Смирнее этой лошади — только деревянная кобылина, на которой новобранцев учат правильно сидеть».

Калитин очень обидился, нашел полк в плохом состоянии о чем отдал приказ:

Узнав об этом Павлов написал рапорт В. К. Николаю Николаевичу. Последний назначил Павлова, Командиром Лб. Гв. Уландским полком с производством в Генералы.

Но, здесь Павлов имел недоразумение. Он очень любил с офицерами верхом скакать по полям. В одну из таких проездок так увлекся скачкой, что прыгнул с уланами через изгородь в питомник В. Князя, где разводили зайцев и поскакал за ними.

Узнав об этом содержатель питомника пожаловался в дворцовое управление, а последнее сообщило об этом военному министру. И когда ад'ютант военнаго министра позвонил Павлову по телефону и сказал, что военный министр хочет его видеть, то Павлов ему ответил:

«Передайте военному министру, что я догадываюсь почему он хочет меня видеть, это по поводу недоразумения зайцев Его Высочества с уланами Ея Величества».

Павлов по душе был добрейший человек и его сослуживцы и подчиненные, как офицеры, так и солдаты крайне его любили и уважали, но он ужасно был строптив с начальством. И если бы не его большая протекция, то ему пришлось-бы туговато.

За обедом Гр. Келлер разсказывал Павлову, о конном нашем бое с 4-й австрийской кавалерийской дивизией, 8-го Августа 1914-го года, у дер. Ярославице, к Востоку от Львова, где эта дивизия была совершенно разбита и в наши руки попало две конных батареи по 4-е орудия каждая и несколько сот пленных кавалеристов и лошадей, о чем я подробно излагаю в особой главе моей книги.

«Но, где был Марков во время этого боя, ни я и никто из дивизии его не видел», сказал Граф Павлову, «я многих спрашивал куда он изчез, но никто мне не может указать».

«Ты странный человек», возразил Павлов, «будучи такого мнения о Ген. Маркове, как ты мог дать ему дивизию».

(Граф Келлер был с Павловым на «ты»).

«Видишь-ли» ответил Граф, «зная Маркова, как никуда негоднаго рамолика, я все же дал ему дивизию по следующим соображениям:

В этой дивизии я знаю каждаго офицера, его характер, способности и боевыя качества. Все привыкли к моим тре-

бованиям и Марков не посмеет ввести отсебятину, но не назначив его начальником дивизии, мне-бы прислали совершенно новаго человека, незнающаго мои требования, который мог-бы испортить мою доблестную дивизию. Во избежания этого, я дал ее Маркову.

Я всегда нахожусь при 10-й дивизии и все в ней делается под моим наблюдением».

Все высказанное Графом Павлову дышало искренностью, Марков не делал ни одного шага без указания Графа..

Кроме перемен в дивизии, в гусарском полку тоже произошли перемены в офицерском составе Подполковник фон-Кюгельхен был произведен в Полковники и переведен в Туркменский конный полк. Командир 2-го эскадрона Ротмистр Иван Гаврилович Барбович произведен в Подполковники, а Командиром его эскадрона был назначен Ротмистр Волохин.

В лице И. Г. Барбовича я получил себе прекраснаго помощника.

Обычно, когда в охранение или в окопы назначалась часть гусарскаго полка и начальник охранения прямо указывался штабом дивизии, то я все же всегда ходил и проверял, как выставлено охранение и насколько аккуратно несется служба в окопах.

Я знал, что если произойдет какой-нибудь неприятный случай, то не скажут, что виноват в этом начальник охранения, а будут говорить что подгадили гусары, а я не хотел, чтобы гусарский полк потерял-бы свою отличную боевую репутацию.

Когда полковой обоз 1-го разряда присоединился к полку, то полковой священник О. Василий Копецкий заходил ко мне и разсказывал тыловые и штабные слухи и новости.

«Знаете, Василий Владимирович», сказал как-то мне О. Василий, «вчера я ночевал в штабе нашей дивизии и когда мы ложились спать, то пришел дижурный ординарец и крикнул: «Можете сегодня спать, сняв штаны, в охранении стоит Чеславский с гусарами».

Это показывает насколько гусарский полк был надежен и популярен в боевом отношении.

Но, Барбовичу я настолько доверял, что когда он назначался начальником сторожевого охранения, то я его никогне проверял.

ГЛАВА XIV

17-го Марта мы выступили дальше на Запад и вскоре встретили неприятельскую кавалерию, которая не принимая боя отходила перед нами назад, к деревне Малинцы, где мы уже встретили значительныя силы противника и всупили с ними в бой. Эта деревня и следующая Шиловцы были на нашей территории, которыя противник успел занять до нашего прихода.

«Ишь ты, разхрабрился австрияк и даже влез на нашу землю говорили солдаты, подходя к деревне Малинцы, где наши Оренбургские казаки, во главе со своим храбрым Командиром полка Полковником Печенкиным, идя в авангарде, начали бой с противником.

Малинцы и Шиловцы громадные разбросанныя, утопающия в тенистых фруктовых садах, богатыя пограничныя бессарабския села, с малдованско-украинским населением. Они еще не были затронуты войной. Неприятель только за день до нашего прихода, перешел границу и вторгнулся в эти села, не успев даже сделать реквизиции и в каждом дворе было изобилие фуража, а в амбарах продуктов.

Жителей этой местности нельзя даже сравнить с захудалым, бедным и физически слабым польским населением западной Галиции.

Вряд-ли, где либо на земле найдется уголок с более красивым народом, чем в Зеленой Русси.

Украинско-малдованская смесь дала самую стройную изящную грациозную и красивую женщину в мире. Ея черныя большия, немного наглыя глаза, соболинныя брови, густыя черныя длинныя волосы, со стройной, как пальма фигурой придавали ей очаровательность, а прекрасный климат и природа, со знаменитыми украинскими лунными ночами, выработали в ней поэтическую горячую страстную и любвиобильную натуру южанки.

Одежда этих женщин была самая простая и примитивная: белая рубашка, вышитая красивым узором вокруг шеи, на груди и рукавах, черный кусок сукна, называемый запаской, туго обвернутый вокруг поясницы и подтянутый плетеным красным поясом являлся платьем, при чем один ея конец немного открывался и кокетливо преподнятый, давал возможность видеть красивую вышивку внизу рубашки и сторйную, как у лани, женскую ногу.

Тип буковинки в национальном костюме.

В праздничные дни женщины вместо запасок таким же манером надевают разноцветно вытканныя красивыя плахты.

В день движения к деревне Малинцы, за казачьим авангардом, в главе колонны шли уланы, за ними артиллерия, сзади ея гусары, в конце колонны шли драгуны.

Как только начался бой, уланы были высланы на помощь казакам, а я протянул свой полк вперед артиллерии.

Малинцы настолько растянутое село, что вся колонна нашей дивизии втянулась в улицу, но авангард далеко еще дрался впереди в этом же селе.

Подходя к Милинцам Граф Келлер запретил русския села обстреливать артиллерией, а приказал выбивать противника ружейно-пулеметным огнем и штыками.

Подойдя к коноводам нашего авангарда Граф приказал остановиться. Вдруг неожиданно по нашей колонне справа засвистели сотни пуль противника.

Была-ли ошибка нашего авангарда, который не тщательно осмотрел село, или может быть противник успел подойти к селу справа, когда авангард прошел вперед, но положение для колонны главных сил создалось серьезное.

Два кавалерийских полка и две конных батареи, плюс коноводы двух полков, дерущагося в пешом строю авангарда, длинной полосой стояли в узкой улице, на которую сыпались неприятельския пули. И только хаты и другия здания, да садовыя деревья защищали нас от тяжелых потер.

Двигаться вперед было невозможно, т. к. мы налезли бы на наш авангард, повернуть назад две батареи в узкой улице, под пулями, было крайне затруднительно и могло вызват замешательство и большия потери.

Я взглянул вопросительно на Гр. Келлер, который стоял впереди моего полка.

«В атаку», крикнул он, махнув рукой в сторону откуда летели пули.

«К пешему строю с построением вправо», скомандовал я и мою команду быстро повторили Командиры эскадронов.

Гусары, как груши посыпались с лошадей и выбигая вправо быстро строились, на ходу снимая из за спины винтовки и примыкая штыки.

Я приказал трем эскадронам разсыпаться в цепь с выдвижением вперед, подравниваясь по 4-му эскадрону, Ротмистра Дылевскаго, которому, я указал направление, Двум эскадронам указал двигаться в развернутом строю шагах в

ста сзади цепи. Один эскадрон был выслан еще утром на разведку по берегу реки Днестра.

Я никогда не видел в Галиции такой прыти и желания с которыми гусары бежали за своими офицерами на противника, без всякаго принуждения со стороны начальников.

От двора к двору, от хаты к хате, через сады, заборы и канавы мы все бежали дальше и дальше на встречу летящим на нас пулям.

«Быйтэ, быйтэ цих злодиев, москалики», (Москолями называют на Украине солдат) кричали нам из окон плаксивыми голосами женщины, «воны тылько вчора прышлы, а уже богато выбралы у нас добра».

«О туды, о туды бижить вправо к оврагу тамо их сегодня ишло богато», кричали солдатам жители.

«Подозвольте нам состриматься (соединиться) з Вашими москалями, мы поможем нашими цепамы, да косамы побыты их по горбам», обращались ко мне с просьбой молодые парни.

Вероятно они называли противника горбатыми т. к. его пехота носила ранцы за плечами, и издали они выглядывали горбатыми людьми.

Я бежал со своими ординарцами между цепями и резервом.

Вдруг, неожиданно 4-й эскадрон сразу остановился и засел за каменный забор.

«В чем дело» спросил я Дылевскаго, подбегая к нему.

«Посмотрите, господин полковник, в этот сад; мы не можем понять, что там делается», ответил он мне.

Я стал всматриваться и увидел длинную неприятельскую цепь, ровной линией лежащую вдоль деревьев. Каждый солдат в этой цепи лежал ничком, без всякаго движения, положив лицо на землю и вытянув вперед руки. Их ружья лежали с ними рядом.

«Что они мертвы? Или делают засаду? Или хотят здаваться?» подумал я и приказал Дылевскому их обстрелять.

Ни ответа и никакого движения не было проявлено лежащей цепью на выстрелы гусар. Стали показывать им знаки, чтобы они сдались, но и на это они реагировали мертвым молчанием.

«Атакуйте их в штыки», сказал я Дылевскому.

«В атаку, ура», крикнул Дылевский и перепрыгнув забор побежал вперед.

За ним побежал его эскадрон, а его примеру последова-

ли все остальные наши цепи. Как и сейчас помню впереди и быстрее всех бежал молодой стройный и красивый корнет Дунин-Жуховский.

Но, к удивлению всех противник не открывал огня, а оставался в неподвижном положении пока гусары не добежали к ним вплотную.

Тогда только противник поднял руки вверх и сдался.

Я спросил о их странном поведении. Один из них карпато-росс, хорошо говорящий по русски об'яснил мне, что они составляют передовую линию и когда увидели нас, идущих на них в штыковую атаку, то они решили сдаться, но не могли нам этого показать т. к. боялись, что вторая ихняя линия разстреляет их из пулеметов.

При нашей атаке они не сделали ни одного выстрела, надеясь, что за это их русские не тронут.

Узнав от сдавшихся, что сзади находится вторая линия противника, а за ней в овраге спрятан резерв, я оставил один взвод при офицере для разоружения и отправления их в тыл, а полку приказал двигаться дальше.

Вскоре мы были встречены сильным ружейным и пулеметным огнем противника и вынуждены были остановиться и вступить с ним в перестрелку.

Выдвинув все пулеметы в цепь, я написал подробное донесение.

На поддержку мне прислали пулеметную команду драгунскаго полка и приказание во чтобы то ни стало выбить противника, т. к. его пули все время летят на нашу колонну, главным образом на артиллерию.

Обстреляв достаточно противника, я приказал обеим пулеметным командам продолжать самый усиленный огонь, а полку атаковать вторую линию неприятеля.

Полк быстро поднялся и опять дружно двинулся в атаки. Австрийцы не выдержали и стали отступать. Первым начал отходить их резерв, а за ним небольшая часть второй линии, а главная ея часть при нашей атаке сдалась нам в плен.

Гусары так были воодушевлены успешным боем на русской земле, что оставляя без внимания сдающихся в плен продолжали преследовать уходящаго противника все дальше и дальше на северо-запад к границе у Сово-Креничнаго кордона.

В тылу моего полка накопилось так много пленных, что наши небольшие спешенные эскадроны в составе 60-70 человек потонули среди толпы пленных, превышающих в несколь

ко раз по численности.

Первый раз за войну меня охватила боязнь, что противник увидев наши скромныя силы может опомниться и атаковать гусар в тыл, тем более, что роты сдавались в плен в полном составе во главе со своими офицерами.

Поэтому я остановил наступление цепи гусар, а резервному эскадрону приказал взять на изготовку и при первом против нас движении пленных, открыть по ним огонь. А чтобы показать, что унас еще есть резерв, я вызвал коноводов, которые галопом примчались ко мне.

Масса скачущих всадников, хотя и обремененных двумя лишними конями, произвели должное впечатление на сдающихся и пленные покорно начали складывать свое оружие в кучи и строиться для ухода в тыл.

Пока я с гусарами теснил противника на нашем правом фланге оренбургские казаки шли противнику в тыл и заставили его тоже сдаться.

Таким образом мы очистили русския села Малинцы и Шиловцы от дерзнувшаго врага перейдя нашу границу.

18-го Марта мы простояли в отбитых нами селах, а 19-го начали наступление на запад к Австро-Бессарабской границе.

Мне был дана задача двигаться с полком на Саво-Креничный кордон, где перейти границу и теснить противника на запад в направлении австрийской деревни Доброночь.

Бессарабско - Буковинская граница между деревнями Шиловцы и Ржавенцы проходили по лощине, покрытой громадным дремучим вековым лесом.

На самом дне лощины протекает небольшой ручеек, впадающий в реку Днестр.

На правом берегу этого ручейка, был расположен русский пограничный пост, под названием: «Саво-Креничный Кордон».

Пока мы шли от Хотина и вели бой в Малинцах и Шиловцах, противник успел вырыть окопы вдоль границы, по левому берегу ручейка, а из срубленных деревьев устроил засеку, перевязав ее колючей проволокой.

Как только головной отряд моего полка стал подходить к лесу он был встречен редким огнем противника.

Видимо, это было его сторожевое охранение, т. к. при приближении полка оно ушло в глубь леса и мы заняли этот лес без особаго затруднения.

Для лучшаго обстрела неприятель срубил лес перед своими окопами шириной шагов в 600.

И как только наши дозоры вступили на срубленную полосу, они сейчас же подверглись сильному обстрелу.

Я спешил полк в лесу, а сам пошел к открытой полосе, откуда шагах в 600 виднелись окопы противника, вдоль опушки леса, а перед окопами тянулась узкой полосой засека.

Я донес об этом в штаб дивизии, откуда получил приказ выбить противника из окопов и, тесня его на запад, занять деревню Добраночь.

Я не верил, что мне удастся выбить противника из окопов, не разбив засеки артиллерией, но во исполнение приказа начал наступление.

Как только цепи гусар двинулись, противник открыл сильный пулеметный и ружейный огонь.

Полк начал нести значительныя потери и залег на землю, скрываясь за пнями, срубленных деревьев.

Я приказал вести наступление, японским способом, где люди перебегают вперед в одиночку от закрытия к закрытию, от пня к пню, чем значительно уменьшаются потери.

Таким способом полк подошол к окопам противника шагов на 300.

При дальнейшем наступлении одиночные люди добежали до самой засеки и сообщили, что она состоит из крупных деревьев и так переплетена проволокой, что без саперных инструментов разбить ее невозможно, да огонь противника так силен, что не только нельзя встать, но даже невозможно поднять голову, не получив сейчас же несколько неприятельских пуль.

Я лежа под пнем написал об этом донесение и отправил его с ординарцем, указывая, что уничтожение засеки под таким огнем, повлечет за собой громадныя потери. Некоторые гусары пробовали поджечь засеку, но пошел дождь со снегом и бревна не горели.

Ординарец с донесением пополз назад в лес.

Через некоторое время я получил ответ на мое донесение,что наступление можно прекратить.

Поднять цепи, даже для отвода назад, сопровождалось бы громадными потерями, поэтому я приказал ординарцам подползти к цепям эскадронов и передать о приостановке наступления, но гусарам оставаться лежать на местах, до наступления полной темноты, после чего поодиночке отползать и отходить в лес.

Дождь со снегом не переставал идти и борозды, в ко-

торых мы лежали наполнились холодной водой и мы промокли до нитки.

Я получил ревматизм в левом колене, которое болит часто и теперь.

Не забуду никогда преданность моего трубача-сигналиста Павлова.

Около часу дня он от леса подполз ко мне с кружкой чаю и черным сухарем в руке.

Редко в жизни бывает так приятно выпить кружку теплаго чаю и с'есть сухарь, как в таком положении, в котором мы очутились в этом бою.

Время перевалило лишь за полдень, а до темноты оставалось еще часов шесть и в продолжении этого времени мы лежали в наполненных водой бороздах и ямках.

Вечером полк отошел к лесу, где и занял позицию на его западной опушке.

На другой день подошла Донская казачья дивизия, вошедшая в 3-ий конный корпус и сменила нашу дивизию, которая отошла левее т. е. к югу и заняла окопы в дер. Калинкауцы против дер. Топоровцы, занятую противником и где он построил громадныя укрепления.

Окопы были заранее приготовлены нашими тыловыми рабочими батальонами под руководством сапер и построены довольно основательно: с ходами сообщения, с бойницами и крышей от шрапнельнаго огня.

Служба в окопах была однообразна и один день, не отличался от другаго.

Днем артиллерия обеих сторон изредка обстреливает окопы противника, перелетающие аэропланы или места, где показалось движение противника.

За время нахождения в окопах я установил в полку следиющий порядок:

Пока эскадроны занимали свои участки, я выбирал место, для наблюдательнаго пункта, в таком раионе, с котораго был виден весь участок полка и фланги соседей, а главное чтебы видеть, как можно шире и глубже расположение противника.

Если вблизи не было подходящей возвышенности, то я устраивал наблюдательный пункт на колокольне или на чердаке или крыше высокаго здания. Иногда же приходилось устраиваться на дереве.

Большую часть дня я проводил на наблюдательном пункте, а если мне нужно было, куда либо, уйти, то оставлял за себя

офицера,с двумя разведчиками.

Таким образом вся видимая часть нашего фронта и расположение противника ни на минуту не остались без наблюдения.

От наблюдательнаго пункта был проведен телефон во все эскадроны, на батарею и в тыл к штабу дивизии, на соседныя участки я посылал ординарцев для связи.

Изредка же посылал узнать, что делается и за моими соседями справа и слева.

Благодаря этому я всегда знал, что происходит в эскадронах, на батарее и у соседей.

Как только все эскадроны доносили о занятии ими, назначенных им окопов, я немедленно шел к ним, проверяя правильно-ли заняли эскадроны свои участки; нет ли между ними необстреливаемаго пространства. Указывал, где устроить пулеметныя гнезда, куда посылать разведку днем и куда ночью,где закладывать секреты и какие подходы к окопам должны наблюдаться более тщательно.

Проверял , как поддерживается связь в стыках с соединенными участками.

Днем я считал лишним держать людей в окопах, это сидение было утомительно.

Поэтому я приказывал гусарам весь день отдыхать в землянках, ограничеваясь наблюдением за неприятелем тремя парами разведчиков, поставленных так, чтобы они видели все пространство лежащее перед их участком и противником.

То что видят три пары глаз, то же самое будут видеть и сто пар глаз, поэтому не было основания томить всех людей в окопах.

При аккуратном наблюдении, движения противника всегда будет замечено своевременно и люди успеют выскочить из землянок в окопы.

После проверки я уходил на свой наблюдательный пункт и оставался там до вечера.

С наступлением темноты, я опять проходил все окопы полкового участка проверял, как эскадроны перешли от дневной окопной службы к ночной, т. е. высланы ли разведчики, заложены ли секреты.

Ночью я приказывал держать половину людей в окопах, всегда готовых встретить атаку противника, а другая половина должна была работать по улучшению окопов и проволочных заграждений.

Перед рассветом работы прекращались и все гусары дол-

жны быть в окопах, т. к. лучшее время, для атаки позиции, это на рассвете, поэтому все люди должны быть в сборе и занимать окопы.

Пройдя всю линию полкового участка и убедившись, что все в порядке, я уходил в землянку штаба полка, вызывал штаб дивизии и докладывал обо всем, что происходит на позиции и что необходимо предпринять или сделать, для улучшения окопов и облегчения службы людей.

Перед рассветом я опять обходил полковой окопный участок, проверял все ли гусары эскадронов в окопах и бодрствуют ли они.

Заканчивал я свой утренний обход с восходом солнца, затем шел на полковой наблюдательный пункт, тщательно осматривал кругом и убедившись, что у противника нет попыток и приготовлений к наступлению, я приказывал отпустить гусар в землянки.

Так проходило время в окопах однообразно монотонно и скучно.

Были разныя крупныя и мелкия происшествия; некоторыя довольно забавныя. Одно из них было довольно интересное:

Около полуночи неожиданно раздалась стрельба в окопах противника и быстро распростанилась по всему фронту. Затрещали пулеметы, взвились неприятельския светящиеся ракеты и начала беглым огнем стрелять его артиллерия.

Я выбежал из землянки и стал прислушиваться. Все выстрелы доносились со стороны противника, а пули и артиллерийские снаряды высоко летали над нашими головами далеко в тыл.

Я позвонил во все эскадроны, откуда ответили, что у них все спокойно.

Только что вернулась первая очередь разведки и ушла вторая, но на всем пространстве между нашими и неприятельскими окопами ничего не обнаружено, стрельба же идет у противника.

Я догадался, что там произошла ложная тревога и сообщил об этом в штаб дивизии, дабы они не волновались.

«А мы думали, что противник перешел в атаку по всему фронту», ответили мне из дивизии.

Стрельба у противника продолжалась около часу, а затем все стихло.

Вскоре наши разведчики поймали пленных, которые об этой тревоге разсказали следующее:

Автор книги на наблюдательном пункте.

«Несколько дней тому назад у нас распространился слух, что русские готовятся к наступлению и в окопах создалось нервное настроение.

Для того, чтобы услыхать, когда русские начнут резать наше проволочное заграждение, мы на проволоку навесили банки от консервов с привязанными подвесками, которые при движеиии проволоки начинали звонить.

И вот, в позапрошлую темную ночь банки начали звонить против окопов одной нашей роты. Солдаты решили, что русские режут проволоку и открыли стрельбу. После этого банки начали звонить все дальше и дальше по нашей линии, а солдаты открыли стрельбу по всему фронту.

Начальство думая, что началась всеобщая атака русских, приказало осветить ракетами и открыть артиллерийский огонь.

Увидев, что русских нет, было приказано прекратить стрельбу, но солдаты так разнервничались, что трудно их было остановить.

Утром мы увидели мертвую дикую козу, изцарапанную колючей проволокой и убитую пулей.

Видимо она вскочила в проволочное заграждение и прыгая трясла проволоку заставляя банки звонить, чем вызвала у нас ложную тревогу.

ГЛАВА XV.

В окопах у дер. Калинкауцы, мы простояли до 24-го Апреля 1915 г., после чего произошла перегруппировка войск между р. р. Прутом и Днестром.

Генерал Личицкий, командующий 9-ой армией, в состав которой мы вошли, перейдя на Буковинский фронт, решил прорвать неприятельскую позицию у гор. Залещики. Для этого пехота, занимавшая окопы правее нас на участке между деревней Ржавинцы и рек Днестром, была переведена в Залещики, а нешему 3-му конному Корпусу генерала Гр. Келлер, было приказано растянуться и занять весь фронт до р. Днестра.

Во исполнение этого, 10-ая кав. дивизия протянулась вправо т. е. к Северу до дер. Ржавинцы, а Донская казачья дивизия заняла участок, ушедшей пехоты, от дер. Ржавинцы до р. Днестра.

Гусарскому полку было приказано занять окопы на правом фланге нашей дивизии у дер. Ржавинцы.

Нужно заметить, что от д. д. Калинкауцы и Шиловцы, че -

рез Саво-Кроничный коридор, как я уже писал, тянулась лесная возвышенность, до дер. Ржавинцы, где она круто переходила в ровную долину, идущую прямо к Днестру. На западе этой долины проходила австрийская желез. дорога между станциями Юрковцы и Окна, вдоль которой противник построил укрепленную позицию. Верстах в 4-х к востоку от Ржавинцы начинались песчаные холмы, покрытые лесом и тянувшиеся вдоль р. Днестра, почти до самого г. Хотина.

Пехота вырыла окопы по западной опушке этих холмов и передала их казакам. В лесу на этих холмах, сзади казачей Донской дивизии, расположился штаб корпуса.

Между дер. Ржавинцы и р. Днестром, находилась громадная деревня Баламутовка, не занятая ни нами, ни противником. Таким образом правый фланг окопов гусарскаго полка висел в воздухе, и только в трех верстах, уступом назад, начиналась позиция донцов.

Шагах в 1600 перед моими окопами находился лес занятый противником, а над левым моим флангом шагах в 800-х, неприятелем было построено довольно сильное укрепление, ввиде временнаго полевого форта. Такое соседство мне крайне не нравилось и довольно сильно меня тревожило. Этот форт занимал командующее положение, был очень близко от наших окопов и накопив большия силы внутри форта, противник мог коротким ударом атаковать нас, тем более, что я был без артиллерии, которую Командир корпуса целиком сосредоточил, за линией Донской дивизии.

Чтобы усилить мой левый фланг, я сосредоточил там все полковые пулеметы и приказал начальнику участка Подполковнику Барбовичу, быть ночью особенно бдительным в этом направлении.

25-го Апреля противник не проявлял никакой активности, но на другой день с утра открыл редкий артиллерийский огонь, главным образом из тяжелых орудий. Такую стрельбу он вел весь день, меняя все время дистанции, из чего было видно, что пристреливается по разным целям, то стрелял по окопам, то по самой деревне Ржавинцы, то бросал снаряды далеко в тыл, но больше всего подвергалась обстрелу роща, где я поставил резерв и где был мой наблюдательный пункт.

Чтобы не подвергать резерв потерям, я ночью перевел его в другое место, но наблюдательный пункт оставил в

роще, т. к. лучшаго места для наблюдения нельзя было найти; она находилась за центром окопов, на возвышенности, с которой ясно были видны все окопы полка, весь фронт противника до самой жел. дороги, вся долина между д. Ржавинцы и р. Днестром, линия казачей позиции, вся деревня Баламутовка и даже можно было наблюдать австрийския станции Юрковцы и Окна. Единственно была плохая видимость это влево от окопов. т. к. форт и лес скрывали весь горизонт.

Кроме пристрелочной артиллерийской стрельбы противника, было видно весь день движение в его тылу, особенно у железно-дорожных станций Юрковцы и Окна, где днем и ночью подходили поезда и производилась разгрузка. По этим данным можно было предположить, что неприятель готовится к наступлению и необходимо было проявлять острую строгую бдительность.

Чтобы быть уверенным в бодрствовании эскадронов и подбадривать людей своим присутствием я, кроме обычных своих обходов окопов утром и вечером, обошел их в полночь.

Проходя около часу ночи по окопу, занятому 3-м эскадроном, неожиданно мы услыхали топот людей впереди окопа. Оказалось это прибежали наши разведчики, которые, под командой Корнета Шпаковича, были с вечера высланы на курган, лежащий между нашими и неприятельскими окопами, чтобы заблагевременно откырть движение противника, если он двинется в ночную атаку.

Корнет Шпакович доложил, что когда он находился на бугре со своими разведчиками, неприятельская большая цепь тихо подошла к бугру и бросилась на них в штыки. Разведчики бросились бежать назад, а он задержался и неприятельский солдат ударил его по голове прикладом и хотел его поймать в плен, но ему удалось вырваться.

Шпакович лишь накануне прибыл из училища в полк, и, признаться по правде, я согрешил, не поверил его докладу и приказал сейчас -же нарядить белее опытнаго офицера, добавить больше разведчиков и отправить их опять на бугор. Через некоторое время пришел разведчик и доложил, что бугор они заняли и противника там не нашли. Это еще больше меня убедило, что Корнет Шпакович доложил мне неправду и я приказал сделать разследование, которое установило, полную правдивость доклада Шпаковича, который в дальнейшем оказался прекрасным боевым

офицером и был два раза тяжело ранен.

Этот пример я привел для того, чтобы начальники очень осторожно относились к молодым офицерам, дабы сразу не обидить их или не убить в них желание храбро драться на войне.

С рассветом 27-го Апреля противник открыл интенсивную стрельбу из пушек всех калибров, которая особенно усилилась к 9-ти часам утра, когда он начал наступление против правого фланга позиции занятой моим полком и в направлении дер. Баламутовки.

Я донес об этом Гр. Келлер и просил занять эту деревню указывая, что если ее займет противник, то он сможет обстреливать и атаковать не только фланг, но и тыл моего полка.

Для усиления мне прислали 4-ре пулемета и сообщили, что д. Баламутовка занята сотней донских казаков.

Я взял из своего резерва один эскадрон с 4-мя пулеметами, добавил к ним присланные мне пулеметы и послал этот эскадрон со всеми 8-ю пулеметами на свой правый фланг.

За это время цепи противника успели приблизиться шагов на 600 к нашим окопам и, попав под огонь эскадрона и 8-ми пулеметов, стали нести сильные потери, что заставило их прилечь и остановиться. Но новыя его густыя цепи непрерывно стали выходить из леса, на поддержку передних.

Начальник пулеметной команды Ротмистр Пальшау перенес часть огня по новым цепям неприятеля и тоже наносил им тяжкия потери. Было видно, как солдаты падали, как снопы. Сначала мне казалось, что они ложились, чтобы укрыться от пул, но затем я увидел, что они уж больше никогда не встанут. Но отдать справедливость, неупавшие шли вперед довольно храбро и, достигнув передней цепи, вливались в нее.

Части противника, наступающия на д. Баламутовку, продолжали свое движение безостановочно, не встретив сопротивления.

Я вызвал штаб корпуса и по телефону сообщил им о занятии противником западной части дер. Баламутовки. Мне ответили, что Командир сотни доносит, о занятии им Баламутовки, где нет никакого неприятеля.

Просматривая эту деревню тщательно в бинокль, я об-

наружил в ней казаков, но они занимали восточную часть Баламутовки, которая тянулась почти на две версты на запад, и, конечно, казаки не могли видеть противника. Это и вызвало в штабе корпуса недоумение, по моим донесениям противник занимает д. Баламотувку, а казаки доносят, что они находятся в этой деревне.

С занятием Баламутовки, снаряды противника стали лететь справа, а до этого времени все его батареи стреляли из за леса и определить их местонахождение было невозможно. Батарея же, которая начала фланкировать окопы гусар, должна была выехать на открытую долину и я с разведчиком напрягали в бинонкли все наше зрение, чтобы узнать с какого места она стреляет.

Вскоре разведчики, после выстрела этой батареи, заметили вспышки и доложили об этом мне. Я не отрывая бинокля всматривался в это место пока не убедился, о точном ея местонахождении, о чем сообщил в штаб корпуса; но командир нашего артиллерийскаго дивизиона ответил мне, чте его артиллерия стоит сзади моей позиции верстах в 4-х и его снаряды не достигнут, до обнаруженной мною, неприятельской батареи.

Такое положение продолжалось почти до полудня, когда огонь противника стих на некоторое время, а затем возобновился еще с большей силой, Его пехота, под прикрытием этого огня, повела наступление в обход моего правого фланга.

Я внимательно следил за всем полем сражения, постоянно донося в штаб корпуса и поддерживая телефонный разговор с Подполковником Барбовичем и эскадронами, но вскоре все телефонные провода были перебиты неприятельскими артиллерийскими снарядами и моя телефонная связь с окопами прекратилась и возстановить ее удалось только со штабом корпуса, с эскадронами же пришлось сноситься при помощи ординарцев.

Противник продолжал свое наступление все глубже и глубже в обход моего правого фланга, но вскоре попав в сферу обстрела нашей артиллерии, умерил свой пыл. Однако, части неприятеля, находящиеся непосредственно против моего праваго фланга, хотя медленно, но продолжали его охватывать все ближе и ближе и только огонь Рот. Пальшау удержал их на приличном разстоянии.

Но пока противник вел себя спокойно на форту против моего леваго фланга, я не считал еще мое положение

критическим, намереваясь оступить по деревне Ржавинцы, на линию окопов донской каз. дивизии.

С переходом же противника в наступление от форта, на мой левый фланг, полк может очутиться в мешке, поэтому наблюдая все время за полем сражения, я уделял много внимания направлению на этот форт.

Артиллерийский огонь противника делался все интенсивнее и роща положительно засыпалась градом снарядов всевозможных калибров.

Одна из гранат ударила прямо у моего наблюдательнаго пункта, но к счастью не разорвалась, а глубоко зарылась в землю.

«Если мы не уйдем с этого места, то какая нибудь «кряква» загонит нас в землю», сказал ад'ютант сдерживая свое волнение.

«Судьба каждому предопределена, но где и когда наступит наш конец, никто не может этого предсказать, поэтому нет никакой разницы, останемся ли мы здесь или перейдем на другое место», ответил я.

В это время прибежал разведчик и принес донесение от Подпол. Барбевича, в котором он доносит об обходе нашего праваго фланга неприятелем.

«Посмотри кругом», сказал я разведчику, и «скажи откуда виднее противник, отсюда или из окопов?»

Разведчик оглянулся кругом и ответил: «Отселева, най лучше видко кругов, чем з окопов».

«Так вот, иди назад и доложи Подпол. Барбовичу, что нам отсюда все виднее, чем Вам с окопов», сказал я разведчику.

Не знаю успел-ли разведчик вернуться к Барбевичу, как ко мне пришел от него офицер с таким же докладом.

Я предложил пришедшему офицеру проделать то же самое, что выполнил разведчик. Успокоившийся офицер ушел обратно в окопы.

Я чувствовал, что в окопах начинают нервничать и хотел туда пойти сам, но не решился оставить наблюдение противника в такое опасное время.

Не успел ушедший офицер скрыться, как к моему удивлению, вижу самого Барбевича, нервными шагами идущаго ко мне на наблюдательный пункт.

«Василий Владимирович», сказал мне Барбович, входя на возвышенность, «я Вам послал два донесения, но не разведчик ни офицер, которых я послал к Вам, не вернулись ко

мне. Противник нас обходит, а от Вас нет никаких сведений. Я подумал, не случилось-ли что-либо с Вами и пошел лично узнать, в чем дело?»

«Ваши оба донесения я получил, и, разсказав обстановку, приказал как разведчику, так и офицеру, вернуться к Вам и доложить о положении вещей на фронте. Но вероятно, время, пока разведчик и офицер ходили ко мне, показалось Вам слишком продолжительным, что и вызвало Ваш приход ко мне лично», сказал я спокойно Барбовичу, «а Вы, Иван Гаврилович, хорошо меня знаете, что во время боя я ни на одну минуту не оставлю полка без наблюдения. А теперь смотрите, я покажу Вам всю обстановку, которая не так херошо была видна Вам из окопов».

И я разсказал Барбовичу, что обход противником нашего праваго фланга меня не очень тревожит, т. к. мы всегда успеем уйти чрез д. Ржавинцы, на случай, атаки нас противником в превосходных силах.

Но меня больше беспокоит направление на форт. Если оттуда неприятель поведет тоже наступление, то нам придется немедленно уйти, иначе будем окружены. Но пока он от форта не двигается, мы можем еще держаться на нашей позиции». Барбевич успокоился и согласился с моими данными.

Беседуя с Иваном Гавриловичем, мы с удивлением увидили, что наши эскадроны выскочили из окопов и стройной цепью отходят назад.

«Кто им приказал отступать»? спросил я Барбовича.

«Не знаю», ответил он.

Я будучи по натуре всегда спокойным, а в бою тем более, на этот раз страшно извелся. Пошел навстречу отходящему полку, стал так, чтобы быть на линии интервала средних эскадронов и когда они ко мне подошли, я скомандовал так громко, как только мог:

«НАЗАД», «В ОКОПЫ», «МАРШ».

Ближайшие эскадроны, услыхав мою команду, как на учении мирнаго времени, повернулись назад и, инстиктивно пригнувшись от летящих на встречу пуль и рвавшихся над головоми снарядов, пошли обратно в окопы.

Их примеру последовали остальные эскадроны и положение было востановлено.

Из вышеприведеннаго примера видно, что если командир полка и офицеры на месте, то воинская часть всегда выйдет с честью из самаго тяжелаго положения и предотвратить катастрофу.

Успокоившись за свои окопы, я продолжал наблюдать за полем сражения. Неприятель медленно, но продолжал наступать.

Вдруг, неожиданно, я заметил четыре черных точки, быстро двигающихся к тому месту, где мы обнаружили неприятельскую батарею.

Направив свой бинокль в эту сторону я ясно увидел четыре передка неприятельской артиллерии, быстро несущихся к месту нахождения их пушек.

За каждым передком в полном порядке скакали коноводы орудийных номеров, из чего можно было определить, что там была конная батарея.

Взяв на передки свои орудия, она начала движение вперед, как-бы намереваясь занять позицию ближе к нашему фронту, но затем круто повернула направо и, выехала на шоссе, помчалась назад в свой тыл.

Одновременно с этим пехотныя части противника, скрытно лежащия в резерве, встали и открыто начали отходить.

Сначала я принял это за маневр с целью перемены фронта, но когда вторая линия цепей тоже начала двигаться назад и весь неприятельский артиллерийский огонь стих, то я догадался, что по всей линии началось его общее отступление.

Послав ординарца к коноводам с приказанием немедленно галопом прибыть к окопам занятым гусарами, я быстро обо всем доложил по телефону лично графу Келлер и добавил о вызове коноводов и о моем намерении немедленно пуститься преследовать противника.

«Благословляю и со всем корпусом иду за Вами», ответил мне граф.

Кок только трубач привел мне лошадь я вскочил на нее и поскакал в окопы к Барбовичу.

Цепь противника, находящаяся против гусарских окопов, лишь по одиночке начала отходить, а из окопов не было видно общаго отступления неприятеля и поэтому все были удивлены, моему появлению верхом у окопов.

Пока я передавал приказание Барбовичу, неприятельская цепь побежала в лес, а к нам прискакали три эскадрона наших коноводов. Остальные три эскадрона почему то замешкались и, довольно на далеком разстоянии, спешили тоже к нам.

Чтобы не терять времени и не дать противнику возможность уйти далеко, я приказал Барбовичу, не ожидая подхода остальных эскадронов, вести прибывшие три эскадрона в атаку, имея направление на ст. Окна и дер. Юрковцы.

Подполк. Барабович был человек горячий и решительный. Не успели прискакать остальные эскадроны, как уже он понесся вперед, на ходу разворачивая эскадроны, для построения резвернутаго разсыпного строя.

Я начал за него, беспокоится, боясь, что он далеко уйдет без поддержки и поэтому приказывал трубачу чаще трубить сигнал «Коноводы».

Пока сели остальные эскадроны, Барбович уже успел ускакать вперед почти на пол-версты, а опоздавшим пришлось его догнать самым широким галопом.

Атакуя в направлении на дер. Юрковцы и ст. Окна, мы отрезали все неприятельския части, наступавшия на Баламутовку и далее к реке Днестру.

Мы настигали целыя резервные колонны противника, кои были так перепуганы видом несущейся кавалерии, что бросали оружие и становились тесно в кучи, подняв руки вверх.

Многие же от радости, что мы их не рубили и не кололи пиками, бросали свои каски вверх и кричали «Гох».

Пленных так много осталось у меня в тылу, что эскадроны гусар положительно потонули среди них. И я стал побаиваться, чтобы противник не подобрал своего оружия и не бросился на гусар.

Но я успокоился, когда увидел правее себя уступом назад со стороны д. Баламутовки, движение Донской казачей дивизии, а немного позже за нами показались и остальные полки 10-ой кав. дивизии.

К вечеру мы заняли дер. Юрковцы. Туда же приехал Гр. Келлер и приказал преследовать противника в направлении гор. Черновицы.

Ночь была очень темная и далеко было видно по шоссе сверкающие огоньки электрических ручных фонариков, уходящие все дальше и дальше на Юг к Черновицам.

Видимо неприятель отсупал за р. Прут.

Мы попробовали обгонять колонны противника, идущия по шоссе, дорогами или прямо полем, но за темнотой ночи невозможно было быстро двигаться и пришлось ограничиться преследованием только по шоссе в тыл отступающей колонне.

У дер. Куперник мы были встречены пулеметным и ружейным огнем ар'ергарда противника.

Завязался ночной бой и мы только к полуночи выбили его и заняли эту деревню, где и остановились на ночлег.

Из сводки мы к утру узнали, что наша армия прорвала укрепленный фронт противника у г. Залещики, что и застави-

ло, так неожиданно, противника отступить и перед фронтом нашего 3-го коннаго корпуса.

За этот бой я представил Подполк. Барбовича к награждению ордином Св. Георгия, который он и получил.

Вообще у меня, как говорили в полку, была легкая рука по отношению изложения представлений к наградам.

Кроме Барбовича я еще написал представления о награждении орденом Св. Георгия Поручикам Тихонравову, Трегубову II-му, корнету Дунину - Жуховекому и другим и все они были награждены этим высоким орденом.

Вообще все мои представления никогда не отклонялись георгиевской думой.

30-го апреля рано утром мы выступили из дер. Куперник.

10-я кав. дивизия во главе с Гр. Келлер пошла по шоссе на Юг в направлении Черновиц, с тем, чтобы у города Сада Гура выйти на шоссе, идущее вдоль р. Прут из Черновиц на запад и отсюда подойти с юга-запада к гор. Снятынь, который было приказано занять нашему корпусу.

Донская казачья дивизия пошла с севера на Снятынь через местечко Заставна и гор. Коцман.

Гусарскому полку было приказано идти между нашей и Донской дивизией через дер. Баргомешти и подойти к Снятыню с запада.

Пройдя несколько верст от Куперника с возвышенности был виден г. Черновицы и идущее к нему шоссе. Неприятеля нигде не было видно.

От этой возвышенности я повернул на запад и пошел полем в направлении Снятыня.

Через некоторое время прискакал дозорный от левой походной заставы и доложил, что от дер. Баргомешти на наш правый фланг двигается громадная колонна неприятельской кавалерии.

«Как велика колонна противника?» спросил я дозорнаго. «Не могу знать, но их идет «видимо» — «невидимо», ответил он мне.

Я невольно усмехнулся, вспомнив анегдот из русско-японской войны, когда при таком докладе на вопрос, «а чего больше, «видимаго» или «невидимаго», часто получался ответ: «Невидимаго».

«Ну, поедем посмотрим сколько там идет «видимо», а сколько «невидимо», сказал я дозорному и поскакал к левой за-

ставе.

По дороге меня встретил второй дозорный и доложил, что наши и неприятельские дозорные уже столкнулись.

Я выскочил на возвышенность откуда была хорошо видна дер. Баргомешти и все пространство до р. Прута.

Действительно от этой деревни двигалась в направлении к нам неприятельская кавалерийская колонна, она уже свернула с шоссе и шла полем прямо к той возвышенности, где я стоял с дозорными.

Немного дальше от нас маячили неприятельские и наши конные дозоры.

Конечно неприятельская колонна кавалерии не была «видимой» и «невидимой», а всего лишь шел один кавалерийский полк. —..——..

Т. к. неприятельские дозоры еще не успели подняться на возвышенность, то они видели только наших дозоров, а что было сзадиони не знали и их полк спокойно во взводной колонне шел шагом по полю.

— Я приказал трубачу играть «Поход» «Все» и «Попереднему уступу».

Когда гусары построили развернутый фронт я остановил полк, чтобы не показывать своих сил неприятелю, пока он подойдет ближе и тогда внезапно его атаковать.

Но вскоре небольшая группа всадников, отделилась от полка и галопом поскакала на возвышенность,откуда стали в бинокли смотреть в нашу сторону.

Вероятно это был командир неприятельскаго полка. Увидев стоящих гусар, он поскакал назад к дер. Баргомешти, а за ним повернул и весь полк.

Догадавшись, что он обнаружив нас, избегает встретить нашу атаку и уводит свой полк назад, я подал сигнал «Полевой галоп, и гусары понеслись за уходящей неприятельской кавалерией».

Увидев это, их полк выскочил на шоссе и в карьер бросился к мосту через реку Прут.

Гусары сами без команды перешли тоже в карьер и понеслись за врагом. Но дистанция была велика и мы настигли только отсталых, а большинство успело проскочить через мост и скрыться за своими укреплениями, из которых был сейчас-же по нас открыт артиллерийский и пулеметный огонь.

Не смотря на панику, этот полк отступая сохранил строй в порядке, что и облегчило ему успеть проскачить по мосту.

Но если-бы ими строй был нарушен, то в безпорядке

скопились-бы у моста и мы-бы их догнали.

После преследования я пустился на г. Снятынь и начал бой с противником, занимавшим этот город.

К западу от г. Снятыня находилось громадное кладбище, где противник разместил свой резерв, а боевую линию вынес вперед шагов на 600 и вырыл глубокия окопы.

Перед этими окопами тянулся овраг, который я занял, но дальнейшее наступление было крайне затруднено, т. к. окопы противника находились всего лишь шагах в 500-х от оврага и каждаго гусара, выскочившаго на берег оврага противник бил на выбор.

Я донес об этом Гр. Келлер, а он ответил мне, что скоро с 10-й кавал. дивизией подойдет к Снятыню.

По прибытии дивизии ко мне пришли офицеры Уссурискаго конно-артиллерийскаго дивизиона. Я был крайне обрадован, увидив своих бывших сослуживцев по Уссурийской конной дивизии, когда я был в Приморском драгунском полку.

Из их разсказов я узнал, что они были при Уссурийской дивизии, под командой Генерала Крымова на германском фронте, а теперь переведены в конный Корпус Гр. Келлр, для действия в Карпатских горах.

Среди них я нашел много старых знакомых, как Подполковник Ширинкин. Капитан Богомолец, Штабс-капитан Омельянович-Павленко и др.

Заняв позицию наши Дальневосточные конники начали обстреливать неприятеля, находящегося на кладбище и в окопах.

Когда противник достаточно был обстрелян, я доложил Графу о моем намерении наступать дальше.

«Пока задержитесь, я послал Донской казачий полк обойти противника с фланга и облегчить Ваше наступление», сказал мне Гр. Келлер.

Через некоторое время вдали, за левым флангом неприятеля, показалась огромная пыль, быстро двигающаяся к окопам противника. Мы догадались, что это шел, высланный Графом, Донской казачий полк.

Увидев приближение русской конницы, заходящей ему в тыл, противник оставил окопы и бежал к кладбищу, надеясь укрыться от казачьих пик и шашек.

Роты находящиеся на правом фланге и в центре, успели добежать до кладбища, но лево-фланговыя его роты, как находящиеся ближе к наступающим казакам, были отрезаны.

Испуганные солдаты этих рот, бросили оружие и столпившись в кучу подняли руки вверх.

Казачья сотня, идущая впереди полка лавой, быстро их окружила и, держа пики к бою, остановилась и спокойно начала разговаривать с окруженным ею неприятелем.

Казалось все обойдется хорошо благополучно и роты будут взяты в плен, но, вдруг, неожиданно один из казаков бросился вперед и вонзил свою пику в пленнаго.

Как от электрическаго тока вся сотня бросилась на несчастных людей и казаки начали пронизывать пиками свои жертвы, как пойманных бабочек булавками, для коллекций.

Обезумевшие солдаты бросались, то в одну сторону, то в другую, но везде попадали на пики.

Мы страшно возмутились этой кровавой сценой и я попросил Гр. Келлер послать ординарца с приказанием прекратит эту ненужную и бесполезную бойню, но пока ординарец доскакал половина людей была переколота.

Противник так был напуган этим ужасным случаем, что покинул без боя не только кладбище, но и сам город Снятынь, который мы и заняли.

ГЛАВА XVI

С занятием г. Снятыня, 3-му конному Корпусу было приказано остановиться в этом раионе и прикрывать левый фланг нашей 9-ой армии, в Черновицком направлении.

Мы заняли ряд деревень центром которых являлась дер. Неполокауцы. Штаб корпуса и штаб 10-ой кав. дивизии разместились в городе Коцмане.

Неприятель ушел зо реку Прут и оттуда не показывался, а наша служба обратилась, в такую же форму, какую мы имели прикрывая кр. Перемышль, т. е. представляли собой кавалерийскую завесу.

Наступил Май, погода началась теплая весенняя и мягкая; изредка перепадали дожди, зазеленели поля, распустились деревья. Природа дышала всной. Как-то все тянулось к жизни и не хотелось в такое время принимать участие в мировом взаимном уничтожении человечества.

В сторожевом охранении мы стояли по бригадно по три дня, а три дня находились в резерве.

Даже служба на войне, в такое время года, не являлась такой тягостной, как зимой, а пребывание в резерве, мы уже считали отдыхом.

Получили летнюю одежду и все зимнее отправили в

склад в город Чугуев, по месту постоянной стоянки полка. Перековали лошадей на летния подковы и вычистили седла, амуницию и оружие.

В это время приехал из отпуска Полковник Богородский и только, что вступил в командование полком, как Гр. Келлер отдал приказ об его удалении и дал предписание отправиться в распоряжение штаба армии.

На чем основывал Гр. Келлер свое неудовольствие к Богородскому, никто не мог догадаться. Как я уже писал на стр. 22 своей книги Богородский был старый опытный строевой честный и храбрый офицер хорошаго характера и энергичный Командир. Предполагали, что Граф это сделал на зло Генералу Иванову. Позже мы узнали, что Иванов назначил Богородскаго Командиром 9-го драгунскаго Казанскаго полка.

Вандальскую, штуку успели вытворить солдаты и казаки в одну из ночей нашей стоянки у гор. Коцмане.

Близь города находился большой пруд в котором искуственно разводили карасей. Солдаты и казаки ночью открыли шлюз на плотине и выпустили из пруда всю воду. Утром мы увидели сотни громадных карасей, лежащих на дне пруда и задохшихся. Солдаты взяли себе несколько десятков, а остальные все погибли. Об этом доложили Гр. Келлер, но он на все проделки нижних чинов, смотрел сквозь пальцы.

В ночь с 25-го на 26-ое Мая я с полком сменил улан в сторожевом охранении. А так, как Командир бригады Генерал Тимашев был чем-то занят, то меня назначили командовать строжевым охранением и подчинили мне 1-ый Оренбургский казачий полк.

Сторожевое охранение имело боевой характер, эскадроны и сотни занимали частью мелкие окопы, а частью укрепили окраины деревень к стороне неприятеля.

Артиллерия наша стояла в лощинке, а наблюдательный пункт находился на высоком стогу соломы. Вступали мы в охранение с наступлением темноты, но я поехал на наблюдательный пункт раньше, чтобы до вечера осмотреть что делается у противника.

Командир Донской казачей бригады, котораго я сменил, передал мне, что артиллерия противника весь день вела пристрелку по разным пунктам нашего расположения, а его аэропланы часто летали над нашей батареей и сбросили много бомб с ядовитыми газами.

При дальнейшем наблюдении я заметил на правом неприятельском берегу реки Прута суетливую работу противника у мостов, главным образом у города Снятыня, которые были в его руках, а к этому городу с запада подходили большия колонны неприятельских войск.

Видно было по всему, что у противника идет подготовка к общему наступлению, о чем я подробно донес в штаб корпуса.

Из корпуса меня информировали, о получении сведений из штаба армии, где указывалось об обнаруживании нашими аэропланами громадной подвозки неприятельских войск к гор. Черновицы и движение его колонн с запада к городу Снятынь со стороны Коломеи.

Из сводки штаба юго-западного фронта также было видно о подготовке противника к наступлению на всем Буковинском фронте, в связи с успехами немецкой армии Генерала Макензена в Галиции.

Ввиду серьезности предстоящаго положения на фронте я остался на наблюдательном пункте, на стогу соломы на всю ночь, куда протянул телефоны и поддерживал разговор с гусарами, казаками, батареями и со штабами дивизии и корпуса.

Ночь была тихая немного прохладная, земля покрылась росой, что предвещало завтрашний жаркий день.

Со стороны противника все время сверкали электрические фонарики; был слышен стук двигающихся колес; частые паровозные свистки на станции Черновицы, а также гул прохоящих и уходящх поездов.

Уже ночью наши разведчики столкнулись с неприятельскими патрулями южнее дер. Неполокауцы.

К рассвету притихли пронзитнлныя крики ночных пугачей и сов стрекотание сверчков и началось веселое пение дневных птиц и порхание разноцветных красивых мотыльков и бабочек.

Забрезжал рассвет и природа проснулась после тихаго и спокойнаго майскаго ночного сна, озаряемая утренними лучами, восходящаго солнца.

Но суровый «Марс» махнул мечем, загрохотали пушки с обоих строн, заклокотали пулеметы и ружья в передних окопах, по наступающим цепям противника. Бой начался, разгораясь все больше и больше.

Вскоре приехал Командир корпуса Гр. Келлер и взлез на стог соломы на мой наблюдательный пункт.

Тяжелая артиллерия противника била по нашим батареям и резерву, а легкая громила наши окопы. Бой продолжался весь день, противник все время пытался прорвать наш фронт, но Граф Келлер зорко следил за полем сражения и во-время поддерживал резервом, те эскадроны и сотни, которым было не подсилу сдержать неприятеля.

После полудня бой усилился с большей силой и один из неприятельских снарядов разорвался близь соломеннаго стога и зажег наш наблюдательный пункт. Когда уже стог горел, Граф спокойно слез по лестнице вниз, а заним опустился я и часть штаба корпуса, ординарцы офицеры и телефонисты покатились на землю прямо по соломе.

Перенесли наблюдательный пункт на крышу сарая, но и тот был скоро разбит неприятельскими снарядами, тогда Граф ушел назад за возвышенность, а я засел в окоп и связался с ним телефоном.

До самаго вечера противник не мог занять ни одного нашего окопа, несмотря на значительное превосходство его сил.

В ночь с 26-го на 27-е Мая Командир корпуса получил инструкцию от штаба армии отступать на нашу прежнюю позицию на линию дд. Ржавинцы, Савокриничный кордон, Шиловцы и Калинкауцы, сдерживая противника насколько возможно, пока перебросят нашу пехоту на поддержку нас.

В эту же ночь Граф приказал частям корпуса отойти назад и занять позицию южнее д. Куперник.

К рассвету 27-го Мая мы заняли указанную линию, а утром подошел к нам противник и опять завязался бой, продолжавшийся до вечера.

Ночью мы опять отошли и к утру 28-го Мая заняли позицию к востоку от дер. Заставна. На этот раз противник подошел к нам только к полудню и опять завязался бой.

Противник наступал большими силами. Теперь действительно можно было сказать, что его было «Видимо» —«Невимо», такия громадныя силы он развернул перед нами.

Я с полком двигаясь на правом фланге нашего корпуса находился близь д. Заставна.

Пехота противника теснила нас в центре, а часа в4-е вечера на наших глазах в дер. Заставна вошла неприятельская кавалерийская дивизия с двумя конными батареями. Все улицы д. Заставны были заполнены всадниками. Казалось каждый пущенный нами туда артиллерийский снаряд нане-

сет большия потери противнику. Я послал Графу об этом донесение, докладывая о необходимости немедленно обстрелять Заставну нашей батареей, а когдо у противника начнется замешательство, то мы в конном строю его атакуем и разобьем эту дивизию, также, как мы разбили их 4-ю кавалерийскую дивизию 31 Августа 1914-го года у дер. Ярославцы севернее Львова.

Когда мое донесение достигло Графа, то в это время наша артиллерия отходила назад, для занятия новой позиции. Граф приказал ей вернуться и обстрелять Заставну. Но на этот раз наша лихая конная батарея, действовала, как то медленно. Отразилась ла на ней усталость благодаря трем суткам непрерывнаго боя или, что-нибудь другое, но пока она вернулась на старую позицию, австрийския конныя батареи успели раньше занять позицию и открыли огонь по нашей батареи в то время когда она снималась с передков и этим заставили ее уйти с позиции.

Австрийская же кавалерийская дивизия, заняв Заставны, спешилась и открыла по нас огонь из ружей и пулеметов. Увидев это Граф отказался от плана атаковать неприятельскую конную дивизию и приказал нам отступать к дер. Добраночь.

Это было первый раз за всю войну, когда Гр. Келлер не решился на атаку.

А когда стемнело, он приказал отступить на высоты восточнее дер. Добраночь.

Шли мы маленькими проселочными полевыми дорожками, а иногда прямо полем. Ночь была тихая теплая, но очень темная, и мы достигли этих высот, только около 9-ти часов утра 29-го Мая.

За это время опять подошла очередь гусарскому полку идти в сторожевое охранение и мы выставили его к 12-ти часам дня.

Позиция в тактическом отношении оказалась очень хорошая, — верхушки высот были покрыты лесом, который скрывал все наши движения и расположения. Гусары заняли западную его опушку, откуда был прекрасный обстрел вниз по склонам гор на большое разстояние.

Видимость с наблюдательнаго пункта была великолепная; в бинокль было видно все пространство на запад до дер.. Заставна, а на Юг до города Сада-Гура и даже до самых Чорновиц.

Движения противника нигде не было видно, Видимо, он

был так утомлен пяти-дневными непрерывными боями, что не показывался из деревни Заставна.

Об'ехав выставленное сторожевое охранение и убедившись, что на фронте все спокойно, я написал об этом донесение, а сам оставив за себя Командира батареи и посадив на наблюдательный пункт своего и артиллерийскаго офицеров с четырьмя разведчиками, пошел на позицию батареи и недалеко от пушек лег на землю, чтобы хотя немного вздремнуть, т. к. с утра 25-го Мая и до полудня 29-го Мая я не имел возможности уснуть ни одной минуты. Я даже сам удивлялся, как я мог выдержать не спавши почти пять суток, при такой напряженной, ответственной и рискованной работе.

И только мое здоровье, тренировка и молодой возраст позволяли мне выдерживать столь трудныя и опасныя испытания, котрыя постоянно приходится имет на войне.

Вот почему я всегда стою за то, чтобы Командиры кавалерийских полков обладали хорошим здоровьем, выносливостью, были-бы хорошо втянуты в работу и не стараго возраста; тогда только от них можно требовать выполнения трудных кавалерийских задач во время войны.

Конечно, возраст не играет главной роли, а все зависит от состояния здоровья человека и насколько он тренирован.

В кавалерийской школе был инструктор вольтижеровки военный чиновник Алексеев, которому было уже под 60 лет, но он вольтижировал, т. е. на галопе прыгал на лошадь и с лошади, гораздо лучше любого молодого офицера.

Я также лично видел, как Командующий войсками Приамурскаго военнаго округа Генерал Лечицкий производя смотр в 1913-м году 1-му Восточно- Сибирскому Срелковому полку в урочище Раздольном, делал гимнастику на трапеции гораздо легче, чем любой солдат.

Не хвастаясь скажу, что Корпович и я, будучи уже в чине Подполковника, на смотру 3-го драгунскаго Новороссийскаго полка Генералом Рененкампфом в 1910-му году на карьере делали прыжки с лошади и на лошадь на равне с солдатами джигитами.

Могли мы делать это потому, что держали себя в тренинге, как говорят англичане. И делали мы это без всякой предвзятой цели, а все-же тяжеловесные штаб-офицеры после говорили, что мы с Карповичем выпрыгивоем себе полки. Так смотрели в старину на молодых легких штаб-офицеров в нашей кавалерии, что являлось совершенно ошибочным мнением, что и доказала последняя война, когда боль-

шинство тяжеловесных ротмистров и штаб- офицеров ушли из строя в тыловыя учреждения.

Ложась около пушек вздремнуть, я просил Командира батареи разбудить меня в случае наступления противника, а сам сразу уснул, как убитый.

Когда Командир батареи заметил движение противника, пустил в него 12-ть снарядов, я так крепко спал после пяти безсонных ночей, что даже пушечные выстрелы не могли разбудить меня.

Около 4-х часов дня было получено приказание отойти в деревню Малинцы. Мы пожалели, что пришлось покинуть такую чудную позицию без боя, но вероятно по стратегическим соображениям нашему конному корпосу было необходимо отступить на эту линию..

Вечером 29-го Мая мы пришли в дер. Малинцы. В сторожевое охранение был назначен другой полк, и гусары первый раз за пять ночей уснули крепким и спокойным сном.

Часам к 9-ти утра 30-го Мая противник потеснил наше сторожевое охранение и опять громадными силами повел на нас наступление.

Гусарскому и уланскому полкам было приказано оборонять лес севернее дер. Малинцы.

К 11-ти часам дня противник ввел в бой тяжелую артиллерию; один из снарядов большого калибра ударил в землю около того места, где я стоял, взорвался и меня отбросило в сторону. От взрыва ли или от падения на землю, но я от боли потерял сознание. Ординарцы с фельдшером привели меня в чувство и послали за доктором, который предложил мне уехать на время в госпиталь, т. к. у меня началась рвота и боль головы от ядовитых газов, но я отказался оставить мой доблестный гусарский полк в такое тяжелое время.

К трем часам дня противник потеснил нашу Донскую казачью дивизию и начал глубоко обходить правый фланг 10-ой кав. дивизии угрожая нашему тылу.

Все полки корпуса были введены в бой и Командиру корпуса нечем было противостоять обходу неприятеля и он приказал отходить к гор. Хотину.

«Отводите потихоньку Ваш полк к коноводам и двигайтесь за дивизией, я приказал уланам прикрывать наше отступление», сказал мне Граф Келлер, шагая к коноводам.

Как только Граф скрылся, мы услыхали неистово громкую команду Полковника Черемисинова: «УЛАНЫ БЕГОМ

ПО КОНЯМ», «САДИСЬ», «ЗА МНОЙ». «РЫСЬЮ», «МАРШ».

Выпалив сразу все команды он порысил в тыл. Уланы бросились к коноводам, кто первый успел сесть на лошадь, скакали за Черемисиновым.

Гусары видя такую картину, решили, что случилось что-то необыкновенное и стали нервничать.

Меня это страшно обозлило. Я приказал трубачу подать мне лошадь и поскакал наперерез Черемисинову.

«Вы, что это полковник наводите здесь панику», крикнул я грубо догнав Черемисинова: «Вам Командир корпуса приказал прикрывать отступление нашей дивизии, а Вы не дождавшись не только, что отхода всех полков, но даже не собрав Вашего полка, удираете назад».

«Я не могу больше медлить т. к. противник заходит нам в тыл», пробормотал Черемисинов.

Это меня еще больше озлило и несмотря на мой спокойный характер, я опять грубо сказал ему:

«Ну, если Вы боитесь, то убирайтесь отсюда к черту и не насаждайте здесь паники, а я с полком останусь прикрывать отступление дивизии».

Я предполагал, что Черемисинов за это обидится и вернется на позицию. но эфект получился обратный он не только не обидился и не сконфузился, но, наоборт, этому обрадоволся и крикнув мне, «Досвидание!» еще быстрее поехал за дивизией.

С уходом улан правый фланг моего полка был оголен и мне пришлось последний мой резервный эскадрон с двумя пулеметами отправить туда с приказанием задержать непприятеля, до отхода всех частей нашей дивизии.

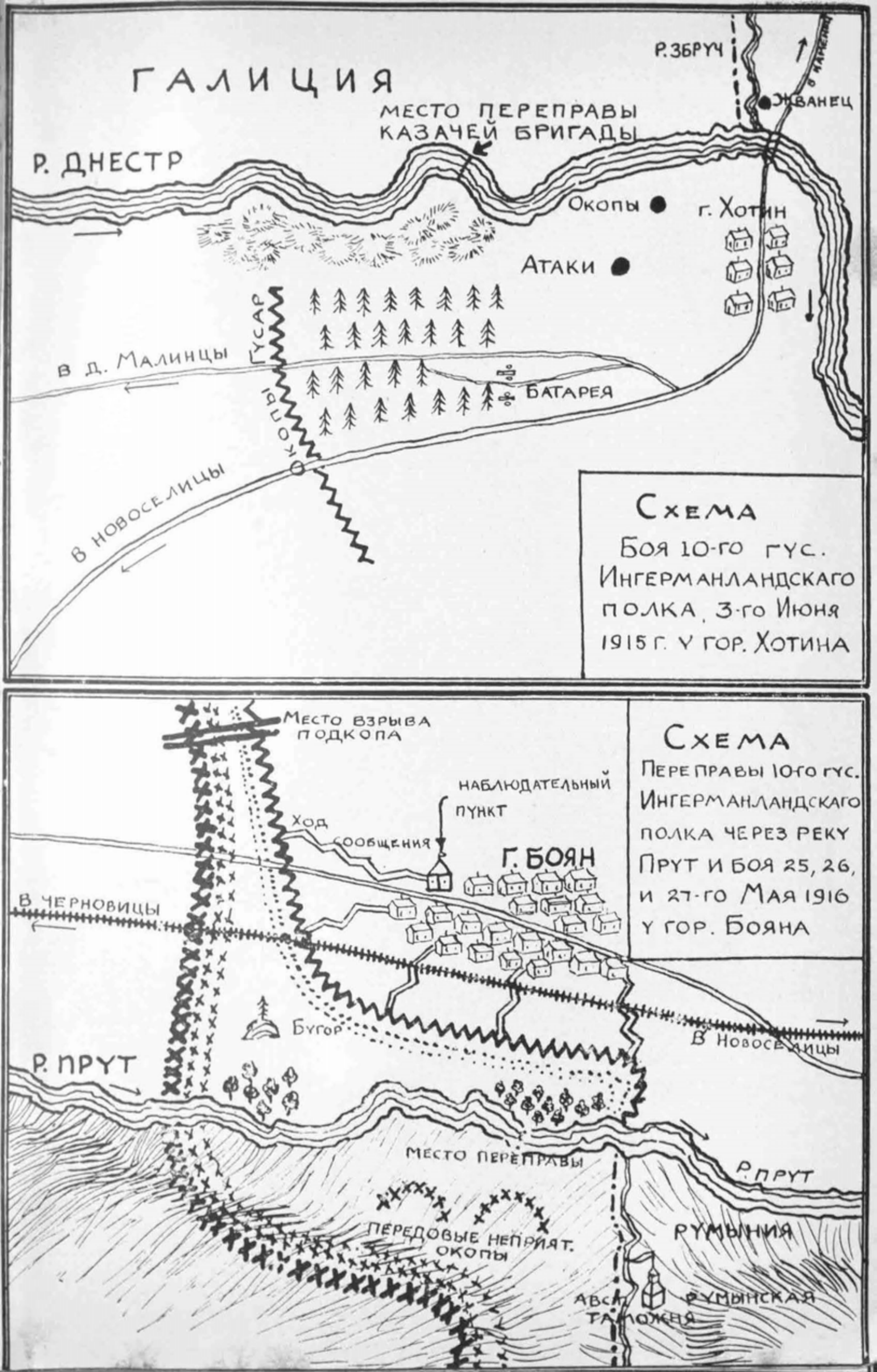
Когда все уже отступили, я приказал гусарам не спеша незаметно, потихоньку поодиночке отходить к коноводам. Они выполнили это спокойно и без всякой суеты и шума отшли к лошадям.

Посадив полк на коней я, прикрываясь лесом, повел его к гор. Хотину, оставив раз'езд для наблюдения за противником, который позже мне донес, что неприятель занял нашу позицию, лишь через два часа, после ухода гусар, вероятно, опасаясь, что мы еще в нем находимся.

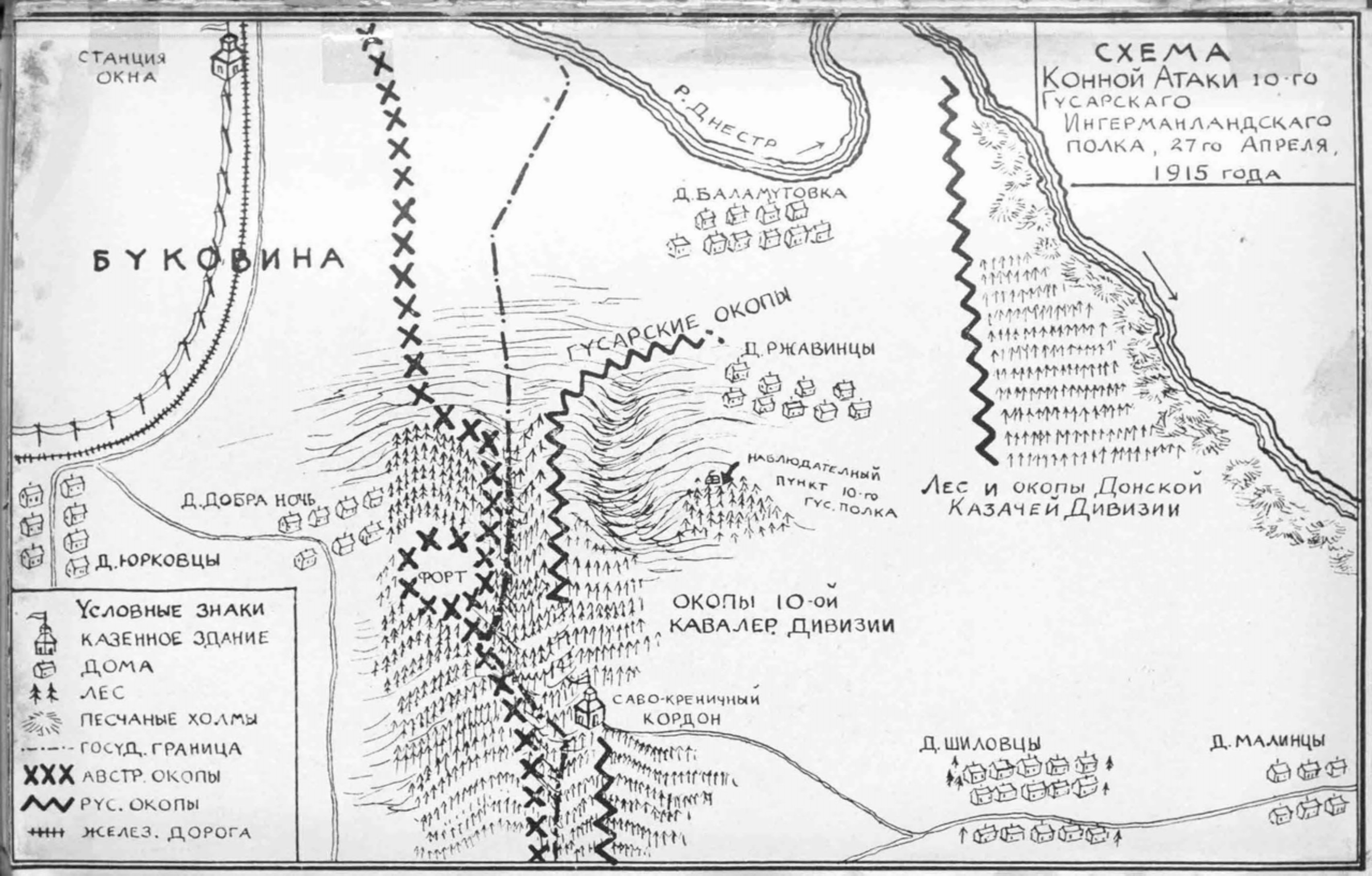
Полк ушел так тихо и скрытно, что неприятель даже этого не заметил.

30-го Мая мы переночевали в деревнях западнее г. Хотина.

Я конечно, ничего не сказал Графу Келлер о моем столк-

Галиция
Р. Збруч
в Каменец
Жванец
Место переправы
казачей бригады
Р. Днестр
Окопы
г. Хотин
Атаки
Гусар
окопы
в д. Малинцы
Батарея
в Новоселицы
Схема
Боя 10-го гус. Ингерманландскаго полка, 3-го Июня 1915 г. у гор. Хотина
Место взрыва подкопа
Наблюдательный пункт
Ход сообщения
Г. Боян
Схема
Переправы 10-го гус. Ингерманландскаго полка через реку Прут и боя 25, 26, и 27-го Мая 1916 у гор. Бояна
в Черновицы
Бугор
В Новоселицы
Р. Прут
Место переправы
Р. Прут
Румыния
Передовые неприят. окопы
Румынская таможня

СХЕМА
КОННОЙ АТАКИ 10-ГО ГУСАРСКАГО ИНГЕРМАНЛАНДСКАГО ПОЛКА, 27ГО АПРЕЛЯ, 1915 ГОДА
СТАНЦИЯ ОКНА
БУКОВИНА
Р. ДНЕСТР
Д. БАЛАМУТОВКА
ГУСАРСКИЕ ОКОПЫ
Д. РЖАВИНЦЫ
НАБЛЮДАТЕЛНЫЙ ПУНКТ 10-ГО ГУС. ПОЛКА
ЛЕС И ОКОПЫ ДОНСКОЙ КАЗАЧЕЙ ДИВИЗИИ
Д. ДОБРА НОЧЬ
Д. ЮРКОВЦЫ
ФОРТ
ОКОПЫ 10-ОЙ КАВАЛЕР. ДИВИЗИИ
САВО-КРЕНИЧНЫЙ КОРДОН
Д. ШИЛОВЦЫ
Д. МАЛИНЦЫ
УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ
КАЗЕННОЕ ЗДАНИЕ
ДОМА
ЛЕС
ПЕСЧАНЫЕ ХОЛМЫ
ГОСУД. ГРАНИЦА
АВСТР. ОКОПЫ
РУС. ОКОПЫ
ЖЕЛЕЗ. ДОРОГА

новении с Черемисиновым, но он узнал об этом стороной и отослал Черемисинова заведывать обозом 11-го разряда.

Так, этот весьма «опытный» в жизни человек закончил свою боевую карьеру на войне. В обозе он оказался незаменимым «Командиром».

ГЛАВА XVII

31-го Мая мы отошли к городу Хотину и корпус занял позицию западнее этого города, занимая окопы по-бригадно. Мой полк оборонял участок окопов между р. Днестром и дорогой Хотин-Черновицы. Участок был лесной, холмистый и с крутыми обрывами к реке и довольно растянутый, для одного полка, с чем я донес в штаб своей дивизии. Мне ответили, что по приказанию Гра—а Келлер, 1-го Июня, меня сменит бригада Донской Казачьей дивизии.

По прибытии командира бригады, я разсказал ему обстановку, подтвердил что неприятель не так далеко и что нужно тщательно наблюдать крутой берег Днестра, так как противник может им воспользоваться, прорваться к мостам Хотина, и Корпус будет отрезан от переправы.

Сменившись, я, с темнотой, ушел на стоянку в г. Хотин, но у меня было какое то тревожное предчувствие в эту ночь и я, поехав в штаб дивизии с докладом, приказал командирам эскадронов не разседлывать лошадей, а дав им сена, выдать ужин гусарам.

В штабе дивизии мне предлагали пообедать, но я отказался, ссылаясь на усталость и желание скорее добраться на квартиру и уснуть. В штабе полка, меня встретил мой доблестный помощник, подполковник Иван Гаврилович Барбович и сказал мне, что его деньщику удалось достать макарон и масла и, если я хочу, то он прикажет их приготовить. Я ответил соглосим т. к. кроме черных сухарей и чая, мы ничего не имели на позиции в продолжении суток. Только что мы с Иваном Гавриловичем начали есть, показавшиеся нам очень вкусными макароны, как я слышу голос телефониста: «так точно Ваше сиятельство, командир здесь». Я догадался, что вызывают меня и раз Граф вызывает лично, то случилось что либо серьезное.

«Предчувствие меня не обманывает», сказал я Барбовичу, уходя к телефону.

«Ничего не могу понять что происходит на позиции», сказал мнеГраф Келлер, когда я взял трубку. «Телефон с командиром казачьей бригады прерван. Командир конной батареи доносит, что, услышав какой-то шум в окопах, он послал туда своих разведчиков узнать в чем дело и, вместо ка-

заков, в наших окопах оказался неприятель, который и обстрелял посланных разведчиков».

«Как можно скорее прикажите полку седлать и скорее спешите на позицию. Разберитесь там, что случилось, действуйте самым решительным образом, помня, что от ваших действий зависит судьба г. Хотина и мостов на Днестре. Надеюсь, как и всегда, Вы выполните свою задачу успешно».

«Полк еще под седлом», доложил я Графу, «выступаю немедленно».

«Отлично, с Богом», были последния слова Графа.

Бросив еду, я передал во все эскадроны, сейчас-же выводить, строиться и двигаться на сборный пункт, а моему помощнику Подполковнику Пальшау, вести полк на позицию, как только эскадроны соберутся.

Я со своими ординарцами поехал вперед. Небо заволокло дождевыми тучами, моросил небольшой дождь, облака шли низко и ночь была очень темная. Будучи заранее знаком с позицией, я быстро нашел батарею, которую застал в весьма тревожном положении: орудия уже были на передках, а уносы стояли лицом к Хотину, готовые тотчас-же двинуться при появлении противника. В сторону неприятеля были разсыпаны цепью батарейные разведчики с револьверами в руках. Командир батареи повторил мне то же самое, что он донес Графу. Вскоре подошел и полк. Я послал редкую цепь разведчиков по направлению наших окопов, но они были встречены оттуда огнем.

Думать долго не приходилось. Нужно было действовать быстро и решительно. Вызвав всех офицеров и унтерофицеров, я об'яснил им обстановку. Затем спешил пять эскадронов, оставив один эскадрон в конном строю для прикрытия батареи и коноводов. Разсыпав три эскадрона в одну шеренгу я два поставил в развернутом фронте. в 50-ти шагах, сзади первой линии. Взял сам и приказал всем офицерам взять винтовки у коноводов, поставил Подполковника Пальшау, впереди третьяго взвода средняго эскадрона и указал ему держать направление по тропинке, ведущей к нашим окопам, а эскадронам равняться на середину, держась локтем, чтобы не разорваться так как приходилось пройти лесом, лежащим между окопами и батареей, который прекращался лишь шагов за сто до окопов. До этой опушки и доходили наши разведчики. Я приказал соблюдать полную тишину, во время движения, а подойдя к окраине леса, остановиться и, подравняться. Если против-

ник откроет наше преближение, то Подполковнику Пальшау не закричать, а «зареветь», «ура» во всю мочь, его богатырскаго горла, всем гусарам подхватит и ринуться в штыки на неприятеля, каким бы огнем он не встретил нашу атаку. Я разсчитывал, что если противник встретит первую линию контр-атакой, то я со второй линией прорву все таки его фронт. План мой удался в большей степени, чем я сам ожидал.

Только первая линия подошла к опушке леса, как противник нас услыхал и открыл огонь. Раздался громоподобный крик «ура» Подполковника Пальшау, дружно подхваченное гусарами, и весь полк ринулся в штыки. Противник, оторопевший и растерявшийся от неожиданности, в паническом страхе бросился назад, увлекая с собою свой резерв. Неприятельская пехота нагруженная своим тяжелым вьюком, не могла бежать и падала под ударами лихих гусар. Преследование продолжалось все дальше и дальше. Опасаясь, что полк в темноте разсеется и управление ускользнет из моих рук, я приказал трубачу играть «стой и по переднему уступу». Как только эскадроны остановились, я приказал обстреливать уходящаго противника зал пами, чтобы показать ему, что наши части находятся в руках. Когда все стихло, я приказал командирам эскадронов занять наши окопы в таком положении, как мы их занимали до смены нас казаками.

Донеся подробно обо всем Графу, я до разсвета оставался в окопах, приказав подобрать раненных и убитых, как своих гусар, так и противника и собирать пленных,оказавшихся в большом числе у нас в тылу, куда они рину)лись во время ночной их паники.

Утром, гусары были сменены, уланами 10-го Одесскаго полка, после чего я отвел полк в резерв, в Хотин а сам поехал с докладом к Командиру Корпуса.

На улице, у ворот штаба корпуса, на бревнах сидел Граф Келлер, со всем штабом в обществе нескольких лиц в гражданской форме.

«Ну, идите, идите сюда ближе», сказал Граф, когда я слезал с лошади. «Первое я Вас поцелую, а потом будете докладывать». И Граф сердечно меня поцеловал и, обратившись к гражданским лицам, сказал: «Вот этот Полковник, которому мы обязаны пребыванием здесь а не на дороге отступления».

«Ну, а теперь разсказывайте», обратился Граф ко мне,

«я знаю многое из Ваших донесений, но хочу, чтобы Вас услыхали лично». И он меня познакомил с гражданскими лицами. Это была администрация Бессарабской губернии и власти г. Хитина.

Я доложил о действии полка, за истекшую ночь, а затем спросил, что случилось с Донской Казачьей Бригадой?

На лице Графа скользнула тень неудовольствия: «Там случилось какое-то недоразумение», ответил нехотя Граф.

Я догадался, что он не хочет говорить об этом, при посторонних, и замял разговор следующим его разсказом: «Вечера ночью. с Вашим уходом, я приказал штабам уложиться, а обозам запречь. Узнав об этом, городския власти, испуганныя, прибежали ко мне спросить в чем дело. Я сидел на этом самом бревне и не мог им ничего об'яснить, т. к. и сам не знал, что происходит на позиции.

И вот в самый напряженный момент ожидания, вдруг, в лесу грянуло громкое «ура». Признаюсь, у меня упало сердце. — «Ура» было настолько мощно, что мне показалось, противник атакует Вас в больших силах.

«Ваше Сиятельство, это атакуют наши гусары,», радостно крикнул, кто-то из штабных офицеров, — «Вы слышите, «ура» удаляется все дальше и дальше». — «Да, слышу», ответил я, и сказал городской администрации: «вот вам ответ на ваш вопрос, — а теперь подождем результата. Получив ваше донесение, я приказал обозом отпречь, городской администрации идти домой и спать спокойно».

Этим закончил Граф своей разсказ, о волнениях штаба города, в ожидании действий гусар.

Успех под Хотиным, я всецело отношу к доблести офицеров и гусар полка, которые в темноте, встреченные сильным огнем противника, не шарахнулись назад, а, не задумываясь дружно, бросились в штыки, не зная сколько и каков был перед ними противник.

Имея столь доблестных офицеров как: Барабович, Пальшау, Дылевский, Тихонравов, Эмних, бротья Слезкины, Дунин-Жуховский, Веньцель и другие, я всегда был вполне уверен, что они не повернуть спин ни перед каким противником если его необходимо атаковать.

А раз офицеры идут вперед, то на основании опыта трех войн и двух революций, я ручаюсь, что из ста случаев, в 99-ти, солдаты не отстанут от своих офицеров. А при такой спайке офицеров и солдат успех боя обезпечен.

Взятые гусарами пленные показали: противником был составлен ударный отряд из 3-х баталионов пехоты и полка кавалерии, с приказанием: пехоте овладеть русскими окопами, западнее Хотина, а кавалерии, пользуясь, этим, прорваться вдоль реки, и взорвать мосты на Днестре. Выполнив свою задачу, пехота поджидала действие кавалерии, которая продвигалась медленно, а услыхав контр-атаку русских, повернула назад. Пленные разсказали что наша атака для них была так неожиданна, а «ура» было столь могучим, что они были уверены, что их атакует пехотный полк, и не хотели верить об атаке их всего лишь 5-ю спешенными эскадронами кавалерии.

Ходили слухи, будто казаки, обнаружив ночью наступление противника, оставили окопы и ушли в лес к коноводам. Растерявшийся командир бригады предпочел ночью, вплавь, переправиться через Днестр. вместо того, что-бы явиться пред грозныя очи строгаго командира корпуса. — Графа Келлер.

На другой день весь корпус перешел в наступление и мне так и не удалось точно узнать, что случилось с казачьей бригадой.

Кроме 10-ой кавалерийской и Донской казачьей дивизий, кои постоянно составляли 3-ий Конный Корпус, нам на помощь прислали еще Донскую казачью и 9-ю кавалерийскую дивизии.

Получив такое подкрепление Граф Келлер быстро очистил от неприятеля пространство между речками Прутом и Днестром, от города Хотина на запад до Буковины.

Неприятель опять оказал упорное сопротивление на линии деревень Малинцы, Шиловцы, Калинкауцы, Савокреничный Кордон и Ржавинцы.

Гусарский полк наступал на правом фланге 10-ой кавалерийской дивизии и вел бой в деревне Малинцы.

День клонился к вечеру, — бой, постепенно, начинал стихать, мы начали готовиться провести ночь в цепи. Правее моего полка никого не было и я принимал меры, для обезпечения своего праваго фланга.

В это время смотрю Донской казачий полк выдвигается правее расположения моих гусар. Желая узнать задачу казаков, я поехал им навстречу.

«Кто командует полком»? спросил я дозорнаго казака.

«Полковник Краснов», весело ответил лихой донец.

«Какой Краснов? Бывший Атаманскаго полка»? спросил я.

«Так точно», ответил казак.

«А где командир полка?» переспросил я казака.

«Да вот, едет неподалеку, уж наш командир таков, всегда едет впереди с дозорами. Вишь, мы его бережем, просим ехать в колонне, а он все на своем уж такой храбрый, силы нет так и лезет под огонь», продолжал словоохотливый казак.

«Я был рад видеть Петра Николаевича, с которым, кроме знакомства по русс.-Япон. войне, мы проходили офицер. кавал. школу, где П. Н. пользовался большой популярностью всего курса, а я стал его другом и поклонником его таланта.

Было уже темно, П. Н. в пенснэ, приставлено стал всматриваться в меня и моих ординарцев ехавших к нему на встречу

«Здравствуйте, кого я вижу!», воскликнул П. Н., крепко пожимая мне руку,. «Видимо судьбой нам суждено встретиться при особых обстоятельствах», сказал он: «то в Манчжурии на посту, у пустыннаго берега Китайскаго моря, то в нашем прелестном, красивом и веселом Петербурге, то в лесах Буковины».

«А Вы все еще на своем знаменитом «Зайчике», продолжал П. Н., взглянув но мою лошадь, на которой я взял много призов, на конкурах, во время пребывания в офицер. кавалерийской школе.

«Да вот, как видите, прыгаю по неприятельским окопам, по опыту школьных и Михайловскаго манежей», ответил я, и спросил, какую задачу имеет его полк.

«Занять позицию у Саво-Креничнаго кордона», — ответил П. Н., «это хорошо»—сказал я, а то правее меня никого нет.

На этом пришлось прервать нашу короткую и незабываемую встречу, т. к. полк протянулся далеко и П. Н-чу нужно было его догнать.Я с грустью, взглянул вслед Петра Николаевича и мне почудилось, что вряд-ли нам придется когда либо еще встретиться.

Противник, укрепившись по буковинско-бессарабской границе, оказал нам серьезное сопротивление и мы понесли в этих боях тяжелыя потери.

Был тажело ранен и лишился руки Командир I-го эскадрона 10-го гусарскаго Ингерманландскаго полка Ротмистр Гуржин, его эскадрон принял Штабс-Ротмистр Булацель.

Был убит прекрасный Командир 4-го эскадрона того-же полка Ротмистр Дылевский; в командование его эскадроном вступил Штабс-Ротмистр Трегубов.

О потерях в офицерском составе и вообще всех гусар в

конце книги будет приложен особый список.

В этих же боях был ранен доблестный Командир I-го Оренбургскаго полка Полковник Печенчин и его помощник Войсковой-Старшина (кажется) Бородин, ему оторвало ногу выше колена, но он настолько был мужественный, что лежа на носилках пел «Боже Царя Храни», когда его несли в тыл.

Был также ранен Подполковник 10-го улан. Одескаго полка Зарубин.

А в заключение был ранен и сам Командир корпуса Граф Келлер, при следующих обстоятельствах.

С включением в 3-тий конный корпус двух дивизий наш фронт значительно увеличелся.

Начальник штаба корпуса Генерал Сенча выбрал место для штаба корпуса за центром расположения всего корпуса и связался телефонами со штабом 9-ой армии и со всеми четырмя дивизиями. Естественно место штаба корпуса получилось гораздо дальше от позиции, чем всегда распологался Граф Келлер, который привык с наблюдательнаго пункта следить за действием всех своих частей в бою, чего он не мог видеть с места нахождения штаба корпуса, выбранном его начальником штаба.

В этот день я с полком находился в корпусном резерве и стоял в лесу близь штаба копруса, где был невольным свидетелем всего там происходящаго.

«На черта, Вы притащили меня сюда, откуда я не могу следить за действием частей моего корпуса», сказал Гр. Келлер начальнику его штаба, входя в домик лесничаго, где расположилось оперативное отделение штаба.

«Я, Ваше Сиятельство, выбрал место для штаба согласно «Наставления о полевом управлении войск», которое требует местонахождения каждаго штаба за центром росположения войск. А Вам нет надобности видеть войска т. к. Вы будете увлечены боем той части которую видите, а остальныя останутся без управления. Здесь же есть подробная карта, по которой Вы при помощи телефона, можете управлять всем корпусом», ответил начальник штаба.

«Это Вы, генеральный штаб, любите воевать по карте с флажками на булавках, а мы строевые начальники привыкли воевать на местности с войсками. Прикажите мне подать лошадь я поеду на наблюдательный пункт 10-ой кав. дивизии, а то я отсюда ничего не вижу», сказал Граф довольно резко.

Но пока он собрался уехать, его несколько раз звали к телефону, то начальник 9-ой кав. дивизии просит прислать

поддержку, то начальник Донской каз. дивизии доносит, что продвигаться дальше не может и наконец сам камандующий 9-ой армией Генерал Лечицкий лично говорил с ним.

В конце концов, Граф сел на лошад и ускакал на наблюдательный пункт, кринкнув начальнику штаба: «Свяжитись со мной телефоном».

Приехав на наблюдательный пункт, Граф не удержался, чтобы не пойти в цепь подбадривать солдат, где и был ранен в ногу навылет, неприятельской ружейной пулей и был унесен на носилках, а затем эвакуирован в санитарном поезде в тыл, для госпитальнаго лечения.

Вместо Гр. Келлер, в командование нашим конным корпусом вступил начальник 10-ой кавалер. дивизии Ген. Марков.

Конечно, картина дейсвий корпуса резко изменилась.

В то время, как Граф Келлер докладывал о необходимости овладеть неприятельской позицией и продолжать наступление, дабы облегчить тяжелое положение нашей армии, дерущейся в это время в Галиции с немецкими войсками Генерала Макензен, для чего Граф все время подталкивал свои дивизии вперед, Марков сейчас же донес о невозможности продолжать наступление и приказал частям корпуса прекратить атаки и отойти назад в наши окопы.

Тогда Ген. Лечицкий взял из нашего корпуса 9-ю кавалерийскую и одну Донскую казачью дивизии и прислал пехоту, которая заняла участок от реки Днестра до деревни Ржавинцы; Маркову же приказал занять окопы от дер. Ржавинцы до дер. Калинкауцы.

Моему полку достался старый знакомый участок у дер. Ржавинцы, откуда гусары в Апреле месяце произвели конную атаку на противника в направлении Юрковцы и станция Окна.

Занимал я Ржавинцы по очереди с пластунами Кубанскаго казачьяго войска. Однажды приведя полк сменить пластунов я зашел к Командиру пластунской бригады за информацией. Он ответил мне, что перемен никаких нет. Я пошел по окопам, для проверки положения на участке. Прошел один участок, казаки сидят, но ни одного пластунскаго офицера я не видел, тоже самое я не нашел ни одного офицера и на втором участке

Тогда я спросил пластунов: «А, где Ваши офицеры?

«В халупе с Командиром сотни», ответили казаки.

Я зашел в халупу. Меня встретил сконфузившийся Есаул с двумя младшими офицерами.

«Как же это у Вас нет ни одного офицера в окопе? спросил я Есаула.

«Да, видите Г-н Полковник, сейчас еще день, все видно и никакой опасности нет», ответил растерявшийся Есаул.

«На основании сказаннаго Вами, казаки тоже могут уйти из окопов и разбрестись по халупам. Если нет никакой опасности, то почему бы Вам не вывести половину казаков из окопов в халупы, им тоже хочется отдохнуть в доме, также, как и Вам. Вторую половину оставить в окопах, но при офицере. Оставлять же казаков одних и самим уходить в халупы, не офицерское дело. Вы меня извините, я не Ваш начальник, а лишь дал Вам совет, как старший товарищ-офицер. У нас в кавалерии и в конных казачьих частях я этого, по правде сказать, не замечал», ответил я Есаулу.

«Вы,только не говорите об этом нашему Командиру бригады», попросил меня Есаул.

«Я лишь высказал Вам свое мнение, как должны себя вести офицеры, но говорить кому-либо я не собираюс», ответил я и пошел дальше по окопам.

Простояли мы на этом участке с 4-го Июня по 3-ие Августа. Жизнь в окопах проходила монотонно и скучно, каждый день был похож один на другой, но погода стояла чудная, что сильно облегчала окопное сидение.

Противник держал себя спокойно, лишь изредка обстреливал нас артиллерийским огнем или из пулеметов. В 1915 году в русской армии стало недоставать снарядов, поэтому мы их берегли и редко отвечали на выстрелы неприятеля.

Но к вечеру всякая стрельба прекращалась, наступала такая тишина, что наши и неприятельския солдаты перекликались между собой.

Обычно противник кричал по польски: «Дайце нам хлеба, соли и слонины, а мы Вам дамы вудки».

Иногда действительно происходил товарообмен. Наши несли им хлеб, соль, а они давали водку. Обмен происходил между окопами, куда обе стороны выходили без оружия.

Ген. Марков конечно не только не думал о наступлении, но никогда даже не приезжал на позицию, а занимался главным образом устройством вечеринок, в штабе корпуса, пользуясь отсутствием Графа Келлера.

ГЛАВА XVIII

4-гоАвгуста пришла пехота и заняла наш участок. а нас отодвинули к Югу в район местечка Новоселицы, где сходились три границы: русская, австрийская и румынская.

Из Новоселиц мы двинулись вверх вдоль реки Прут и заняли австрийский городок Боян, лежащий в 5-ти верстах западнее Новоселиц и верстах в двенадцати от города Черновиц.

Город Боян лежал на левом берегу реки Прута, который был низкий, в то время, как правый был высокий, и неприятель мог легко видеть нас и обстреливать любой наш участок из за реки Прута.

Было видно, что мы засядем здесь надолго и поэтому приступили к постройке основательных окопов.

От Бояна к Новоселцам подходила австрийская железная дорога, которую мы использовали для постройки окопов. В землянках сделали крыши из двух рядов рельс, затем насыпали на рельсы земли, а сверху наложили опять ряды шпал и засыпали землей. Устроили нары внутри землянок и поставили железныя печки для обогревания землянок и для разогревания пищи и варки чая.

В окопах и ходах сообщений из досок сделали полы, а сверху окопов из шпал построили крыши от шрапнельнаго огня и дождя.

Окопы оказались довольно прочными. Крышу землянок не могли пробить даже 6-ти дюймовые снаряды.

Так мы устроились на зиму и просидели в них с 5-го Августа 1915-го года, до 24-ое Мая 1916-го года.

Кажется в Сентябре вернулся Граф Келлер, после ранения и вступил в командование корпусом. В это время Генерал Иванов, желая отомстить Гр. Келлер, назначил Командиром 10-го Гусар. Ингерманландскаго полка генеральнаго штаба Полковника Приходника.

Узнав об этом Граф сейчас же назначил меня командовать 10-м уланским Одесским полком. Таким образом мне пришлось откомандовать всеми тремя полками нашей дивизии.

Как я уже писал раньше, уланский полк считался самым лучшим полком по внутреннему порядку в 10-ой кавалерийской дивизии.

В нем еще осталась закваска известнаго кавалериста Тол-

Унтер-офицер 10 Ул. Одесскаго полка Пензарь, бежал из плена, случайно вышел к окопам своего полка, пробираясь 43 дня по стране неприятеля и 31 день питался только ягодами и сырой кукурузой. Слева направо: Пор. Михайлов; Подполк. Рейхарт; Унтер-офицер Пензарь и автор книги.

Штаб 10 Улан. Одесскаго полка во время командования этим полком автора книги в 1915 году у Бояна в Галиции.

пыги.

Несмотря на то, что Толпыго получил военное образование в пехотном юнкерском училище и был молодым офицером переведен из пехоты в уланский Одесский полк, он оказался выдающимся кавалеристом. Своим трудом, энергией, аккуратностью и любовию коннаго дела Толпыго окончил офицерскую кавалерийскую школу первым и был записан на золотую доску, как лучший ездок.

Свой эскадрон Толпыго подготовил так хорошо во всех отношениях, что после одного из смотров тогдашний инспектор кавалерии Великий Князь Николай Николаевич назначил его Командиром эскадрона юнкеров в Николаевское кавалерийское училище, а затем назначил Командиром полка, который Толпыго выдвинул в ряды лучших полков русской кавалерии.

К сожалению мне не пришлось повести в бой уланский Одесский полк, т. к. я командовал им в период сидения в окопах, но в отношении порядка несения службы в окопах, он был прекрасный.

Все указания выполнялись самым точным и энергичным образом; офицеры днем и ночью всегда были на местах. Особенно выдающимся были из командиров эскадронов Ротмистра Казаков и Синегуб, а из штаб-офицеров Подполковник Рейхард и Зарубин.

Кроме того этот полк составлял весьма дружную офицерскую полковую семью.

Подошла осень 1915-го года; полили дожди, кои превратили дороги в невылазную грязь. Небо почти все время было покрыто тучами и солнце выглядывало очень редко. Потянулись темныя длинныя осенния холодныя ночи. Пока доедешь до окопов, то вымокнешь и промерзнешь скорее, чем в морозные дни.

Занимали мы окопы по бригадно, где находились три дня, а три дня в резерве.

Служба в окопах протекала в том же порядке, как я описывал раньше. Сменялись мы, конечно, ночью. Под'езжали к восточной окраине города Баяна, там спешивались и пешком шли версты четыре через весь город, на западную окраину, где и входили в окопы.

Как только получилось донесение от Командиров эскадронов, о занятии ими окопных участков, я проходил по всему участку окопов полка, указывал Командирам эскадронов, где и как усовершенствовать окопы, где лучше закладывать ноч-

ные секреты и куда посылать разведчиков в течение ночи.

Особенно много приходилось работать над усилением проволочных заграждений, которыя у неприятеля были доведены до 30-ти рядов.

После ночного обхода окопов, я возвращался в штабную землянку, где просматривал доклады по строевой и хозяйственной части полка, писал приказ по полку, затем записывал в свой дневник, которым и пользуюсь теперь, для издания моей книги.

Так коротали мы в землянке долгия осенния ночи. Перед разсветом я делал дневной обход окопов. Убедившись, что на фронте все спокойно, я приказывал оставить в окопах наблюдение, при офицере с парой разведчиков, а остальных людей отправить в землянки, для отдыха и получения пищи. После этого сам шел на полковой наблюдательный пункт, где около часу смотрел в бинокль, что делается у противника, писал очередное донесение, излагая, что замечено у неприятеля и какие работы за ночь выполнены и что предстоит еще сделать. Затем уходил в землянку и ложился отдыхать.

Иногда приезжал на фронт Командир корпуса Гр. Келлер, он обычно обходил все окопы, смотрел, как несется служба, как устроены землянки и имеют ли нижние чины достаточный отдых.

Я признался, что днем в окопах держу только наблюдателей, а остальные солдаты находятся в землянках, а ночью половина эскадрона работает по улучшению окопов, а другая половина находится в окопах, готовая каждый момент встретить ночную атаку противника.

Граф одобрил эту систему и приказал ее ввести в остальных полках корпуса.

Однажды мы шли с ним по ходу сообщения. Граф был около 7 футов роста и его голова была выше верхушки хода сообщения.

Противник заметил наше движение и открыл пулеметный огонь.

Я увидел, что Граф идет все-же не пригибаясь.

«Согнитесь, Ваше Сиятельство», сказал я Графу, «а то противник видит Вас и поэтому открыл пулеметный огонь и может Вас безпользы ранить или убить».

«Должен Вам по-секрету сознаться, что после ранения я начал больше бояться пуль, чем раньше. Но все-же не хочется показывать пример и кланяться неприятельским пулям», ответил мне Гр. Келлер и добавил волнуясь, «я надеюсь мы сего-

дня выберемся благополучно отсюда».

Затем он пошел в город и сам лично выбрал дом для места нахождения Командира бригады. От этого дома хорошо была видна неприятельская позиция и почти весь наш окопный участок. Но, в то же время, этот дом был прекрасно виден противнику и он мог его обстреливать не только орудийным огнем, но и пулеметным.

Граф Келлер приказал начальникам дивизии водить бригаду в окопы, чередуясь с командиром бригады.

Для Генерала Маркова такой приказ являлся большим наказанием: С одной стороны он не переносил неприятельскаго огня, а с другой страшно боялся Графа Келлера, и не решался перейти в другое место. Однако в один из дней, когда противник начал усиленно обстреливать наше расположение, Марков взволновался и начал просить Графа разрешить ему перейти из этого дома назад.

«Можно», ответил Граф, «но не дальше, как на два дома, с тем чтобы к вечеру опять вернуться обратно».

По поводу издевательства Графа Келлера, над трусостью Маркова, много смеялись в 10-ой кавалерийской дивизии. Но Гр. Келлер зная натуру Маркова говорил, что если-бы он разрешил Маркову, просто отойти назад, не указывая недальше двух домов, то Марков уехал-бы из Бояна.

Марков не только, что был безполезен на войне, но иногда и вреден, что видно из следующаго случая.

Как я уже выше писал, мы для смены под'ходили в конном строю к восточной окраине города Баяна, где спешивались и пешком шли в окопы через весь город. Пока было, сухо это не являлось большой трудностью, но когда началась грязь, то шагать по ней почти 4-ре версты и приходить в окопы грязными и мокрыми, я не считал правельным и начал подводить полк в конном строю к западной окраине Баяна, откуда эскадроны, спешившись, шли прямо по ходам сообщения в окопы сухими и чистыми.

К несчастью один раз, во время спешивания, противник выпустил два артиллерийских снаряда, из которых один упал недалеко от дома, где находился Марков, но не причинил никакого вреда. Все-же Марков приказал спешиваться у восточной окраины Бояна.

При следующей смене, когда я вел полк в окопы, кроме ужасной грязи моросил дождь и дул северный холодный ветер. Я решил игнорировать эгоистичное приказание Маркова и привел полк к окопам в конном строю.

Все обошлось благополучно, противник не стрелял и эскадроны вошли в окопы чистыми и не так уж мокрыми.

На этот раз начальником участка был Командир бригады Генерал Тимашев, который и доложил на меня Маркову.

После смены меня вызвали в штаб дивизии, где Марков меня разнес за неточное мною исполнение его приказа и добавил, что на этот раз он ограничивается лишь выговором, а в будущем примет против меня более строгия меры.

«Я предпочитаю получить выговор, чем вести полк пешком четыре версты по грязи и затем держать людей трое суток в окопах мокрыми и грязными», ответил я Маркову.

Он страшно распетушился и сказал мне, что если я еще раз приведу полк в конном строю прямо к окопам, то он отрешит меня от командования полком.

Об этом узнал Гр. Келлер, вызвал Маркова в штаб корпуса и так его разругал, что Марков уехал из штаба корпуса, как в воду опущенный.

Позже мне передавали ординарцы штаба корпуса, что когда Марков вошел в комнату Командира корпуса, то Граф Келлер сразу же на него набросился со словами:

«Как Вы осмелились из за Вашей трусости, заставлять 4000 людей месить грязь через весь город, а затем мокрыми и грязными сидеть три дня в окопах. Вы должны сами проявлять инициативу, для облегчения службы солдата а не убивать ее у Командиров полков», кричал на Маркова раз’яронный Гр. Келлер, «дайте Командирам частей действовать всегда так, как они находят удобнее и легче выполнить возможную на них задачу».

С тех пор все полки подходили в конном строю к окопам и Марков ничего не мог им сказать, а лишь долгое время со злобой смотрел на меня. Но, я еще раз устроил Маркову некоторое волнение:

Как-то Гр. Келлер опять посетил окопы и при обходе я сказал ему, что очередь моему полку занять окопы в ночь под Новый Год и что я хотел бы встретить Новый Год в окопах веселее, а для этого, кроме улучшеннаго обеда, выдать солдатам по чарке водки и привести сюда полковой хор трубачей, чтобы он в 12-ть часов ночи сыграл Русский Гимн и полковой марш.

«Я это Вам разрешаю, но следите только чтобы солдаты не перепились», ответил Гр. Келлер.

В новогоднюю ночь начальником участка был Ген. Марков и, конечно, не успел хор трубачей закончить играть гимн, как

Марков вызвал меня к телефону.

«Кто приказал трубачам играть в окопах?» кричал по телефону взволнованный Марков.

«Приказал играть я, а разрешил это мне Командир корпуса», ответил я Маркову. Он ничего не сказал и повесил трубку, но затем, как мне разсказывали, Марков нервно все время ходил по комнате и говорил:

«Чеславский вечно, что-нибудь выдумает, чтобы вызвать огонь противника, а мы должны здесь волноваться. Вот, увидите, противник сейчас осветит нас прожекторами и откроет огонь».

Но, предположение его не сбылось, и противник всю ночь вел себя спокойно, а взятые вскоре пленные сказали, что они с удовольствием в эту ночь слушали русскую музыку.

Прошли Рождественские праздники и Новый Год, начались сильные холода и снежныя мятели. Снег засыпал проволочное заграждение; пришлось его откапывать, опасаясь, что противник может, пользуясь замерзшим снегом, перейти заграждения и атаковать окопы.

Работа была крайне трудная, а главное неудобная. Капающие снег люди проваливались и запутывались в колючей проволоке, которая царапала тело и рвала одежду. Пришлось нанести соломы, растрясти ее по снегу над заграждением и зажечь, снег, под горящей соломой, таял и обнажил проволоку, что и облегчило работу.

Несмотря на большие холода зимы 1916-го года солдаты, благодаря строгому требованию Командира корпуса и забот Командиров полков, в 3-м конном корпусе за все время не было ни одного обморозившагося солдата. Все были одеты в папахи (сибирския теплыя шапки), полушубки, сапоги с шерстянными носками и теплыя перчатки.

Много, конечно, было разных курьезов и смешных случаев во время окопнаго сидения.

Чаще всего требовали от нас, строевых начальников, добывать языки т. е. поймать пленных.

Неприятель окутал свои окопы несколькими десятками рядов колючей проволоки и никогда из за нея не показывался, поэтому захватить пленных можно было только случайно, но требования о добыче языка, поступали все чаще и чаще.

Закладывали мы ночью секреты, посылали разведчиков, кои часто доходили до неприятельских заграждений, откуда противник их отгонял огнем, но вызвать неприятеля за проволоку не удавалось.

Наконец мы решили послать засаду в кусты, которые находились недалеко от проволоки противника. Засада ложилась в эти кусты перед разсветом и лежала там весь день, ожидая не выйдет-ли, кто либо из непрятельских солдат за проволоку. Т. к. засаде приходилось лежать весь день на снегу, мы их одели, кроме полушубков, еще в длинныя шубы и валенки.

Прошла почти неделя, но безрезультатно, для нашей за сады.

Наконец, при дневном моем обходе окопов, вдруг разведчик-наблюдатель крикнул:

«Смотрите, смотрите, австриец вышел из за проволоки и идет к кустам».

Мы схватились за бинокли и с затаенным дыханием выжидали, что произойдет. Австрийский солдат громаднаго роста, с винтовкой в руках, вошел в кусты, поставил винтовку к дереву и начал топором срубать дерево. Наша засада, как тигр, бросилась на него и, схватив за руки, потащила к нашим окопам. Это было сделано так неожиданно, что противник открыл по ним огонь только тогда, когда наша засада оттащила пленнаго довольно далеко. Все они вернулись незадетыми неприятельскими пулями. Солдаты засады получили Георгиевские Кресты.

Пленный оказался австрийский серб, который охотно разсказал о положении нашего противника, что дало важныя сведения нашему штабу армии.

В 1916 году наша Пасха совпала в один и то-же день с католической.

В Страстной Четверг утром из неприятельских окопов вышел офицер с двумя солдатами. Все были без оружия, но несли белый флаг.

Дойдя до средины между нашими и неприятельскими окопами, они вбили кол в землю и, привязав к нему лист бумаги, ушли обратно.

Об этом мне сообщили по телефону. Я приказал послать тоже одного офицера с двумя солдатами и белым флагом взять, оставленную неприятелем бумагу.

Содержание письма мне прочли по телефону, которое гласило:

«Мы христиане также, как и вы. В такие Святые, для христиан дни, не будем убивать один другого. Для этого мы предлагаем прекратить всякую стрельбу и высылку разведчиков с 6-ти часов вечера Страстного Четверга, до 6-ти часов вечера

следующаго вторника. О вашем согласии сообщите».

Признаться, я в душе одобрял эту идею, так как она нам никакого вреда принести не могла, но занимая столь ответственную должность, как Командир полка, я не мог дать на это свое разрешение, ввиду того, что право заключить перемирие принадлежит только Командующему армией.

На официальное же донесение, я знал, что в разрешении на перемирие будет отказано. Поэтому я ответил в эскадроны, что никакого письма я от неприятеля не получил и ничего по этому поводу не знаю.

В эскадронах поняли мой ход, что официально я перемирия разрешить не могу, но и не запрещаю. После этого из наших окопов отнесли ответ с надписью: «Согласны».

Мне конечно пришлось, обычно, писать приказ по полку от каких эскадронов, куда и когда посылать разведчиков, но неофициально, я знал, что никто и никуда никакой разведки не высылал и всякая стрельба, как с нашей стороны, так и со стороны противника совершенно прекратилась в 6 часов вечера в Страстной Четверг.

В Страстную Субботу мой полк был сменен казаками. Несомненно, эскадроны передали казачьим сотням о состоявшемся «перемирии».

При следующей смене казаки разсказывали, что в первый день Пасхи из окопов противника вышла группа австрийцев, которые вместо оружия в руках несли бутылки.

Заметив это казаки взяли Пасху, колбасы, сала и пошли на встречу неприятеля. где и произошло совместное разговение.

Затем появился казак с гармошкой, а у австрийцев нашелся скрипач. Начались танцы, куда стекалась громадная толпа солдат с обеих сторон.

Офицеры смотрели на совместное празднование двух враждующих армий, но этому не препятствовали. Даже один Командир казачей сотни пошел в толпу и поздравил австрийскаго капитана с Пасхой.

В 6 часов вечера, на третий день Пасхи, с обоих сторон завизжали артиллерийские снаряды и засвистели пули. Только что бывшие друзья сразу сделались врагами, готовые один другого заколоть штыком.

В один из моих дневных обходов окопов, я едва не пострадал, из за моей любознательности.

Наши окопы шли полукругом огибая город Боян. Левым флангом упирались они в румынскую границу и тянулись на

Запад вдоль реки Прут, имея фронт на Юг затем поворачивали на Север, меняя фронт на Запад.

Чем дальше к Северу, тем наши окопы подходили все ближе и ближе к окопам противника, а в некоторых местах сближались не дальше 100 шагов и проволочныя заграждения русския и австрийския становились общими.

Правее нас окопы занимала пехота, где окопы противника были так близко от наших, что солдаты перебрасывались ручными бомбами. Класть винтовку на окоп и стрелять было невозможно, ни той, ни другой стороне т. к. каждый высунувшийся сейчас-же получал несколько пуль в голову, поэтому пришлось стрелять через стпециально изготовленные стальные щиты с дыркой для винтовки.

Я всегда посылал двух разведчиков в окопы, занятыя пехотой, чтобы знать, что у них происходит.

Как то разведчики мне донесли, что пехотные солдаты услыхали какой-то глухой стук под землею. Сеперы определили, что противник ведет подкоп под окопы нашей пехоты и повели контр подкоп глубже, чем неприятельский. Когда наши саперы услыхали работу противника над собой, то они динамитом взорвали конец своего подкопа и разрушили неприятельский подкоп, при чем были засыпаны копающие неприятельские саперы, а с ними и полковник австрийскаго генеральнаго штаба, который в этот момент пришел в подкоп проверить работу. Все они были нашими саперами откопаны и взяты в плен.

Я заинтересовался этим случаем и пройдя свои окопы, пошел по пехотным на то место, где произошел взрыв.

Меня встретил молодой пехотный офицер и провел меня на место взрыва.

«Это место стало теперь заколдованным», сказал он мне, когда мы подошли туда, «теперь противник все время бросает сюда бомбы из бомбометов или швыряет ручныя гранаты. Мы имеем здесь постоянно потери и поэтому держим в этом окопе самую редкую цепь».

Мы уселись с ним на внутренний край окопа и начали разговаривать, о несении в окопах службы пехотой, что меня интересовало.

«А, Вы кто будете, Господин Полковник, генеральнаго штаба?» спросил меня мой молодой собеседник, смотря на мой значек офицерской кавалерийской школы и принимая его за значек военной академии.

«Нет, я командир кавалерийскаго полка, который зани-

мает окопы левее Вас», ответил я.

«Как это? Вы командир полка и ходите по передним окопам, у нас даже Командиры батальонов редко приходят в эти окопы, а Командира полка я никогда здесь не видел», заметил удивленно молодой офицер.

«А, у нас не только Командир полка обходит постоянно окопы, но даже сам Командир корпуса часто это делает», опять ответил я.

В это время послышался глухой подземный гул и земля закачалась под нашими ногами.

Нас обоих отбросило в окопы, а ближайшие к нам солдаты свалились с ног и, вскочив, побежали к выходу.

«Надо отсюда уходить, а то вторым взрывом нас здесь засыпет,» сказал мне, вскочивший на ноги, испуганный молодой офицер.

«Сейчас опасность уже миновала. Вероятно противник неточно разсчитал силу заряда и произошел камуфлет», ответил я, отряхивая себя от окопной глины.

«Этот взрыв разрушил также и их подкоп и пока они исправят пройдет довольно много времени, но вы немедленно донесите своему начальству, чтобы прислали сапер вырыть контр-окоп и предупредить второй взрыв», добавил я.

Примечание: Камуфлетом называется взрыв заряда или снаряда, который не вышел в наружу поверхности.

Чтобы успокоить молодого испуганного офицера я еще пробыл с ним некоторое время, а затем отправился в свои окопы.

Был и еще случай, когда я желая больше обследовать неприятельскую позицию очутился, как говорят, на волосок от смерти.

Между нашими и неприятельскими окопами лежал небольшой бугорок, на котором росло одинокое дерево. Этим местом мы пользовались для закладывания ночных секретов. При чем, его занимал иногда неприятель, когда его секреты приходили раньше наших.

Придя в окопы я начал с Подполковником Барбовичем обсуждать план на случай нашего наступления.

«Я думаю ,что на этом бугорке, в ночь накануне нашего наступления, нужно будет вырыть окопы и устроить гнезда для пулеметов, огонь которых облегчить наступление наших эскадронов; кроме этого это место будет хорошим, для полкового наблюдательного пункта, во время наступления и послужит первым рубежем, для перебежек наших цепей», ска-

зал я Барбовичу.

«Я считаю, что это будет очень полезная подготовка к наступлению», ответил Барбович.

«Я думаю, что мне необходимо пробраться на этот бугорок, чтобы тщательно его обследовать лично и высмотреть остальное разстояние до неприятельских окопов», поделился я с Барбовичем.

«Зачем Вам ходить одному, если пойдем, так уж вместе», сказал Барбович.

Мы перешли наше проволочное заграждение и начали тихонько подкрадываться к бугорку.

Как раньше я уже писал, Граф Келлер запрещал офицерам 10-ой кавалерийской дивизии закрывать погоны, считая эти доспехи признаком рыцарства и не находил возможным их закрывать на войне.

«Пусть тыловые герои маскируют в защитный цвет свои погоны и фланируют по улицам Киева, а строевому офицеру стыдно закрывать в бою то, чем он гордился в мирное время», часто повторал Граф Келлер в разговорах о форме на войне.

Я вполне разделял его взгляд и не только не закрывал золотых погон, но начал носить гусарские красные чакчиры (штаны).

Моему примеру последовали многие молодые офицеры; Граф с довольной улыбкой смотрел на нашу форму, а Марков метал грозные взгляды на меня и других гусар одетых в красные чакчиры.

В день нашей с Барбовичем вылазки к бугорку, я был тоже одет в красныя чакчиры, возможно, что это заметил неприятель, а может быть вообще его внимание было привлечено необычным явлением выхода двух офицеров, днем за проволочное заграждение и подкрадывающихся в направлении их окопов, ввиду этого они пустили в нас сразу два артиллерийских снаряда.

Эти снаряды пролетели так близко от нас, что мы почувствовали толчек сжатого горячего воздуха, окружающаго снаряды. К счастью они разорвались сзади нас и мы остались целы и добрались до бугорка, но назад вернуться мы могли лишь с темнотой.

Город Боян постепенно разрушался стрельбой неприятельской тяжелой артиллерии и много зданий сгорели от его огня.

Но жители все время оставались на местах, пока их дома были целы, а после попавшаго снаряда или пожара они пе-

реходили к соседям или в брошенные здания.

Материальное же их положение становилось все хуже и хуже, от Австрии они были отрезаны и нам приходилось их кормить продуктами, отпускаемыми нашим интенданством на полки.

Теже из жителей, которые имели деньги, могли ездить в Новоселицы и покупать все необходимое в русских лавках или на базарах. Но вскоре наша контр-разведка узнала, что некоторые из жителей переходят через реку Прут в Румынию и могут оттуда передавать в Австрию сведения о нашей армии.

Вскоре было получено секретное сообщение из штаба армии, что весной 1916-го года весь Юго-Западный фронт должен перейти в наступление. После этого Командир корпуса Гр. Келлер приказал всех жителей Бояна выслать в глубь России. Сначала это неприятное выполнение было возложено на Подполковника Барбовича, но ему удалось под каким-то предлогом освободиться от такого поручения и исполнение эвакуации было передана терским казакам, дивизия которых вошла в это время в состав 3-го коннаго корпуса.

Как я уже писал жители военных зон предпочитали умерать у себя дома, чем скитаться по чужим деревням, в своей стране, а тем более не хотели уезжать со своей родины.

Поэтому терцам пришлось силой сажать жителей Бояна в поезда и отправлять в Россию.

С от'ездом жителей, гор. Боян совершенно опустел и представлял собою жуткую картину, особенно ночью, когда приходилось проходить мимо покинутых домов, где от голода и тоски о хозяевах выли собаки и метались по дворам кошки, искавшие пищи.

Впоследствии эти несчастныя животныя начали болеть и умирать от голода. Чтобы уменшить их страдания пришлось сделать распоряжение пристреливать этих осиротелых и покинутых на произвол судьбы ни в чем невинных существ.

Как-то утром возвращаясь из окопов я услыхал в одном из зданий слабый вой собаки. Зная, что она умерает от голода, я зашел во внутрь двора и вынул револьвер, чтобы ее пристрелить, но она таким умоляющим взглядом посмотрела на меня, что в ея глазах можно было прочесть: «Спаси меня». Мне так жалко стало убивать несчастную собаку, что я положил револьвер в кобуру, пошел в свою землянку и принес немного пищи. Собака была так истощена, что не могла встать и ела лежа. Я принес ей пищу еще вечером, которую она с'ела тоже лежа, но на другой день, когда я ей опять

принес пищу и воду она с трудом поднялась и, с'ев принесеное, шатаясь пошла за мной в землянку.

Через месяц она совершенно поправилась и я, назвал ее «Бояном», отправил его с эшалоном больных лошадей в гор. Чугуев, где он превратился в прекрасного сторожа дома, и особенно полюбил и привык к лошадям, и допускал к ним только коннаго вестового, который смотрел за больными лошадьми.

Если-же лошадь отвяжется и двери конюшни открыты, то «Боян» становился у дверей и ни за что не выпускал лошадь из конюшни, пока не приходил уборщик лошадей. Когда лошади возвращались с проездки, «Боян» их радостно встречал, подпрыгивал, и лизал их губы.

Лошади также его любили и опускали свои головы, давая их лизать «Бояну».

ГЛАВА XIX

В Марте месяце 1916-го года была получена телеграмма, что Государь приедет делать смотр 3-му конному корпусу и остальным войскам, стоявшим на позиции между реками Прутом и Днестром.

Нас сменила пехота, взятая из армейскаго резерва и все части 3-го коннаго корпуса отошли к гор. Хотину и расположились по квартирам в ближайших деренях, для подготовки к Высочайшему смотру.

Незадолго перед этим в 10-ый уланский Одесский полк прибыл бывший Командир 6-го уланскаго Волынскаго полка Полковник Петров.

Я постеснялся спросить его за что он был удален от командования полком, но со стороны слышал следующее:

Петров был старый волынский улан, с первых дней начал службу в этом полку, прослужил в нем почти тридцать лет и во время войны был назначен Командиром своего-же полка.

Человек он был хороший и на войне показал себя достойным Командиром полка. Волынский уланский полк считался в 6-ой кавалерийской дивизии самым боевым полком и имел успешныя дела.

В этом же полку был Подполковник О'рем. Человек небольшой храбрости, но нахал и ловкий пролаза. И как мне передавали почти не принимал участия в боях, уклонялся от

них под видом хозяйственных полковых дел, которыми он заведывал.

Если не ошибаюсь во время полкового праздника, на котором присутствовало высшее начальство, лестно отозвавшееся о действиях Волынскаго уланскаго полка на войне, Полковник О'рем попросил слово, в котором сказал, что все здесь сказанное об успехах полка на войне, всецело нужно только отнести к его «деятельности», «находчивости» и «храбрости» которыя он проявлял в боях, руководя в них действиями полка, от которых Командир полка Полк. Петров уклонялся.

Все офицеры полка страшно возмутились этой наглой ложью, а Петров до того вспылил, что не удержался и дал пощечену О'рему.

Я привел этот случай не для того, чтобы подчеркнуть о недопустимом скандале в офицерской среде кавалерийскаго полка, а для указания быть очень осторожным с назначением Командира полка, командовать тем же полком, где он прослужил всю свою службу.

В своем полку его считают, как стараго сослуживца, с которым они много лет были в товарищеских отношениях, знают его недостатки, часто пользуются ими и не смотрят на него, как надлежит смотреть на Командира полка. Поэтому всегда лучше Командиров полков назначать не из штаб-офицеров своего же полка, а из другой части.

Вскоре после приезда Петрова прибыл назначенный новый Командир 10-го уланского Одесскаго полка Полковник Эмануэль бывший штаб-офицер Крымскаго татарскаго коннаго полка.

Я сдал ему Одесский уланский полк и согласно приказа по 3-му конному корпусу, вступил в командование своим 10-ым гусарским Ингерманландским полком, вместо Полковника генеральнаго штаба Приходкина, котораго Гр. Келлер прико мандировал к штабу корпуса.

Первой моей обязаностью по прибытии в полк, это было подготовить совершенно белую лошадь для Государя на предстоящий смотр, т. к. предполагали, что собственныя лошади Государя и его свиты опаздают прибыть ко дню смотра.

Пришлось взять в 5-м эскадроне самую надежную лошадь и я лично ежедневно ее выезжал по два часа в день, а затем сажал на нее тяжелоага гусара и приказывал ему стоять два ча са не двигаясь, чтобы приучить лошадь стоять спокойно в тече ние всего смотра, пока все войска пройдут мимо Государя церимониальным маршем.

К счастью Царский конвой прибыл во-время и привел лошадей, для Государя и его свиты.

В назначенный день Высочайшаго смотра, погода с утра стояла ветряная и пасмурная.

Мне было приказано на смотру командовать бригадой. Как только полки собрались на сборном пункте, я поехал к ним, чтобы осмотреть насколько хорошо они подготовились к смотру.

Общий вид полков был великолепный: Лошади были отлично вычищены, их шерсть лоснилась, как гладкое крыло ворона, даже копыта были смазаны жиром.

Кожаныя части седел, подпруги, ремни в оголовьях и поводья были так вычищены и навощены, что издали казалось, как будто , они покрыты блестящим желтым лаком.

Все металлическия части оружия и амуниции сверкали, на изредка выглядывающем из-за облаков. солнце как хрустальное стекло.

Всадники в длинных кавалерийских шинелях, в высоких кожанных черных сапогах, со шпорами и в сибирских барашковых папахах выглядели воинственно-молодцевато.

Дивизия имела такой прекрасный вид, как-будто она вышла на парад в мирное время и никто не поверил-бы, что она уже почти два года, без отдыха, находится в боях и походах.

Все войска, для смотра построились буквой «П». Как всегда на правом фланге стала пехота, затем артиллерия, инженерныя войска, а левее их кавалерия. Пехота тоже приоделась, подчистилась и имела довольно хороший вид. Нельзя было сказать, что она уже полгода сидит в окопах.

Первым под'ехал Командир корпуса Гр. Келлер, с конвоем Оренбургских казаков, на громадной лошади, в высокой папахе, его импозантная фигура, еще больше казалась воинственной.

Он проехал шагом вдоль всей дивизии и своим орлиным опытным военным взглядом окидывал, каждый эскадрон. По выражению его лица можно было догадаться, что он остался доволен блестящим видом дивизии.

Вскоре показался Главнокомандующий Юго-Западным фронтом Генерал Брусилов, назначенный вместо Генерала Иванова. Небольшого роста худой немного сутуловатый он легким галопом несся вдоль линии, стоявших войск, которых ,было немного меньше, чем участвовало русских войск в Бородинском сражении с Наполеоном 26-го Августа 1812-го года.

Для неопытного глаза посадка Брусилова казалась довольно некрасивой и неустойчивой, но для нас, кто видел Брусилова, много лет водившаго парфорсныя охоты, понятна его езда и посадка.

Он сидел в седле некрасиво, но так крепко, как редко кому удается иметь такую глубокую и крепкую посадку. Часто в кавалерийской школе говорили, что Брусилов сидит в седле, так крепко,, как клещ.

Только, что Брусилов успел обскакать по всему фронту войск, как вдали показался Государь на своей, как снег белой лошади, с двумя сзади конвойными казаками-трубачами и небольшой свитой.

Генерал Брусилов скомандовал, «смирно» «слушай», «на караул», «по полкам», поскакал на встречу Государя с рапортом.

Музыканты право-флангоговаго пехотнаго полка начали играть, «Боже Царя Храни». Шестьдесят тысяч людей, как-бы совершенно замерли. Государь под'ехал к правофланговому полку. Музыканты прекратили играть и он с ними поздоровался, затем проехал до средины фронта этого полка, остановился, поздоровался с полком и что-то сказал, чего мы за дальностью не могли услыхать, а лишь донеслось к нам громкое «Ура» и звуки музыки.

Так Государь медленно неспеша об'ехал все пехотные полки, артиллерию и под'хал к нам.

Отдав приказание повернуть первые два взвода кругом он поехал по средине строя полка, благодаря чему все всадники могли его видеть совсем близко.

Остановившись посредине полка, он обратился со следующей речью:

«Я часто получал донесения об успешных боях 10-ой кавалерийской дивизии, что меня всегда радовало. Ваша дивизия никогда не имела неудач и я надеюсь, что Вы до конца войны поддержите ея боевую славу. Я благодарю Вас за верную службу мне и родине».

Громкое «Рады стараться, Ваше Императорское Величество», было ответом гусар на Государеву похвалу.

Приказав гусарам выбрать из каждаго эскадрона по 5-ти человек, для награждения их Георгиевскими крестами, Государь, под громкое «Ура» гусар, поехал к следующему полку.

Почти все нижние чины и большинство офицеров никогда не видели Государя, и нужно было видеть с каким любопытством, желанием и любовью они всматривались в него, вникая

в каждое его слово, движение и взляды. Они подробно разсматривали, как ездил Государь, на каком седле и на какой лошади он сидел и как был одет, о чем гусары долго еще говорили после смотра.

Я лично не видел Государя с 1908-го года и он показался мне сильно постаревшим, осунувшимся и немного сгорбившимся. Его глаза выражали усталость, печаль и тяжелыя переживания.

После смотра Командиры полков и высшее начальство было приглашено на завтрак с Государем в город Хотин.

Мы приехали к дому, где должен был состоятся Высочайший завтрак, раньше Государя, но уже вся улица была запружена народом.

Государь под'ехал на автомобиле, но остановился почти за квартал, вышел из автомобиля и пошел пешком. Полиция старалась оттеснить толпу, но Государь сделал знак рукой, ее не сдерживать и народ заполнил не только всю улицу, но даже и тот двор, в котором стоял дом, где был приготовлен завтрак, поэтому Государю пришлось почти протискиваться сквозь толпу, чтобы войти в дом. Мы просто удивились, как мог Государь так безпечно ходить в такое опасное время. Кроме своих мерзавцев, которые покушались на жизнь этого добрейшаго человека, только за то, что он был Государь, но и немецкие шпионы могли всегда совершить нападение.

Дом, где происходил завтрак, был небольшой и состоял из нескольких маленьких комнат, в которых и были накрыты столы и указаны места, где, кому сидеть.

Я не записал с кем я сидел за столом, но кажется все были мне незнакомыя лица, но под конец завтрака, ко мне подошел Обер-Гофмаршал двора Его Величества, Генерал Князь В. А. Долгоруков, который был моим Командиром полка. когда я служил в 3-м драгунском Новороссийском полку. Мы оба обрадовались такой случайной встрече и начали разговаривать, вспоминая время нашей совместной службы.

Нельзя не остановиться на этом прямом, честном, справедливом и благородном, но оригинальном человеке, как Князь Долгоруков. Он происходил из дома Рюриковичей, был очень богат, воспитывался вместе с Государем и был другом его еще с детских лет Государь его лично любил, и когда Долгоруков вышел на службу в Лб. Гвардии конный полк, то Государь взял его к себе личным Флигель-Ад'ютантом и он все время был при Государе, за исключением того времени, когда ему нужно было, для ценза, командовать эскадроном,

а затем полком.

По виду Долгоруков был красивый мущина, средняго роста худощавый по характеру скрытный, молчаливый и очень скучный собеседник особенно с дамами и несмотря на его богатство, положение и постоянное пребывание среди высшаго петербургскаго общества, он не умел ухаживать за дамами и до конца своей жизни остался холостым и не любил пышнаго и большого общества. Любимым его развлечением было чтение и игра в «Тетку». Эта игра похожа на «винт» или «английский бридж», но сложное и труднее этих игр.

Играть в «тетку», также, по словам Долгорукова, любил и Государь.

Я и мой сослуживец Подполковник Карпович сделались жертвами этой скучнейшей игры.

Долгоруков считал, что ему, как Командиру полка, неудобно играть с обер-офицерами, хотя эта игра обычно кончалась копейками, поэтому он постоянно приглашал меня и Карповича и своего друга ковенскаго вице-губернатора, тоже любителя «тетки».

Карпович не любил игр в карты, а я просто их ненавидел, считая, что это просто потерянное время, и если я и садился, когда либо играть, то лишь в том случае если у дам не хватало партнера.

Дамы играли несерьезно и разсеянно, больше болтали, чем следили за игрой и я был подходящим, для них портнером. Но сидеть и помнить кем, когда и какой картой взятка побита или сколько и каких карт вышло, а какия остались, это только мог помнить такой серьезный игрок, как Долгоруков, но для нас с Карповичем, такая игра являлась мучением и мы всеми способами старались увильнуть от нея.

Видя это Долгоруков прибегнул к другому способу приглашения; он уже не приглашал нас играть, а предлагал придти к нему на обед из французских блюд, который он выписывал прямо из Парижа из своего любимого ресторана. Этот обед наливался в металические шары, герметически закупоривался и рано утром отправлялся с петербургским экспрессом в гор. Ковно, куда он приходил к вечеру. Стоил такой обед рублей сто, но Долгоруков не жалел на это денег, но уплатить парикмахеру за стрижку, вместо полтинника 75 копеек, он уже считал дорого. Вообще в деньгах он был оригинальный человек.

Как-то город Ковно устроил большой бал, для нашего полка. Нам нужно было ответить. Но когда мы подсчитали во

что это обойдется, то оказалось, что на каждого офицера ляжет более 50-ти рублей. Хотя в кавалерии офицеры были со средствами, но не все могли понести такой расход, на ответ городу, о чем я доложил Долгорукову.

«А, какая будет общая сумма расхода?» спросил он меня.

«Приблизительно, около 3500 рублей», ответил я.

«Тогда отнесите весь расход на меня и от офицеров ничего не вычитывайте», сказал он мне и дал чек на всю сумму расхода, совершенно не жалея; но он предпочитал ехать по Ковно за пятачек на конке, чем заплатить извощику 30 копеек, за конец.

Долгоруков остался предан Государю навсегда, уехал с ним в Сибирь и позже был разстрелян большевиками.

Пока мы беседовали с Долгоруковым, меня окликнул кто-то и сказал, что меня ищет Граф Келлер. Я последний раз распрощался с Долгоруковым и вышел в корридор, где увидел Государя, Генерала Брусилова и Гр. Келлер, разговаривающих в конце корридора.

«Вот, Ваше Величество, этот Полковник, о котором я Вам говорил за обедом и которому мы обязаны, что находимся в в Хотине», сказал Гр. Келлер, когда я подходил к нему.

«Я Чеславскаго хорошо помню, когда он был в офицерской кавалерийской школе и состоял ординарцем при Главнокомандующем, лет 8 тому назад», сказал Государь, подавая мне руку. Я уже писал о колоссальной памяти Государя, насколько он хорошо помнил, даже таких простых смертных, как я.

«Вот, его-то Генерал Иванов, мстя мне, не хотел утверждать в должности Командира полка, о чем я неоднократно ходатайствовал», продолжал докладывать Граф Келлер.

«А, Вы ничего не имеете против назначения Чеславскаго Командиром полка?» спросил Государь Брусилова.

«Да, я его знаю, как облупленного», ответил Брусилов.

«В таком случае, я поздравляю Вас с утверждением, в должности Командира 10-го гусарскаго Ингерманландскаго полка», сказал Государь, пожимая мне руку.

С тех пор я уже командовал все время своим полком, пока не получил бригаду в той же дивизии, и мои мытарства, для командования, то одним, то другим полком дивизии, прекратились

По окончании смотра, мы переночевали в деревнях близ гор. Хотина, а утром ушли обратно в гор. Боян, где и продолжали нести окопную службу.

Вскоре в моем полку произошел крайне неприятный случай. Полк приготовился идти в окопы. Лошади были уже оседланы, гусары надели амуницию и оружие и, усевшись вкружек на корточках, начли беседовать, в ожидании приказания выводить и строиться.

В это время у одного гусара взорвалась, привязанная на поясе ручная бомба, вырвала у него бок и он умер моментально. От детонации взорвались бомбы у гусар, сидящих близко к нему с таким же последствием. Почти весь взвод был переранен и пришлось потребовать пополнение людьми. Дознанием удалось установить, что гусар недостаточно крепко завинтил предохранитель в ударнике, от чего и произошел взрыв бомбы.

В первой половине Мая 1916-го года, было получено секретное задание, в котором сообщалось, что в этом месяце Юго-Западный фронт должен перейти в наступление, при чем указывалось, что прорыв неприятельской позиции возлагается на 9-тую армию, Генерала Лечицкаго.

Вскоре в полк вернулся из госпиталя мой ординарец, выздоровевший после ранения и доложил, что этапный комендант ошибочно его направил в деревню Ржавинцы, вместо города Бояна, где он нашел пехоту, а не свой гусарский полк.

На мой вопрос, что он видел по дороге, ординарец сказал, что в лесу между рекой Днестром и дер. Ржавинцы, т. е. в тех местах, где весной в 1915-м году мы вели бои и где 27-го Апреля гусары атаковали неприятельскую пехоту, устроена позиция, при чем наша артиллерия поставлена в три линии. В первой линии стоят полевыя пушки, сзади них, во второй линии, поставлены гаубицы и далее, в третьей линии расположена тяжелая артиллерия. Я догадался, что Командующий 9-ой армии Генерал Лечицкий готовится прорвать неприятельский фронт в этом месте.

22-го Мая к нам стали доноситься с Севера редкие выстрелы легкой и тяжелой артиллерии. Ежедневно стрельба становилась все чаще и чаще, а 23-го Мая превратилась в сплошной непрерывный громовой гул. А в штабе нашего корпуса получена была сводка, указывающая об успешном действии нашей артиллерии, по укрепленной неприятельской позиции, лежащей восточнее австрийской железно-дорожной станции Окна и деревни Юрковцы.

24-го Мая были получены сведения, о взятии нашей пехо той первой линии неприятельских окопов.

В -этот день я поехал в штаб корпуса и по дороге заехал в I-вый Проскуровский передовой летучий отряд, «краснаго креста» узнать о судьбе моих гусар, раненых взорвавшей ся ручной бомбой. Главный врач этого отряда сказал мне, что по имеющимся у него сведениям, раненые гусары поправляются и некоторые скоро вернутся в строй, чем я был весьма порадован.

Проскуровский отряд вошел в состав нашего корпуса еще в Марте месяце 1915-го года и с тех пор, постоянно следовал за нами и приносил неоценимую пользу, открывая перевязочный пункт непосредственно за боевой линией и оказывая немедленную помощь нашим раненным, Сестры милосердия не только самоотверженно несли свою тяжелую работу, но и неоднократно подвергались обстрелу неприятельской артиллерии, и из семи сестер две были ранены.

Сестры все были молодыя и хорошенькия, большинство из хороших семей, образованныя барышни, окончившия курсы сестер милосердия. К работе относились с большим усерди ем и аккуратностью. Поведения они были прекраснаго и если, во время долгих стоянок на месте за окопами от скуки и были флирты, то это не только присуще, но и необходимо для каждой молодой женщины.

Гр. Келлер был строг и по отношению сестер милосердия и ни одна из них не решилась-бы на какой-нибудь серьезный роман.

Меня пригласили в Красном Кресте на обед. В это время туда пришел Поручик гусарскаго полка Даневский, состоящий при штабе ординарцем. Он нам разсказал, что успехи наших войск у станции Окна и Юрковцах не дают Графу покоя и он послал телеграмму Командарму 9-ой Армии Лечицкому, предлагая форсировать реку Прут и атаковать неприятельскую позицию на правом берегу этой реки, но Камандарм нашел эту идею рискованной и неосуществимой.

За обедом одна из сестер, дочь богатого помещика Подольской губернии, Вера Ивановна (К сожалению я не помню ея фамилии) одна из самых образованных и можно сказать миловидных сестер милосердия, принесла бутылку Дон ского шипучаго вина, которую она привезла из дому, возвращаясь из отпуска и предложила ее распить, по-случаю моего утверждения Командиром гусарскаго полка.

Не успели мы выпить по рюмке, как неожиданно увидели в окно Гр. Келлера, идущаго в Красный Крест. Перепуганныя

сестры схватили рюмки и бутылку и поставили их под стол.

Вошел Граф в столовую, окинул всех взглядом и, конечно, от него не ускользнула бутылка с вином которую Вера Ивановна держала под столом, прикрывая своей юбкой.

«Не угодно-ли, Ваше Сиятельство, с нами пообедать», сказал доктор.

«Нет, спасибо, я только что пообедал, но выпью рюмку вина которое вот Вы держите под столом», улыбаясь сказал Граф Вере Ивановне»: нечего его прятать, я знаю, что Чеславский не пьет и сестер не будет спаивать.».

«Зашел-то я к Вам сказать что мы скоро должны будем начать бой и поэтому Ваш отряд должен быть готов к выступлению», сказал Граф Главному врачу и, попрощавшись с нами ушел в штаб.

Закончив свой обед и пошутив с сестрами, я уехал на стоянку своего полка.

Погода стояла прекрасная, солнце довольно сильно грело, но еще не было летней духоты.

Я ехал верхом на моем «Зайчике», полем, по проселочной дороге. Все поля и леса покрылись зеленью, а в садах фруктовыя деревья начали цвести, покрывая ветки, красивыми, нежными и душистыми разных цветов и оттенков цветками.

Во всей природе зарождалась новая жизнь, после холодной зимы, и все растения тянулись вверх к теплому солнцу.

В голубых небесных высях витали стаями и в одиночку тысячи птиц, оглашая воздух разным пением и криками, какбы возвещая возвращение на родину, где они снова начнут жить, вить гнезда и выводить детей, после продолжительного пребывания в жарких странах, куда они улетали на зиму, спасаясь от холодов, но где они не вьют гнезд и не выводят детей, а с нетерпением лишь ожидают, возвращения на родину.

На полях и лугах весело чирикали, высоко прыгая, кузнечики; порхали разноцветныя бабочки.

Высоко над землей пролетел аист, держа корчущуюся змею в своем красном и длинном клюве.

По всемуполю и в огородах, как гуси виднелись крестьяне в своих белых рубахах, согнувшись, усердно работая на своих нивах и грядах.

А издали с Севера, от реки Днестра несся сплошной рев пушек, похожий на раскаты небеснаго грома.

И в то время, когда вся природа наслаждалась и радовалась жизни, там, недалеко, высшия земныя творения убивали друг-друга.

ГЛАВА — XX

К вечеру того же дня, меня потребовали немедленно прибыть в штаб корпуса. По дороге я встретил Командира конно-артиллерийскаго дивизиона, который сказал мне что Граф послал вторичную телеграмму Лечицкому, прося его, дать разрешение 3-му конному корпусу перейти в наступление.

На эту телеграмму Лечицкий опять ответил отказом, до бавив: «Вам выпала из почетнейших — почетнейшая задача охранять левый фланг всей русской Императорской армии, расположенной от Балтийскаго моря, до румынской границы».

Граф все же не был удовлетворен этим ответом и послал Лечицкому третью телеграмму, настаивая на разрешении форсировать реку Прут, на что получил ответ:

«Разрешаю, но вся ответственность ляжет на Вас». Лечицкий.

После этого Граф написал диспозицию, но начальник шта ба корпуса, Генерал Сенча, отказался подписать, такую диспозицию, считая ее, не только рискованной, но совершенно невыполнимой.

За это Граф Келлер устранил Сенчу от должности начальника штаба и отправил его в штаб армии, добавив, что ему ненужен такой начальник штаба, который не подписывает отданных им приказов. Хотя, согласно положения об управлении войсками на войне, начальники штабов корпусов и выше имеют право не подписывать приказов своего начальника, если они считают таковой невыполнимым.

«Что за сумасбродная идея пришла в голову Графа, имея всего лишь четыре полевых батареи, без тяжелой артиллерии, переправляться через реку Прут и атаковать неприятельскую укрепленную позицию, расположенную на высоком берегу и опутанную несколькими десятками рядов колючей проволоки с электрическим током. Ведь эти невыполнимая и бесполезная затея», добавил мой спутник.

Я сам удивляюсь, такому решению Графа», ответил я, даже предположим, что мы переправимся через Прут и может быть дойдем до проволочных заграждений неприятеля. Ведь Ваши полевыя пушки не в силах разбить проволоки и нам придется их резать ножницами которых у нас не так много, под пулеметным и ружейным огнем противника и, конечно, ни на какой успех разсчитывать нельзя.

А лучше-бы нас взяли из окопов и поставили-бы сзади

атакующих наших войск у реки Днестра, где тяжелая и осадная артиллерия раскрошат заграждения противника и очистят дорогу, для нашей пехоты, которая овладеет неприятельской позицией и в этот момент потребуется кавалерия, для атаки и преследования, выбитаго из окопов, противникаь, добавил я.

Когда мы вошли в комнату Командира корпуса, то там уже сидел Граф Келлер, со своим штабом и несколькими командирами полков, приехавших раньше нас.

У Графа был вид грозный и суровый, вероятно он чувствовал, что кто нибудь попытается ему возразить и поэтому, как только собрались все Командиры полков, он громко сказал:

«Я отдал приказ, о переправе 10-ой кавл. дивизии, завтра ночью, на правый берег реки Прута и атаковать неприятельскую позицию. Мы в течение завтрашняго дня сметем нашей артиллерией неприятельское проволчное заграждение, а вечером начнем переправляться. Первым должен переправиться 10-ый гусарский полк», закончил Граф, взглянул на меня и затем добавил; «Подробности узнаете из диспозиции, а теперь идите и готовьтесь к бою».

Сказав это Граф встал и кивнув всем головой, поспешно вышел из комнаты, избежав этим наших возражений.

Уезжая из штаба корпуса, я по телефону передал полковому ад'ютанту приказание, немедленно собрать всех офицеров гусарскаго полка, в летней столовой, новоселицкой пограничной стражи.

Под'езжая к столовой я нашел в ней, собравшихся офицеров в весьма повышенном настроении, что-то горячо обсуждавших между собою.

Догадавшись, что они уже знают о предстоящей тяжелой боевой задаче полка, сообщенной им об этом по телефону из штаба корпуса, кем-либо из гусарских ординарцев, состоящем при Гр. Келлер, я сделал вид, что ничего не заметил и совершенно спокойно изложил им, полученную мною задачу.

По выражениям лиц офицеров было видно, что мое сообщение произвело на них тяжелое впечатление, т. к. каждый понял несуразность предстоящаго боя. Нервное состояние охватило всех и многие не могли скрыть своих волнений.

Особенно проявляли открыто свою нервность Штабс-Ротмистр Чернявский, который временно вступил в командование 5-м эскадроном, вместо заболевшаго Командира этого эскадрона Ротмистра Тетеры и молодой Корнет Яровенко, женившийся перед самой войной, на очень хорошенькой барышне.

Я уже писал, что тех начальников, кои не могут владеть собой в бою, полезнее от них избавиться, дабы избежать друного влияния на подчиненных.

Удалить Чернявскаго от командования эскадроном, перед самым боем, мне не хотелось, только за то, что он сильно нервничал, но Яровенко мне было легко командировать и я ему дал задачу поехать с раз'ездом вниз по течению реки Прута и собрать подручный материал, который пригнать к месту переправы.

Я, конечно, знал, что воспользоваться плавучими средствами, во время переправы, будет невозможно, но мне было жаль этого молодого офицера и я дал ему это поручение, чтобы избавить его от боя.

Сделав все распоряжения на завтрашний день, я ушел в свою халупу и крепко проспал всю ночь, а утром взял Полкового Ад'ютанта Поручика Слезкина и по два разведчика из каждого эскадрона, поехал в Боян.

День был прохладный,. но к полудню солнце поднялось высоко и нагрело воздух.

Придя в левофланговый окоп Боянской позиции, от котораго до реки Прута было лишь несколько десятков шагов пространства, покрытаго мелким кустарником, мы в нем разделились и отправились вчетвером в реку, как-бы купаться.

Слезкин, я и два разведчика по-парно спокойно неспеша пошли кустами в воду, оставив остальных разведчиков в окопе

Нужно заметить, как я уже писал, что правый т. е. неприятельский берег реки Прут был высокий и прилегал непосредственно к воде, но, против города Бояна, высоты отходили от реки на Юг и образовывали треугольник, лежащий своей вершиной на запад и ограниченный с севера рекой Прутом, с Юга высотами, а с Востока основание треугольника примыкало к небольшому ручью, впадающему в реку Прут и составляющему границу между Австрией и Румынией.

Величина треугольника была около версты в длину и около 800 шагов в основании.

Неприятельския укрепления шли по вершинам высот, а все склоны были опутаны колючей проволокой, с электрическим током, которую австрийцы построили с первых же дней мобилизации. При чем протянули эту позицию и вдоль румынской границы.

Ввиду удаления высот от реки у Бояна, противник вырыл между высотами и рекой Прут передовые окопы, но не успел оплести их проволокой, т. к. мы, заняв Боян, держали эти

окопы всегда под пулеметным и ружейным огнем.

Противник занимал эти окопы только ночью, а к утру уводил свои цепи на главную позицию, за проволоку.

Войдя в реку мы начали плавать и нырять в воду, делая вид, что мы купаемся, и в то же время старались переплыть Прут в разных направлениях, измеряя его глубину.

Когда мы достаточно озябли, то вернулись в окоп обогреться, откуда я послал опять четырех разведчиков продолжать начатую нами работу.

Такое «купание» мы продолжали, до 4-х часов вечера и за это время, выяснили точно самое мелкое место, для брода, где вода в самых глубоких местах доходила только до груди средняго роста человека.

Неприятел, видимо принимал нас за действительно купающихся солдат и не обращал на это никакого внимания.

Мы обозначили место исходнаго положения на нашем берегу, но нужно было, чем нибудь, обозначить точно пункт на неприятельской стороне, куда переправляющиеся гусары должны будут держать направление, не уклонясь в сторону, где было много глубоких мест.

Провесить направление вехами или колышками не представлялос возможным, т. к. это вызвало-бы со стороны неприятеля подозрение к нашей работе.

Тогда я приказал разведчикам, также под видом купания перенести небольшой фонарик и укрепить его под неприятельским берегом так, чтобы он светил только в нашу сторону и был-бы путеводной звездой при нашей предстоящей ночной переправе, через реку Прут.

После полудня Граф Келлер вызвал меня по телефону в штаб корпуса, но узнав, что я уехал в Боян, для розыска бро да, он сам туда приехал и зашел в тот окоп, из котораго мы выходили на Прут изследовать место переправы.

Увидев меня, плавающаго на воде с разведчиками, он остался очень доволен и сказал: «Я знал, какого командира полка нужно было послать переправляться первым».

«Вы мне только постарайтесь сегодня ночью переправиться на ту сторону и овладеть передовыми неприятельскими окопами, а с разсветом я прикажу поставить наши пушки в этот окоп и прямой наводкой снести проволочное заграждение противника, затем Вы ворветесь в главныя укрепления и, выбив неприятеля, мы возмем Черновицы с тыла, чем и облегчим нашей армии переход через реку Прут», добавил Гр. Келлер.

«Что касается переправы и овладения неприятельскими передовыми окопами, то это я считаю возможным и выполнимым, но чтобы наша полевая артиллерия, хотя и прямой наводкой могла уничтожить столь основательныя неприятельския проволочныя заграждения, в этом я сомневаюсь и без тяжелой артиллерии нам будет невозможным овладеть неприятельскими главными укреплениями», ответил я Гр. Келлер.

Такое мое мнение, видимо, не понравилось ему Его глаза стали выражать недовольствие и даже злость и он мне резко возразил:

«Не берите пример от других и не впадайте в пессимизм, а будьте бодры и всегда верьте в победу, как бы трудна она Вам не казалась, при такой только уверенности, будет обеспечен успех».

После этого Граф уехал в штаб корпуса.

Я еще оставался в окопе, пока убедился, что наш фонарик установлен и будет долго гореть, а затем уехал в полк, чтобы пообедать и вести гусар к переправе.

Как только я приехал в полк, из штаба корпуса было получено приказание нарядить от гусарскаго полка два раз'езда, под командой лучших офицеров.

Я назначил Поручиков Эмниха и Дунина-Жуховскаго. Они получили задание переправиться через р. Прут и идя вдоль австро-румынской границы, выяснить, как далеко простираются австрийския укрепления вдоль румынской границы.

За время нашего измерения реки, со стороны Днестра была слышна весь день страшная артиллерийская канонада, а к вечеру сводка указывала о громадных успехах наших войск в этом районе.

С наступлением темноты я повел свой полк в гор. Боян, где спешившись у восточной окраины этого города, мы сохраняя полную тишину и порядок пошли к месту переправы.

Гусары сознавая всю важность и опасность нашего предприятия относились ко всему крайне серьезно и в рядах идущих не было слышно даже шопота. На стороне противника тоже была полная тишина и не было видно никаких признаков его тревоги или особой бдительности.

Еще днем мы заметили далеко на Запад над Карпатами дождевые тучи, кои медленно плыли в нашу сторону и к моменту прихода нас в Боян, эти тучи уже были над нами, чем еще больше усилили темноту летней южной ночи.

Согласно моему приказу по полку первыми должны были пе реправиться те разведчики, которые изследовали со мной глу-

бину брода, при чем как только они достигнут неприятельскаго берега, сейчас же должны рукой ритмично закрывать и открывать огонь нашего фонарика, который едва заметно мерцал под неприятельским берегом. Этот сигнал означал, что на самом берегу нет неприятеля и помогал своим миганием легче держать на него гусарам направление.

Как только огонек нашего фонарика начнет ритмически мигать, приготовленные разведчики всего полка, под командой офицера от каждаго эскадрона, должны немедленно переправиться на ту сторону и редкими цепями продвинуться, как можно дальше в направлении неприятельских временных окопов, залечь перед ними и изготовиться встретить штыками противника, приближающагося к нашей переправе. Штыковая атака должна быть произведена не только без всякого выстрела, но даже без шума, чтобы не обнаружить себя непри ятелю и самую атаку сделать для него неожиданной и по возможности захватить его в плен, дабы он не дал знать в свои окопы о нашем переходе через реку Прут.

О готовности разведчиков встретить неприятеля и прикрыть нашу переправу, я приказал прислать мне, как можно скорее донесение, после чего я поведу полк переправляться.

Оставив полк у наших окопов, я с ад'ютантом Поручиком Слезкиным и начальником полковой команды связи Корнетом Кульбах, а также с разведчиками, бывшими со мной здесь утром, пошел на берег реки Прут, на то место, которое мы выбрали днем, для исходнаго положения нашей переправы.

Когда мы подошли к обозначенному месту, то ясно увидели мерцающий огонек нашего фонарика под противоположным берегом реки, что меня весьма порадовало т. к. я боялся, что фонарь потухнет или будет найден противником.

При помощи створной линии, установленной мною днем, я определил, что видимый нами огонек от нашего фонарика, который мы поставили там днем.

Разведчики сняли свои пояса с надетыми на них подсумками с патронами и привязанными ручными бомбами, надели их на плечи, чтобы не замочить в воде и подняв винтовки над головой, по-три вряд побрели в воду, держа направление на огонек.

Тишина кругом была полная и только легкий плеск воды вокруг идущих разведчиков сначала доносился до нашего слуха, но разведчики скоро скрылись в темноте, и плеск воды от их движения совершенно прекратился.

Мы с затаенным дыханием всматривались вслед ушедших

разведчиков и прислушивались ко всякому малейшему плеску воды.

Нервное напряжение было крайне натянутое Минуты казалось тянулись часами. Каждый момент мы ожидали, что переходящие разведчики будут обнаружены и подвергнуться обстрелу противника, после чего у неприятеля начнется тревога; взовьются высоко тысячи ракет, осветят все пространство, а за ними загремят артиллерийские выстрелы, заклокочут пулеметы и наша переправа не увенчается успехом.

Вот почему мы так нервно всматривались в темноту реки и прислушивались к каждому плеску воды или шороху за рекой.

После непродолжительнаго времени, которое нам казалось нескончаемым, вдруг замигал огонек в нашем фонарике.

Приготовленные полковые разведчики немедленно двинулись к броду и черной полосой побрели через реку.

Движение сотни людей по воде вызвало значительный шум, и я опять начал волноваться за участь ушедших разведчиков. Но пошел дождь и, хлопая каплями по воде на всем пространстве реки, заглушал шум, производимый бредущими вброд гусарами, котораго противник видимо не слышал.

Вскоре вернулись разведчики и доложили мне, что наши цепи выдвинулись вперед и залегли перед передовыми окопами противника. Он также добавил, что повысился уровень воды в реке и что брод стал значительно глубже, нежели он был утром, когда мы его измеряли. Нетрудно, конечно, было догадаться, что повышение воды произошло от дождя, прошедшаго вверх по реке Прут, далеко на Запад от нашего брода, а горные ручьи Карпат быстро стекали вниз и наполнили водой реку, ускорив ее течение, которое за день достигло и места нашей переправы.

Я приказал разведчикам, кои плавали со мной утром, взять длинные колья и стать цепью поперек реки на разстоянии шагов десяти один от другого, немного ниже намеченного нами брода, и в случае, если течение собьет с ног или начнет уносить кого-либо из гусар, то они должны им помочь, как хорошие пловцы.

Затем я, полковой ад'ютант Поручик Слезкин и начальник полковой команды связи Корнет Кульбах подняли наши боевые пояса с полевыми сумками и револьверами и пошли в брод.

За нами я приказал идти головному эскадрону полка в колонне по шести, имея дистанцию между шеренгами, чтобы

не запруживать течения реки.

Гусары в шеренгах взяли под-руки один другого, многие крестились вступая в темную пучину воды и полк двинулся за мной в брод.

Пройдя некоторое разстояние я почувствовал разницу глубины воды утром и вечером. Утром вода доходила до моего пояса, а сейчас я ее чувствовал уже у груди.

Когда же голова полковой колонны подошла к противоположному берегу, то получилась плотина из живых людей, и, хотя между шеренгами идущих гусар и были дистанции, но по меньшей мере мы наполовину задержали течение реки.

Вода начала быстро подыматься, а гланое течение стало настолько сильным и так толкало идущих гусар что, несмотря на старание разведчиков направлять колонну по прямой линии, течение воды все же ее выгнуло и форма колонны получилась дугообразная. Естественно, гусары уже не шли в прямом направлении по намеченному броду, а уклонялись в сторону. Вследствие этого многие из них попадали в более глубокия места и им приходилось уже не идти, а плыть, держа винтовку одной рукой над водой.

Снесенным течением и неумеющим плавать помогала, выставленная поперек реки, цепь разведчиков. Но несмотря на это, все же при переправе утонуло семь человек.

Выходящие на вражеский берег эскадроны разсыпались в цепь по обе стороны брода. Все конечно промокли насквозь и дрожа от холода, ложились на намоченную шедшим дождем землю.

Когда весь полк переправился я двинул цепи вперед, и они без выстрела заняли передовые окопы противника и захватили в плен три его офицерских заставы.

Захваченные пленные показали, что они были осведомлены о начавшемся прорыве русских войск у реки Днестра, но они совершенно не ожидали нашего перехода через реку Прут, т. к. они не видели на нашей стороне никаких приготовлений, кроме мирно купающихся в реке русских солдат, что еще более их уверило о совершенно мирном и спокойном характере нашего поведения. Поэтому они не только не высылали в эту ночь разведчиков, но даже не заложили на берегу реки секретных постов. Благодаря же темноте ночи и падающему дождю они совершенно не слыхали и не видали нашей переправы. Вот почему гусарам удалось занять передовые окопы противника и захватить в плен три заставы, без всякаго выстрела.

За гусарским полком успел переправиться I-вый Оренбургский казачий полк под командой Полковника Дутова, который поступил в мое распоряжение. Я дал ему задачу наступать левее гусар и занять каменныя здания австро-румынской таможни.

За казаками стали переправляться уланы, но майская ночь была коротка, скоро забрежжал разсвет, и противник увидел нас на своем берегу. У него поднялась тревога и почти сразу загремели все его орудия разных калибров.

Граф Келлер, действительно, ночью поставил 6 наших полевых орудий конной батареи в окопы и приказал им обстреливать проволочныя заграждения противника. Но выстрелы этих пушек напоминали лай маленьких собачек на слона, в сравнении с грохотом сотни орудей противника разной величины. А разрушительная сила наших полевых орудий не приносила никакого вреда нескольким десяткам рядов неприятельскаго проволочного заграждения, заплетеннаго на железных столбах вдоль линии их грандиозной позиции, расположенной на высотах праваго берега реки Прут.

За казачьим полком начал переправляться 10-ый Уланский Одесский полк, но уже было светло и противник начал его обстреливать самым интенсивным огнем и заставил улан прекратить переправу. Кроме того вода в реке до того вздулась, что переходить ее вброд было невозможно. И у улан, кажется, успели переправиться только два эскадрона, а остальные остались по ту сторону реки.

Остановив улан, противник перенес весь свой губительный артиллерийский огонь на переправившихся гусар и казаков.

Сотни снарядов каждую минуту бороздили воздух, лопаясь над нашими головами, засыпая цепи градом пуль, а снаряды гаубичных и тяжелых батарей противника зарывались глубоко в землю, там взрывались и выбрасывали миллиарды мелких металлических осколков, смешанных с землей летевших во все стороны и приносящие смерть всем, кто попадается им на пути.

Особенно морально угнетала нас, как называли солдаты, «кряква», бросающая совершенно отвесно громаднаго калибра снаряды, кои зарывались в землю почти на сажень, рвались там и выбрасывали оттуда вверх столб земли окутанный черным дымом и ядовитыми газами. После такого взрыва, в земле образовалась яма сажени три в деаметре и сажени полторы глубиной.

Вскоре все телефонные провода, проложенные через реку, для связи меня со штабом корпуса, расположенном в наших окопах, были перебиты неприятельскими снарядами.

Мое положение становилось крайне критическим. Два полка очутились у подножья громадной и сильно укрепленной позиции, откуда неприятель видел не только любого нашего гусара или казака, но даже мог различать нашу форму одежды и бил нас, как говорят, навыбор. Перед нашим фронтом красовалось несколько десятков рядов проволочнаго заграждения, оплевшее все подступы к главной позиции противника и поднимающихся по склонам возвышенностей.

Место, на котором мы очутились, представляло собой ровный луг, между укрепленными высотами противника и рекой Прутом.

Наступать не было никакой возможности, т. к. проволочное заграждение осталось невредимым, после обстрела нашей артиллерией. Некоторые разведчики подползли с ножницами к самому заграждению, но проволока была столь толстая, что ножницы не могли ее перерезать. Да и возможно-ли, резать проволоку под пулеметным огнем противника, который даже не подвергался хорошему обстрелу нашей артиллерии?

Укрытий у нас никаких не было, кроме неприятельскаго передового окопа, за невысокой насыпью котораго и залегли несколько эскадронов гусар, но остальные гусарские эскадроны, Оренбургские казаки и часть улан лежали прямо на лугу, стараясь своими маленькими лопатками зарыться глубже в землю. Но все это казалось детской игрой в солдатики, в сравнении с силой неприятельскаго огня, где мы безполезно несли тяжелые потери.

Отступать было невозможно под таким огнем и при разлившейся в тылу реке. Я донес об этом подробно Графу Келлер. Да он и сам видел всю безнадежность его безразсуднаго предприятия.

На мое донесение он ответил мне, что ему штаб армии обещал прислать тяжелую артиллерию, разбить неприятельское проволочное заграждение. Но я знал, что поблизости от нас нет тяжелой артиллерии, а если пошлют ее то издалека а пока она придет, то нас всех противник перебьет.

Сносился я с нашим берегом только при помощи переплывающих разведчиков, но подвести патроны или пищу было немыслимо т. к. каждую лодку, приведенную нами к переправе, противник разбивал в дребезги. Раненых уносить тоже было некуда.

Мне пришлось их подносить к румынской границе, где, под'ехавший румынский Красный Крест, их принимал и увозил в свой госпиталь.

Я хотел поддержать сообщение со штабом корпуса через румынскую границу, но вскоре подошел румыский кавалерий ский полк и никого не пропускал в Румынию, кроме наших раненых.

На румынской стороне на горах выше таможни собрались десятки тысяч народа, разодетых в воскресныя румынския национальные одежды. Также были видны сотни экипажей привозивших на эту гору, шикарно разодетую публику, приехавшую из разных мест Румынии, посмотреть на этот небывалый в истории случай и на необычайную картину, когда румыны стоя безопасно на горе у своей границы, могли наблюдать весь наш бой с австрийцами. При чем с румынской стороны были ясно видны обе воюющия стороны.

Мы даже завидывали такому положению, когда они могли спокойно наблюдать наши действия совершенно безопасно для них. Правда когда наши или австрийския шальныя пули пролетали над этой толпой, то она шарахалась в сторону, но затем возвращалась на места и продолжала наблюдать картину боя до наступления темноты. Многие же остались ночевать на горе, чтобы с утра уже видеть бой.

Но наше положение было довольно тяжелое. Мы лежали мокрые, озяблые, голодные, с небольшим запасом патронов и без всякой надежды на что либо лучшее.

Около полудня огонь противника сильно ослабел.Разстрелял-ли он снаряды и ожидал их подвоза или сделал передышку. Но мы скоро заметили, движение солдат из передней линии окопов во вторую, пробирающихся скрытно по ходам сообщения.

Некоторые гусары и казаки стали выглядывать из окопов довольно открыто и даже подымались во весь рост и ходили вдоль позиции, но неприятель не обращал на это внимания и не открывал огня.

В это время штаб корпуса сообщил мне, о весьма успешном развитии прорыва нашими войсками у реки Днестра.

Сопостовляя это сообщение с движением противника во вторую линию окопов, у меня мелькнула мысль, не начинает-ли он отступать в связи с успехом наших войск у реки Днестра, как это случилось 27-го Апреля 1915-го года, у деревни Ржавинцы, о чем я писал на странице 232-ой моей книги.

Чтобы не дать ему уйти безнаказно, я отдал приказание

гусарскому и казачьему полкам быть готовыми начать одновременно атаку позиции противника в 1 час 30 минут пополудни, о чем будет подан сигнал трубачем.

Около часу дня я послал группу разведчиков к проволочному заграждению противника. Они почти дошли до проволоки, но были встречены пулеметным огнем и возвратились обратно.

Но ни одного артиллерийскаго выстрела противник не сделал по разведчикам, что еще больше усилило мое предположение об отходе неприятеля.

В час тридцать мои трубачи подали сигнал наступление. Цепи обоих полков одновременно поднялись и двинулись вперед. Но не успели мы пройти двух-трех десятков шагов, как неприятельская артиллерия загрохотала еще с большей силой, чем раньше и начала покрывать нас дождем шрапнельных пуль. Видя это я приказал трубачам подать сигнал назад, и цепи вернулись обратно в наши плачевныя закрытия.

После этого противник повел непрерывную стрельбу снарядами фугаснаго действия, имея целью заставить нас отступить за реку, но мы лежали твердо и упорно на нашей линии, несмотря на громадныя потери.

Около 2-х часов дня пришел ко мне Корнет Яровенко и доложил, что он пригнал по реке несколько лодок, нагруженных досками, кольями, жердями и веревками. Но пришлось эти лодки оставить в версте ниже нашей переправы, т. к. противник, обстреливая реку, недопускает подвести лодок к броду.

Я приказал ему вернуться назад и с наступлением темноты пригнать лодки к переправе, для перевозки нам патронов и хлеба.

Не успел Яровенко отойти от меня и 20-ти шагов, как громадная «Крявка» с шумом и визгом грохнулась прямо на него и вогнала несчастнаго молодого офицера глубоко в землю. Ночью, когда его откопали, то даже все кости в нем были раздавлены.

Затем мне доложили, о ранении Командира 5-го эскадрона Штабс-Ротмистра Чернявскаго.

Таким образом эти два офицера, кои так нервничали накануне боя, пострадали почти одновременно, как будто предчувствуя свою судьбу.

Вскоре мне опять донесли о том, что Корнеты Эмних II-ой и Гербеневский также убиты.

Эти три молодых красивых, полных жизни и надежды,

храбрых и честных офицера сделались безполезной жертвой упрямства Графа Келлер.

Только с наступлением темноты противник прекратил интенсивную стрельбу, но всю ночь продолжал освещать прожекторами и светящимися ракетами, изредка обстреливая те места где он замечал наше движение.

Но все-же ночью нам удалось перевести патроны, хлеб и мясные консервы на лодках, кои раздобыл Яровенко.

К вечеру мы немного просохли, но ночью опять полил дождь, как из ведра и мы, вымокнув до нитки, провели вторую ночь мокрыми, трясясь от холода, как в лихорадке.

Около полуночи Граф Келлер прислал мне приказание, ни в коем случае не отступать, а на другой день начать энергичную атаку неприятельских укреплений, после того, когда наша тяжелая артиллерия, прибытия которой он ожидает этой ночью, обстреляет проволочное заграждение противника. Но наша тяжелая артиллерия не прибыла даже к утру, а с разсветом противник открыл по нас стрельбу еще более сильную, чем накануне.

Мне постоянно доносили о больших потерях, как в эскадронах гусарскаго полка, так и в казачьих сотнях. Почти под ряд были ранены следующие офицеры гусарскаго полка: Поручики Хитогуров, Филипов, Попазов и Корнеты Двигубский, Кох и Касьянов.

Из 23-х офицеров, принимавших участие в этом бою, попотерять сразу 10 человек, это было слишком тяжело для полка

К сожалению я не успел записать в мой дневник числа потерь гусар и казаков, а так-же казачьих офицеров, но они были значительны.

Потеряв надежду на прибытие нашей тяжелой артиллерии, я решил, что-либо предпринять, дабы не лежать под огнем противника, подобно мишеням, на практической стрельбе.

Для этого я пробрался в австро-румынское таможенное здание, которое заняли Оренбургские казаки, надеясь оттуда, вдоль румынской границы, обойти правый фланг неприятельской позиции.

Но австрийцы поставили проволочное заграждение вплотную к румынской границе и завернули на Юг протянули ее далеко вдоль этой границы, которая шла по ручью, впадающему в реку Прут.

Поэтому обойти эту позицию можно было только, пройдя по румынской территории, но этого нельзя было сделать т. к. Румыния тогда была еще нейтральна.

Около 4-х часов пополудни было получено уведомление из штаба 9-ой армии о прорыве нашими войсками неприятельской укрепленной позиции у реки Днестра, в направлении австрийской деревни Юрковцы и железно-дорожной станции Окна. При чем добавлялось, что разбитый и разстроенный противник в панике отступает на Запад и на Юг к реке Пруту; и Командарм 9-ой армии Генерал Лечицкий, приказал 3-му конному корпусу немедленно выступить, для преследования отступающаго противника.

Переводить полки днем назад и переплывать реку Прут, под действительным огнем противника, было немыслимо и пришлось ждать наступления темноты, когда оба полка вброд и вплавь переправились на левый берег, чем и окончилась неразумная, необдуманная, невыполнимая и упрямая затея Графа Келлера.

Выкупавшись в реке при обратной переправе, мы, как только вступили на берег, сейчас-же сели, на поданных коноводами, лошадей и двинулись к месту прорыва, покинув Боян навсегда.

ГЛАВА — XXI

Усталые, мокрые и голодные, после тяжелаго боя, мы все же в темную ночь прошли около 40 верст и прибыли к месту назначения перед разсветом, но уже было поздно. За ночь противник успел уйти далеко, а наша пехота преследовала его на Запад и Юг в направлении Черновиц.

С восходом солнца, на месте прорыва, нам представилась ужасающая картина. Вместо проволочнаго заграждения везде валялись одни оставшиеся клочья колючей проволоки, висевшия на, вывороченных из земли, металлических кольях. На всем пространстве впереди и сзади окопов виднелись воронки, вырытыя в земле снарядами русской тяжелой и гаубичной артиллерии. Ходы сообщения во многих местах были деформированы и засыпаны землей

Бетонныя окопы были разрушены, а их крыши сделанныя из железа и шпал, присыпанныя землей, провалились и погребли под собой многих защитников. Во всех снарядных ямах лежали убитые или раненные австрийцы, которых собирали наши санитары и уносили раненых в госпиталя, а убитых в общия могилы.

Но самое неприятное и удручающее впечатление производили неприятельские сумасшедшие солдаты, кои от страха и тяжелых переживаний во время боя потеряли разсудок. Многие из них сидели, как истуканы, молча не двигаясь, обняв колени руками и положив на них голову. Другие что-то пели или безсмысленно кричали, смеялись и махали руками, проходящим нашим войскам. Некоторые же ложились в ямы и прятались или убегали от наших санитаров.

«Вот, где было поле смерти, ужасов и страданий», сказал я Командиру третьяго эскадрона Ротмистру Селиванову, эскадрон котораго шел в голове полковой колонны.

Он мне ничего не ответил, а в знак согласился тяжело опустил вниз голову.

Конечно с гуманитарной стороны, — это было ужасно, но с военной точки зрения, прорыв был спланирован и приведен в исполнение великолепно. Главное приготовление и подготовка к прорыву велась с большой тайной и скрытностью. О предстоящем прорыве знали только Командиры частей, да и то под строгим секретом. Работа штаба Генерала Лечицкаго не была похожа на действия штабов Генералов Жилинскаго и Самсонова, где наш генеральный штаб дошел до такой небрежности или правильнее сказать преступления, посылая оперативныя приказания по безпроволочному телеграфу незашифрованными, которыя немцы перехватывали и знали не только, что наши войска делают, но даже что они будут делать т. е. вели сражение в открытую для неприятеля, что и привело к гибели целой нашей армии Генерала Самсонова.

В тактическом отношении прорыв так-же был выполнен идеально. Артиллерия была поставлена в три линии, впереди стояла полевая, во-второй вытянулись гаубицы, а в третьей, как чудовища лежали тяжелыя орудия. Артиллерийских снарядов для гаубиц и для тяжелых орудий было подвезено столько, сколько находилось квадратных саженей на пространстве необходимаго, для прорыва, т. е. разсчитано было так, чтобы на каждую квадратную сажень пространства земли ударил-бы снаряд фугаснаго действия, не считая шрапнели, которая била по живым целям. Из этого ясно вытекает, что после такой артиллерийской подготовки, пространство предназначенное для прорыва обратилось в руину и поле смерти. А результат был тот, что наша пехота с маленькими потерями овладела такой грандиозной позицией, которую неприятель строил и совершенствовал около двух лет.

И не смотря на постоянную подвозку австрийским коман-

дованием подкреплений к месту боя, противник все же не выдержал, оставил позицию и в безпорядке отступил, бросая амуницию и оружие по дороге, и преследуемый нашей пехотой, кричавшей: «Кавалерию вперед», «Подайте сюда кавалерию».

Но кавалерии там не оказалось, ее заставили плавать че рез реку в пешем строю и атаковывать грандиозную неприятельскую позицию лишь с винтовками в руках и без всякой артиллерийской подготовки.

Видя это Командир Уссурийской конногорной батареи Капитан Омельянович-Павленко, посадил своих артиллеристов на лошадей и поскакал преследовать уходящаго неприятеля, который до того был морально потрясен, что увидев приближающихся всадников Павленки, почти без боя отдал свою батарею.

Вообразите, что произошло-бы, если-бы вместо нескольких десятков всадников Павленки, на врага понеся-бы 3-тий конный корпус во главе с решительным и храбрым Командиром корпуса Гр. Келлер, с его боевыми 12-ю полками конницы, при шести конных батареях. Легко можно предположить, что к взятым трофеям при прорыве неприятельскаго фронта, прибавилось бы еще сотня орудий и несколько тысяч пленных.

Отсюда невольно возникает вопрос, почему была допущена такая непростительная ошибка и кто в этом виноват?

Почему прекрасно обдумав, подготовив и проведя отлично операцию прорыва неприятельскаго фронта, никто не вспомнил, чем же будут преследовать отступающаго противника, при удачных действиях нашей Артиллерии и пехоты?

Если Лечицкий, будучи пехотным Генералом, позабыл о кавалерии, то что делал начальник штаба его армии Генерал Санников, числящийся по кавалерии и что думал «мозг» армии генерал квартирмейстер со своим начальником оперативнаго отделения и другими офицерами генеральнаго штаба?

Почему они не посоветывали Ген. Лечицкому, вместо телеграфной полемики с Гр. Келлер, приказать ему заблаговременно придвинуть 3-тий конный корпус к месту прорыва, с тем, чтобы он бросился преследовать врага, после прорыва.

Позже нам разсказывали, что в штабе армии, получив донесение об удачном прорыве, генеральный штаб носился из комнаты в комнату с циркулем в руке, измеряя и вычисляя, когда 3-й конный корпус может прибыть от реки Прута к реке Днепру, для преследования противника. Не найдя ничего лучшаго этот штаб приказал собрать экзотичный Туркменс-

кий конный полк, охранявший тыл армии и послать его на преследование, но, это был лишь паллиатив. А кто в этом был виновен, выяснит военный историк.

Теперь же лишь можно добавить мнение японскаго генеральнаго штаба, о русском генеральном штабе, о чем мне сообщил мой сослуживец по Приморскому драгунскому полку Полковник Н. И. Шипунов, которому пришлось слышать это мнение в японском генеральном штабе.

«Наш генеральный штаб», сказал японец, «пишет перед боем, затем участвует в бою и опять пишет после боя о том, что он видел в бою, а русский генштаб пишет перед боем, во время боя и после боя, о том что ему сообщат о бое, котораго Ваш генштаб не видел».

Когда Гр. Келлер выяснил, что противник уже успел отступить за реку Прут, он приказал нашей дивизии сделать большой привал.

К счастью день был ясный и подымающееся солнышко стало довольно сильно нагревать землю. Мы воспользовались этим, сняли с себя вымокшую, при плавании через Прут, одежду, развесили ее где только было можно, а сами повалившись на землю быстро и крепко уснули и проснулись, только часа через три, когда дежурный по полку доложил о прибытии походных кухонь с готовым обедом, который я приказал сейчас-же выдать гусарам.

Мой конный вестовой Павел, тоже из ближайшей эскадронной кухни принес мне котелок борща с порцией мяса, и неотменный эмалированный маленький голубого цвета чайник с чаем.

После трехдневнаго пребывания за Прутом на хлебе и воде, принесенный борщ показался мне особенно вкусным.

Пока мы отдыхали и обедали наше обмундирование и амуниция высохли и мы двинулись дальше сухими, накормленными и немного отдохнувши.

Пошли мы по знакомому уже нам пути, на Юг в направлении города Черновицы, через дер. Топоровцы и город Садогура.

По дороге все время нам пришлось обгонять 14-ю пехотную дивизию с тяжелой артиллерией направленную для овладения городом Черновицы.

«Ишь ты, смотри сколько кавалерии появилось, а где она была, когда мы прорвали неприятельскую позицию. Небось боялась выйти вперед и догнать неприятеля», делали пехотные солдаты свои замечания, когда мы мимо них проходили. Для

нас же было обидно слушать столь незаслуженные укоры, сознавая то, что нас посылали выполнять более трудную задачу,, чем сделала пехота. Конечно пехотные не только солдаты, но и их офицеры этого не знали и были правы делать такие замечания.

Наконец у города Садогура мы обогнали пехоту и там узнали, от приехавших жителей из Черновиц, об оставлении сегодня утром неприятелем этого города и всего праваго берега реки Прута.

Высланная разведка подтвердила показание жителей.

Таким образом, благодаря искусному прорыву и стратегическому маневру 9-ой армии Ген. Лечицкаго, мы получили без боя всю укрепленную позицию противника по правому берегу реки Прута, включая высоты против г. Бояна, где мы просидели в окопах всю зиму и в последние дни безрезультатно пытались овладеть этой позицией.

Для занятия Черновиц прямо от Садогуры направили нашу пехоту, а для обеспечения ея праваго фланга было приказано коннице Гр. Келлера переправится через реку Прут в нескольких верстах западнее города Черновиц и на правом берегу этой реки занять деревню Глиницу.

Переправится в конном строю нам было нетрудно и с наступлением темноты мы были уже в Глинице, где Командир корпуса приказал сделать дневку.

Население этой деревни состояло исключительно из венгерских цыган. Нас это заинтересовало почему среди буковискаго населения очутились цыгане, да еще не кочующие, а оседлые?

История этих цыган оказалась довольно интересной. Один из буковинских помещиков, владелец большого имения Глиницы, будучи в Венгрии услыхал цыганский хор. Ему так понравилась цыганская музыка, пение и танцы, что он подарил свое имение этому хору, с условием, что цыгане оставят свою кочевую жизнь и поселятся в Глинице навсегда. Цыгане согласились, основали в Глинице свою колонию, обрабатывали землю, выделывали из глины посуду, а зимой посещали большие города и давали концерты. За короткое время их хор разросся в столь большую деревню, в которой свободно разместилась вся наша дивизия.

Цыгане предлагали нам свое пение и музыку, но после тяжелых перипетий на р. Прут, нам было не до музыки или пения. Многие офицеры сильно разнервничались, особенно это

отразилось тяжело на маловольных и более слабых духом.

Среди них сильно разнервничался Командир 3-го эскадрона Ротмистр Селиванов. Этот человек был крайне суеверен.

В Глинице ему отвели халупу рядом со штабом полка. Не успели мы стать на ночлег, как Селиванов зашел ко мне и попросил разрешения перейти ему в другую халупу.

«Что, Вы не хотите стоять рядом с начальством»? шутя спросил я Селиванова.

«Нет, Господин Полковник, моя халупа очень грязная и в ней много клопов», ответил он мне.

«Да в этой Глинице все халупы грязныя и с насекомыми. Мой денщик Хоменко сегодня даже обнаружил «пехотных дозоров в постели хозяйки», сказал я.

Примечание: В войсках в шутку называли кавалериста блохой, как часто скачущаго, а пехотинца — вшой, как медленно двигащагося.

«Я сейчас пойду обходить полк, зайду к Вам и там мы решим этот вопрос», добавил я, и Селиванов ушел.

«Василий Владимирович! не разрешайте Селиванову переходить», сказал мне Барбович, «он ужасно суеверен. Войдя в халупу сейчас-же начинает измерять ея длинну спичкой и если эта длинна равна нечетному числу спичек, то он переходит из этой халупы, считая ее наполненной злыми духами».

«А если в другой халупе длинна равна нечетному числу спичек, то он тоже из нея уходит»? спросил я Барбовича.

«Нет», ответил Барбович, «уйдя из первой халупы, он считает, что этим он наказал злых духов и они должны скрыться из второй халупы».

«Обходя эскадрон Селиванова, я сказал ему, что лично он может перейти на ночь в другую халупу, но переводить гусар и лошадей, я не разрешаю, т. к. это вызывает лишний раз нарушение отдыха, в котором на войне люди и лошади сильно нуждаются.

3-го Июня 1916 года рано утром мы выступили из дер. Глиницы на Юг в направлении реки Серет. Наши раз'езды донесли, что противник занял позицию на возвышенности южнее деревни Хвалибога.

Подходя к этой деревне, мы обнаружили ар'егардныя части противника, кои легко были выбиты нашим авангардом и ушли на главную позицию.

Как только мы вошли в д. Хвалибога, противник открыл по нас сильный артиллерийский огонь, при чем у него и здесь была тяжелая артиллерия.

Деревня Хвалибога была довольно большая, в несколько улиц, с широкой базарной площадью и с двумя громадными костелами.

Это было скорее не деревня, а маленький городок или, как у нас называют, местечко.

Недалеко на Юг от Хвалибога протекает по ровному лугу узкий ручеек, а за ним лежат небольшия возвышенности, на которой противник и устроил позицию. Он успел только вырыть окопы, но ни проволочного заграждения, ни волчьих ям перед этой позицией не было.

Драгунский, уланский и казачий полки Гр. Келлер послал в первую линию и приказал занять южную опушку дер. Хвалибога, а гусарский полк оставил в резерве.

Обе наши конныя батареи заняли позицию и открыли огонь по противнику. Дуэль была нервная. У неприятеля было значительно больше артиллерии, а главное крупных калибров и нашим батареям и вообще всей нашей 10-ой кавалерийской дивизии был довольно жаркий день.

Я запрятал эскадроны за дворы и халупы, а со штабом полка расположился во дворе под громадным и тенистым деревом. Здесь же находился и наш полковой перевязочный пункт с медицинским персоналом.

Противник клал снаряды по всей деревне, зная, что везде находилась наша кавалерия. Снаряды ложились кругом нашего дерева, но ни один не упал во двор.

«Наш двор заколдован, все снаряды то перелетают, то падают по сторонам, но нас минуют», сказал кто-то из штабных офицеров.

«Подождите, день еще велик и к нам успеет прилететь непрошенная кукушка», сказал доктор, потягиваясь, лежа под тенью дерева.

Я крайне не любил сидеть в резерве и не видеть, что делается в бою, поэтому взяв с собой одного ординарца, сказал ад'ютанту о своем уходе на позицию и пошел по улице на южную часть деревни. Противник сыпал не жалея снарядов; он бил по нашей цепи, по резерву и по месту, откуда стреляли наши конники.

Когда я вышел на площадь, откуда была видна позиция противника, меня поразила странная картина. Между деревней Хвалибога и неприятельской позицией носились всадники и оседланныя лошади. Много людей и лошадей лежали разбросанными по всему лугу частью по ту сторону ручья, а большинство по эту сторону, но много лошадей лежало в самом ручье.

Не вдалеке от площади располагался штаб корпуса, и я

поспешил туда, чтобы узнать в чем дело. Гр. Келлер сидел хмурый насупившийся и ни с кем не разговаривал.

Первый ординарец, котораго я встретил была С. В. Федорова.

«Что случилось», спросил я ее.

«Представте наш «сумасшедший» приказал уланам; атаковать противника прямо с фронта; уланы понеслись; противник сосредоточил по ним весь свой артиллерийский, пулеметный и ружейный огонь, а главное ручей оказался с топким дном и масса лошадей в нем завязло и только отдельныя лошади без всадников перепрыгнули на ту сторону и поскакали к неприятелю. Все конечно кончилось катастрофой, а он теперь сидит надутый, как сыч», отчеканила мне Софья Владимировна.

Примечание: О Феодоровой я писал на страницах 21 и 22 моей книги.

Опечаленный я пошел к своему штабу и там увидел суматоху. Лежа на носилках, раненый молодой доктор указывал фельдшерам, кому и как делать перевязки, метавшимся в крови раненым.

«В чем дело»? спросил я доктора, подбежав к его носилкам.

«Ничего, Господин Полковник, не успели Вы уйти, как к нам влетела «кукушка», ударила в дерево, под которым мы лежали и ранила нас», говорил мне доктор упавшим голосом, учащено дыша и страдая от полученной раны.

«Я думаю все обойдется благополучно», добавил он, опуская голову на носилки.

«Конечно, доктор, все будет хорошо, вы скоро вылечитесь от раны и вернетесь опять в полк, я Вас представлю к большой награде и отпущу Вас домой в отпуск», сказал я, смотря в потухающия глаза доктора. А через некоторое время, они закрылись у него навеки.

К вечеру бой затих. Мы воспользовались темнотой ночи, напоили лошадей и накормили людей ужином из под'ехавших кухонь.

Граф приказал половину лошадей расседлать, а другой всю ночь быть готовой. Мы остались на тех же местах, как стояли днем, предполагая, что с разсветом бой возобновится с новой силой, но утром разведка донесла, об остановлении противником вчерашней позиции и уходе его на Юг.

Мы выступили за противником. Я с полком шел в авангарде. Высланные наши раз'езды донесли, о переходе неприятеля за реку Серет.

«КАК РУССКИЕ НА ПРУТ, АВСТРИЕЦ ЗА СЕРЕТ», вспомнилось мне выражение Генералисимуса Суворова.

Что случилось 150 лет тому назад, то повторилось теперь.

К реке Серет наш корпус шел тремя колоннами. В средине по главной дороге двигалась 10-я кавалерийская дивизия, левее Донская, а правее Терская казачьи дивизии.

5-го Июня мы форсировали реку Серет. Наша дивизия не встретила сильнаго сопротивления противника и довольно легко заняла правый берег этой реки. Но вся тяжесть боя на этот раз легла на Донскую казачью дивизию. Я не видел этого боя и не знаю его подробностей, поэтому и не берусь его описать, но слышал, что Граф Келлер, узнав о тяжелом положении этой дивизии, отправился туда, сам руководил боем и два раза посылал казаков в атаку в конном строю, где казаки понесли тяжелыя потери, пока выбили противника.

6-го Июня мы имели бой у Обер Петроуц и выбив оттуда противника перешли через Малый Серет, где и ночевали.

7-го Июня мы имели небольшой бой у деревни Нейфратауц, а 8-го Июня двинулись дальше на Город Гура-Гумора.

Севернее Гуры-Гумора лежит довольно высокий перевал покрытый густым лесом, на котором противник и оказал нам сильное сопротивление.

В авангарде шел Оренбургский казачий полк, в арьергарде находился уланский, а в главных силах шли драгуны и мой полк.

Получив донесение от казаков о занятии перевала противником, Командир корпуса выдвинул драгунский полк и приказал ему вместе с Оренбургским выбить противника с перевала, а артиллерии усиленным огнем поддержать их наступление.

Перевал был покрыт лесом и наша артиллерия мало наносила вреда неприятелю, который упорно держался на перевале. Казаки и драгуны не могли его сбить.

Тогда Гр. Келлер приказал мне с гусарами обойти противника с востока и атаковать его правый фланг.

Путь по которому моему полку пришлось обходить противника шел вне дорог и нам пришлось пробираться между густыми ветвями громадных деревьев, карабкаясь по, усеянным камнями, крутым скатам перевала. Благодаря этому наше наступление происходило медленно, о чем я донес Гр. Келлер, который нервничал и злился.

Чтобы излить свою злость он поехал в штаб 10-ой кавалерийской дивизии и приказал Ген. Маркову, лично пойти к

полкам наступающим на перевал и торопить их движение. Граф, конечно, знал, что такой рамолик, как В. Е. Марков, даже по ровной дороге много не мог ходить, то куда ему пробраться по лесу и крутым скатам перевала. Но это он делал просто, чтобы поиздеваться над Марковым.

Марков важно двинулся к перевалу, но как только он скылся из вида Графа, то послал вместо себя начальника штаба дивизии Полковника Чеснакова.

Чеснакова я знал еще по офицерской кавалерийской школе, где он проходил курс, по окончании академии генеральнаго штаба.

Он был один из лучших начальников штаба нашей дивизии. Молодой энергичный, довольно способный и дельный, он пользовался доверием в строевых частях.

Пройдя линию казачьяго и драгунскаго полков Чеснаков, обливаясь потом и сняв от духоты фуражку, пришел ко мне и передал приказание Командира корпуса, как можно скорее двигаться на перевал и добавил; отирая платком с лица пот, «Я теперь сам убедился, как тяжело Вам наступать по таким местам и в такую ужасную жару».

Передохнув немного мы начали продолжать пробираться дальше за нашими цепями.

«Разрешите мне принять участие в атаке перевала вместе с Вами», сказал мне Чеснаков, «здесь хотя труднее и опаснее, но все спокойнее, чем в штабе, где начальство нервничает и злится».

«Пожалуйста», сказал я, «вот там мои два левофланговых эскадрона наступают левее оврага, при них у меня нет ни одного штаб-офицера, идите к ним и скажите, что я приказал, поступить им под Ваше командование».

Это было первый раз в течение всей войны когда я увидел начальника штаба дивизии пришедшаго в боевую линию и пожелавшаго принять участие в бою.

Мы хотя медленно, но все время продвигались вперед к перевалу. На правом фланге неприятельской позиции находилось две роты пехоты.

Первым бросился в штыки на неприятельский правый фланг Полковник Чеснаков, с двумя эскадронами моих гусар, а остальная часть полка атаковала противника с фронта. Атакованныя роты неприятеля частью сдались в плен, а частью бежали вниз с перевала.

Овладев правым флангом неприятельской позиции, я приказал нашим пулеметам взять под продольный огонь центр

неприятельской позиции.

Это облегчило Оренбургским казакам и драгунам овладеть всей этой позицией и противник хлынул с перевала и разсеялся в лесу, а его колонны начали отступать на Юг к городу Гура - Гумора.

Наша конная артиллерия успела выехать на перевал и открыла огонь по отступающему противнику. Жалко было смотреть на этих навьюченных, как мулы, усталых людей, спешивших уйти из под рвавшейся над ними шрапнели. Колонна уже входила в лес, как одна удачно разорвавшаяся шрапнель вырвала десятки жизней из строя. Противник бросился врассыпную, но следующия шрапнели его догоняли. Когда мы проходили это место, то среди убитых нашли много раненых, оставленных неприятелем.

Сбитый с перевала противник, почти без боя уступил нам Гуру - Гумору и только Оренбургский казачий полк пострадал при занятии этого города.

Продолжая идти в авангарде казаки нетщательно осмотре ли город дозорами втянулись в улицу в колонне. Нетриятельский ар'ергард, задержавшийся на ближайшей к городу возвышенности и за постройками в упор обстрелял колонну казачьяго полка.

Я шел с полком за казаками. Услыхав внезапно раздавшиеся выстрелы и крики казаков, я поднял полк в галоп и повел его на выручку Оренбурцев.

В городе Гура - Гумора я нашел не бой, а какую то вакханалию: засевшие за домами и стенками австрийцы пристреливали и штыками докалывали, упавших с лошадей, раненых казаков. В свою очередь казаки рубили шашками, всех попадающихся им, сдающихся в плен или убегающих австрийцев.

Чтобы не очутиться в том положении, в которое попали Оренбургские казаки, я не повел свой полк по улицам города в конном строю, а приказал двум эскадронам гусар спешиться и с пулеметами цепью под командой Подполковника Пальшау идти по городу и очищать дворы и дома от засевшаго там противника. С остальными же эскадронами полка я двинулся в конном строю в обход города и возвышенности, которую занимал неприятель, имея целью своим обходом заставить его отступить и этим выручить казаков.

Как только австрийцы заметили обход их гусарским полком, они моментально прекратили стрельбу и ринулись с возвышенности вниз и спешно начали уходить в лесистыя и высокия в этом месте Карпатския горы.

Многие солдаты уходящаго противника были так утомлены, что не могли дальше двигаться, в изнеможении садились на землю и предавали свою судьбу в руки несущихся на них гусар.

Некоторые из них, вытаскивали из сумки фотографии своих жен и детей, показывали их, под'езжающим к ним гусарам, видимо надеясь этим вызвать сострадание в сердцах русских солдат и этим избежать смерти.

Я разослал всех своих ординарцев, передать офицерам мое приказание, ни в коем случае не допускать убивать отсталых солдат, отступающего неприятеля, а забирать их живьем в плен.

Ускакавший с этим приказанием, мой лучший ординарец Цишевский (поляк), о котором я упомянул на странице 179-ой моей книги) был тяжело ранен пулей отстреливающагося противника.

Заняв город Гуру - Гумору мы не задержались в нем, прошли дальше и остановились на ночлег в ближайших деревнях.

9-го Июня рано утром мы выступили с нашей ночевки, повернули на Запад и пошли по направлению города Кимполунг.

Это был последний город Буковины, далее шло местечко Велипутно, а за ним лежала тунель, прокопанная под Карпатскими горами, для железнодорожнаго соединения Буковины с Венгрией.

Разбитый у Гуры - Гуморы противник не оказывал нам никакого сопротивления и утром 10-го Июня мы подошли к городу Кимполунгу, где он занял позицию, свежими силами, подвезенными из Венгрии.

Командир корпуса приказал нашей дивизий атоковать неприятельскую позицию с фронта.

Артиллерия обоих сторон начала свою обычную дуэль. На этот раз у противника тяжелой артиллерии не оказалось. Вероятно он боялся ее держать, имея у себя в тылу тунель. И наши конныя батареи успешно состязались с противником, а мы в пешем строю начали наступление на его позицию.

Я со своим гусарским полком наступал в центре дивизии, по обеим сторонам шоссе, ведущему в гор. Кимполунг.

Противник обстреливал нас пулеметным и ружейным огнем и наше наступление происходило медленно. Т к. у неприятельских окопов не было проволочнаго заграждения, то я торопил гусар наступать скорее, чтобы меньше времени находиться под огнем противника. Но вскоре пришел ко мне Гр. Келлер и сказал, чтобы я не торопился с наступлением с фронта, ввиду того,, что он послал Терскую казачью дивизию,

обойти горами Кимполунг и атаковать этот город с тыла.

Я приказал цепям гусарскаго полка остановиться, залечь и обстреливать неприятеля, а самим зарываться в землю.

Около 2 часов дня противник оставил свои окопы и быстро начал отступать к Кимполунгу. Вероятно ему донесли об обходе его тыла русской кавалерией, т. к. вскоре показались на горах у Кимполунга терские казаки в своих черкесках, больших кавказких папахах, с откинутыми за плечи, краснаго цвета, башлыками.

Терские и кубанские казаки зимой и летом носили свои папахи, не обращая внимания ни на какую жару. Они даже говорили, что при палящих лучах южнаго кавказкаго солнца, легче переносится жара в папахах, чем в фуражках, т. к. папаха не пропускает солнечных лучей.

Великолепную картину представляли терские казаки, тысячами спускающиеся на своих горных кабардинских лошадях ловко и умело, почти сев на задния ноги, скользивших вниз по крутым склонам Карпатских гор.

Противник перепуганный видом массы русской конницы, заходившей ему в тыл, начал бежать в направлении тунели бросая по пути оружие и амуницию, Но успел только проскочить их штабы и небольшая часть войска, а остальным Терцы пересекли тыловыя дороги и заставили всех сдаться в плен, с оружием, артиллерией и обозом.

Позже нам разсказывала румынка, в доме которой стоял штаб австрийских войск.

«Еще на кануне Вашего прихода», сказала она, «штабные офицеры говорили, что Кимполунгу не угрожает опасность, т. к. наступает только русская кавалерия и она конечно будет отбита В день Вашего прихода, этот штаб утром уехал на позицию

Около полудня я услыхала доносившийся с улицы стук колес и топот лошадей. Когда я открыла окно, то увидела австрийский штаб, скакавший по городу на Запад. Я спросила знакомаго ад'ютанта штаба, что случилось?

Он успел на ходу только крикнуть мне: «ОНИ СКОРО БУДУТ ЗДЕСЬ», и ускакал дальше, а через час я увидела Ваших казаков уже в городе».

При входе в Кимполунг мы нашли его совершенно мертвым. Улицы были пусты; все магазины, лавки и склады оказались закрытыми, а в домах окна, двери и ставни запертыми на замки, болты и задвижки, и не было в них видно, тех обычных любопытных детских и женских лиц, кои с волнением

выглядывали и смотрели на проходящия русския войска, что мы всегда видели при входе в города и деревни Галиции и Буковины.

А в Кимполунге даже не было слышно испуганнаго лая собак. Все притаилось и притихло, как бы ожидая наступающей бури.

Такое явление можно об'яснить разнородностью населения этого пограничнаго города, состоящаго из австрийцев, венгров, отчасти румын и меньше всего, там было буковинско го населения. Они никогда не видели русских войск, были напуганы слухами о русских казаках изображаемых в их понятиях, как диких людей, питающихся человеческим мясом и сальными свечами.

В Кимполунге Командир корпуса приказал остаться Терской казачей дивизии, а нашей 10-ой кав. дивизии выдвинуться вперед и занять позицию западнее этого города.

Мой полк был в этот день назначен в сторожевое охранение. Я выдвинулся настолько далеко на Запад, что занял местечко Велипутно, а мои раз'езды дошли до самой тунели не встретив противника и только при входе в тунель обнаружили неприятельскую заставу. Мы могли бы легко завладеть тунелью, но видимо Графу Келлеру не было разрешено вторгаться в Венгрию, а ограничиться занятием Кимполунга, где было и закончено очищение Буковины от австрийских войск.

ГЛАВА XXII

На другой день мне сообщили, что Граф Келлер, по случаю занятия Буковины, разрешил казакам и солдатам «потрясти» в Кимполунге базар, рынок, лавки и магазины.

Разсказывали некоторые курьезы, бывшие во время этой «тряски».

Граф Келлер иногда выходил на балкон дома своей квартиры и наблюдал, как нижние чины тащили свертки с награбленными вещами. Увидев двух кубанских казаков, остановил их и спросил:

«Ну, что, станичники, несете в подарок Вашим женам и сестрам?»

«Да вот, извольте подывыться, Ваше Сиятельство, «ответил один из казаков, несший коробку с маленькими кривыми маникюрными ножницами.

«Яки це дурны паны живут в Австрии. Взяли та и покрывли ножницы. Придется пойти до сотеннаго каваля, щоб вин их нагрив, да выправив. А то в станыци мэнэ засмиют, що прислав такий подарунок».

«Это верно», станичник», сказал Граф, усмехаясь, «твоя жена не будет заниматься маникюром и лучше пусть кузнец выправить твои ножницы».

Казак не мог понять, значение слова маникюр, и ничего не ответив Графу, а лишь сказав: «Так точно, Ваше Сиятельство», пошел в свою сотню.

Я был очень доволен, что в этот день гусарский полк находился в сторожевом охранении и не принял участие в грабеже Кимполунга.

Всякая армия, в любой войне вынуждена производить для себя реквизицию с'естных припасов, особенно для кавалерии, которая, благодаря постоянному и скорому передвижению из одного пункта в другой, вынуждена питаться местными средствами, т. к. никакое довольствующее учреждение не в состоянии успеть ее снабжать.

Еще Суворов говорил: «Кавалерия должна сама пещись о фураже».

И хотя реквизиции обычно сопровождаются оплатой взятого, но приучают войска к насильственному отбиранию фуража и с'естных припасов у населения, вырабатывая психологию солдата, что на войне он может брать все, что захочет. И бороться с грабежем во время войны, крайне трудно.

Я уже неоднократно писал, что Гр. Келлер, всегда сквозь пальцы смотрел, на разныя проделки нижних чинов, а в Кимполунге даже разрешил открытый грабеж.

Об'яснял он это старыми казачьими традициями, когда считалось позорным, для казака не прислать или не привести с войны подарок в его дом. Таких казаков в станицах считали трусами и скрывающимися в тылу, а женщины их высмеивали.

Эти традиции начались у казаков в седыя времена, когда они делали набеги на татар, турок и на кавказские племена, возвращаясь с набегов обязательно с добычей, включая даже женщин.

И теперь еще в казачьих полках поют песни, восхваляющие набеги и возвращение в станицы с богатым добром.

Австрийцы видя, что мы не наступаем дальше, начали занимать позицию по горам имея центром тунель и распространяясь от нея к северу и югу.

13-го Июня противник повел частичное наступление. Оттеснил мою заставу от тунеля и пробовал отнять у нас местечко Велипутно, но был отбит моим полком и отступил обратно на возвышенности над тунелью.

В эту же ночь пришла на позицию Терская казачья дивизия, заняла окопы и сменила мой полк в сторожевом охранении. После чего я с полком отошел в гор. Кимполунг, где и стал по квартирам, вместе с остальными частями нашей 10-ой кавалерийской дивизии.

Штаб гусарскаго полка расположился на квартире городского священника, который жил в довольно большом доме с маленькой семьей, состоящей только из жены и дочери; и комнат было вполне достаточно, для размещения штаба полка, без особаго стеснения хозяев.

Сам священник был большой австрийский шовенист, не любил русских, свободное время, большею частью, проводил в своем кабинете и только изредка показывался, вступая в политический спор с офицерской молодежью штаба полка. Особенно он любил спорить с полковым ад'ютантом Поручиком Слезкиным и его помощником по опиративной части полка Поручиком Дуниным-Жуховским, кои прекрасно владели немецким языком и были еще более настроены шовинистически, нежели сам священник.

Жена же его была совершенно другого склада и характера. Еще молодая красивая привлекательная и образованная женщина, она была ко всем нам внимательна, заботилась о наших удобствах и проявляла сердечное гостеприимство. При политических спорах ея мужа с офицерами всегда возражала ему и поддерживала сторону русских.

К нам относилась она с большой симпатией, увлекалась красивым Дуниным-Жуховским и часто высказывала мне ее желание, выдать свою дочь замуж за русскаго офицера, намекая на Поручика Слезкина, который нравился и мамаше и дочери. Прожили мы в этом доме довольно продолжительное время, были весьма признательны хозяйке, и впоследствии с удовольствием вспоминали, проведенное там время.

В этот период 3-й конный корпус был расположен следующим образом. В центре у местечка Велипутно, в направлении тунели, заняла позицию Терская казачья дивизия, к югу от нея протянулись Донские казаки, примыкая к румынской

Трансильвании.В корпусном резерве в Кимполунге расположилась 10-ая кавалерийская дивизия.

20-го Июня мне было приказано с полком выдвинуться в деревню Фундул-Молдава, лежащую к северо-западу от города Кимполунга и занять позицию по высотам за номерами 1178 и 1280 для прикрытия праваго фланга нашего корпуса, войдя в связь с Терской дивизией.

Взяв с собой патронныя двуколки и походныя кухни, остальную часть обоза я оставил у священника и таким образом закрепил эту квартиру за гусарским полком, где могли останавливатся гусары приезжая в Кимполунг.

Придя в Фундул-Молдаву мы заняли указанныя высоты и сейчас же приступили к постройке окопов.

23-го Июня противник пытался сбить мой полк с этих высот, но был отбит гусарами, вернулся в свои окопы и больше наступать не пытался, а лишь ограничился обстрелом наших высот артиллерией.

В Фундул-Молдаве расположился весь гусарский полк, и тремя эскадронами по очереди занимал окопы.

Вокруг этой деревни лежали громадные леса, а в самой Фундул-Молдаве находился большой лесопильный завод, с громадным количеством напиленных бревен и досок, из которых мы не только, что устроили крыши над окопами, но эскадроны даже соорудили навесы, чтобы спрятать под ними наших боевых товарищей — коней от взоров неприятельских аэропланов, палящих лучей солнца, а главное от мух и оводов, кои мириадами ветали вокруг конюшень, кусая лошадей.

Вскоре приехал в Кимполунг Командарм 9-ой армии Генерал Лечицкий, котораго я еще знал по Манчжурии, во время «Боксерскаго» возстания в Китае, в 1900 году, о чем я упомянул на странице 142 моей книги.

На этот день окопы гусарскаго полка заняли терские казаки, и я мог представить Лечицкому весь мой полк.

Когда я под'ехал к нему с рапортом, Лечицкий меня узнал сердечно со мной поздоровался, спросил, как я поживаю, как себя чувствую, нахожу-ли я эту войну легче, чем русско-японскую и т. д., а затем он поскакал к правому флангу стоявших гусар, намереваясь под'ехать к трубачам, с ними поздороваться и затем ехать вдоль фронта, построеннаго полка.

Но здесь произошел казус. Зная, что Лечицкий пехотный Генерал, я постарался дать ему красивую, крепкую на ноги, но смирную и хорошо выезжанную лошадь, под названием «Известный».

Приехав в полк, я взял «Известнаго» для себя, как положенную каждому кавалерийскому офицеру казенно-офицерскую лошадь.

Я ездил на ней, когда мой «Зайчик» был усталый или болен.

«Известный» был прекрасный конь сильный выносливый, прыгал хорошо и я никогда не имел, ездивши на нем, никаких недоразумений и поэтому решил дать его Ген. Лечицкому, для езды во время смотра.

Сопровождая Лечицкаго, я заметил, что «Известный» не шел под ним таким спокойным и ровным галопом, каким он всегда ходил подо мной, а налег на удила и скакал довольно резво.

Подскакав к трубачам, Лечицкий хотел остановиться, но «Известный», проскочил за фланг, затем быстро повернулся и стал вплотную к передней шеренге трубачей и не хотел от них отделяться.

Я сначала подумал, что Лечицкий озлился, за подачу ему такой лошади, но он спокойно усмехнулся и сказал: «Вы вероятно хотели видеть, насколько я хороший ездок?»

«Никак нет», ответил я, «это моя казенно-офицерская лошадь, которая никогда не выкидывала никаких трюков, когда я на ней езжу».

«Лошадь хорошо чувствует всадника, и что она не позволяла делать под Вами, то она сделала подо мной», сказал Лечицкий и тронув «Известнаго» шпорами, поехал вдоль фронта полка, здороваясь с эскадронами гусар.

Командующий армией остался очень доволен смотром гусарскаго полка.

«Вид полка прекрасный, гусары чисто одеты, выглядят упитанными, лошади и седла в полном порядке», сказал мне Генерал Лечицкий, закончив смотр полка церемониальным маршем, пропустив мимо себя эскадроны развернутым фронтом, разными аллюрами, а за тем спросил:

«Где Вы приобрели такия красивыя фуражки, для гусар?»

«Не надеясь на интендантство, я еще ранней весной послал офицера с четырьмя гусарами, в город Чугуев, где полк стоял в мирное время, с приказанием заказать и привести на фронт летния фуражки, чакчиры и по паре новых сапог. Благодаря этому мне удалось своевременно переодеть полк в летнюю одежду», доложил я.

«Вот это и прекрасно, всегда и во всем проявляйте иници-

ативу. не ожидая, что кто-то за Вас сделает и тогда будете иметь успех. Вы долго служили на Дальнем Востоке и знаете насколько важно на военной службе быть решительным», сказал Лечицкий и спросил:

Слышали, как прекрасно и с каким успехом наши сибиряки деруться на всех фронтах? Немцы были прогнаны от Варшавы, только благодаря сибирякам».

«Я всегда радуюсь, когда читаю об успехах наших доблестных соратников по японской войне», ответил я и пригласил Ген. Лечицкаго пообедать у меня.

«Спасибо», ответил он, «обед меня задержит, а мне еще сегодня нужно успеть вернуться в штаб армии, но пробную порцию, наскоро, с'ем с удовольствием!».

Мы под'ехали к одной из походных кухонь, спешались и я сказал повару приготовить пробную порцию. Он достал эмалированную миску, от которой за время долгих походов во многих местах отбилась эмаль,налил в нее ковшем борща с куском мяса положил тоже в эмалированную тарелку гречневой каши и обтерев о фартук деревянную лакированную ложку, поднеся все Ген. Лечицкому, сказал «Извольте попробовать, Ваше Высокопревосходительство».

Лечицкий с'ел несколько ложек поданнаго борща с кашей, отказался от мяса, похвалил повара за хорошую пищу и дав ему рубль на чай, попращавшись с нами, сел в автомобиль и уехал в штаб армии.

Простояли мы в Фундул-Молдаве довольно продолжительное время. Мой полк прикрывал правый фланг нашего корпуса и поэтому правый фланг полка висел в воздухе. К нему подходили с разных сторон лесные скаты Карпатских гор, узкия ущелья, дороги и разнаго рода тропинки, по которым противник мог легко скрытно и незаметно подойти и напасть неожиданно на расположение полка. Я охранялся тщательно, но всех дырок не заткнешь и некоторое время по ночам не спал, опасаясь такого нападения, пока не убедился о полной пассивности противника.

Будь на месте австрийцев японцы то они бы непременно воспользовались бы оторванностью полка и сделали-бы ночное нападение. Но австрийцы вели себя совершенно спокойно.

Наши окопы лежали на высоких вершинах гор и гусары пешком карабкались по крутым скатам, для смены очередных эскадронов.

Лошади оставались без дела и их приходилось проезжать, чтобы они не застаивались.

Со свободными же от окопов офицерами я ездил верхом, взбираясь и спускаясь по крутым склонам гор. Мой «Зайчик» проделывал это акробатически, и молодежь увлекалась такой опасной ездой, но пожилые недолюбливали этого рискованнаго спорта.

В скором времени противник начал проявлять усиленную деятельность в центре и главным образом на левом фланге нашего корпуса и тяжесть этих боев несли Терская и Донская казачьи дивизии.

Гр. Келлер, как всегда, немедленно отправился туда, где происходил тяжелый и опасный бой. Чтобы подбодрить казаков он пошел в окопы и был вторично ранен пулей в ногу и эвакуирован в санитарном поезде, для лечения.

Неприятель против моего полка оставался пассивным, но усилил артиллерийский обстрел гусарских окопов, а его тяжелыя орудия перенесли огонь по деревне Фундул - Молдава.

Вероятно ему с какого нибудь наблюдательнаго пункта было хорошо видно наше расположение и он сосредоточил огонь по лучшему дому, где находился штаб полка. Один снаряд ударил во двор, а другой разбил и поджег крыльцо нашего дома, но ординарцы быстро его потушили и не дали огню распространиться. По найденной дистанционной трубке неприятельскаго снаряда, мы определили разстояние, на которое стрелял противник, в шесть с половиной километров.

Это была довольно большая дистанция, чтобы попасть двумя снарядами почти в дом. Вообще, как я уже неоднократно отмечал, австрийская артиллерия была лучше даже немецкой и стреляла довольно метко. Но я все же надеялся на свое военное счастье, а главное не верил, чтобы противник с такой большой дистанции мог третий раз попасть в тот же дом, принимая во внимание разсеивание летящих снарядов. И поэтому, на предложение кого то из офицеров, перевести штаб полка в другое место, я категорически отказался, но предложил хозяйке дома с ея детьми перейти за гору в более безопасное место.

«Як вы сидитэ, то чего я пойду. Як кулька (пуля) захоче, то найдэ и в другом мисти. А як назначена смерть, то лучше помирать в своий хати, чим пид горою», ответила хозяйка.

Это была удивительно трудящаяся женщина и прекрасная мать.

Мы с удовольствием наблюдали насколько она заботилась о своих детях, этих четырех белокурых карапузов в возрасте от одного года, до четырех лет. Они всегда были чисто вымыты,

одеты в белыя, как снег длинныя рубашки и сидели в деревянной круглой лаханьке, подобно птенцам в гнезде или ползали по комнате во всех направлениях, как маленькия котята.

Выглядели дети откормленными, не смотря на тяжелое по ложение матери. Отец их был взят, отступающими австрийцами, в их обоз, вместе с его лошадьми и телегой, и он остался за фронтом.

Мать, оставшаяся одна с четырьмя маленькими детьми, напрягала все силы и заботы, чтобы прокормить и содержать своих малюток. Поведения она была прекраснаго, скромная заботливая.

Я приказал ей давать продукты от штаба полка, а сам помогал ей деньгами.

За ранением Гр. Келлер, во временное командование 3-м конным корпусом вступил начальник 10-ой кавалерийской дивизии Генерал В. Е. Марков, с которым у меня произошла опять стычка.

Я получил от него приказание передать окопы Терской казачей дивизии и с гусарским полком и двумя конногорными пушками выдвинуться еще дальше в горы к северо-западу и 1-го Июля атаковать противника, занимающаго высоту номер 1982.

Пробираясь тропинками по лесистым Карпатам, ведя всю дорогу лошадей в поводу, мы наконец достигли назначеннаго пункта. Переночевав в долине биваком, мы рано утром заняли позицию против высоты номер 1982. Но гора нашей позици так была высока, что орудия не могли стрелять с закрытой позиции и пришлось пушки на руках втаскивать на вершину.

Поэтому я решил втащить только одно орудие и при казал артиллерийскому офицеру, как можно больше поднести снарядов и стрелять подряд четырмя патронами один за другим, быстро заряжая, но не поправляя первоначальной наводки; после четвертаго снаряда делать небольшой перерыв, чтобы показать противнику, что у нас есть 4-х орудийная батарея, а не всего лишь одна конногорная пушка.

Обстреляв окопы противника настолько интенсивно, насколько было снарядов при орудиях, мы двинулись в атаку. Я наступал с двумя эскадронами с фронта, а три эскадрона послал под командой Подполковника И. Г. Барбовича обойти неприятельскую возвышенность слева. Один эскадрон оставил в резерве при орудиях и пулеметах, под командой Подполковника Пальшау.

Противник, заметил наши куцыя жидкия кавалерийския цепи, сам перешел в контр атаку и обрушился главным образом на эскадроны Барбовича и начал их окружать.

Увидев критическое положение этих эскадронов, я послал приказание Пальшау, весь пулеметный огонь сосредоточить по противнику, окружающему Барбовича и передать в штаб дивизии о присылке мне помощи. Марков ответил, что посылает мне Оренбургский казачий полк, который стоял недалеко от меня в резерве.

Казаков не пришлось долго ждать, они на своих маленьких моштачках быстро прискакали к нам; но мне не пришлось их использовать, т. к. пулеметный огонь Пальшау заставил противника остановиться и Барбович со своими эскадронами вырвался из окружающаго его кольца неприятельских рот и отступил на позицию, но понес значительныя потери. Марков приказал мне оставаться на месте, но мы просидели там недолго т. к. на время отсутствия Гр. Келлер, командовать корпусом был назначен Генерал Рерберг. Ему на помощь прислали еще кавказкую туземную конную дивизию или, как мы ее называли, дикую дивизию.

Рербег сделал перегруппировку частей корпуса и меня вернули обратно в Фундул - Молдаву. Я нашел там все по старому, но не узнал свою прежнюю хозяйку. Из скромной и застенчивой женщины она обратилась в распутную. Так ее сумели развратить кавказскаго горячаго темперамента Терские казаки, за время нашего отсутствия.

Возвращаясь в Фундул - Молдаву, я заехал в штаб нашей дивизии. При разговоре о действиях гусарскаго полка 1-го Июля, вдруг Марков говорит мне, что он не имел ввиду заставлять меня брать высоту номер 1982, а написал приказ атаковать эту высоту, как демонстрация, чтобы облегчить действия других частей корпуса, которым была дана задача овладеть неприятельской позицией на левом фланге.

«Я понимаю слово атаковать, значит бить противника всеми способами, чтобы истребить его, взять в плен или заставить очистить и уступить нам занятую им позицию, иначе понимать это слово нельзя. А если Вы решили произвести эту атаку, как демонстрацию, то нужно было, отдав такой приказ, частным образом предупредить меня, я бы действовал менее активно и не потерял бы столько людей», ответил я.

«Ну, еслибы нам нужно было, взять эту высоту, то мы-бы тебя подталкивали», сказал опять Марков.

(Мы хотя и воевали с Марковым, но в частной жизни были на ты) «Ты знаешь, что меня в бою нечего подталкивать», ответил я резко и ушел из штаба.

Генерала Рерберга я знал еще в мирное время по 3-ей кав. дивизии, когда я служил в 3-м драгунском Новороссийском полку, а он комадовал 3-м гусарским Елисаветградским полком.

Это был в высшей степени дельный и толковый Командир полка и выдающийся офицер генеральнаго штаба.

Я заехал в штаб корпуса повидать Рерберга, узнать общую обстановку нашей армии и положение 3-го коннаго корпуса.

Рерберг пригласил меня обедать, во время котораго мы вспоминали нашу совместную службу и он мне кое-что разсказал о действиях на войне 3-ей кав. дивизии.

«Что касается положения нашего корпуса, то вряд-ли скоро начнутся какия-либо активныя действия т. к. из армии нам дана задача оборонительнаго характера, да и вообще я не думаю предпринять что-нибудь, до выздоровления и приезда Графа Келлер, у котораго имеются свои планы, а я, как временный здесь человек, не хочу их нарушить», сказал Ген. Рерберг.

Узнав о таком положении нашего корпуса, я попросил Рерберга, разрешить мне, воспользоваться приказом Главковерха и взять двухнедельный отпуск, для поездки домой в Чугуев Харьковской губернии.

«А все ли командиры полков налицо в вашей дивизии?» спросил меня Рерберг, «т. к. по приказу одновременно в дивизии может быть в отпуску только один Командир полка».

Получив утвердительный ответ, Рерберг разрешил мне отпуск.

Возвращаясь из штаба в Фундул-Молдаву, я по дороге встретил своего офицера Корнета Николенко едущаго верхом с конным вестовым в направлении Кимполунга. На мой вопрос куда он едет, Николенко ответил, что отправляется в госпиталь т. к. контужен пролетевшим неприятельским снарядом.

Корнет Николенко был произведен в офицеры из вахмистров за боевыя отличия и вышел прекрасный храбрый и дельный офицер.

Но по правде сказать, у меня мелькнула подозрительная мысль, не уклоняется ли Николенко от службы на фронте т. к. никаких признаков контузии на нем не было видно. Он был

совершенно бодр, говорил ровным и спокойным голосом. Выглядел, как всегда, здоровым человеком и даже на его лице не было заметно какой-либо бледности или волнения.

«Ну, а как Вы себя чувствуете, была у вас рвота?» спросил я Николенко.

«Никак нет, господин Полковник, рвоты не было, только немного болить голова», ответил он мне.

«Ну, хорошо поезжайте», сказал я и, пожелав ему скорейшего выздоровления, мы раз'ехались.

Вернувшись в Фундул-Молдаву я начал укладывать свои вещи, необходимыя взять с собой при поездке в отпуск, как телефонист принес мне телефонограмму от Проскуровскаго передового отряда красннаго креста, сообщающую о смерти Корнета Николенко, последовавшей сейчас же по прибытии его в красный крест.

Мне даже и теперь становится стыдно, когда я вспомню, как нехорошо я думал о таком доблестном офицере, встретив его, едущаго в госпиталь.

ГЛАВА XXIII

Сдав полк Подполковнику Барбовичу и взяв с собой Поручика Слезкина и Корнета Кульбаха, мы рано утром выехали верхом в город Черновицы, т. к. от Черновиц до Кимполунга поезда не ходили, ввиду взрыва отступающими австрийцами моста на реке Большой Серет.

Первая наша ночевка была в Местечке Вама, лежащем между Кимполунгом и Гура-Гумора. Мы остановились в том же доме, где ночевали при наступлении на Кимполунг. Этот дом принадлежал австрийскому чиновнику финансового ведомства, который эвакуировался с австрийской армией в глубь Австрии, оставив дома жену и детей.

Хозяйка была типичная австрийская немка (швабка), средняго роста и полноты, с большим бюстом, круглым упитанным лицом с естественным румянцем на щеках, с блестящими выразительными голубыми глазами и русыми вьющимися волосами.

По характеру видимо она была добрая и на вид очень симпатичная женщина. С нами она была очень любезна, угостила нас ужином, приготовила всем нам трем кровати для ночле-

га и после ужина долго беседовала с нами о текущих ужасных событиях.

По всему было видно, что она уже привыкла к русским, и теперь не боялась нас так, как первый раз. Даже разсказывала нам случай, когда один раз так разхрабрилась, что схватила кочергу и выгнала из своего дома двух русских пьяных обозных солдат, пристававших к ней.

Моим спутникам она отвела кабинет мужа, а меня уложила в гостинной рядом со своей спальней, шепнув мне: «Думаю, Вы надежнее вашей молодежи», затем зказала, «Гуд Нахт», и ушла спать.

Я потушил свечу и с дороги быстро уснул. Вдруг чувствую легкое прикосновение женской руки к моему лицу. Я открыл глаза; возле моей кровати в белом капоте стояла женщина. Полная луна ярко ее освещала, и я узнал в ней свою хозяйку.

«Я принесла вам одеяло, может быть вам прохладно спать под одной простыней», сказала она тихо, накланяясь ко мне. «Да мне что-то и самой не спится», добавила она.

Я взял ее за руку и, притянув к себе, посадил на свою кровать.

«Тише», сказала она, «дети могут услышать, пустите меня я закрою дверь. Она поднялась и закрыв дверь, вернулась ко мне и оставалась у меня до рассвета.

Переночевав у гостеприимной хозяйки и расплатившись за ужин и стоянку, мы тронулись дальше в путь. Дни стояли страшно жаркие солнце припекало так сильно, что от каменнаго шоссе подымался накаленный воздух, еще больше увеличивающий дневную духоту.

Навстречу нам шли колонны грузовых автомобилей подвозившие снабжение, для войск из Черновиц в Кимполунг.

Дождей давно уже не было. Грузовики подымали такую ужасную пыль, что мы к вечеру приходили совершенно засыпанные шоссейной, серой пылью.

В Черновицах мы остановились в гостинице «Шварц Адлер» и вымывшись разбрелись осматривать город, сговорившись вернуться в гостиницу к 8 часам, на обед.

Гор. Черновицы расположен на высоком правом берегу реки Прута и выглядел довольно красивым. В центре на большой площади красовались старинная городская ратуша и гостиница, где мы остановились.

Вернувшись на обед я уже застал свою молодежь за столом в обществе довольно красивой, изящной интелегентной молодой дамы.

Представляя меня новой знакомой они разсказали мне ее биографию, добытую от управляющаго гостиницей. Оказалась она жена австрийскаго офицера, Черновицкаго гарнизона. При мобилизации отказалась эвакуироваться в глубь Австрии, не желая оставить одну свою старуху мать и теперь она очень нуждается, не имея возможности получить средств из Австрии, отрезанной от нея русской армией.

Во время ужина я заметил на шее этой дамы небольшую брошку с надписью: «Готт штрафе Енгланд», и сказал об этом своим.

«Мы это видели», сказал мне Кульбах, «но не хотим ее конфузить, вероятно она позабыла снять эту брошку».

Но наша дама видимо догадалась, о чем мы говорили и, сильно покраснев, быстро сняла брошку и спрятала ее в сумочку.

Мы постарались ее успокоить, сказав, что ничего не имеем против ея патриотических чувств и уважаем каждаго патриота своей страны.

Позже она сказала нам историю таких брошек. Они были выделаны миллионами в Германии и Австрии и пущены в продажу, в пользу пострадавших солдат во время войны.

«Не купить такой брошки, считалось непатриотично и все женщины их приобрели и носят теперь в Австрии и Германии», закончила свой разсказ наша гостья.

На другой день мы отправились в г. Боян, чтобы посмотреть с австрийской стороны, насколько видна была противнику наша позиция, во время Боянских боев в конце Мая 1916 года, описаннаго мною в начале предырущей главы моей книги.

Выехав на высокий правый берег р. Прута, против Бояна, где была австрийская позиция, мы простым глазом видели каждый цветок стоявший на пространстве нашего наступления от реки Прута до самаго проволочнаго заграждения. А в бинокль был ясно виден не только каждый человек, но и всякая маленькая птица показавшаяся в самом Бояне.

Мы долгое время смотрели на те места, где нам приходилось наступать, при таких ужасных условиях и просто удивлялись, как нас всех не перебил противник, занимая такую чудную позицию и имея у себя столько тяжелой и легкой артиллерии.

К вечеру мы вернулись в Черновицы, переночевали в нашей гостинице, а на другой день я сел в поезд идущий в Россию, а мои офицеры Слезкин и Кульбах поехали обратно в полк в Фундул-Молдаву.

На другой день я уже под'езжал к Киеву и на станции Казатин, где мне предстояла пересадка, вышел на вокзал пообедать. Рядом с моим столом сидела большая компания пассажиров, оживленно беседующих о происходящих событиях, главным образом о военных действиях. Я тщательно прислушивался к их разговору, дабы вывести заключение о настроении публики в тылу и сравнить его с тем патриотическим под'емом, который я видел, при об'явлении войны.

Того энтузиазма уже не было, чувствовалась усталость продолжительной войной и апатия к происходящим событиям. Большинство были озабочены личными делами и потеряли интерес к общим событиям. Разговоры выражались в критике правительства, военнаго командования, союзников и т. д. В словах каждаго говорящаго, было так много уверенности и самонадеянности, что казалось, еслибы он сделался премьер министром или верховным главнокомандующим, то немцы были бы разбиты одним ударом.

Качества быстраго энтузиазма и скорая апатия, переходящая в необоснованную критику, являются характерной чертой горячаго характера русскаго народа. Сначала большой под'ем и энергия, желание быстро достичь цели и если это сразу не удается, то наступает резкая реакция, не только отдельныя лица, но и большинство нации делается нетерпеливой, впадает в пессимизм, который выливается в критику всех и вся.

Мне казалось странным, почему люди тыла, не испытывающия ни боев, ни тяжелой походной жизни и сидения в окопах, а пользуясь всеми благами мирной тыловой жизни, быстрее поддаются разочарованию и апатии, нежели войска, несущия всю тяжесть бремени войны.

Пока я слушал разговоры пассажиров и анализировал их мнения, к столу подбежал молодой человек в форме земгора и оживленно начал разсказывать, о гибели коннаго корпуса Гр. Келлер, доказывая правдивость этой новости, провозом через станцию Казатин самого раненнаго Гр. Келлер.

«Это не может быть, чтобы столь боевой корпус погиб», крикнул кто-то из пассажиров.

«Помилуйте, как неправда», продолжал доказывать земгор, «я лично сейчас говорил с очевидцем этой ужасной катастрофы, который сам видел Гр. Келлер и даже разговаривал с ним».

Обычная история подумал я. «Врет, как очевидец», часто говорили у нас на фронте.

«Я извиняюсь, что вмешиваюсь в Ваш разговор», обратился я к моим соседям», но сведения принесенныя вам являются провокацыоннаго характера. Гр. Келлер действительно ранен в бою, но я командую полком в этом корпусе и покинул фронт лишь только позавчера и там было все спокойно».

Земгор был крайне сконфужен и поспешил уйти из буфета.

На всем протяжении от Казатина и до Харькова везде была тишь и благодать. Жизнь в городах и в деревнях текла своим мирным путем.

Театры, рестораны, кафэ, курорты, сады и бульвары были переполнены разодетой и сытой публикой. Только изредка на улицах проезжали автомобили с ранеными, доставляя их с вокзала в госпиталя, да иногда сестра милосердия проводила по тратуару выздоровевших солдат к воинскому начальнику.

В деревнях довольно сильно поредело число молодых мужчин и на полях и в огородах в большинстве работали женщины и пожилые люди, с помощью пленных австрийцев-славян, коим русское правительство разрешило жить на свободе.

Проведя свой отпуск в Чугуеве и Харькове, я отправился опять на фронт. В тылу ходили всевозможные слухи, распространяемые «очевидцами».

Больше всего нервничали в тыловых штабах, ожидая, по данным «очевидцев», прорыва немецкой кавалерии и подхода ея чуть-ли не к самому Киеву.

Но чем ближе я под'езжал к фронту, тем становилось все спокойнее и спокойнее. Но самое спокойное место оказалось, когда я приехал в Фундул-Молдаву, пошел в окопы своего полка, и в бинокль с наблюдательнаго пункта осмотрел все пространство, лежащее перед нашей позицией.

У противника были видны только часовые в его окопах, да изредка перестреливалась неприятельская артиллерия с нашей, а ночью были слышны выстрелы разведчиков.

Настроение у солдат и офицеров было прекрасное и более спокойное, чем в тыловых учреждениях под Киевом.

Вскоре вернулся и Гр. Келлер, оправившийся после ранения, и боевая работа опять закипела в нашем корпусе.

Была отдана диспозиция по войскам корпуса, с указанием Терской и Донской казачьим дивизиям овладеть рубежом южнее Велипутно, а на правом фланге фронт нашего корпуса удлинялся на север, но в состав 3-го коннаго корпуса включался пехотный полк, с двумя полевыми и одной тяжелой батареями артиллерии, кажется 61-ой или 64-ой пехотной дивизии, точно не помню.

Этот участок лежал против самой большой горы восточных Карпат, которая сохранила старинное турецкое название КИРЛЫ-БАБА.

Отделялся этот участок от Фундул-Молдавы малопроходными и бездорожными отрогами КИРЛЫ-БАБА и поддерживать с ним связь даже одиночными всадниками, было крайне затруднительно, поэтому Командир корпуса выделил его в особый участок и назначил меня начальником этой позиции с подчинением мне пехотнаго полка и трех батарей артиллерии, а кроме того для усиления моего отряда придал мне еще два эскадрона 10-го Новогородскаго дрангунскаго полка.

Я был очень польщен этим назначением и доверием ко мне Графа Келлер, возложившаго на меня столь ответственную задачу и решил напречь все свои старания, опыт и энергию, для найлучшаго и успешнаго выполнения возложенной на меня обязаности.

Дабы избежать утомления людей и лошадей, движением по горным крутым и лесистым тропинкам, я пренебрег кратчайший путь и пошел кружным, придерживаясь поговорки Наполеона: «Та дорога самая кратчайшая, которая хорошо известна».

Переночевав опять в местечке Вама, я со своим полком и двумя эскадронами драгун 5-го Сентября выступил в деревню Русска-Молдавица, откуда шла горная дорога к указанному мне пункту.

Согласно диспозиции штаба 9-ой армии дер. Русска-Молдавица включалась в район пехотной дивизии, но занята ли она была нашей пехотой или нет, мне было неизвестно, поэтому пришлось двигаться к ней с мерами охранения, а не мирным порядком и вместо квартирьеров выслать раз'езд, который донес, что в Русска-Молдавица нет ни противника, ни нашей пехоты.

Вошли мы в эту деревню поздно вечером. Выдвинув охранение, полк начал размещаться на ночлег. Еще во время стоя-

нки в Кимполунге нам говорила жена священника, что у нея есть родственники в Русска-Молдавица и если мы, когда либо, будем там, то она советовала нам остановиться у них, отыскав учителя школы по фамилии Константинович.

Эта деревня лежала в горном ущелье, на берегу небольшого ручья, окруженная лесом и при лунном свете представляла собой живописную картину. Яркая луна сквозь чистый горный воздух ярко освещала деревья и здания, бросающия на землю темныя и причудливыя тени.

Население уже спало, кругом была полная тишина и как писал Шевченко, «Тилько Сам Бог витае над селом».

Лишь в некоторых местах покой нарушался редким и пугливым лаем собак, встревоженных топотом наших лошадей и звоном гусарских шпор.

Мы выполнили совет кимполунгской «матушки» и остановились у дома учителя Константиновича. Ординарцы постучали в дверь, но никто не отвечал, как будто дом был мертвый.

Я приказал постучать в окно, но и на это ответа не последовало. Тогда я сказал Корнету Кульбах, громко об'яснить хозяевам по-немецки, что это штаб русскаго кавалерийскаго полка, стоявшаго у их родственников в Кимполунге и теперь пришедшаго в эту деревню на ночлег.

После этого внутри дома вспыхнул огонек и человек одетый в халат открыл нам дверь. На его лице еще виден был испуг и голос его дрожал. Я сказал ему, чтобы он не беспокоился мы ему никакого вреда не принесем, а лишь остановимся на ночлег, и спросил его, какия комнаты мы можем занять.

«Все» ответил хозяин, «кроме комнаты, где спить моя семья».

Вестовые начали вносить наши вьюки, а Кульбах пошел, через дверь вести переговоры с хозяйкой о приготовлении ужина, а я с ординарцами поехал проверить выставленное сторожевое охранение.

Пока я отсутствовал, подошел наш обоз и походныя кухни уже дымились в эскадронных дворах, в ожидании роздачи ужина гусарам.

Когда я вошел в дом Константиновича, то стол уже был накрыт и мой штаб ожидал меня, чтобы начать вместе ужинать.

Кульбах уже успел познакомиться не только с хозяйкой, пожилой полной, довольно красивой румынкой, но и с ея двумя молодыми, очень хорошенькими дочерями, уговорив их принять участие с нами в приготовленном гусарами похо-

дном ужине.

Вся семья Константиновичей оказалась очень симпатичной и не особенно австрофильской, т. к. сам Константинович был, кажется, поляк а его жена румынка, не любившая австрийцев.

В течение ночи мои телефонисты успели провести телефон и соединить меня, со штабом корпуса, пользуясь столбами австрийской телеграфной линии.

Я сейчас же вызвал Командира полка и спросил: получена ли им диспозиция, в которой указывается о включении его полка в мой особый отряд. Получив утвердительный ответ, я сказал ему, что пока оставляю гусар и драгун в дер. Русска-Молдавица, сам еду к нему, чтобы ознакомиться с расположением пехотной позиции.

«Кстати, скажите, где Вы находитесь, чтобы мне быстрее можно было Вас найти?» спросил я командира пехотнаго полка.

Он сообщил мне номер высоты. Я взял русскую 2-х верстную военную карту, но не нашел в районе позиции, указанной им высоты. Думая, что может быть он ориентируется по австрийской 5-ти километровой карте, которую в громадном количестве мы нашли в обозах, отбитых у австрийцев, я посмотрел и по этой, но тоже не нашел, вблизи позиции, этой высоты.

«Какой картой вы пользуетесь?» опять спросил я его.

«Русской двухверстной», ответил он и добавил, «ищите мою высоту верстах в 7-ми к востоку от позиции».

Я в ужас пришел, от такого ответа, узнав, что командир полка находится в 7-ми верстах в тылу от его позиции. Такое разстояние даже слишком велико для начальника дивизии, командиру же полка быть так далеко от своей части, по моему мнению просто преступление.

«Разве, Вы больны, что так далеко находитесь от позиции вашего полка?» спросил я его.

«Нет», ответил он, «но при мне находится тяжелая батарея, обоз и рота в прикритие- я связан телефоном с наблюдательным пунктом расположения моего полка, где у меня находится отличный помощник, который меня всегда с успехом заменяет», добавил он, как-бы, в свое оправдание.

«Если Вы считаете, что ваш помощник всегда успешно вас заменяет, то сдайте ему полк. Почему он должен за вас работать на передовой позиции, а Вы без всякой надобности сидите в тылу», ответил я ему.

На это он начал приводить резонность своего удаления,

какими-то хозяйственными делами, но я прервал его и резко сказал:

«Через три часа я буду на вашей передовой позиции и если я вас там не застану, то отрешу от командования полком».

(Согласно положения об управлении войск, каждый начальник имеет право отрешить от должности своего подчиненаго, донеся только высшему начальству, о причинах удаления).

В назначенный час, я уже был на передовой позиции пехотнаго полка. Там мне явился и сам Командир полка, приехавший с тыла.

На вид это был пожилой, отяжелевший, апатичный и ленивый Полковник.

Занимаемая пехотой позиция лежала по хребтам гор против высот 1328-1527 и 1473, занятых тротивником, а за ними виднелась знаменитая гора Кирлы-Баба, со снежной шапкой на ея вершине.

Позиция противника и нашей пехоты отделялись одна от другой неширокой долиной, с проходящим маленьким почти пересохшим ручейком.

Склоны этой долины, в некоторых местах, были покрыты лесом.

На одной из вершин хребта был устроен довольно скрытно наблюдательный пункт с прекрасным кругозором и с глубоко вырытой землянкой, в которой и находился штаб пехотнаго полка с артиллерийским офицером наблюдателем. Сзади этого места в долине стояли две полевыя артиллерийския батареи и один батальон пехоты в резерве, с оставленной одной ротой, для прикрытия тажелой батареи и обоза, расположенных верстах в 7-ми к востоку, откуда я и вытащил самого Командира пехотнаго полка.

Три батальона этого полка были спущены в долину и находились в окопах у подножья восточных скатов занятых неприятелем, высот.

Таким образом, тактическое положение этих батальонов было крайне затруднительно. Перед ними лежали высоты, откуда противник сверху-вниз прямо стрелял в окопы. Сзади их проходила долина и далее шел под'ем на рубежи восточных возвышенностей, где находился полковой наблюдательный пункт.

Все тыловое пространство постоянно находилось под обстрелом неприятельской артиллерии и пулеметов, что крайне затрудняло сообщение с тылом.

«Когда Вы сменяете людей в окопах и как подвозите им пищу? спросил я Командира пехотнаго полка.

«Я за это время редко бывал на передовой позиции и точно не могу вам сказать, но здесь постоянно оставался мой помощник и он вам доложит все подробно», ответил он мне.

Я убедился, что это некчемушний Командир полка и начал разговаривать с его помошником, на вид еще молодым, дельным и расторопным Подполковником.

«Людей в окопах мы меняем батальоном, стоявшим в резерве; каждый батальон занимает окопы 9-ть дней и 3 дня стоит в резерве. Смену производим ночью. Когда противник не освещает прожектором или ракетами, то пищу подвозим в походных кухнях. В противном случае одиночные люди приносят ее в котелках. Конечно, тогда пищу приходится есть остывшую т. к. разогревать ее не на чем», доложил мне Подполковник.

«Я не понимаю, почему Вы соорудили окопы в таком неудобном месте. Люди обстреливаются противником сверху, должны ночь и день сидеть в узком окопе, не имея возможности лечь и отдохнуть в течение 9-ти дней. Разве не лучше было-бы атаковать противника и овладеть его высотами и там расположить ваши батальоны. Тогда у вас будет скрытая от противника долина ,где можно было-бы устроить землянки для отдыха людей, а не держать их все время в окопах», сказал я.

«Мы об этом думали и даже пытались атаковать эти высоты, но попытка не имела успеха. Тяжелая артиллерия противника отбила нашу атаку», ответил он мне.

«В таком случае нужно отвести батальоны на восточный берег долины, где находится ваш наблюдательный пункт, а резерв и артиллерию отодвинуть дальше в тыл, но занимать окопы в таком положении, это невозможно», сказал опять я ему и пошел в окопы, чтобы ближе познакомится с их расположением, а также с настроением солдат.

Пришел я в центральную часть пехотной позиции. Окопы вырыты довольно глубокия, но очень узкия. Роты получили укоплектование людьми и на небольших ротных участках находилось до 200 человек солдат размещенных крайне тесно.

Ротой командовал прапорщик, но видно всем заправлял сверхсрочный, опытный фельдфебель.

« Прислали нам пополнение, да посмотрите, какая все желторотая молодежь, необстрелянная, неопытная, боятся го-

лову высунуть и сидят, скорчившись весь день в окопе», сказал мне молодцеватый фельдфебель.

Я пошел вдоль окопа, всматриваясь в почти детския выражения лиц молодых солдат. В них была видна усталость, тяжелое переживание и бледность, вызванныя неудобством сидения в окопах и недостаток сна. Они действительно все время сидели неподвижно на корточках, держа между коленями винтовку.

Остановившись, где больше всего было молодняка, я стал разговаривать с ними в шутливом тоне. Затем я повторил им то, то говорил своим гусарам, перед боем (смот. стран. 34), указывая, что всякий, попавший первый раз в бой, думает, что каждая летящая пуля непременно его заденет, а попривыкнет, то убедится, что их летит миллион, а попадает, может быть, только одна.

Я также им разсказал, что прицельный огонь на войне действителен только шагов на 100 и то при полном спокойствии и хладнокровии стрелка, а дальше идет уже обстреливание площадей, разсчитанное на вероятность попадания и быть раненым или убитым всецело зависит от судьбы, назначенной человеку.

«Смотрите», говорил я им», я стою на окопе, да еще в красных штанах. Противник наверно меня хорошо видит и вероятно целится в меня, однако слышите сколько летит пуль, а пока еще ни одна пуля не тронула меня. А вот ваш фельдфебель говорит, что вы боитесь голову высунуть из окопа. Не следует рисковать понапрасну, но нечего особенно и бояться пуль».

Я также им сказал о своем намерении взять высоты занятыя противником.

«Пусть противник будет внизу, а вы будете наверху, тогда явится вам возможность сообщаться с тылом, подвозить горячую пищу, ходить в ручей мыться и стирать белье, а главное построите землянки для жилья и днем в окопах будете держать только наблюдателей, а остальные должны отдыхать, а не сидеть скорчившись все время в окопах».

Закончил обход пехотных окопов и подбодрив молодых солдат постольку поскольку мне это удалось, я вернулся на наблюдательный пункт и потребовал к себе артиллерийскаго офицера, наблюдателя от тяжелой батареи.

«Обнаружено-ли вами местонахождение неприятельской тяжелой артиллерии?» которая так много приносит вреда частям, расположенным на этой позиции?» спросил я, пришед-

шаго ко мне, наблюдателя.

«Я хорошо знаю направление, откуда эта батарея стреляет, но точно установить, где она расположена, мне не удалось», ответил он мне.

Мы развернули карту и тщательно начали разсматривать пространство, в направлении откуда изредка летели неприятельские снаряды больших калибров. По конфигурации местности, можно было предположить, что тяжелая артиллерия противника вероятно стоит в закрытой горами с востока и запада долине и обнаружить ее с нашей позиции было невозможно. Единственная надежда увидеть эту батарею можно было только с северной стороны, куда долина шла расширяясь.

Посоветовавшись, мы решили пойти на гору, лежащую к северо-западу от нашего наблюдательнаго пункта и занятую наблюдательным постом нашей пехоты, как передовой пункт праваго фланга позиции.

Мы обошли все места вокруг наблюдательнаго поста, но батареи нам не удалось обнаружить. Тогда мы по скалам поднялись еще выше и продвинулись на самый западный край горы, но и оттуда ее не было видно.

Разочарованные нашей неудачей, мы решили уходить назад и уселись на камешек отдохнуть, продолжая все же наблюдать ту долину, в которой, по нашему предположению, находится неприятельская тяжелая батарея.

Вдруг, блеснул огонь, за ним раздался орудийный выстрел, тяжело прожужжал левее нас вылетевший снаряд, а в долине поднялось небольшое облако дыма с пылью. Мы направили туда наши бинокли и после тщательнаго продолжительнаго наблюдения, наконец, обнаружили четыре громадных орудия, аккуратно замаскированных. Изредка около орудий показывались люди, но быстро скрывались.

«Вот, где она», радостно вскрикнул артиллерийский офицер, не отрывая бинокль от местонахождения найденой батареи, «наконец-то я ее увидел».

«Можете вы обстрелять эту батарею с той позиции, где стоят ваши орудия?» спросил я его.

Он начал промерять по карте дистанцию: «Семь и тридесять», бурчал мой артиллерист вслух, а затем сказал: «Десять верст, это довольно далеко, для деиствительнаго обстрела, прицел и трубка хватят, но получится сильное разсеивание и плохая меткость».

«В таком случае поезжайте к своей батарее и передайте мое приказание, передвинуть сегодня ночью орудия версты

на три ближе к западу и к утру быть готовым начать пристрелку», ответил я.

Вернувшись в Русска-Молдавицу, я подробно донес обо всем Командиру корпуса и изложил свой план, о необходимости овладеть высотами под номерами 1328, 1527 и 1473, занятые противником или же отвести пехотный полк на восточный край долины, но оставлять людей в таком положении, в каком они теперь находятся совершенно невозможно.

К утру 7-го Сентября я получил ответ, в котором Граф Келлер вполне одобряет мой план и добавляет, что всеми силами нужно стараться сбить противника с указанных высот, но ни в коем случае не отводить пехоту назад, т. к. в самом ближайшем будущем весь корпус должен перейти в наступление и отведенному полку придется наступать опять по уступленной долине и нести потери.

При чем на приказании была собственноручная приписка Графа:

«Отойти назад-всегда легче, но идти вперед — труднее. Для усиления посылаю вам конно-горную батарею».

Таким образом мой отряд составился из четырех батальонов пехоты, четырех батарей артиллерии и восьми эскадронов кавалерии, при полном комплекте пулеметов.

Утром 7-го Сентября, взяв с собой моего доблестнаго помощника Подполковника И. Г. Барбовича, офицеров штаба полка и ординарцев, я отправился на позицию.

Указал Барбовичу с кавалерией наступать на левом фланге пехоты и приказал ему вызвать в течение дня командиров эскадронов на позицию, чтобы познакомить их с задачей и местом предстоящаго наступления, а к разсвету подвести к позиции гусар и драгун и скрытно поставить их в лесу.

Все четыре батареи я подчинил Командиру артиллерийскаго дивизиона и дал ему инструкцию в течение дня 7-го Сентября пристрелятся ко всем важным пунктам неприятельской позиции, а к разсвету 8-го Сентября быть готовым начать обстрел неприятельских окопов и проволочнаго заграждения, при чем за ночь подвести на позицию и поднести к орудиям снарядов такое количество, чтобы их вполне хватило на весь день, самой интенсивной стрельбы.

Вскоре подошла и конная батарея и все три полевых батарей начали пристреливаться под руководством командира артиллерийскаго дивизиона.

Командир тяжелой батареи за ночь перевел свои орудия на три версты ближе к пехотной позиции и устроил свой на-

блюдательный пункт, на той скале, где мы вчера с артиллерийским наблюдателем обнаружили неприятельскую тяжелую батарею.

Меня очень интересовало будущее состязание двух тяжелых батарей и я пошел на наблюдательный пункт нашей тяжелой батареи.

Командир этой батареи связался двойной телефонной линией со своими орудиями и с Командиром Артиллерийскаго дивизиона, установил угломер и другие инструменты для стрельбы из за закрытой позиции и, к моему приходу, был готов пустить первый пристрелочный снаряд.

«Разрешите начать пристрелку?» спросил он меня, когда я подошел к нему.

«Жарьте», ответил я.

После необходимых команд, послышался рев и визг пролетающаго над нами выпущеннаго снаряда.

Мы стали внимательно смотреть на место расположения неприятельской тяжелой батареи и через несколько моментов увидели, как наш снаряд, перелетев через неприятельскую батарею, ударил в западный склон долины и взорвавшись выбросил столб земли смешанной с осколками, бросая их вверх и всторону, подобно киту выбрасывающему высоко воду, брызги которой разлетались во все стороны.

Этот снаряд не принес вреда неприятельской артиллерии, но вызвал большую суматоху среди солдат. Видимо они не ожидали, что у нас в таких горах появится тяжелая батарея, главное не могли понять, откуда она стреляла и как мы могли обнаружить их батарею спрятанную в долине под горой и тщательно замаскированную.

Второй наш снаряд попал на средину того плаца, на котором, на большом разстоянии одна от другой, были разставлены орудия тяжелой неприятельской батареи. При взрыве этого снаряда, солдаты бросились к подножию горы и спрятались в вырытых землянках.

Плац совершенно опустел и только четыре стальныя дула пушек выглядывали из амбразур окопов.

«Пристрелка удовлетворительная», доложил мне Командир батареи», теперь я буду стрелять только на поражение».

«Пустите им еще один, Ради Страха Иудейскаго», сказал я ему.

Выпущенный третий снаряд лег довольно удачно, почти у одного из неприятельских орудий. С этого момента эта батарея за весь день не сделала ни одного выстрела, т. к. рус-

ские падающие снаряды не подпускали солдат к орудиям.

За день вся моя артиллерия пристрелялась ко всем важным пунктам неприятельской позиции, пехота приготовилась к завтрашней атаке, а ночью кавалерия тихо подошла к позиции и заняла исходное положение.

Я отдал приказ об атаке неприятельской позиции 8-го Сентября 1916-го года, при чем указал:

1) Артиллерии с наступлением разсвета начать обстрел неприятельских окопов и проволочнаго заграждения, стреляя по участкам, кои распределил Командир артиллерийскаго дивизиона между батареями.

2) Когда проволочное заграждение будет прорвано и окопы достаточно разрушены, я прикажу артиллерии прекратить огонь на полчаса, а по истечении этого срока, всем батареям произвести одновременный залп и затем начать безпощадную беглую стрельбу не жалея снарядов.

3) Артиллерийский залп будет служить сигналом, для начала атаки нашей пехоте и кавалерии.

4) Всем начальникам строго сверить часы с моими.

Барбовичу я частным образом сказал, чтобы он начал первым атаку неприятельской позиции, двинув гусар вперед с первым же залпом нашей артиллерии, чтобы ободрить и подзадорить пехоту.

В эту ночь я не поехал на стоянку своего полка в деревню Русска-Молдавица, а остался ночевать на наблюдательном пункте.

Это было первый раз, когда мне пришлось командовать довольно большим отрядом из трех родов оружия и совершенно самостоятельно выполнять трудную и ответственную задачу, будучи значительно удаленным от остальных частей нашего корпуса, когда я не мог ожидать скорой поддержки и был предоставлен моим собственным силам.

Я не спал почти всю ночь не потому, что я боялся ответственности, даже хотя-бы при неудаче моих операций, а я нервничал из за моего боевого самолюбия. Мне был дан такой большой отряд и мне хотелось с найлучшим успехом выполнить мою задачу.

Я прекрасно знал своих гусар и драгун, но с пехотой знакомился всего лишь в течение одного дня и конечно не мог за такое короткое время изучить настроение, решительность, храбрость и настойчивость пехотных солдат и их начальников.

Я опасался, что пехота не доведет атаки до конца и может повернуть назад, а противник, подведя больше резерва, пе-

рейдет в наступление и потеснит мой отряд.

Вечер был темный, тихий и теплый, но уже чувствовалось наступление осени, листья на деревьях стали жесткие и покрылись желтовато-зеленым цветом, трава огрубела и вместо цветов торчали засыхающия стебли, обвернутые лиственной паутиной.

На фронте была полная тишина, даже не было слышно одиночных выстрелов. Казалось два врага притаились, готовые каждую минуту броситься один на другого. Нельзя даже представить, что эти недавно лишь мирные люди, имевшие жен и детей и, может-быть, немогущие дома зарезать курицы, обратились в людей-зверей, убивавших насмерть себе подобных.

Я лег на разостланный мой дождевик и стал смотреть в безконечную темную высь, где мерцали миллиарды звезд, особенно блистающия в безлунную ночь.

Обдумывая, как поступить и что предпринять, чтобы выиграть завтра бой, я устал от скользящих в голове мыслей и задремал. Сколько времени я проспал, не знаю, но проснулся от света луны, которая уже взошла довольно высоко и светила мне прямо в глаза. Больше спать я не мог и ожидал разсвета, прислушиваясь не происходит-ли что-либо у неприятеля, что может помешать предстоящей завтрашней атаке моего отряда, Но на фронте все было спокойно.

Вскоре далеко послышалось ржание и топот лошадей, это Подполковник Барбович подводил гусар и драгун, к указанному ему диспозицией пункту.

Как только забрезжал свет и видимость стала ясной, моя артиллерия открыла огонь по неприятельским окопам и проволочному заграждению; противник начал отвечать. Завязалась сильная артиллерийская дуэль. Но было странно, что неприятельская тяжелая батарея не стреляла. Вскоре Командир нашей тяжелой батареи донес, что тяжелой батареи противника нет на том месте, где она стояла вчера.

Сначала меня это встревожило. Я догадался, что против ник, передвинул свою тяжелую батарею на другую позицию, чтобы скрыть свое, открытое нами, местонахождение и не подвергаться больше огню нашей тяжелой артиллерии предполагал, что эта батарея с новой, нам неизвестностной, позиции начнет безнаказано обстреливать мой отряд и может испортить мою атаку. К счастью она не сделала ни одного выстрела за весь день и дала возможность нашей тяжелой батарее громить неприятельские окопы и проволочное заграждение.

К 10-ти часам утра т. е. после пяти часов непрерывной беглой артиллерийской стрельбы наших батарей, окопы противника были сильно повреждены и в некоторых местах проволочное заграждение разрушено. Но этого не было еще достаточно для того, чтобы начать атаку.

Я справился у начальника артиллерии о состоянии запаса патронов. Ответ был благоприятный, снарядов имеется на весь день усиленной стрельбы и кроме того ожидается еще их прибытие. Успокоившись о количестве снарядов, я приказал развивать самую усиленную стрельбу, чтобы не дать противнику оправиться.

К полудню наша артиллерия привела большинство окопов и проволочнаго заграждения в негодность. Ровно в 12 часов дня я остановил артиллерийскую стрельбу и приказал передать солдатам чтобы они с'ели порцию мясных консервов и приготовились к атаке, которую начать ровно в 12 час. 30 минуту дня, когда раздасться условный залп всех наших батарей.

С прекращением нашей стрельбы, затихли выстрелы противника, видимо он был сильно потрясен морально и был рад отдохнуть от нашего обстрела его позиции.

В 12 часов 20 минут я спросил по телефону все-ли и все-ли готово к атаке. Отовсюду ответили, что для атаки все готовы.

Я был связан телефоном со всеми частями отряда, включая и прибывшаго Барбовича, котораго гусарская команда связи соединила со мной. Но при прокладке этого телефона один из неприятельских снарядов ударил пряме в то место, где работали телефонисты, при чем один гусар был этим снарядом разорван на клочки, некоторые ранены, а шинель начальника команды связи Поручика Кульбаха, была в двух местах прострелена.

В12 часов 25 минут начальник артиллерии приказал номерам зарядить орудия и быть готовым для производства залпа, а Командирам батарей держать телефонную трубку, чтобы одновременно принять его команду и подать свою команду для выстрела.

Открыв часы с секундомером он внимательно следил за двигающейся стрелкой и ровно в 12 час. 30 минут подал команду «ОГОНЬ».

Раздался громообразный гул и 32 снаряда со свистом и шипением на разные лады понеслись на неприятельскую позицию. Одновременно с раздавшимся залпом, гусары и драгуны первые двинулись в атаку. Противник открыл по ним пулеме-

тный и ружейный огонь, но храбрые и испытанные в трехлетних боях кавалеристы безостановочно двигались по под'ему горы к неприятельским окопам.

Подполковник Пальшау своими 8-ю пулеметами поддерживал атаку Барбовича.

Далее смотрим, центральная рота пехотнаго расположения выскочила из окопов и во главе со своим прапорщиком и опытным фельдфебелем тоже ринулась в атаку, ея примеру последовали и остальныя роты.

Ввиду приближения наших атакующих войск к окопам противника, моим батареям пришлось прекратить огонь по окопам, чтобы не попасть в своих, и перенести стрельбу дальше по подходящим неприятельским резервам.

Этим воспользовался противник и поднявшись из окопов начал усиленным огнем из пулеметов и ружей обстреливать наши атакующия части.

Настал напряженный момент. Я опасался, что центральная рота, которая была уже ближе всех к неприятельским окопам и особенно интенсивно обстреливаемая противником, не выдержит такого огня и, бросившись назад, увлечет за собою и соседния атакующия роты.

Но к радости всех нас, мы видим, как фельдфебель выхватил шашку и с криком «УРА» бросился вперед, за ним ринулась его рота. Противник не выдержал русскаго штыкового удара, оставил свои окопы и бежал вниз, покинув раненых и убитых.

К этому времени Барбович тоже успел занять неприятельския окопы.

Хуже было у меня на правом фланге. На этом участке к окопам противника шел очень крутой под'ем и наша пехота не могла быстро двигаться в атаку, а будучи встречена сильным огнем противника, на средине под'ема остановилась и залегла, вступив в перестрелку с неприятелем. Я приказал двум ротам из резервнаго батальона двинуться на их поддержку, а двум остальным ротам резерва, как можно скорее, идти в неприятельский окоп, который уже был занят центральной ротой нашего отряда, дабы сильнее закрепить взятый окоп за нами и отбить контр атаку противника, если он поведет ее своим резервом.

Приказав протягивать телефон от нашего наблюдательного пункта в занятый центральной ротой неприятельский окоп, я со своим штабом полка и ординарцами побежал к этой молодцеватой роте, чтобы поблагодарить ее за столь

доблестныя ея действия и приказать обстреливать пулеметным огнем противника, задержавшагося на его левом фланге и остановившаго атаку рот моего праваго фланга.

«Куда Вы, куда Вы побежали», кричал вдогонку мне Командир пехотнаго полка, «противник сейчас откроет заградительный огонь по двигающемуся нашему резерву и отрежет вас от тыла».

«Я предпочитаю быть отрезаным огневой завесой от тыла, чем от боевых частей», ответил я на ходу и побежал дальше.

Противник действительно начал обстреливать пространство между его бывшими окопами и расположением наших батарей и резерва, но на этот раз, вероятно, за отсутствием его тяжелой батареи, не мог развить столь сильнаго огня, который в Мировой войне было принято называть «Артиллерийской Завесой». Поэтому я и весь мой штаб пробежали долину благополучно, а двигающиеся роты моего резерва достигали своего назначения с весьма маленькими потерями.

Со мной бежал также Подполковник, помошник Командира пехотнаго полка. Как только мы взошли на неприятельскую позицию, я сейчас же приказал ему, перенести огонь всех пехотных пулеметов на левый фланг неприятельской позиции, где он еще задерживался.

Начавшийся наш продольный пулеметный огонь стал наносить сильныя потери противнику и он оставил окопы своего леваго фланга, отступив вниз в долину. После этого вся его позиция была окончательно занята нами. Нужно только было на ней удержаться, если протиник поведет контр-атаку сильными резервами.

Было видно, что наша пехота в этом имела большой опыт и сейчас-же приступила к переделке неприятельских окопов, для стрельбы в противоположном направлении и мне не пришлось даже по этому поводу отдавать приказания. Кроме того противник не пытался повести против нас контр-атаку, а ограничился лишь артиллерийским обстрелом, бывших его окопов.

Это дало мне возможность немедленно заняться устройством тыла. Пока наши цепи рылись, как кроты, в земле я приказал сейчас-же, пока еще светло, подвезти к позиции походныя кухни и накормить людей горячим обедом. Поставить резервный батальон у подножья западнаго берега долины и приступить к постройке землянок и укрытий от артиллерийского огня и аэропланов.

Перенести передовой наблюдательный пункт на новую

позицию, а Подполковнику Барбовичу организовать охрану флангов нашего расположения.

Отдав распоряжения, я пошел по занятым окопам к центральной роте. Настроение солдат совершенно переменилось; они уже не были похожи на «желторотых птенцов», как их называл фельдфебель,не сидели скорчившись в окопах, а с гордостью и сознанием собственного достоинства обстреливали, уходящаго вниз к деревне противника, котораго они только-что выбили из окопов.

«На удивление, сегодня наша рота пошла в атаку очень хорошо и ни один «желторотый» не отстал, а все дружно бросились в штыки и выгнали противника с окопов, несмотря на то, что все молодые солдаты только первый раз в своей жизьни участвовали в штыковой атаке», сказал мне фельдфебель, когда я подошел к нему и благодарил его, за проявленную инициативу и храбрость при атаке.

«Успех сегоднешней атаки можно отнести к Вашей заслуге. Я видел, как вы первый выскочили вперед и, вынув шашку, с криком «Ура» бросились к неприятельским окопам. За это я вас представлю к производству в офицеры», ответил я храброму фельдфебелю.

«Если прикажете, то мы ринемся и заберем у неприятеля эту деревню», предложил мне он, важно подкручивая кверху свои рыжие густые усы.

«Я не сомневаюсь, что вы этой доблестной ротой выбьете противника из деревни, но нам нет разсчета опять спускаться вниз. Неприятель отойдет назад, вот, на те высокия горы и будет обстреливать нас с высоты вниз, и наше положение получится такое же, какое мы имели, до сегодняшняго занятия вами этой позиции», ответил я ему и, сказал Командиру роты представить к наградам более отличившихся солдат, а также пообещав ему выхлопотать 10 Георгиевских Крестов на роту, для награждения своих товарищей, по выбору самой роты, я отправился на новый наблюдательный пункт.

Осенний короткий день стал клониться к вечеру, начало смеркаться. В стороне противника не было признаков приготовлений к контр-атаке, но все же на эту ночь я остался на наблюдательном пункте и, для большой безопасности, приказал всем частям отряда находиться до разсвета в полном боевом порядке и быть каждую минуту готовыми отбить ночную контр-атаку противника, если таковая последует.

При свете мерцающей свечи, я подробно написал донесение Командиру корпуса, изложив детали истекшаго боя и

просил его пропустить все мои представления к наградам, участников в этом бою.

Ночью приехал мотоциклист и привез ответ на мое донесение, где Граф Келлер поздравляет меня с успешным боем и обещает подписать все мои представления к наградам, чинов отряда.

От дневных переживаний и тревог за истекший день, я не мог уснуть, а чтобы укоротить ночь, ходил по окопам, разговаривал с офицерами и солдатами, прислушивался к шуму, который иногда доносился со стороны неприятеля.

Наконец настал долго-ожидаемый разсвет; солнышко взошло и осветило своими низкими лучами всю позицию противника, где не было видно никакого движения, а вскоре разведчики донесли, об оставлении неприятелем, впереди лежащей, деревни и его уходе на высоты, к западу от этой деревни.

Все это меня успокоило. Я приказал в окопах оставить только наблюдателей, а роты и эскадроны, спустить за откос, дать им отдохнуть, затем вымыться в ручье, накормить и приступить к постройке землянок, для укрытия и отдыха.

Отдохнув несколько часов, я пошел на старый наблюдательный пункт, где и решил устроить свой штаб отряда.

После полудня приехал наш полковой священник Отец Николай Копецкий, и начал разсказывать свои тыловыя переживания во время вчерашняго боя.

«Гремели пушки весь день, мы все волновались и не знали, что у вас происходит. И только часам к трем дня начали подвозить тяжело раненых, а легко раненые подходили сами пешком. Мы то их и распрашивали, о ходе боя. Они нам разсказывали, что долгое время сидели в окопах под горой, ни вперед, ни назад нельзя было ходить. Ели только холодную пищу; вши стали заедать, вымыться было негде. Затем один раненый добавил:

«Говорят, что об таковом нашем положении узнал Главнокомандующий Великий Князь Николай Николаевич и прислал обо все узнать своего ад'ютанта, какого-то молодого кавалерийскаго Полковника, в красных штанах. Третьяго дня он обошел окопы, посмотрел и сказал; «да, плохо вам, ребята, живется в этих окопах, а затем, как начал ругать, да как начал кричать на нашаго Командира полка, да ногами топал и палкой ему угрожал. «Я тебя, «говорт», заарестую, за такое твое отношение к солдатам». А сегодня с утра приказал всем батареям, значит, обстреливать противника. В обед, значится, все

затихло и мы с'ели по банке консервов. А потом видим, как этот Полковник в красных штанах, вышел на гору, вынул блестящую шашку, да как махнул ею, аж все батареи сразу гуркнули, а мы выскочили из окопов, да побегли на неприятельския окопы и там кого побили, кого забрали до плена и теперь вся позиция занята нашими».

«Я ничуть не прибавляю», Василий Владимирович», а передаю все дословно, что я слыхал от раненых», добавил священник.

«Я вам верю, батюшка», ответил я Отцу Копецкому», я, ведь, знаю солдатския легенды. Недавно цензор штаба корпуса Корнет Шпакович показал мне письмо, написанное одним солдатом из крепости Осовец, к своему брату, служившему в моем полку, гусару, где он пишет следующее: Начинает он, конечно, как и все письма солдат с поклонов их родственников, называя их по именам и отчествам, например: «Тебе кланяется наш отец Иван Петрович, и наша мамаша Ксения Михайловна, и наша сестрица Мария Ивановна, и наш дядюшка Степан Петрович» и т. д. пока не перечислит всех родственников, а затем добавляет:

«Недавно подступил к нашей крепости немец, уж он палил, палил из своих пушек день и ночь, все хотел разбить и забрать нас в плен. На третий день наше начальство испугалось и предложило немцам сдать крепость, если Вильгельм заплатит им много денег.

Узнал об этом В. К. Николай Николаевич, прилетел на аэроплане в нашу крепость. Незаметно прошел на форт, стал за углом, вынул шашку, да как начал командовать солдатами, то мы немца и отбили. А потом он собрал начальство и сказал им:»

«Видите, как нужно командовать, а за то, что вы хотели крепость сдать немцам, я приказал солдатам, три дня вам чести не отдавать».

«Мы трое суток ходили по крепости и городу и никому чести не отдавали».

Так закончил свое фантастическое письмо солдат Осовецкой крепости.

Действительно, немцы осаждали трое суток крепость Осовец и за это время выпустили по фортам и городу более сорока тысяч снарядов, но все их атаки были отбиты и им, благодаря большим потерям, пришлось снять осаду Осовца.

Конечно В. К. Николай Николаевич никогда в Осовец не прилетал и почти не выезжал из своей ставки, т. к. имея фронт

длиной более чем две тысячи верст, он должен был всегда оставаться в одном месте иначе нарушилось-бы управление 3-х миллионной русской армией.

Много сказок говорилось во время войны о Великом Князе, как о Верховном Главнокомандующем, но они не соответствовали действительности, а лишь показывали насколько он популярен был среди всех.

В русских сказках, главным образом, говорят о героях, а В. Князь Николай Николаевич и был таким, как рисовали его русский народ и солдаты в своих представлениях.

Отступив на высоты версты на две от нашей новой позиции, противник не тревожил нас и этим дал возможность моей пехоте укрепить, взятые у него окопы.

Роты, как муравейник принялись за работу: разширяли окопы, строили блиндажи, рыли землянки, соединяли их ходами сообщения, а ночью заплетали проволочное заграждение. Работы были окончены довольно быстро и затем потекла обычная окопная жизнь.

Днем в окопах держали только наблюдателей, остальные люди отдыхали в землянках и по очереди ходили к ручью купаться и мыть белье. Походныя кухни поставили в роще у ключа и пища выдавалась регулярно три раза в день.

При появлении неприятельских аэропланов, я приказал людям моментально ложиться на землю и лежать неподвижно, пока аэропланы скроются из вида. Это затрудняло наблюдение с аэропланов и уменьшало потери, от сброшенных ими бомб.

Ночью половина людей находилась в окопах, а остальные производили те работы, кои невозможно было делать днем.

Гусары и драгуны ходили в окопы поочередно, имея квартиры в Русска-Молдавица.

Семья Константиновича, где стоял штаб гусарскаго полка, оказалась весьма симпатичной. В свободное время от окопов мы проводили вечера с ними вместе. Жена Константиновича и ея младшая дочь довольно хорошо пели румынские и циганские романсы, а старшая дочь, Виола, была мечтательно-романтическая натура.

Я часто разсказывал ей о жизни в России, о русской поэзии, музыке, театре и литературе. О необ'ятых и богатых пространствах Российской Империи, о сказочной Сибири, о чудных местах Крыма и Кавказа, с их прекрасным климатом и лучезарным голубым цветом воды теплаго Чернаго моря, Я так же нарисовал ей картину веселой жизни русскаго народа в деревнях и особенно в столицах.

Вероятно все это повлияло на мечтательно-романтическую душу молодой девушки, принужденной жить в глубокой провинции Карпатских гор.

В один из вечеров, когда мы сидели в садовой беседке, Мадам Константинович, вдруг, говорит мне:

«Я не знаю, что делать с Виолой, она влюбилась в вас и призналась мне в ея намерении уйти из дому за гусарским полком и далее бежать в Россию».

«Она слишком для меня молода», ответил я, «ей всего лишь 23 года, а мне уже 38 лет, это черезчур большая разница».

«Ничуть», со слезами на глазах, сказала Виола, войдя в беседку, «я уже совершенно взрослая женщина, а Вы еще молодой человек и мужчина должен быть старше женщины, т. к. мы гораздо раньше стареем, чем вы, особенно женщины южной нации, к которой я принадлежу».

Но, вскоре наш роман был прерван, как и всегда случается во время войны.

Румыния об'явила войну Австрии и наш 3-ий конный корпус был потребован на румынский фронт.

Оставив нашу штабную землянку с надписью над дверью: «ВИЛЛА ВИОЛА», и повесив на высоком дереве в закупоренной бутылке записку: «Здесь стоял штаб 10-го гусарскаго Ингерманландскаго полка», мы двинулись к румынской границе.

ГЛАВА XXIV

27-го Сентября 1916-го г. мы перешли австро-румынскую границу у города Дорна-Ватра. Там я получил приказание Командира корпуса Гр. Келлер, немедленно двинуться в город Паначи и принять под мое командование пехотную румынскую бригаду, которая не может задержать, наступающих австрийцев.

Дорога к этому городу шла вдоль австрийской границы, где противник уже занял позицию в заранее приготовленных окопах, на случай выступления Румынии.

По карте было видно, что эта дорога лежала всего лишь верстах в трех от окопов, занятых противником, откуда он мог не только наблюдать движение моего полка, но легко обстрелять нас артиллерией. Другими словами, мне приходи-

лось совершать фланговый марш, который всегда считается труднее и опаснее фронтальнаго.

Идти кружным путем сильно удлиняло разстояние и я не был бы в состоянии, прибыть в Паначи к разсвету 28-го Сентября, как мне было приказано.

Получив информацию от румынской пограничной стражи, я решил дождаться ночи и с наступлением темноты двинуться в путь.

Телеграф еще с Паначи действовал, и румынские пограничники были на своих местах из чего можно было заключать, что противник на этом пространстве еще не перешел австро-румынскую границу. Но он, конечно, мог каждую минуту двинуться вперед и перерезать путь моему полку, а кроме того, осветить ракетами местность и увидеть мое движение. Вообще движение было очень рискованное, но я никому не сказал об этом, чтобы не волновать преждевременно гусар, а сообщил лишь своему помощнику Подполковнику Пальшау, который должен был заместить меня, на случай моей убыли из строя.

Пальшау советовал мне не рисковать, а идти кружным путем, хотя-бы мы и пришли с опозданием к румынской бригаде. Но я не согласился с его мнением и пошел прямым путем.

Выслав в головной эскадрон жандарма румынской пограничной стражи, знающаго хорошо эту местность и приказав соблюдать полную тишину во время движения, я двинулся в поход, проверяя правильность направления у каждаго, попадающагося на встречу, пограничнаго столба, сверяя его номер по карте.

Не успели мы пройти и версты, как Пальшау начал нервничать. Сначала прислал ординарца спросить меня, уверен-ли я в правильности направления нашего движения, затем предупредил меня, что, по его мнению, мы сбились с дороги и наконец под'ехал сам, доложить мне, что мы идем прямо на позиции противника.

И хотя я был уверен в правильности направления нашего движения и спокойно вел полк своей дорогой, но Пальшау вывел меня из терпения и мне пришлось довольно резко ему приказать ехать там, где я ему указал и следить только, чтобы эскадроны в темноте не оторвались, а я за все остальное, как Командир полка, отвечаю сам.

При всяком походном движении, я от времени до времени оставлял офицера или ординарца, пропустить полк и доложить мне не разорвалась ли колонна.

И вот, один из оставленных ординарцев прискакал ко мне и доложил, что Подполковник Пальшау оторвался с задним эскадроном. Я остановил полк и послал назад разведчиков отыскать этот эскадрон. Прошло более часу, но ни Пальшау, ни высланные разведчики не возвращались. Опасаясь, что меня может застать разсвет, в пути и противник увидит движение полка, обстреляет нас артиллерией, я бросил искать Пальшау и пошел в Паначи, куда благополучно прибыл перед разсветом, а Пальшау с эскадроном присоединился к полку лишь к 10 часам утра. Оказалось, что в темноте задний эскадрон оторвался от общей колонны.

Узнав об этом, Пальшау лично повел эскадрон и имея предвзятую мысль, что полк идет прямо к неприятелю, он уклонялся в сторону, сбился с дороги, заблудился и вынужден был ожидать разсвета, а затем кружным путем присоединился к полку придя усталый, с измученными людьми и лошадьми.

Как я уже писал, Пальшау имел странный характер. Если его поставить и показать ему точное направление, а затем приказать ему атаковать, то он проявит чудеса храбрости, но если он должен выполнить задачу самостоятельно, то его охватывает нервное состояние и он положительно теряется. Может-быть, причиной этого было тяжелое ранение, полученное им в русско-японскую войну под Ляояном, но так или иначе, доходило до того, что офицеры просили меня не оставлять, при моем отсутствии, Пальшау командовать полком, а вызвать Подполковника Барбовича, который некоторое время был моим помошником по хозяйственной части и иногда не мог быть в строю.

Румыны крайне обрадовались нашему приходу и даже их Командир бригады был недоволен, моим распоряжением, дать гусарам выспаться до полудня, так ему хотелось, чтобы я скорее вступил в командование отрядом и освободил-бы его от этих, как он сказал, «Трудных и ответственных обязанностей».

Я видел, что противник большой активности не проявляет, а лишь артиллерией обстреливал румынския окопы, поэтому я не спешил и дал выспаться людям, да и сам нуждался в отдыхе.

Около полудня я пошел на позицию осмотреть румынскую пехотную бригаду.

Мне пришлось видеть армии почти всех государств, главным образом во время китайскаго боксерскаго восстания, в 1900 году когда все великия национальности, высадили свои десанты в Китае. Также я очень долго и близко соприкасался

с китайской армией, оказавшейся самой неорганизованной военной силой среди больших государств, но из современных регулярных армий, самая худшая, это была румынская.

Из нижеописаннаго осмотра мною румынской бригады, читатель может составить понятие, что представляла собой румынская армия несмотря на то, что уже три года шла Мировая война вдоль румынской границы, но, видимо, это ничуть не повлияло на улучшение этой армии.

Румынский солдат провел меня в штаб своей бригады, расположенной в одном из домов города Паначи. Там меня встретил Командир румынской пехотной бригады, пожилой средняго роста, тучный Полковник, который, согласно диспозиции русско-румынскаго командования, входил в состав моего отряда.

Ознакомившись с составом бригады, состоящей из двух пехотных полков и трех батарей полевой артиллерии, а также с запасом и подвозом огнестрельных припасов и продовольствия, я предложил Командиру бригады, пройти на его наблюдательный пункт.

Вообразите мое удивление, когда он ответил мне, что таковой не имеет, но у него есть на позиции землянка.

«А, как же Вы управляете бригадой»? спросил я его.

«Согласно донесений Командиров полков, я посылаю им указания», ответил он мне, добавляя: «На позиции в моей землянке всегда находится дежурный офицер, куда направляются донесения, а оттуда мне их читают по телефону».

«А разве, Вы не связаны телефоном с вашими Командирами полков»? опять спросил я его.

Полковник удевленно посмотрел на меня и сказал: «Мои полки никакими телефонами не снабжены, а отсюда в землянку я провел городской телефон».

«У вас совсем нет полевых телефонов?», переспросил я его и получил отрицательный ответ.

Дальнейшие разспросы Командира румынской бригады привели к грустным результатам. Оказалось, что не только полки, но и батареи не были снабжены полевыми телефонами. Походных кухонь румынския части также не имели и солдаты варили пищу в котлах в деревне.

Призматическими биноклями были снабжены только артиллерийские офицеры, пехотным же офицерам их не выдавали и только некоторые из них имели собственные бинокли. В то же время, все румынские офицеры носили корсеты и красили свои щеки и губы, подобно современным женщинам.

Из штаба бригады мы пошли на позицию. В первую очередь посетили артиллерию, где мы увидели следующую картину.

Все пушки были поставлены открыто на хребте горы, Командиры батарей, со своих наблюдательных пунктов, за неимением телефона, передавали команду при помощи живой цепи, раставленных солдат.

«Почему Вы так открыто, на вершине горы, поставили ваши пушки? Неприятель может легко их увидеть и в несколько минут заставит замолчать все ваши батареи и привести в негодность орудия», спросил я одного из старших атиллерийских офицеров.

«Мы ничем не можем помочь, т. к. у нас нет ни угломеров, ни призматических труб, приспособленных для наблюдения из окопов, вообще мы не имеем никаких инструментов, для стрельбы из-за закрытой позиции», ответил мне откровенно румынский офицер.

В заключение мы увидели, что все батареи были запряжены волами, при чем волы не могли тащить орудий по крутым скатам, как это делают лошади.

«Ну, и союзников нам Бог послал», сказал я своему офицеру Поручику Папазову, который родился в Бессарабии, знал хорошо румынский язык и был моим переводчиком.

«Подождите, Господин Полковник, Вы еще худшее увидите и узнаете, что собой представляет румынская армия», ответил мне Папазов.

От артиллерии мы пошли на пехотную позицию. Сначала подошли к землянке бригаднаго Командира. Она была вырыта под высокой горой и представляла собой хорошее закрытие не только от ружейных пуль ,но и от артиллерийских снарядов. Выход был замаскирован зелеными ветками деревьев, что скрывало местонахождение землянки, от взоров аэропланных наблюдателей.

«Землянка у вас прекрасная, безопасная и даже уютная, но следовало-бы устроить, вот, на той вершине горы наблюдательный пункт», сказал я Командиру бригады, когда мы поднялись на высокую гору, возвышающуюся над землянкой. «Посмотрите, как хорошо отсюда видна неприятельская позиция и расположение вашей бригады», добавил я.

Действительно вид с этого места был очаровательный. Впереди лежала довольно широкая долина покрытая не скошенной травой и не увезенными снопами хлеба, ввиду начала в этом районе военных действий. Изредка на этой долине по-

падались отдельные домики, с хозяйственными постройками, из за крыш которых виднелись высоко поднявшие свои верхушки, колодезные шесты (журавли) деревенских колодцев.

За долиной шли отроги гор, понорамой подымающиеся все выше и выше, уходящие все дальше и дальше на Запад и переходящие в красивыя, высокия горы Трансилвании.

Противник в этот день не проявлял никаких активных действий и только изредка обстреливал румынскую позицию артиллерийским огнем.

Мы спустились за вершину горы и пошли по склону к пехотным ротам, расположенным на позиции.

Все роты лежали кучей за хребтом горы, на склоне обращенном к тылу.

Сначала я подумал, что роты были спущены за хребет горы, чтобы не держать их понапрасну в окопах, но затем увидел, что никаких окопов румынская пехота не вырыла, не смотря на то, что эта бригада стоит на этой позиции более недели.

«Где же ваши окопы? спросил я батальоннаго Командира.

«Мы окопов не устраивали; зачем они. Противника мы обстреливаем прямо с вершины горы», ответил он мне.

«Но без окопов, ваша оборона не будет устойчивой, кроме того Вы понесете тяжелыя потери, не только от артиллерийскаго огня неприятеля, но и от его ружейных и пулеметных пуль, когда он подойдет к вам на близкое разстояние», возразил я.

«Ну, если противник подойдет на близкое разстояние, то нужно уходить назад на следующия горы, а иначе он бросится в штыки, перебьет всех нас или заберет в плен», уверенно отчеканил мне батальонный Командир.

Услыхав это, я увидел, что имею дело с наивными людьми, мало знающими военное дело, поэтому я не стал больше с ним полемизировать, а молча пройдя всю позицию, вернулся в штаб своего полка и написал приказ по отряду указав следующее:

1) Командиру румынской бригады немедленно устроить наблюдательный пункт, на горе, выше бригадной землянки.

2) Начальнику службы связи гусарскаго полка соединить телефоном Командиров румынских батальонов с Командирами полков, а последних с Командиром их бригады. Также выдать достаточно телефоннаго кабеля и аппаратов, для связи наблюдательных пунктов Командиров румынских артиллерийских батарей с их батареями.

3) Гусарскому полку, в экстренном порядке, потребовать из штаба 3-го коннаго корпуса русскаго артиллерийскаго офицера, со всеми необходимыми принадлежностями и инструментами, для производства стрельбы румынскими батареями из за закрытой позиции.

4) Во всех румынских ротах приступить немедленно к устройству окопов, пулеметных гнезд и землянок, а для более успешной и правильной работы при постройке окопов, от гусарскаго полка отправить в каждую румынскую роту по четыре гусара-инструктора, на предмет руководства работами.

5) Командиру румынской бригады приспособить батарейных волов к перевозке обоза, а обозных лошадей передать в артиллерийския батареи, для орудийных запряжек.

Закончив приказ, я одну его копию послал в штаб русско-румынскаго командования, а другую Командиру нашего корпуса Гр. Келлер, с просьбой о немедленном его личном распоряжении, прислать мне русскаго опытнаго артиллерийскаго офицера и все необходимое для стрельбы из за закрытой позиции, а также снабдить румынскую бригаду телефонными принадлежностями.

На другой день я получил от Гр. Келлер уведомление, о присылке мне телефоннаго кабеля и аппаратов, для снабжения румынской бригады, но в присылке русскаго офицера для руководства стрельбой румынскими батареями было отказано т. к. русское командование считает неудобным обращаться к румынскому командованию с таким предложением. Румынское командование согласилось, лишь при совместном действии их частей с русскими войсками, всегда отдавать их войска под команду русских начальников.

На поддержку же моего отряда Командир корпуса послал, в мое распоряжение, два коно-горных орудия, при эскадроне драгун 10-го Новгородскаго полка.

В течение недели противник не проявлял против моего отряда никаких активных действий и можно было спокойно заниматься укреплением позиции. Но румынская пехота крайне лениво копала окопы.

На мой вопрос, «почему так медленно идет работа?» Гусары, посланные мною руководить устройством окопов, заявили:

«Румынцы днем боятся обстрела неприятельской артиллерии, а ночью спят и не хотят работать, а их офицеры не обращают на это внимания и сами уходят ночевать в деревню»

За время стоянки в Паначи в гусарский полк прибыли из кавалерийскаго училища молодые офицеры, братья Линицкие

и Ланг. Кроме того вернулся в полк Полковник Соколов. Он еще до войны служил в 10 гусарском Ингерманландском полку, но был переведен в интендантство, где и провел всю войну. Почему он вернулся в полк так поздно, мне неизвестно, но Начальник нашей дивизии Генерал Марков секретно предупредил меня, о Соколове.

«Ты будь с ним осторожен, он очень большой интриган. Когда я командовал гусарами, Соколов все время стремился настраивать меня против офицеров, а офицеров против меня. А кроме того, несмотря на дружную гусарскую полковую семью, он всегда старался поссорить офицеров между собой и я был очень рад, когда Соколов ушел из полка в интендантство». Такими словами закончил Генерал Марков аттестацию Соколова.

«Спасибо тебе за предупреждение», ответил я, «но интриговать можно в мирное время, а здесь я его пошлю в жаркий бой, так всякая интрига из его головы выскочить, он будет рад-радехонек, что благополучно из боя вышел и имеет возможность отдохнуть, а об интриге наверное позабудет».

Через несколько дней противник стал все чаще и чаще высылать разведку, а взятые пленные показали, что противмоего отряда стоит венгерская пехотная дивизия, которая имеет намерение скоро начать наступление. Венгерцы рвутся в бой, чтобы отомстить румынам, за их вторжение в Венгрию.

Получив такия сведения, румыны стали опасаться, ночного нападения венгерцов.

Чтобы успокоить робких румын, я выдвинул два эскадрона, с двумя коно-горными пушками, под командой Подполковника Пальшау и приказал ему, заняв позицию в лесу, впереди румынскаго расположения, производить тщательную разведку противника, прикрывать румынскую пехоту, от неожиданнаго нападения венгерцов, а в случае их наступления, заставить противника развернуться в боевой порядок и этим обнаружить его силы. При дальнейшем наступлении неприятеля, Пальшау отойти на правый фланг моего отряда и обеспечивать его от обхода неприятелем нашей позиции. После этого румыны успокоились.

Отдав такое приказание, я вспомнил о подобной задаче, данной мне, на экзамене, по тактике, когда я еще был юнкером. С полком пехоты, одной полевой батарее и двумя эскадронами кавалерии, я должен был оборонять позицию.

Разставив на карте пехоту и артиллерию и выполнив все пункты, требуемые тактикой при решении тактической за-

дачи, я стал думать, как лучше всего использовать кавалерию.

Заметив на карте небольшой лес, лежащий впереди позиции, я, выставив наблюдательныя конныя заставы, для охраны флангов моего отряда, остальную кавалерию выдвинул в означенный лес с такими же приказаниями, какия я отдал Пальшау в Паначи.

Пришел преподователь тактики, отобрал у нас решенныя тактическия задачи и отнес их в экзаменационную комиссию, для разсмотрения.

После полудня мы были собраны в классе, куда пришла и вся экзаменационная комиссия, во главе с Генералом генеральнаго-штаба Мартосом, грозой юнкеров на экзаменах по тактике.

Увидев его, мы как-то с'ежились и притихли, как птицы перед бурей.

Стали вызывать юнкеров к кафедре, где каждый должен был устно доложить комиссии, решенную им задачу на карте, после чего выставлялся средний балл по тактике.

Подошла и моя очередь. Мартос задал мне несколько вопросов, а затем встал, поднял карту с решенной мною тактической задачей и, обратившись к юнкерам, сказал:

«Вся задача решена довольно хорошо ни у одного юнкера более правильнаго применения кавалерии, чем это сделано при решении этой задачи я не нашел. Спасибо юнкер Чеславский. 12 баллов».

Я был так обрадован получением столь высокаго балла по тактике от грознаго председателя, что подпрыгнул идя к своей парте.

««Полтавской мазнице, вечно везет», заметил один из юнкеров, хлопая меня по плечу. «Полтавской мазницей» меня называли, за мое полтавское хохлацкое происхождение.

Раз повезет, два, но чтобы всегда везло, нужно усердно учиться», ответил я.

«Да знаем тебя, зубрилу мученика», сказал другой юнкер, «ты постоянно зубришь в уборной по ночам, когда электричество потушат в классах и в залах».

Я действительно был прилежный ученик.

Было крайне грустно услышать о Генерале Мартосе, столь военнообразованном и знатоке тактики, генерале генеральнаго штаба, который не с'умел использовать кавалерии надлежащим образом и действуя в слепую, был окружен немцами и, со всем своим 15-м корпусом, был взят в плен, в армии Генерала Самсонова, в Августе 1914 года. Теория — одно, а практика — другое.

5-го Октября 1916-го года артиллерия противника, начала пристреливаться к разным пунктам нашей позиции, снаряды его тяжелых орудий долетали до румынских батарей. Видно было, что неприятель готовится к наступлению. Я донес об этом в штаб русско-румынскаго командования и Командиру 3-го коннаго корпуса, а Командира румынской бригады предупредил, чтобы его полки были готовы встретить атаку противника.

Так как мой отряд был довольно значительный и я не мог совместить одновременно командование полком и отрядом, то мне пришлось назначить временно командовать гусарским полком Полковника Соколова.

6-го Октября противник начал усиленно обстреливать своей тяжелой артиллерией, открыто стоявшие на горе, румынския батареи и быстро привел их к молчанию. Ночью я приказал им переменить место, но они вынуждены были стать опять на открытую позицию.

Утром 7-го Октября противник быстро пристрелялся к вновь занятой румынской артиллериской позиции и к полудню совершенно сбил румынския батареи. Ночью эти батареи переменили свои позиции, но 8-го Октября повторилось то же самое и несколько румынских орудий были подбиты неприятельской артиллерией и вышли из строя.

В ночь с 8-го на 9-ое Октября я все же приказал румынским батареям снова переменить позицию, но в течение наступившаго дня, неприятельский огонь тяжелых батарей совершенно привел в негодность всю румынскую артиллерию моего отряда и я остался лишь с двумя конно-горными пушками, действующими в передовом отряде Подполковника Пальшау.

10-го Октября противник, воспользовавшись молчанием румынских батарей, перенес огонь своих тяжелых орудий по пехотной румынской позиции, а полевой обрушился на отряд Пальшау.

Тяжелая венгерская артиллерия не нанесла больших потерь румынской пехоте, сидящей в устроенных окопах, но своими страшными разрывами, сильно подействовала на моральное состояние румынских солдат, не привыкших к тяжелым боям.

11го Октября противник, продолжая обстреливать артиллерией наши позиции, повел наступление всей венгерской пехотной дивизией.

Первый бой, конечно, завязался в передовом отряде Пальшау и венгры стали обходить его с обоих флангов, тогда я

послал ему на помощь гусарский полк, под командой Полковника Соколова.

Уже к полудню Соколов прислал мне донесение, что держаться не может. Я запросил его, какия у него потери. Он ответил небольшия.

Получив такой ответ, я ему написал разрешение отступить, когда у него будет больше одной трети потерь.

Около 4-х часов дня я получил от него слезное донесение, в котором он просит меня разрешить ему сдать полк, т. к. он совершенно не привык к боям, не подготовлен командовать полком и до того разнервничался, что не в силах оставаться дольше в строю и вынужден эвакуироваться в тыл, для лечения

Вот, это и был тип офицера не только безполезный, но и вредный, благодаря коим наша армия часто терпела неудачи, о чем я уже писал раньше.

Следует офицеров замеченных или сознавшихся в неподготовленности быть в строю, а особенно не имеющих достаточно силы воли держать себя надлежаще в бою, немедленно лишать офицерского звания, переименовать в чиновники, для несения службы в тылу, а заведомых трусов разжаловать в рядовые солдаты, независимо от их чинов или занимаемых должностей и поступать с ними на общем основании положения для нижних чинов, соответственно возрасту. А у нас таких типов отчисляли в резерв чинов, где они бездельничали и жили спокойно в тылу, не стесняясь носили погоны, эту Эмблему рыцарства, чести и храбрости.

Если бы Главнокомандующий Маньчжурскими Армиями, Генерал Куропаткин задержал Командующаго 3-ей армией Генерала Грипенберга и предал-бы его военно-полевому суду, за оставление им армии и от'езда в Петербург, без разрешения, то суд наверное приговорил-бы Грипенберга к разстрелу, как дезертира и это был-бы прекрасный пример, для всех начальников от мала до велика. При таких мерах, многие из боящихся вражеских пуль начальников, предпочлибы честно умереть на поле брани, вместо того чтобы быть позорно разстрелянными или разжалованными в рядовые солдаты.

Также нужно строго поступать с часто покидающими строй по болезни. Если офицер болен, то он не может нести тяжелую службу в строю и должен быть переименован, тоже в чиновники.

Благодаря же снисходительному отношению к больным офицерам, многие, под видом болезни, месяцами скрывались в тылу, избегая участия в боях, в то время, как хорошие офице

ры потом и кровью тянули лямку непрерывной службы в походах и боях, рискуя каждую минуту быть убитым или, того хуже, вернуться домой калекой.

Кроме того, благодаря многим офицерам, скрывающимся в тылу по болозни и другим причинам, в строю был постоянный недостаток офицеров и часто молодым и неопытным прапорщикам приходилось командовать ротами, в составе около 200 человек; а от ротнаго Командира, иногда зависила судьба всей роты. Неумелый маневр или нетолковое распоряжение, неоднократно кончались ненужными и безполезными потерями солдат.

С наступлением темноты бой прекратился. Соколов явился ко мне и подав рапорт о болезни, уехал в госпиталь и с тех пор, до конца войны, я его уже не видел в строю.

Положение, выдвинутого вперед, отряда Пальшау было довольно опасное, он мог быть окружен наступающей венгерской дивизией, поэтому я ему приказал, оставив раз'езды, для наблюдения за противником, пользуясь темнотой и соблюдая полную тишину, отвести отряд на правый фланг нашей позици

12-го Октября утром противник продолжал свое наступление. Сначала он долго обстреливал лес, где вчера находился отряд Пальшау, а затем двинулся, обходя лес с двух сторон, надеясь его окружить и был, по показанию пленных, удивлен, найдя в лесу, вместо отряда, всего лишь два кавалерийских раз'езда, кои лавой отскакивали к своему отряду.

Заняв лес, неприятель подтянул туда свою артиллерию, откуда он уже мог обстреливать позицию румынской пехоты, безнаказанно т. к. румынская артиллерия была совершенно выведена из строя, а мои два конно-горных орудия обстреливали венгерскую кавалерию, появившуюся против моего праваго фланга, за которой также двигалась пехота.

Я стал безпокоиться за этот фланг и послал Пальшау, категорическое приказание, в конном строю атакавоть неприятельскую, кавалерию если она будет продолжать двигаться в этом направлении.

Но вскоре венгерские гусары остановились, спешились и выждав свою пехоту, присоединились к ней и медленно наступали на ея левом фланге. Благодаря этому, опасность скораго охвата нашего праваго фланга отпала.

Когда венгерские пехотные цепи подошли к румынским окопам на разстояние средняго выстрела, румыны стали волноваться.

Командир их бригады пришел на мой наблюдательный пункт и заявил мне, что если я не дам в румынския роты хотя-бы по восьми гусар, то он не ручается, за свою пехоту, которая может сразу покинуть позицию, с приближением венгров на прямой выстрел, т. к. они не считаются с румынами и идут безостановочно. Но если неприятель увидит в окопах русские папахи, то он догадается о совместном нашем действии и не-будет идти так смело.

Венгры действительно шли довольно храбро и не обращали большого внимания на выстрелы румынской пехоты. Я в течение всей войны никогда не видел, такого быстраго и храбраго наступления австрийских войск против нас, как шли они против румын.

Я вызвал из резерва один эскадрон гусар и отдал его в распоряжение Командира румынской бригады, для распределения по ротам, кроме того, не смотря на протесты Пальшау, взял у него четыре гусарских пулемета и приказал поставить их в центральной румынской роте, которая, по кофигурации местности, была немного впереди остальных рот, но имела прекрасный обстрел. По ней, главным образом, противник и сосредотачивал свой артиллерийский огонь.

Командир бригады был действительно прав. Венгры, увидев среди румынских рот русских солдат и почувствовав сильный пулеметный огонь, уменьшили скорость наступления, а после полудня совсем остановились и начали окапываться.

Не смотря на это положение моего отряда было довольно серьезное. Румыны не были стойки в бою. Да на этот раз их особенно и обвинять нельзя было. Во-первых они только что начали войну, очутились без артиллерии, снаряжены и снабжены были из рук вон плохо. Кроме того противник наступал целой дивизией с полком кавалерии, против бригады румын и русскаго кавалерийскаго полка, а главное у него было доста точно не только полевой, но и тяжелой артиллерии.

Взвесив все это, я донес подробно в штаб русско-румынскаго командования и Командиру нашего коннаго корпуса, добавив, что надежды очень мало удержать город Паначи.

Ночью был получен ответ с указанием, если противник собьет мой отряд с занимаемой позиции, то отойти на тыловую, куда подойдет русская пехота. При чем добавлялось, отвести румынскую бригаду своевременно, дабы она не была окружена и вообще отошла-бы безболезненно и на первый раз не потеряла-бы окончательно воинский дух и способность к дальнейшим боевым операциям.

С ранняго утра противник повел наступление, но очень медленно. Его тяжелая артиллерия обстреливала наш тыл, вероятно с надеждой отыскать наш резерв и не дать ему подойти на помощь боевой линии.

К полудню некоторыя части неприятеля подошли на прямой выстрел к нашим окопам и румыны начали сильно волноваться и просили разрешения отступать.

Чтобы их успокоить я пошел в окопы в ту роту, к которой ближе всех подошел противник и через своего переводчика Поручика Папазова передал ей и всем ротам, что я подвел резервный батальон совсем близко к окопам и он будет направлен туда, где противник перейдет в штыковую атаку, тудаже подойдет и эскадрон кавалерии, взятый мною от Пальшау. Но я требую, чтобы роты держали окопы до вечера, а с наступлением темноты, вся бригада будет отведена на тыловую позицию, куда подойдет и русская пехота.

Прикрыть же отход бригады я прикажу кавалерии, которая редкой цепью займет передовыя румынския окопы и будет оставаться в них всю ночь.

До вечера противник пытался только в одном месте атаковать в штыки румынские окопы, но я послал туда резервный эскадрон и он вместе с румынами, при помощи пулеметнаго и ружейнаго огня, не допустил противника в окопы.

Вечером румынская бригада отошла на тыловую позицию, а перед разсветом отступили и гусары. Противник только к полудню занял покинутые нами окопы и дальше не продвигался, видимо за пять дней боев он устал также, как устали и мы.

За этот бой я получил румынский военный орден и грамоту румынскаго Короля, кои хранятся у меня и до настоящаго времени.

ГЛАВА XXV

На новой позиции я простоял лишь до вечера 14-го Октября, когда получил приказание немедленно выступить с полком на присоединение к своей дивизии т. к. 3-тий конный корпус должен перейти в район кряжа Трансильванских гор под названием Сабаза.

Вскоре подошли разведчики русской пехоты и сообщили мне, что их полки ночью подойдут к румынской бригаде.

Я передал об этом их Командиру и, распрощавшись с ним, перед разсветом выступил с полком в указанном мне направлении. Когда начало светать, то мы были уже на таком разстоянии от нашей позиции, что противник не мог заметить ухода полка, и, не зная о нашем отсутствии, не решился атаковать одних румын, чего особенно они боялись, до прихода русской пехоты.

Полку пришлось двигаться по шоссе, идущему по красивым скатам гор, румынской Трансильвании, недавно выстроенному и открытому румынским Королем, незадолго до об'явления войны Румынией центральным державам. Это шоссе имело большое стратегическое значение т. к. оно соединяет плодородную румынскую равнину с гористой ея частью и подходило к самой австро-румынской границе.

Население в этом районе крайне редкое, разстояния между деревнями довольно большое, а в горах попадаются лишь маленькие пастушьи домики, с широко обгороженными дворами, для загона скота и овец, на время зимних бурь.

Местность эта была крайне трудная для действия кавалерии. Крутые отроги гор, поросшие лесом и не имеющие совершенно никаких дорог, кроме узких тропинок, соединяющих пастушьи домики.

Население занималось рубкой леса и скотоводством, стада коих паслись почти круглый год и запасы сена были ничтожные, а зерна достать для лошадей было совершенно невозможно и приходилось подвозить овес из интенданских складов, на разстояние нескольких десятков верст, везя мешки по горным тропинкам на спинах лошадей, что крайне выбивало из сил конский состав полка.

Редкия деревни попадались только в долинах и равнинах, утопающия в садах и виноградниках, дающие прекрасные урожай фрукт и ягод. Виноградныя вина делались в каждом румынском даже бедном доме, а более зажиточные крестьяне и

помещики продавали сотни бочек разнаго вина.

Земля румынских равнин и долин крайне плодородная, где без всякаго удобрения и хорошей обработки произрастают в изобилии все злаки умереннаго климата. Особенно много сеют румыны кукурузы, из которой они приготовляют свое национальное блюдо, под названием мамалыга. Кроме того, кукурузой они выкармливают скот, свиней и птиц.

Имея столь плодородную почву и прекрасный климат, все же румынские крестьяне живут крайне бедно и в примитивных условиях.

Еслибы на румынской плодородной земле жили трудолюбивые немцы или чехи, то они были-бы зажиточные люди. Но бедность румынскаго народа была видна везде и всюду: в их домах, в их одеждах и во всей их жизни. Об'яснить это можно, с одной стороны, недостатком земли у крестьян, которая находилась в руках богатых помещиков и евреев, а с другой стороны — ленью румынскаго народа.

Румыны произошли от древних римских, легионов, кои были приведены Трояном, для защиты римской империи, от набегов северных племен. И до настоящего времени в Румынии сохранились еще остатки римских укреплений, под названием Троянов Вал.

Будучи потомками обленившихся и изнеженных римлян и смешавшись с местными племенами, а позже с цыганами, румыны приобрели их качества, как лень, беззаботность, музыкальность и веселый характер. Несмотря на войну в деревнях мы видели постоянное веселье и танцы девушек и парней, которые происходят на открытом воздухе, под звуки скрипки и бубен.

На румынскую женщину сильно повлияло 500 летнее турецкое владычество, она приобрела привычку гаремной неги, лени,безделья и наклонность. к пылкой свободной любви, присущей восточной женщине.

Ни в Польше, ни в Галиции или в Буковине и даже в веселой Венгрии мы не встречали столь любви обильных и падких к мужчинам женщин, как румынки.

Никогда не было так много романов и, по обоюдному согласию, связей между женщинами и русскими солдатами, как в Румынии.

Самая доступная женщина, для посторонняго мужчины это — румынка, не уступившая в этом даже еврейке.

Румынский мужчина, за редким исключением, неспособен на большия преступления, но цыганская привычка к мел-

кому воровству сильно распространена среди румынскаго населения.

Мужчины в Румынии по лени не уступают женщинам и если в России в году было праздников почти столько, сколько рабочих дней, то у румын их еще больше. Они также, как и русские крестьяне, празднуют всевозможные мелкие дни святых угодников, вроде Полупетра, Ивана купала, Илью холоднаго и много других праздников, оставшихся от языческих времен.

Прибыв в распоряжение нашего корпуса в районе Сабазы, я явился Начальнику дивизии Генералу Маркову.

«Вот и отлично, что ты пришел сегодня», сказал мне Марков, когда я вошел в его комнату, «ты вступи в сторожевое охранение. Твой полк свежий, а все остальные полки очень утомлены и нуждаются в отдыхе».

«Это, после пятидневнаго непрерывнаго боя и трехдневнаго похода, в котором участвовал полк, ты считаешь его свежим?» спросил я Маркова.

«Я знаю», ответил он, «но уверен, что ты заставил румынскую пехоту драться, а свой полк держал на отдыхе».

«Мой полк дрался не только наравне с румынами, но я возлагал на него еще более обязаностей, чем на них. Во-первых, я высылал его вперед румынской бригады, затем он дрался на общей позиции и наконец прикрыл отступление румынских полков на тыловую позицию», ответил я.

«Ну, это твоя вина, нужно было заставить румын работать, а гусарам дать отдых», опять сказал Марков.

«Я считаю войну нашим общим делом с румынами, поэтому все равно, кто выполняет задачу, русская армия или румынская, лишь-бы достигнуть общей цели и лучших результатов», возразил я.

«Ах, если ты такой справедливый и сердобольный к румынам, так и пеняй на себя», ответил иронически Марков.

Я еще больше его возненавидел, за его эгоизм.

Но к сожалению, нужно добавить, что большинство русских начальников, держались токого-же мнения, как и Марков. И вновь прибывшую часть, немедленно посылали в бой или в наряды, вместо своих частей.

Особено было неприятно смотреть, когда к кавалерии придавали пехоту, Не успеет она подойти, обыкновенно измученная, усталая, запыленная и потная, как уже говорят:

«А вот и свежая часть пришла».

И сейчас-же ее посылают в окопы или сторожевое охранение, а свои части отводят назад, на отдых.

Мне всегда было неприятно видеть такую несправедливость и когда мне присылали чужую часть, то я, по возможности, старался ее поставить в резерв или дать отдых, а свой полк оставлял впереди.

Закончив разговор с Марковым, я пошел к начальнику штаба дивизии Полковнику Сычеву и получил от него задание, где нужно поставить сторожевое охранение.

Противник занимал позицию по хребту гор, довольно далеко от места стоянки частей нашего корпуса, поэтому не было необходимости иметь сторожевое охранение в боевом порядке т. е. занимать цепями позицию, а можно было выставить нормальное, из застав и постов, с высылкой раз'ездов на фронт неприятеля, что мною и было выполнено.

На всем пространстве охранения не было ниодного жилья и пришлось людей и лошадей, как на заставах, так и в резерве держать под открытым небом. И только за центром охранения разведчики нашли очень маленькую избушку, без окон и дверей, в которой поместились ад'ютант и начальник полковой команды связи, с дежурным телефонистом. Ординарцы нарубили и притащили веток, из которых устроили шалаш, привязав лошадей к ближайшим деревьям.

Хотя шалаш был из веток, но все же защищал от прохладнаго осенняго ветра, где ординарцы, прижимаясь от холода друг к другу, отдыхали ночью.

Верстах в трех сзади находился сыроваренный завод какой-то иностранной компании, где выделывался сыр и прессовался в громадные круги, величиной почти равные мельничным камням и весившие более ста фунтов. Запас таких кругов был настолько велик, что в течение недели ими питался весь наш корпус и еще много осталось, после нашего ухода. Солдаты не только днем, но и ночью все время пили чай с сыром и хлебом.

Закончив свой обычный ночной обход сторожевого охранения, я пришел в штаб полка и выпив чаю, также с сыром, лег на скамейку отдохнуть.

После проведенных шести ночей, почти без сна, я быстро задремал и не помню сколько я проспал, как слышу крик:

«Они колоннами спускаются».

Я вскочил и направился к двери, будучи уверен, что противник колоннами спускается с гор и у меня уже роились мысли, что предпринять против этого.

В это время Поручик Слезкин зажег спичку и, показывая на стенку, сказал: «Смотрите, какая их масса спускается».

Я увидел кучи клопов, спускающихся вниз по стенке на скамейку Слезкина, на которой он лежал. Оказалось, что Слезкин, почувствовав укусы, зажег спичку и крикнул, что клопы спускаются колоннами, от чего я проснулся.

Рано утром, по телефону мне передали приказание, немедленно прибыть в штаб корпуса к Графу Келлер, оставив в охранении своего заместителя.

«Вероятно, опять куда либо нас пошлют, раз так экстренно Вас требует Командир корпуса», сказал, кто-то из штабных офицеров, когда я садился на лошадь.

Под'езжая к штабу корпуса, я встретил Гр. Келлер, гуляющаго около штабного дома.

«Пойдемте ко мне в комнату, у меня есть к Вам дело», сказал Граф, подымаясь со мной по ступенькам крыльца в его квартиру.

Мы вошли в маленькую комнатку, в которой вдоль длинной стенки стояла походная брезентовая кровать, у окна небольшой столик, с разложенными на нем военно-топографическими картами Румынии и разнаго рода полевыми донесениями и приказаниями. У столика стояли два громадных стула, вероятно принесенные из школы, снятые с кафедры учителя.

«Сегодня прибыла в наш корпус сотня казаков конвоя Его Величества, под командой Полковника Ф. Киреева, для участия в боях», начал говорить Граф, когда мы уселись на эти высокие стулья.

«Конечно, нужно было-бы прикомандировать эту сотню к одному из наших полков и послать ее в бой наравне с остальными эскадронами, но я получил письмо от такого лица, которому отказать не могу и вынужден, вопреки моему убеждению, выполнить просьбу изложенную в этом письме т. е. дать прибывшему Полковнику самостоятельную боевую задачу, чтобы после боя можно было его представить к большой награде».

«Из штаба армии есть указания, попытаться взять высоты в направлении деревни Бельбора, при чем оговорено, что эту позицию брал пехотный полк, но был отбит противником с большими потерями; следовательно если пехотный полк не мог взять, указанной позиции, то для кавалерии придется послать целую дивизию, да и то мы будем иметь меньше спешанных стрелков, чем пехотный полк».

«Я решил создать особый отряд, взяв от каждой дивизии по одному полку и назначить Полковника Киреева начальником этого отряда. Но он никогда не участвовал в боях и доверить ему пять полков я не могу. Следовательно мне приходится взять опытнаго Командира полка, который будет фактически начальником отряда, а Киреев будет числиться лишь номенально».

«И вот я попрошу Вас взять на себя эту неприятную обязанность и я надеюсь, что Вы сделаете это для меня, хотя Полковник Киреев младше Вас, и по производству и по должности, но Вы сделайте вид, что Вы ему подчиняетесь, а сами командуйте отрядом и действуйте по Вашему усмотрению, помня, что хотя Вы официально не ответственны, как начальник отряда, но морально Вы останетесь виновным при неудачных действиях», так закончил свое долгое повествование Гр. Келлер.

«Я не люблю этих «гастролеров», много я видел их в японскую войну. Приедет из Петербурга, накуралесит и скроится, а в столицу является с боевыми наградами и разсказывает небылицы о его боевых подвигах, но для Вас, Ваше сиятельство, я все сделаю, что от меня будет зависеть», ответил я.

«Я Вас понимаю», добавил Граф, видимо увидив недовольное выражение моего лица, «но я Вам скажу по-секрету. Письмо я получил от Государыни и должен выполнить ея просьбу, против моего убеждения и желания, а этих «Гастролеров» я и сам ненавижу».

«Когда прикажите начать действие?» спросил я Графа.

«Когда сделаете разведку и все будет готово, доложите мне, куда и когда прислать Вам полки. Кроме того прибыла к нам мотоциклетная рота в составе 250 человек, я придам ее к Вашему отряду. Это значительно усилит Ваши стрелковыя цепи», ответил Граф.

«Эта рота вот уже несколько дней, как прибыла и ничего не делает, Вы можете ее взять сейчас-же и поставить в сторожевое охранение, а гусарам дайте отдых перед боем. Только смотрите будьте осторожны с мотоциклистами. Они набраны из городского Петербургскаго населения, очень мало воински обучены и плохо дисциплинированы, а главное еще никогда не были в бою», добавил Граф.

Вернувшись на фронт, я сменил полк мотоциклетной ротой, отправил его на отдых, оставив при роте достаточное количество гусар руководить мотоциклистами в сторожевом

охранении, при разведке и в бою, а сам начал производить подробную рекогносцировку неприятельской позиции.

Сабаза представляла собой большой горный кряж с пологим скатом в нашу сторону. Почти весь кряж был покрыт большим, густым лесом и только пространство не более версты по фронту было безлесное и совершенно открытое, на котором виднелись неприятельские окопы и проволочныя заграждения.

К счастью, гусары разведчики захватили несколько человек пленных, оказавшиеся гренадерами германской гренадерской дивизии, благодаря которым удалось установить присутствие на этой позиции немцев.

Кроме того от них мы узнали, что на открытом пространстве горнаго хребта, находится три полевых укрепления. В центре — круглое сомкнутое, занятое немецкими гренадерами, а по бокам полукруглыя, слабее укрепления и занятыя венгерскими войсками.

Ужасный случай произошел, во время допроса мною пленных немцев, о котором нельзя не упомянуть.

Закончив допрос, я приказал одному гусару и одному мотоциклисту отвести их в штаб корпуса, а сам пошел в хижину, чтобы написать донесение. Не успел я пройти несколько шагов, как услыхал нечеловеческий крик и стон, а затем шум закричавших гусар и мотоциклистов, собравшихся посмотреть на немецких солдат, коих мотоциклисты еще никогда не видели.

Я оглянулся и увидел раздирающую душу картину: На земле лежал немецкий гренадер, у котораго из живота фонтаном вверх била кровь, а перед ним стоял молодой лет 19-ти мальчишка — мотоциклист, спокойно вытеравший тряпкой кровь со штыка своего ружья.

Я вернулся узнать в чем дело. Оказалось, мотоциклист, воспользовавшись моим уходом, выскочил из толпы и с криком:

«Ну-ка, посмотрим, как русский штык полезет в немецкое пузо», вонзил свой штык в живот несчастнаго гренадера.

Не только меня, но и многих солдат страшно возмутил этот случай; многие гусары и даже мотоциклисты кричали: «Позвольте его здесь же разстрелять?»

«Этот мотоциклист недостоин быть солдатом. Он убил обезоруженнаго солдата германской армии и этим опозорил русское оружие и хорошее имя русских храбрых, но с добрым сердцем, солдат».

«Этот мерзавец недостоин даже разстрела, его бы следовало повесить на этом дереве. Но я не могу делать самоуправства и напишу рапорт по начальству, о предании этого разбойника военно-полевому суду за убийство, на театре военных действий, за что он будет разстрелян», сказал я солдатам, а затем обратившись к мотоциклисту спросил его: «За что ты убил этого невиннаго человека?» Он защищал свою родину, как честный солдат, а ты ни за что лешил его жизни и может быть осиротил его детей».

«Да», ответил другой пленный немец, говорящий по-русски, «наш комрад оставил в Германии жену и детей и сегодня, когда мы были взяты в плен он говорил:

«Я был на французском, русском, итальянском, сербском и теперь на румынском фронте и Бог спас мою жизнь молитвами моей жены и маленьких детей. После плена я опять вернусь к своей дорогой семье».

«А вот, нашел свою могилу в русском плену», закончил немец свой разсказ и заплакал.

Прослезились многие гусары и мотоциклисты, смотревши на корчившагося от боли, умирающаго гренадера.

Я взглянул на убийцу и, к удивлению своему увидел, что и он плачет. Видимо по природе он не был злой человек, а сделал это по молодости юношеских лет, просто из азарства, желая показать, вот мол постмотрите, какой я молодец.

Окончив разведку неприятельской позиции, я подробно донес Командиру корпуса, излагая, что взятие такой позиции, сопряжено с большими трудностями. И единственная надежда на успех, это, демонстрируя с фронта, обойти флаги позиции и с налета атаковать противника.

В ответ на мое донесение Гр. Келлер сообщил мне, что завтра 18-го Октября в мое распоряжение пришлет четыре полка, две конных батареи и конвойную сотню с ея командиром, как «начальник отряда», который утром 18-го Октября привел свою сотню к пастушьему домику, где находился штаб гусарскаго полка на время сторожевого охранения, но полки и артиллерия прибыли лишь к полудню.

Когда все части собрались, я сказал « начальнику отряда», что до позиции противника около 5-ти верст, а сейчас уже 12 часов дня и пока мы подойдем и займем исходное положение, для атаки, то начнет темнеть, а преизводить атаку ночью в лесу, особенно обходящими фланг противника частями крайне затруднительно и наступление будет обречено на неуспех.

Поэтому лучше сегодня занять только исходное положение, дать полкам ориентироваться, продвинуть обходящие части, как можно дальше, до наступления темноты, а с разсветом начать атаку.

«О нет, нет», ответил мне Киреев, «мы сюда присланы на короткое время, нас ожидают, мы там крайне необходимы и без нас обойтись долго не могут, мы должны, как можно скорее, вернуться назад. Нам срок дан всего лишь три недели».

«Пой, Ласточка, пой», подумал я, «говори ты басни кому-либо другому, но я прекрасно знаю, что не так в тебе там нуждаются, как ты хочешь показать, а главное улизнуть отсюда поскорее; ведь здесь стреляют прямо в людей, а не в мишени. И если-бы я не обещал Гр. Келлер, то я предоставил бы тебе командование и делай, что хочешь».

«Если Вам дан срок три недели, то одна ночь ничего не значит», ответил я.

«Нет, нет, мы должны сегодня произвести атаку. Вы пожалуйста, командуйте боевой линией, а я останусь здесь в этой хижине, в резерве со своей сотней», заявил мне Киреев.

У меня даже злость изчезла, при таких словах, я увидел, что это был гастролер чистой воды, который приехал на фронт, для того только, чтобы постоять в резерве и вернуться в Петербург с боевой наградой.

Ничего не ответив, я сел на лошадь и приказав полкам и батареям двигаться за мной, поехал в направлении позиции противника. Меня догнали несколько казаков из конвойной сотни и начали просить взять их в боевую линию.

«Помилуйте», говорили они, «мы проехали более 2000 верст, чтобы побывать в бою, а стоя здесь, не только пули, но и снаряда не услышишь, для чего же нам тогда нужно было сюда приезжать».

«Я с удовольствием Вас возьму с собой, но Вы спросите разрешение Вашего командира сотни», ответил я казакам.

Они вернулись назад, а затем галопом, с радостными лицами, догнали меня.

«27 человек нас, желающих отпустил Командир сотни принять участие в настоящем бою», доложил мне взводный урядник, конвойной сотни. (Взводный урядник у казаков соответствует, взводному унтер-офицеру в кавалерии).

«Вот и отлично», ответил я, «что Вы пожелали побывать в бою. война бывает один раз в жизни солдата, и приехав на фронт не участвовать в бою — стыдно, особенно казаку, традиционному бойцу».

«Так точно», сказал один из конвойных казаков, «вернешься в станицу и если там узнают, что был на фронте и пули не слыхал, то бабы засмеют».

И так я важно в сопровождении 27-ми казаков, Конвоя Его Величества, под'ехал к своему наблюдательному пункту, выбранному мною на возвышенности, под широко развесистым дубом, для наблюдения за предстоящим боем.

Спешившись в долине, я послал ординарцев, передать приказание Командирам полков и батарей, обогнать колонну и прибыть к моему наблюдательному пункту.

Заметив, что конвойцы держат лошадей открыто в долине, я приказал им спрятать их в кусты.

«Поставьте братцы Ваших коней скрытно», сказал я, «а то, хотя мы и стоим за горой, но неприятель может увидеть нас откуда-нибудь сбоку или с аэроплана и открыть артиллерийский огонь».

Не успели казаки завести их лошадей в лес, как послышались два артиллерийских выстрела, а за ними просвистели два снаряда, один клюнул в землю, близко за нами, но не разорвался, а другой перелетел дальше и лопнув, засыпал шрапнельными пулями большое пространство земли, ранив лошадь ординарца.

Казаки сняли папахи и, прекрестившись, сказили:

«Слава Богу. Бог благословил нас на бой благополучно».

Вскоре под'ехали, вызванные мною Командиры полков и батарей.

Первое, я приказал им, сделать распоряжение полкам остановиться скрытно в лесу и ожидать приказаний, Затем я разсказал Командирам, возложенную на нас задачу. По карте указал, где находится неприятельская позиция, которая имеет три полевых укрепления, — центральное сомкнутое, занятое, по показанию пленных, немецкой пехотой и два полукруглых боковых, занятых венгерскими войсками, четверо из них были, разведчиками гусарскаго полка, взяты в плен.

«А как, относительно неприятельской артиллерии?» спросил Командир батареи.

«Пленные сказали, что артиллерия на этой позиции есть, но где она стоит и сколько ее, они не знают. За время моей стоянки в сторожевом охранении и рекогносцировки позиции, артиллерия противника стреляла очень редко. И я думаю, что на этот раз, он не имеет много орудий; во всяком случае у него не были обнаружены тяжелыя пушки», ответил я.

Затем я распределил, где и как каждому полку действо-

вать, при чем указал, что ввиду принадлежности полков к разным дивизиям, они должны сами снестись со своим начальством, по вопросу снабжения их патронами, продовольствием и фуражем.

Гусарский полк, как вооруженный штыками, а также мотоциклетную роту и конвойных казаков я назначил, для обхода праваго фланга противника и атаки несомкнутаго укрепления.

Два Кубанских и один Терский казачий полк я назначил, для атаки с фронта и один терский казачьий полк оставил в резерве.

Я конечно, понимал, что взятие этой позиции, без разрушения укреплений нашей артиллерией невозможно. Единственная надежда, это на нашу обходную колонну.

Правый фланг неприятельской позиции упирается в густой и большой лес и этим путем можно было выйти почти к крайнему укреплению и атаковать его с тыла.

Такия инструкции я дал начальнику обходной колонны.

Предупредив его, что одно укрепление занято немецкой пехотой и что выбить их будет не так то легко, как австрийцев Тем более, что мы первый раз сталкиваемся с немецкими войсками и не привыкли ни к их тактике, ни к их приемам.

(У меня в дневнике не отмечено, кто тогда был начальником колонны и сейчас я этого точно не помню, но кажется Подполковник Барбович).

Изчерпав все вопросы, я сказал, что на этом месте будет устроена гусарами центральная телефонная станция, в которую должны включить свои телефоны все части отряда, а гусарам протянуть телефоны на мой наблюдательный пунк и соединить хижину, где находится Полковник Киреев, со станцией.

Закончив все распоряжения, я скрытно взобрался на свой наблюдательный пункт, сказал командирам частей, поочередно подыматься ко мне.

Первым пришол Командир батареи. Скрываясь за стволом толстаго дуба, мы с ним в бинокли тщательно высмотрели расположение неприятельской позиции, места нахождения укреплений и характер подступов. Оттуда Командир батареи наметил место для своих орудий и артиллерийскаго наблюдательнаго пункта.

Командирам полков я указал места исходнаго положения каждаго полка, куда они должны привести свои спешенные части, спрятав коноводов в лесу, около протекающаго ручья. Приказал среднему казачьему полку наступать прямо на цент-

ральное укрепление, а остальным двум казачьим полкам, при наступлении равняться по среднему полку.

Достигнув высоты горы, где оканчиваются кусты, цепям остановиться, залечь, открыть пулеметный и ружейный огонь и стараться окопавшись, удержаться на этой линии пока обходная колонна не выйдет на хребет и не атакует укрепления с тыла, тогда только идти в атаку на помощь гусарам. Но до этого, казакам не бросаться в штыки, дабы не понести тяжелых потер и не быть отбитыми.

Тем более, что у казаков не было штыков. Нельзя не отметить печальный факт недальновидности инспектора кавалерии и атаманов казачьих войск, кои не вооружили казаков штыками в мирное время, зная по опыту русско-японской войны, что казаков придется пускать в атаку в пешем строю, не только наравне с кавалерией, но даже с пехотой.

Я неоднократно видел в течение рус.-яп. войны, когда казаки спешили один перед другим, скорее соскочить с лошади и подобрать, утерянный пехотой, штык. Уж из этих фактов было видно насколько казаки нуждались в штыке. И все же им не дали его перед Мировой войной.

Во время прохождения старшаго курса официрской кавалерийской школы, нам читал лекции профессор генеральнаго штаба Генерал Елчанинов, по истории конницы, когда он сказал, что, как только, начали конницу вооружать огнестрельным оружием, она стала терять кавалерийский порыв и чаще спешиваться, для стрельбы, вместо действия холодным оружием в конном строю, тогда я встал и спросил Елчанинова:

«Не думаете ли Вы, господин профессор, что при современном скорострельном огне и при частом применении казаков для действия в пешем строю, необходимо им дать штыки?»

«Елчанинов строго посмотрел на меня и с видом порицания , как это я осмелился возразить заслуженному префессору военной академии, сказал:

«Казакам не только, что ненужно давать штыков, но необходимо отобрать и винтовки, чтобы заставить их действовать только в конном строю холодным оружием. Ведь, казаки Суворова с одними пиками взяли турецкую первоклассную крепость Измаил, обнесенную высокими стенами».

Из ряда лекций мы пришли к заключению. что наша профессура военной академии, — кабинетные теоретики, живущие столетними традициями времен Суворова и Наполеона.

Пока полки подошли в конном строю и спешались, а затем продвинулись лесистыми склонами гор к местам исходнаго положения, день начал клониться к вечеру. Особенно много взяло времени, для гусарскаго полка добраться по мало проходимому лесу к месту, откуда ему назначено было начать обходное движение.

Батареям тоже пришлось долго провозиться, пока они нашли подходящия места, для закрытых позиций и начать пристрелку.

Я придерживал начало наступления полков, поставленных для фронтовой атаки, пока не получил донесение от обходной колонны, о ея выдвижении вперед на значительное разстояние и пока наша артиллерия не начала беглым огнем обстреливать неприятельскую позицию.

После этого только весь фрон двинулся в наступление.

Часа через два гусары привели партию пленных, среди которых были: Командир эскадрона гусарскаго венгерскаго полка Ротмистр Граф ДЭАК и Командир роты гренадерскаго германскаго полка, фамилия котораго мною не записана. Они были высланы с их ротой и эскадроном, для охраны праваго своего фланга и находились в лесу, куда подошли разведчики гусарскаго полка, нашей обходной колонны, кои доложили об обнаруженном неприятеле.

Обходная колонна продолжала наступать.

После небольшой престрелки, гусары бросились в штыки и выбив противника с его передовой позиции, заняли ее и взяли пленных, во главе с их Командиром немецкой роты и венгерскаго эскадрона. При чем, гусары, приведшие пленных, разсказывали, что немецкий офицер, уходя, долго отстреливался из револьвера, а затем схватил брошенную немецкую винтовку, и начал было отбиваться штыком, но был обезоружен гусарами и взят в плен.

Венгерский Граф Дэак был взят в плен в окопах, из которых не успел выскочить.

Их показания подтвердили те сведения о противнике, кои мы добыли от пленных, взятых накануне, поэтому, после короткаго с ними разговора, я передал этих офицеров Поручику Кульбах, для дальнейшаго подробнаго допроса.

Вскоре поступило второе донесение от обходной нашей колонны, в котором сообщалось, что хотя еще не наступил вечер, но густой лес настолько усиливает темноту, при которой совершенно невозможно ориентироваться и продолжать наступление.

Пока я читал донесение, телефонист доложил о соединении телефоном штаба гусарскаго полка с моим наблюдательным пунктом. Воспользовавшись этим, я передал приказание начальнику обходной колонны прекратить наступление и оставаться на взятой линии до разсвета.

Полки, наступающие с фронта, достигли опушки леса, где были встречены из неприятельских укреплений, сильным пулеметным и ружейным огнем, понесли значительные потери и сообщили о невозможности дальнейшаго наступления.

Я ответил им приказанием, также до разсвета оставаться на занятой линии и начать наступление, только по получении от меня приказания, т. к. я хотел, чтобы обходная колонна имела больше времени выйти вперед перед полками, наступающими с фронта. Но чтобы не нести потерь в течение ночи, я посоветовал им, оставив разведчиков на линии вырытых окопов, остальных людей отпустить назад в лес, куда не достигают неприятельския пули.

Обо всем я сообщил Полковнику Кирееву и послал донесение Графу Келлер.

Ночь наступила очень темная и холодная, а затем начал подыматься густой туман. От всех полков поступили просьбы о разрешении разложить костры, т. к. люди при наступлении вспотели, а когда остановились, то неожиданно потянуло сильным холодом и солдаты дрожат, как в лехорадке.

Шинели же оставлены на седлах при коноводах и не во что одеться.

Ввиду того, что все части отряда, включая и коноводов находились в лесу, то неприятель мог увидеть только зарево от огня, где горят костры, но кто и сколько около них находится, определить он не будет в состоянии, поэтому я разрешил зажечь костры.

В лесу было много валяющагося сухого дерева и через некоторое время запылали огни, пламя коих быстро выросло и обратилось в общее зарево, как-бы, горевшаго громаднаго леса.

Коноводы разложили также костры. Конныя части всегда занимают большия пространства и получилось впечатление, что сзади нас стоят биваком громадные резервы.

Я остался на ночь на наблюдательном пункте, под своим развесистым дубом. Невдалеке от меня расположился Кульбах с пленными офицерами, кои, выпив русскаго чаю

с хлебом, крепко уснули, прижимаясь один к другому от холода.

Позже мне Кульбах разсказал историю о пленных офицерах.

Граф Дэак был крупный землевладелец и служил в венгерском полку. Он говорил, что когда русские бросились на них в штыки, то один из гусар хотел его заколоть но другой, отстранив раз'яреннаго товарища, взял, на смерть перепуганнаго, Графа Дэак в плен.

«В течение всей моей жизни, никогда не забуду, страшные глаза гусара, направившаго на меня штык и то мое переживание, когда смерть встала перед мною. Один момент и я был- бы заколот, но человеческий поступок другого гусара, спас меня от смерти, за что я весь век буду ему благодарен и всегда буду его вспоминать», сказал Граф Дэак.

Утром он с большою благодарностью попрощался с нами и был в восторге от первых шагов русскаго плена, добавив, что он попал, как в рай, после жестокаго боя и переживания во время штыковой атаки русских.

Уходя он пригласил нас приехать к нему в гости после войны в его за́мок в Венгрию. Затем он обратился ко мне с просьбой, сделать ему отдолжение и назначить в число, сопровождавшаго их конвоя, гусара, спасшаго ему жизнь.

На мое согласие он откланялся и бодро зашагал за впереди идущим, конвойным солдатом.

Другой пленный офицер, оказался совершенно иного характера. Это был типичный немецкий тевтон, грубый, заносчивый, держал себя, не только непринужденно, но скорее вызывающе.

Разсказывал, что он был иструктором в турецкой армии и был русскими взят в плен на кавказком фронте, но ему легко удалось бежать и он уверен, что убежит вторично т. к. русские солдаты крайне небрежно несут службу в караулах и убежать от них совсем нетрудно.

Я послал в штаб корпуса особое донесение о характеристике обоих пленных офицеров, с целью предупредить, чтобы за германцем был установлен более строгий надзор.

К утру туман сгустился настолько, что в десяти шагах ничего нельзя было видеть.

Еще при разговоре с Командиром корпуса, при обсуждении возложенной на меня этой задачи, я пришел к безповоротному заключению, что взять эти укрепления, мож-

но лишь случайно с налета, ударом обходной колонны, т. к. разбить их двумя конно-горными батареями положительно было невозможно.

Идея такого решения оставалась все время в моих мыслях, поэтому меня ни-чуть не смутил поднявшийся густой туман, а наоборот, он меня подбодрил. Из практики на себе испытанной я знал насколько неожиданная атака, да еще в темноте, в тумане, в снежную бурю или проливной дождь, потрясающе действует на моральное состояние обороняющагося. Во-первых, нельзя определить в каких силах неприятель атакует, а во-вторых невидно насколько действителен наш огонь. Вот почему внезапныя атаки чаще имеют успех нежели постоянныя.

Следуя своему решению, я перед разсветом вызвал начальника обходной колонны и приказал ему немедленно и как можно быстрее наступать, соблюдая полную тишину, дабы неожиданно ударить в тыл противника.

Отдав это приказание, я пошел к казакам и сделал распоряжение всем трем полкам построится в две линии.

В первую разсыпать сотни в густую цепь, а за нею шагах в ста развернуть вторую линию в сомкнутом двух-шереножном строю.

Указал командиру центральной сотни точное направление и приказал ему с помощью его офицера и трех заказков разведчиков, взять компаса и по ним двигаться, в указанном направлении, которое вело прямо к центральному неприятельскому укреплению.

Всем остальным полкам равняться по средней сотне, а резервному полку двигаться не дальше 200 шагов сзади второй линии.

Несмотря на мое строгое напоминание Командирам полков соблюдать полную тишину, все-же при движении такой массы ног, происходит шум. То трещали под ногами сухия ветки и сучья, то сбитые камни катились вниз и производили грохот, который в лесу, да еще в горах, при тихой погоде, усиливался в несколько раз.

Вскоре противник, вероятно, услышав этот шум, открыл артиллерийский огонь. Но его снаряды неслись очень высоко над нашими головами и рвались, где то далеко в лесу сзади нас.

Неприятель не видел, из-за тумана, целей и стрелял лишь, для моральной поддержки своей пехоты.

Пока казачьи полки принимали боевое положение, я

получил телефонное донесение начальника обходной колонны, где он сообщал об успешном его продвижении и о встрече небольшого сопротивления со стороны редких цепей противника, разсыпанных в лесу.

«Неприятель отходит на хребет, а гусары с мотоциклистами подвигаются по его пятам», добавил он.

После этого я приказал наступать казачьим полкам.

Туман был настолько густой, что казаки должны были держать один другого за руки, дабы не оторваться.

Цепи казаков быстро достигли опушки леса, до которой они доходили вчера ночью и продвигались дальше по открытому склону, в направлении центральнаго неприятельскаго укрепления.

В тумане я ничего не мог видеть со своего наблюдательнаго пункта, а чтобы ближе быть к атакующим полкам, я пошел за ними, шагая со своими ординарцами, между цепями и резервом.

Телефонисты несли за мной телефонную катушку, протягивая кабель от центральной станции, благодаря чему я был все время связан со всеми частями моего отряда.

Вскоре противник открыл из окопов пулеметный и ружейный огонь. Казачьи цепи остановились и в свою очередь начали стрелять в сторону противника.

Благодаря туману неприятель не видел нас и его пули свистели то над нашими головами, то хлопали в землю, и почти не наносили нам потерь.

Ясно, что при таком положении выстрелы казаков также не могли принести никакого вреда противнику, сидящему в укреплениях, поэтому я приказал поднять цепи и двигаться вперед безостановочно.

Через некоторое время, вдруг, грянуло громкое «ура» левее нас. Мы догадались, что «ура» доносится к нам от нашей обходной колонны. Я сказал телефонистам вызвать гусарский полк; это им удалось сделать довольно быстро, и я получил информацию о выходе обходной колонны на хребет, но в тумане они не могли определить на какой пунк хребта вышли гусары т. е .между укреплениями или левее их.

Узнав об этом, я приказал обходной колонне, оставив на перевале два эскадрона с пулеметами, остальным двигаться вниз за перевал.

Вскоре опять грянуло «ура». Оказалось гусары, не ожидая приказания, двинулись дальше и гнали перед собой отступающаго противника.

Казаки, воодушевленные успехом гусар, повели быстрое наступление.

Я очень беспокоился за казаков, кои наступали прямо на центральное сомкнутое укрепление, занимаемое немцами. Зная стойкость германской армии, я боялся, что они подпустят наши цепи непосредственно к проволочному заграждению и открыв усиленный огонь, нанесут казакам тяжелые потери.

Но мое военное счастье не оставило меня и на этот раз. Неприятельский огонь постепенно стал уменьшаться, а затем совершенно замолк, да и сама природа мне благоприятствовала. Туман быстро поднялся и весь горный хребет был ясно виден.

Казаки оказались у самых проволочных заграждений, а гусары уже успели занять фланговое неприятельское укрепление, занимаемое австрийцами. Немцы, узнав об оставлении австрийцами фланговаго укрепления и услыхав русское «ура» у себя в тылу, тоже оставили свое центральное сомкнутое укрепление.

Таким образом вся позиция, с тремя укреплениями, была занята нами, при незначительных с нашей стороны потерях. Главную роль сыграла в этом бою обходная колонна, которую составлял гусарский полк. А в ней особенно отличился Штабс-Ротмистр Гурский. Он со своим эскадроном первый двинулся за перевал и преследуя противника, так далеко ушел, что с налета занял деревню Бельбор, в двух верстах в тылу неприятеля, чем и заставил немцев очистить цантральное укрепление. За столь доблестныя действия, я представил Гурскаго к Ордену Св. Георгия.

Я опять обо всем подробно донес Гр. Келлер и копию послал Кирееву. На мое донесение Командир корпуса приказал мне, все казачьи полки и одну батарею вернуть на их стоянки, а с гусарским полком и одной батареей занять и удерживать взятыя нами укрепления. Кроме того он мне прислал еще несколько эскадронов кавалерии нашей дивизии, для усиления гусарскаго полка.

После этого я еще простоял на этой позиции дня три. Противник нас не беспокоил. Мы уничтожили проволочное заграждение и зарыли окопы в нашу сторону и приспособили укрепления в сторону противника.

За это время произошло два случая, благодаря которым я лично чуть-чуть не пострадал по своей вине.

Я очень любил взять с собой двух или трех ординар-

цев и выйдя вперед нашей позиции, избрать, где-либо возвышенность, откуда лучше всего было видно неприятельское расположение и наблюдать, что там делается. Особенно меня манила горная даль, красота видов с больших высот и мне все хотелось взобраться выше и выше и видеть больше и лучше.

Сказав ад'ютанту о своем уходе мы ушли из укрепления, прошли наше проволочное заграждение, спустились по склону вниз в долину и осторожно начали подыматься опять на гору.

Осенний день был солнечный и тихий, В лесу лежало на земле много опавших желтых листьев. Ступая на них, ноги скользили, что затрудняло под'ем на крутые скаты гор.

Неопавшие листья приняли зелено-желтоватый цвет; трава засохла, а цветы осыпались и только оголенные стержни с клочками белой цветочной выты покачивались, как седые старики.

Несмотря на полуденное время, солнце низко шло по южному горизонту. Чувствовалось приближение холодов и предстояла третья зима тяжелой войны, да еще в безлюдных горах Румынии.

Выйдя на гору мы увидели, что впереди ея стояла более высокая гора, закрывающая расположение неприятеля, поэтому я решил перейти на ту гору.

Поднявшись на вершину, я сказал ординарцам лечь отдохнуть, а сам принялся в бинокль разсматривать впереди лежащую местность. Ординарцы спустились немного вниз и, растянувшись под деревом, крепко уснули.

Почти час я наблюдал неприятельские окопы, построенные на склонах гор и опушках леса. В окопах виднелись только часовые, а за окопами подымались маленькие дымки, вероятно выходящие из труб походных кухень.

Как-то невольно я оглянулся налево назад и внезапно увидел человек семь неприятельских разведчиков в германских касках, скрытно пробирающихся к дереву, где спали мои ординарцы.

Я вскочил и побежал к спящим, крича на ходу, чтобы они вставали, но ординарцы так крепко спали, что не слыхали моего голоса. Тогда я раза два выстрелил из револьвера, но и это их не разбудило, пока я не подбежал и не толкнул одного из них, самаго храбраго и спокойнаго ординарца, моего земляка, уроженца Тарашанскаго уезда, Полтавской губернии, старшего унтер-офицера Коваленко.

Он спокойно поднялся, протер глаза и спросил: «Чо-о-Го-о?»

«Вставайте скорее, немцы бегут на нас», громко сказал я.

«ДЭ-Э?» опять спокойно спросил Коваленко.

Я показал на бегущих немцев. Коваленко медленно взял винтовку и, толкнув ногой другого ординарца, сказал: «Подымайся, будэм стреляты по нимцям».

На огонь моих ординарцев, немецкие разведчики, разсыпались в цепь и, упав на землю, открыли стрельбу. Их пули осыпали лужайку вокруг дерева, где мы находились. Затем они поодиночке стали перебегать в нашу сторону.

«Ну, тэпэр, трэба тикаты ;бо их богато и воны нас залапають до плину», сказал Коваленко, а затем, обратившись ко мне, добавил, «Вы бижить попереду. а мы будэмо охраняты Вас позадку, бо як воны нас переймуть, то нэхай нас заберуть, а то нам будэ стыдко, як нимцы захоплять нашего Командира полка».

Мы побежали с горы вниз; заметив это, немцы пустились нам наперерез. Но будучи тяжело нагруженными амуницией, (мы ничего на себе не имели, кроме моего револьвера и винтовок у ординарцев), они быстро стали от нас отставать и, видя, что мы удаляемся, залегли и начали нас опять обстреливать.

Мы сбежали в долину и встали за деревья.

«Вы идить на гору, а мы будэмо отстрелюваться, покий Вы зайдэтэ за верхушку», сказал опять Коваленко.

Я взошел на гору, за мной поднялся другой ординарец, а Коваленко все время стрелял в немцев, не давая им возможности спокойно обстреливать нас. Затем Коваленко, закинув винтовку за спину, пошел к нам на гору. Немцы усиленно стали его обстреливать.

Подойдя ближе к нам, он стал раком и, хлопая рукой себя по задней части, сказал: «Тэпэр на, паршивый нимец, цилься сюды».

Мы оставались на горе и следили за немецкими разведчиками. На выходку Коваленки, немцы погрозили в нашу сторону винтовками и пошли назад, а мы начали спускаться в долину, которая проходила у подножья склонов возвышенности, где находились занятые нами неприятельские укрепления.

Не успели мы сойти в долину, как группа наших разведчиков выскочила из-за кустов и разсыпавшись в цепь, залегла и готова была нас обстрелять. Мы начали им делать

знаки. Офицер посмотрел в бинокль на нас и, подняв свою цепь, повел ее нам на встречу.

Он был крайне сконфужен, когда увидел меня.

«Извините Г-н Полковник, за этот случай. Мы вышли в ночную разведку, встретили дневную, возвращающуюся назад. Они нам сообщили, что в некоторых местах видели немецких патрулей».

«Я был уверен, что впереди нет никого из наших и принял Вас за неприятеля. Узнать было трудно, т. к. заходящее солнце светило прямо нам в глаза», сказал он в свое оправдание.

«Мабуть, сегодня Пьятныця, що чертяка нас лякае», сказал совершенно серьезно Коваленко.

Вернувшись в укрепление, я даже не сказал ничего офицерам штаба полка о своих приключениях, считая неудобным разсказывать о том, что я по своей вине чуть-чуть не попал в пленк немцам.

Как то вечером меня потребовали в штаб корпуса. Граф Келлер принял меня в той же комнате, в которой я говорил с ним перед Бельборским боем.

«Вы знаете, что командующий 9-ой армией Генерал Лечицкий не верил, что бы одна кавалерия могла овладеть не только укреплениями на возвышенностях гор Сабазы, но и деревней Бельбор, и потребовал подтверждения, посланнаго мною донесения.

На мое повторение он ответил телеграммой», сказал Граф и передал мне ее, для прочтения.

Телеграмма заканчивалась следующими словами:

«ТО, ЧТО НЕ МОГЛА СДЕЛАТЬ ПЕХОТА, СДЕЛАЛА КАВАЛЕРИЯ».

ЛЕЧИЦКИЙ.

(Смот. 38-ю страницу книги).

«А теперь полюбуйтесь вот этими донесениями», опять сказал Граф, передавая их мне.

Оба донесения были подписаны полковником Киреевым. Одно отправлено вечером 18 Октября, в котором было написано:

«ПЯТЬ КОННЫХ ПОЛКОВ, СОСРЕДОТОЧЕННЫХ ПОД КОМАНДОЙ ПОЛКОВНИКА ЧЕСЛАВСКАГО, УСПЕХА НЕ ИМЕЛИ».

ПОЛКОВНИК КИРЕЕВ.

Второе было отправлено днем 19-го Октября и гласило:

«ВВЕРЕННЫЙ МНЕ ОТРЯД, ПОД МОИМ ЛИЧНЫМ РУКОВОДСТВОМ, АТАКОВАЛ И ВЗЯЛ УКРЕПЛЕНИЯ НА ВЫСОТАХ САБАЗЫ И ДЕРЕВНЮ БЕЛЬБОР».

ПОЛКОВНИК КИРЕЕВ.

«Мы пахали», сказал я, возвращая Графу донесения Киреева.

«Но, ведь, он же из лесу его пугал», ответил иронически Граф и добавил, «я Вас сердечно благодарю, за прекрасно выполненную, возложенную на Вас задачу. Я отлично все знаю, кто, где и что делает. Ко мне приезжают офицеры и солдаты и все подробно мне разсказывают.

От меня не ускользнет ни одна мелочь, происходящая в 10-ой кав. дивизии. Я знал, что Киреев просидел в пастушьем домике и даже не потрудился побывать на позиции. Я очень рад, что в мою дивизию, за время всей войны, прислали только одного гастролера. Ну, вечная ему память. Забудем это. А вот, у меня есть для Вас очень приятныя новости:

Командир 2-ой бригады 10-ой кав. дивизии, Генерал Тимашев, назначен Начальником Оренбургской казачьей дивизии.

Я представил Вас к производству в Генерал-Маиоры и просил дать Вам освободившуюся бригаду и получил ответ, что Командующий 9-ой армией, Генерал Лечицкий, написал о Вас прекрасный отзыв, а Командующий румынским фронтом, Генерал Щербачев, одобрил это представление и отправил его в главный штаб, для отдачи Высочайшаго приказа.

Слава Богу «Баштаннаго деда» нет и Вы останетесь в своей дивизии. Довольно уж он покормил Вас Высочайшими благоволениями».

Действительно я получил Георгиевское Оружие, по постановлению Георгиевской Думы и все очередныя боевыя награды, включительно до Ордена Св. Владимира 3-тей степени с мечами. Но все представления, сделанныя Командиром 3-го коннаго корпуса, Графом Келлер, к производству меня в генералы были заменены Командующим Юго-Западным фронтом, Генералом Ивановым, в отместку Графу, двумя Высочайшими благоволениями и Высочайшим подарком.

Затем Граф Келлер мне сказал, что мы недолго простоим здесь, т. к. германская армия, под командой Генерала Макензен, переброшена на румынский фронт и наступает на Бухарест и нам придется двинуться туда, на помощь румынам.

Я вернулся на позиции и через несколько дней по-

лучил приказание немедленно оставить взятыя укрепления и двигаться с полком в город Яссы, где сосредотачивается весь 3-тий конный корпус, куда уже прибыл румынский Король из Бухареста, со своей семьей и все румынское правительство, а также масса беженцев с Юга Румынии, с мест занимаемых немецкой армией.

Я был доволен скорее оставить, занятыя нами, укрепления, т. к. я находился в них с одним полком в десяти варстах впереди всего корпуса.

Неприятель мог перейти в контр наступление и обойти мою позицию также, как сделал и я, а имея достаточно войск, ему легко было-бы окружить мой полк со всех сторон, чего я побаивался и был в тревожном настроении все дни пребывания в этих укреплениях. К счастью противник держался пасивно и мой полк покинул благополучно эту позицию.

О судьбе этих укреплений я не имел сведений и не знаю были-ли они заняты нашими войсками или неприятелем.

ГЛАВА XXVI.

29-го Октября 1916-го года я повел полк через г. Котау в направлении города Яссы.

К этому времени произошло довольно много перемен в офицерском составе полка.

Ротмистра Селиванов и Лихолет были произведены в Подполковники. Штаб-Ротмистр Дунин-Жуховский и Поручик Шереметьевский поступили в авиационныя школы. Полковой Ад'ютант Штаб-Ротмистр Слезкин был взят в штаб дивизии, а вместо него я назначил полковым Ад'ютантом, хотя молодого, но прекраснаго офицера, Корнета Эсипова.

Штаб-Ротмистр Васецкий вступил в командование эскадроном; братья Трегубовы оба эвакуировались в тыл. Младший из них был хороший офицер, но его старший брат, довольно видный и красивый, но с грубым и нахальным характером офицер, покоритель дамских сердец в мирное время, на войне оказался никуда не годным. В бою не умел собой владеть, под разными предлогами скрывался в тылу, то по болезни, то по каким то командировкам, а когда вступил в командование эскадроном, то на него нельзя было совершенно положиться и выполнял он свои обязанности, только на глазах начальства и то из под палки, а в то же время был с большой притензией на получение боевых наград.

Как-то после одного из боев, он приносит мне четыре не-

приятельских пулемета и рапорт о награждении его Орденом Св. Георгия.

Продолжительным наблюдением за время войны я хорошо изучил характер, способности, а главное боевыя качества всех офицеров моего полка и при представлении к боевым наградам усиленно поощрял достойных и был очень осторожен с такими, как Трегубов.

В рапорте его было написано, что при наступлении, он со своим эскадроном бросился на неприятеля и, штыками выбив его из окопов, взял четыре действующих пулемета, что предусматривается статутом о награждении Орденом Св. Георгия, к которому Трегубов и просит его представить.

Зная «храбрость» Трегубова я весьма скептически отнесся к его подвигу и на основании того-же статута назначил строгое разследование.

Участники этого боя показали, что при наступлении никакой штыковой атаки не было. Неприятель был выбит из окопов нашей артиллерией и уходя оставил пулеметы, кои бездействовали и были подобраны гусарами.

Узнав об этом неофицерском поступке Трегубова, я все разсказал Графу Келлер и доложил ему, о своем намерении удалить Трегубова от командования эскадроном. Граф прочел внимательно все свидетельския показания и приказал не только удалить Трегубова от командования эскадроном, но дать ему предписание, немедленно покинуть полк.

Трегубов этим не смутился, уехал в запасный полк, где устроился, как в мирное время и даже, мне не официально разсказывали, что он занялся торговлей лошадьми.

Я продолжительно остановился на этом примере, чтобы показать слабость системы бывшей в нашей армии по отношению к таким офицерам, как Трегубов. Не хотел воевать, — устроился в тылу.

И даже такой строгий начальник, как Граф Келлер и тот ограничивался отправлением таких офицеров в тыл, вместо того, чтобы переименовать этих типов в чиновники или разжаловать в рядовые, о чем я неоднократно упоминал в своей книге. Тогда-бы не было офицеров, скрывающихся в тылу, занимающих офицерския вакансии и выезжающих на плечах хороших офицеров.

Те, кто протянули лямку всей войны в строю, вполне согласятся с моим мнением, а тыловые и ресторанные герои, будут меня крайне критиковать.

Во время похода на Юг Румынии прибыли в полк молодые офицеры, выпущенные из ускоренных курсов кавалерийских училищ.

Насколько мне помнится явились в полк, Корнеты: Сиришевский, Лопырев, Янкович и Князь Амилохвари.

Полк двигался усиленным маршем и присоединился к своей дивизии в раионе города Яссы.

Отсюда весь 3-ий конный корпус двинулся на Юг через всю Румынию к Бухаресту.

Мне кажется, что та часть Румынии, по которой нам пришлось двигаться от Ясс до Бухареста, составляет лучшую полосу этой страны.

Громадная плодородная равнина, простирающаяся от Чернаго моря до Трансильванских гор и от реки Прута до Дуная, изобилует всеми земными благами, как произростающими, так и ископаемыми и является жемчужиной Румынии.

Залежи каменнаго угля и нефтяные источники находились во многих местах этой полосы.

Необозримыя поля кукурузы и других хлебных злаков, а также табачныя плантации виднелись во всех направлениях.

Селения утопали в чудных фруктовых садах и виноградниках.

Вина были такие большие запасы в каждом бедном и богатом доме, что Командиру корпуса пришлось отдать приказ квартир'ерам выливать найденное вино в канавы, дабы солдаты, проходящих частей, не напивались пьяными.

На некоторых стоянках вино было вылито в реку, в таком количестве, что вода превращалась в красный цвет.

Становится странным, почему румынские крестьяне имея такую плодородную почву и прекрасный климат, все же живут крайне бедно. Я уже писал, что если-бы поселить на эту землю трудолюбивых немцев или чехов, то они превратили-бы эту местность в земной рай.

Население Румынии, как простое, так и интеллигентное мало симпатичное, негостеприемное и скупое. Наши солдаты часто жалели, об уходе из Австрии, особенно из Буковины и говороли.

«В Австрии, куда не зайдешь, хозяйка сейчас-же старается чем-нибудь накормить, до подхода наших кухонь, несмотря на то, что у самой продуктов не хватало, а здесь еще войны не было, всего вдоволь, а угощают только водой с вареньем».

И действительно, в Румынии в какой-бы дом Вы не заш-

ли, бедный или богатый, немедленно хозяйка выносит на подносе стаканы с водой и вазу с вареньем, угощая пришедших.

Иногда весь день идешь ничего не евши, приходишь голодный, мокрый и замерзший. Хочется с'есть хотя кусок хлеба и выпить чашку горячаго чаю, а Вам предлагают холодную воду с вареньем.

Но в любви румынки были очень щедры.

Мы шли по той дороге, где некогда маршеровал Гениралисимус Суворов, одерживая победы над турками. В Рымнике-Серат ему поставлен большой памятник.

По этой же дороге проходила русская армия на войну с Турцией, в 1877-1878 годах; многие жители помнили это и говорили нам, что они видели проходящую тогда русскую армию. Один старик даже уверял, что в его доме останавливался в те времена русский Император Александр II.

В некоторых городах приходилось видеть арестованных румынами, при об'явлении войны, немецких и австро-венгерских цивильных подданных, с которыми румыны обращались довольно сурово.

Помню, по дороге между городами Яссы и Бакэо Командир корпуса, Гр. Келлер, вызвал к себе Командиров полков на совещание в штаб корпуса.

Везвращаясь назад, догонять полк по большой дороге было очень трудно т. к. на юг двигались русския войска, а навстречу ехали румынские обозы и бежннцы, отступающие от немцев. Я сказал шоферу, ехать кружным путем.

Спускаясь с горы к одному селению, где красовалась помещичья усадьба с большим домом, мы встретили трех прехорошеньких, молодых, изящно одетых женщин.

Автомобиль шел очень быстро и нам не удалось даже полюбоваться этими тремя грациями.

Под'езжая дальше на всем пути до селения попадались, то в одиночку, то парами или даже группами, такого же сорта женщины.

Сначала мы думали, что это беженцы с юга Румынии, которых помещик приютил в своем большом доме, но посредине селения, одна из таких женщин остановила нас и обратилась с просьбой на русском языке:

«Все эти женщины, которых Вы видете, были артистки оперных и других театров, а также фешенебальных Кафэ-Шантанов, выступавшия на сценах Бухареста и других ру-

мынских городов. Но так как мы австро-венгерския подданныя, то румынское правительство, при об'явлении войны, всех нас арестовало и посадило в тюрьму.

Мы подали заявление испанскому консулу, защищавшему интересы германо-австрийских подданных и просили его облегчить наше положение. Он выхлопотал нам перевод в концентрационный лагерь». Нас разместили в помещичьем доме, по крестьянским хатам и дают по леи в день на стол. Здесь наша жизнь улучшилась. Мы можем свободно гулять и находимся лишь под надзором 12-ти румынских жандармов. Они за деньги все нам позволяют».

«Сколько же Вас здесь находится?» спросил я.

«Более двухсот», ответила она, а затем продолжала.

«Среди нас имеется несколько полек и галичанок из Кракова и Львова. Все мы говорим по русски, а я и еще одна артистка бывали до войны в России и выступали в театрах, как в Москве и Петербурге, так и в других городах, включая Владивосток.

Возмите нас в автомобиль и вывезите из этого лагеря, в какой-нибудь город, оттуда мы проберемся в Галицию, занятую русскими войсками. Мы уплотим жандармам и они нас выпустят».

«Извините, но в этом я Вам помочь не могу», ответил я.

«Почему?» удивленно, спросила она и добавила. «Недавно, сюда заехали Ваши солдаты, кавалеристы покупать фураж. Две артистки попросили их, помочь им выбраться из этого лагеря. Солдаты посадили их на телегу, закрыли сеном и вывезли так удачно, что даже жандармы не знали».

«Видете», сказал я, «что простительно сделать солдату, то недопустимо офицеру.

«Я понимаю Вас», возразила она, «Вы предполагаете, что мы можем быть шпионками. Но для этого нет никаких оснований. Мы были в стране, не принимавшей участие в войне. Затем сидели в тюрьме, а теперь находимся в лагере, где ничего не видим и если вырвемся отсюда, то переедем опять в ту часть Галиции, которая занята русскими. Пройти через два фронта невозможно».

«Все это так, но помочь в этом я, к сожалению, Вам не могу», ответил я, в категорической форме.

Пока мы вели полемику, наш шофер, что-то мастерил с мотором, а затем заявил, что дальше ехать нельзя, т. к. во время вчерашняго дождя, вода попала в какия-то трубки.

Выкачать эту воду невозможно и придется ждать, пока она испарится.

Говорил-ли шофер правду или врал, я проверить не мог, не зная устройства мотора и нам пришлось примириться с его доводами и остановиться в этом селении.

«Вот и прекрасно, зайдите к нам отдохнуть, пока шофер поправить автомобиль», сказала наша новая знакомая артистка и добавила, «Очень жаль, мы не можем Вас угостить ужином т. к. у нас, кроме молока и хлеба, ничего нет».

«Да и мы при себе ничего не имеем, но я, думаю, здесь можно купить кое-что», ответил я.

«О, конечно, лишь-бы были деньги. Позовите жандарма он все достанет, а мы приготовим ужин», оживленно сказала артистка.

«Лучше, я дам деньги Вам, а Вы уж имейте дело сами с жандармами», проговорил я, вручая ей деньги.

«А насколько человек приготовить ужин?» спросила она.

«Да еслибы со мной был полк, то мы распределили-бы Вас всех по эскадронам и накормили-бы из походных кухонь, но сейчас Вы приготовьте на нас двух, на шофера и его помощника и на Вас четверых, кто понимает по русски», ответил я.

«Прибавьте еще на двух венок и двух венгерок», сказал мой спутник добавляя денег, «я много слыхал о талантах артистов этих наций, но мне не приходилось никогда их видеть или слышать».

«Видимо нашей артистке, польке не понравилось это добавление, но все же она ответила:

"Dobrze, my możemy to zrobić".

Два жандарма поскакали за продуктами, а часа через два, мы уже сидели за столом разукрашенном цветами, в компании восьми артисток, приготовивших нам прекрасный ужин.

Наша полька чувствовала себя хозяйкой, распределила места за столом так, что я очутился сидящим между нею и ея подругой, а мой спутник между артистками галичанками. Венок же и венгерок она посадила подальше с шофером и его помощником.

Жандармы постарались достать не только продукты и вино, но привезли даже ликеры.

Обе артистки все время разсказывали мне о тех незаслуженных мытарствах и притеснениях, кои им пришлось перенести от румын, после об'явления Румынией войны Австрии

и Германии. Они вспомнили сидение в тюрьме, в темных и душных камерах, переполненных арестованными; об отвратительной, выдаваемой им пище, о грубом обращении тюремной администрации и т. д.

Видимо артистки своими разсказами, хотели вызвать во мне к ним больше сочувствия и этим сыскать расположение и мое согласие вывести их из лагеря. Заметив мое уклонение от этого вопроса, они начали усиленно подливать мне вина и уговаривать выпить с ними. Мое заявление о моей трезвости, вызвало у них недоумение, недоверие и подозрение.

«Я не могу представить, чтобы молодой русский, кавалерийский полковник, не мог выпить вина хотя-бы столько, сколько пьет слабая женщина», сказала мне моя соседка.

«Спросите моего спутника, и он подтвердит Вам, что я почти ничего не пью», сказал я.

«А как велико Ваше «почти»? спросила меня соседка слева.

«Я могу выпить две-три рюмки вина, не больше», был мой ответ.

Две-три рюмки при обычной обстановке, а в такой веселой компании, как мы имеем сегодня и в обществе таких красивых артисток, Вы можете выпить больше», сказала она, добавив по-немецки, «Нихт вар?»

«При всякой обстановке, я больше не пью», ответил я.

«Ну, чтобы было веселее, мы что нибудь споем для Вас, что Вам нравится?» спросила, немного похмелевшая, артистка.

«Я люблю цыганские романсы, например: Очи черныя», ответил я.

«Очи черныя, очи ясныя,
Как люблю я Вас распрекрасныя»
....
....

Запела наша артистка полька, чистым, молодым, звучным, но мягким и приятным голосом, выговаривая душещипательныя слова романса с польским акцентом. По манере петь, вибрации голоса, переходам от мажера к минору, можно было сразу определить, что она была талантливой и опытной артисткой.

Венгерка окомпанировала ей на гитаре, а все артистки вместе подпевали слова хора.

Это пение унесло мои мысли далеко на Родину, в Петер-

бург и Москву, где в ресторане «Медведь» или «Вила Роде», а также в московском «Яре», при чудной обстановке, среди разодетой фешенебельной публики, приходилось слышать пение тех-же романсов и те-же слова и мотивы, что наши артистки пели и здесь, но при совершенно другой обстановке.

В небольшой крестьянской хате, у составленных из досок столов, не накрытых скатертями, на школьных скамейках, вместо мягких кресел, при двух керосиновых лампочках, взамен блестящаго электричества, в потрепанных походных мундирах и амуниции, сидели мы среди талантливых артисток, но одетых в постоянныя поношенныя платья, не для сцены.

Порывистый, осенний, холодный ветер завывал в трубе и в оконных щелях, а ноябрьский дождь, смешанный с градом стучал по маленьким стеклам окон.

А теперь я Вам спою Вашу военную песню», заявила наша артистка и запела:

Где гусары прежних лет?
Где гусары коренные,
Председатели бесед,
Собутылники лихие?

....
....
....
....

А теперь, что слышу я,
Все Жомини, да Жомини,
А о водке ни полслова!»

Заканчивая последний стих, артистка укоризненно взглянула на меня.

«Да, мы мало говорим теперь о водке, но деремся на поле брани не хуже наших предков, коренных гусар», возразил я на взгляд певицы.

(Жомини был ученый теоретик, стратегии и военнаго искусства).

Так мы, незаметно, просидели за обедом часа три. Услыхав довольно «веселый» и громкий разговор нашего шофера и его помощника, я спросил не высохли-ли трубки в нашем автомобиле?

«Я сейчас пойду посмотрю», ответил шофер, выходя из хаты.

«Высохли, но и опять намокли от начавшагося дождя», доложил, вернувшийся шофер.

«Я думаю, что трубки высохли, а Вы порядочно намокли», сказал я ему.

«Так точно Г-н Полковник, немножко и я подмок», ответил шофер.

«Ну, так давайте собиремся уезжать, а то мы все здесь «размокнем и ослабеем», сказал я шоферу.

Все артистки в один голос запротестовали нашему скорому отезду.

«Разве гусары, когда-нибудь, уезжали так рано с вечеринок и оставляли одних артисток? За всю мою жизнь на сцене этого никогда не было», сказала наша полька.

«Это было мирное время, а теперь мы на войне и наша жизнь совершенно другая. Сейчас мы должны быть все готовы ко всему, каждую минуту. Война дело серьезное и опасное. Долгое отсутствие начальника из части или несвоевременное прибытие может повлечь за собой, какое-нибудь недоразумение в полку», возразил я, и добавил:

«Знаете русскую пословицу, «Без хозяина и товар плачет».

«Но неприятель, ведь, далеко, говорят где-то еще за Бухарестом, это несколько сот лилометров отсюда, а полки Ваши идут походом, как в мирное время. Вы их можете догнать утром, вместо того, чтобы ехать ночью в бурю под дождем», старалась нас уговорить любезная артистка.

«Военные не должны бояться даже пуль, а буря, дождь и холод не могут нам служить препятствием», ответил я, вставая из-за стола и прощаясь с нашими новыми, театральнаго мира, знакомыми.

«И так Вы стоите на своем и не хотите нас выевзти из этого ужаснаго места», сказала полька, артистка, задерживая мою руку, при прощании.

«Я хочу, но, при всем моем желании, не могу этого сделать», ответил я.

«О, какой Вы упрямый человек!» безнадежно, проговорила она и мы, распрощавшись, уехали.

«О замокших трубках», конечно, была выдумка шофера. Мотор работал прекрасно и машина шла без всякой задержки, несмотря на шедший проливной дождь. Ему просто хо-

телось пробыть некоторое время в компании артисток, для этого нужно было найти какую-нибудь причину.

Такой-же лагерь мне пришлось еще раз встретить, в северной части Румынии, это было значительно позже, когда я уже был назначен Командиром бригады 10-ой кавалерийской дивизии и мы уходили из Румынии в Бессарабию.

В состав моей бригады входил 10-ый гусарский Ингерманландский полк, которым я командовал всю войну, и 1-ый Оренбургский казачий. Шли мы тогда далеко от фронта и было разрешено полкам двигаться, каждому самостоятельно.

Я ехал тогда со своим штабом, кажется, Поручиком Эсиповым, Слезкиным и Кульбахом, когда мы и встретили, такой -же лагерь с арестованными артистками, центральных держав. Но на этот раз я спешил и мы лишь несколько минут поговорили с пленницами и уехали дальше.

ГЛАВА XXVII

Часам к трем ночи мы догнали нашу дивизию, ночующую в одном из маленьких городов. Все спало непробудным сном, после продолжительнаго похода и только полевой караул остановил нас, при в'езде в город, для проверки, да дневалные на коновязях иногда покрикивали на дерущихся лошадей.

В штабе полка я прочел приказ, о выступлении завтра в поход в 7 часов утра, поэтому осталось только часа два до под'ема полка и я прилег не раздеваясь отдохнуть, а в 5 часов меня разбудил деньщик. Наскоро умывшись и выпив чаю, мы двинулись в путь.

По главной дороге шла наша дивизия, при которой ехал Командир корпуса со своим штабом. Правее и левее нас по параллельным дорогам шли Донская и Терская казачьи дивизии.

Шли форсированным маршем, делали большия переходы и двигались почти без дневок. Конский состав положительно выбился из сил. Много лошадей от изнеможения падали на землю и не могли всать. Приходилось их бросать. Тяжело было смотреть на этих милых и благородных животных, безпомощно лежавших на земле, провожая умным и умоляющим взглядом уходящих, как-бы спрашивая:

«Куда-же Вы уходите и бросаете меня усталую, умирать в поле, на мокрой земле, под дождем, от холода и голода?»

И правда, разве это трудящееся животное не заслужило трех-летней работой на войне, лечения и спасения от голодной смерти. Но война грозна и безпощадна для всех.

Мы спешили идти все дальше и дельше на помощь румынской армии и не имели возможности, облегчить страдания ослабевших и лишившихся сил лошадей.

Гусары снимали седло с упавшей лошади и подкладывали ей под голову соломы или сена. Очень часто эти лошади, отлежавшись и отдохнувши начинали есть оставленное ей сено, набирая понемногу сил вставали на ноги: Таких лошадей обычно подбирали местные жители, но большинство из них гибло на месте падения.

Трупы этих несчастных погибших животных можно было видеть на многих дорогах, где проходили войска, во время войны.

Наш путь, из ЯСС в БУХАРЕСТ, шел через города БАКЭУ, ФОКШАНЫ, РЫМНИК-СЕРАТ и БУЗЭУ.

Чем дальше мы двигались на Юг, тем больше дороги были запружены обозами румынской армии и телегами беженцев.

При движении в Румынии также, как в Австрии и Англии, принято держаться левой стороны дороги. В России же, как и в остальных странах мира, мы держались правой стороны, что еще больше затрудняло наше движение. И хотя приказ штаба Русско-Румынскаго командования требовал при встрече румынских войск с русскими расходиться держась вправо, что и выполняли румынские строевые полки, но их обозы, особенно беженцы никак не могли привыкнуть идти по правой стороне дороги, поэтому нам пришлось посылать вперед разведчиков, кои встречая румын все время кричали: «ДРЕПТА, ДРЕПТА», что означало вправо, вправо.

И пока их обозы переезжали на правую сторону дороги, это занимало много времени и наше движение замедлялось.

Между Фокшанами и Рымником-Серат меня потребовали в штаб румынскаго фронта, для участия в Думе Георгиевских Кавалеров и мне пришлось, к сожалению, оставить полк и вернуться назад, поэтому в дальнейшем движении к Бухаресту, мне не пришлось участвовать, а встретил я опять свой полк, когда наш корпус отступил назад к Фокшанам.

Об этом походе и боях мне разсказали мои офицеры следующее.

28-го Ноября пройдя город Бузэу корпус подошел к Бухаресту на 24 километра, достигнув дер. Фульга. В это время немецкая армия, Генерала Макензена, соединившись с болгарской и турецкой армиями окружила Бухарест, и находящаяся там румынская армия частью попала в плен, частью прорвалась на север.

Генерал Макензен выдвинул авангарды трех своих армий к северу от Бухареста, вдоль болотистой полосы.

Граф Келлер решил ударить в конном строю на немцев и прорвать их фронт.

Донская казачья дивизия, наступая левее 10-ой кавалерийской, попала в трясину болота, где понеся значителныя потери, отошла назад, благодаря чему пришлось наступление коннаго корпуса прекратить.

В свою очередь, Макензен, всеми тремя армиями, сам перешел в наступление. В центре шли немцы, а по бокам их поддерживали турецкая и болгарская армии.

По отзывам наших солдат и офицеров, болгары и турки, воодушевленные немцами, дрались очень храбро.

Корпусу Графа Келлера приказано было прикрывать отступление румынской армии.

Шаг за шагом отступая к северу, корпус сдерживал наступление немцев, давая возможность румынам отступить спокойно.

В бою 29-го Ноября были убиты два гусарских офицера, Корнеты Рубанов и Червоный, а также несколько гусар.

С 4-го на 5-е Декабря гусары ночевали в деревне Рашиор в 20-ти километрах от города Бузэу, где горели эапасы нефти Английской компании. Англичане разрушили приспособления, для добычи нефти, а запасы подожгли, дабы они не попали в руки немцев.

В своих записках германские Генералы Макензен, Фон-дер-Марвиц и даже Людендорф упоминают, с сожалением, об этом пожаре.

К средине Декабря наш корпус отступил к городу Фокшаны, где я и встретил свой полк, вернувшись после окончания заседания Георгиевской Думы.

Вскоре у Фокшан позицию заняла подошедшая русская пехота, а наш корпус отвели в раион города Текучи и поставили в резерв.

К этому городу подошли также другия русския кавалерийския дивизии. Среди них даже прибыла Уссурийская конная дивизия, под командой Генерала Крымова, котораго я знал еще по Русско-Японской войне, когда он в чине Капитана генеральнаго штаба служил в штабе 4-го сибирскаго корпуса Генерала Зарубаева.

В Июле месяце 1904-го года, к югу от железнодорожной станции Та-ши-чао, в деревню Танчи, я был вызван в штаб 4-го сибирскаго корпуса на совещание перед предстоящим боем.

Доклад сначала делал начальник штаба корпуса. Но он делал это вяло, не уверенно, часто сбивался или путал расположение частей корпуса, в конце-концов, предложил Крымову закончить доклад.

Крымов кратко, но определенно выяснил цель совещания, детально указал расположение корпуса и предстоящия его действия на случай наступления японцев. Было видно что все оперативныя дела корпуса находились в руках толковаго Капитана Крымова.

В результате деятельности Крымова 4-ый сибирский корпус отбил все атаки японцев и вынужден был отступить лишь, благодаря создавшейся стратегической обстановке всей русской армии в Манджурии.

Как я уже писал в начале моей книги, Приморский драгунский полк входил в состав Уссурийской конной дивизии, из котораго я был произведен в Полковники с переводом в 10-ый гусарский Ингерманландский пол, незадолго до начала Мировой войны, поэтому мне крайне приятно было встретить моих сослуживцев, дорогих мне приморцев и узнать о их судьбе.

20-го Декабря 1916-го года я сильно заболел. Значительно поднялась температура и опухло горло. Хата, где я жил, не отапливалась, было довольно холодно и полковой врач посоветовал мне поехать в обоз 2-го разряда, где имеется отапливаемый дом и там полечиться.

Когда я приехал в обоз и поместился в указанной мне доктором комнате, ко мне зашел обозный гусар и доложил, о стоявшем в следующем дворе румынском обозе, где румынские обозные солдаты уже третий день не поят и не кормят своих лошадей.

Когда же гусары спросили румын, почему они, так небрежно относятся к лошадям, то последние ответили:

«Мы хотим заморить совсем обозных лошадей, чтобы они не могли везти, тогда нас больше не поведут в поход, а оставят в тылу с больными лошадьми».

Узнав об этом, я послал переводчика, сказать румынским обозным солдатам, немедленно начать кормить несчастных замученных лошадей, а если они этого не сделают, то я сейчас-же пошлю за румынским командиром.

Румыны лениво повели своих лошадей на водопой и дали им овса и сена, но ночью они тихонько переехали, куда-то, в другой двор, видимо недовольные моим соседством.

На другой день посетил меня полковой священник О. Василий Копецкий и, как всегда, принес новости.

Он разсказал мне о получении штабом нашего корпуса сведений, об убийстве Григория Распутина, при чем убийство совершили Великий Князь Дмитрий Павлович, двоюродный брат Государя, Князь Юсупов, женатый на племяннице Николая II-го и член Государственной Думы Пуришкевич.

Батюшка просидел у меня довольно долго с которым я много говорил о текущих событиях

«Наконец-то нашлись решительные люди и убрали из Царскаго Двора этого авантюриста позорившаго долгое время Императора и его семью», сказал О. Василий, а затем спросил, «Я никак не могу понять, как мог Государь допустить такого проходимца во Дворец и позволить ему вмешиваться не только в семейные дела царской семьи, но и влиять на управление государством?»

«Мне пришлось видеть лично Распутина, только один раз», ответил я.

Это было в 1907 году, когда я проходил курс офицерской кавалерийской школы в Петербурге. В одно из Воскресений я, с несколькими офицерами, поехали в Петергоф, полюбоваться знаменитыми фонтанами этого города.

Мы вошли в парк и сели на скамейку. Вскоре рядом с нами уселся, какой-то тип, одетый в русскую короткую поддевку, в широкия плисовыя штаны и высокие сапоги. На голове у него был надет помятый картуз.

Начало уже темнеть и было трудно увидеть выражение лица, этого человека заросшаго длинной бородой. Но общий вид его напоминал, стоящаго за стойкой, кабатчика, трущебнаго трактира.

С ним были две, фешенебельно одетыя, молодыя светския дамы. По виду, разговору и манере держаться, можно было в них сразу узнать женщин, принадлежащих к петербургскому высшему обществу, кои совершенно не гармонировали, к находящемуся среди них типу кабатчика.

Говорил он грубым, простым, но уверенным голосом, на диалекте совсем простого человека, не стесняющагося в самых вульгарных выражениях.

И когда я спросил, сидящаго со мной Ротмистра, постояннаго состава офицереской кавалерийской школы, Далматова, что это за тип сидит с дамами, он ответил мне, что это Распутин.

Далматов часто фотографировал царскую семью и знал Распутина.

О Распутине в народе ходили всевозможные слухи, о его поведении, влиянии на Государыню и т. д., но более точныя данныя о нем, я слыхал от своего Командира полка, Флигель-ад'ютанта, Князя Долгорукова, когда он командовал 3-м драгунским Новороссийским полком, в котором я служил в городе Ковно, о чем я писал на странице 270 моей книги.

Князь Долгоруков с детства был близким другом Госуда-

ря Николая II-го, с ним воспитывался и всю свою службу провел при Дворе, и, конечно, знал подробно жизнь царской семьи.

Он мне разсказывал, что о Распутине было много прибавлено. Как вел себя Распутин на стороне, Долгоруков не интересовался, но точно знал почему Распутин был принят во Дворце и как он там себя держал.

По его словам у Наследника Цесаревича Алексея была наследственная болезнь, перешедшая к нему от немецкаго королевскаго Дармштатскаго рода, через его мать, бывшую Принцессу Дармштацкую. Болезнь эта называется гемофилией и заключается в недостаточном свертовании крови, вследствие чего, при малейшем ударе по коже начинается безостановочное кровотечение. Этой болезней страдал единственный сын Государя Алексей.

Самые высокие знаменитости и специалисты этой болезни, врачи разных стран, были приглашены в Петербург, для лечения Наследника, но ни один из них не мог остановить сочившуюся из его ноги кровь.

До царской семьи дошли слухи, что в Сибири проживает монах, который своим внушением может остановить кровь у Наследника.

Слухи оправдались. Вызванный к Наследнику монах Григорий Распутин своим внушением, в короткое время, остановил кровотечение у Наследника, иначе говоря, он сделал то, чему не могли помочь самые лучшие мировые специалисты.

Конечно, это вызвало в царской семье большое доверие к лечебной силе Распутина. Особенно Государя убедило в этом следующее обстоятельство:

Под влиянием лиц говорящих ему о вредной деятельности Распутина, Государь отправил этого моноха домой в Сибирь. Не успел Распутин проехать и половину пути, как здоровье Наследника ухудшилось и никто ему не мог помочь, пока не вернули Распутина обратно.

«Вернувшийся Распутин», сказал мне Князь Долгоруков, «прошел к больному и провел с ним более часу, затем вышел, перекрестился и сказал Государыне, что завтра Наследнику будет лучше. И действительно на другой день у него не только перестало кровотечение, но Наследник мог встать с кровати. «Я тогда дежурил при дворце и лично видел эту сцену», добавил Долгоруков.

Ясно, видя факты на лицо, Государь вполне убедился в

лечебной силе Распутина и несмотря на все доводы и уговоры, не отпускал больше Распутина и от времени до времени призывал его во Дворец, когда Наследнику становилось хуже.

Кроме того, Государыня была внучкой английской Королевы Виктории, воспитывалась в Англии в религиозном духе, впоследствии обратившаяся в фанатичку, что и вызвало у нея, признание в Распутине чуть-ли не святости.

Войдя в полное доверие царской семьи, этот хам начал пользоваться именем Государыни, которая не могла ему ни в чем отказать и влиял на государственных деятелей, кои, боясь попасть в опалу Двора, выполняли нелепыя требования Распутина.

«Вот все, что я слыхал о Распутине». сказал я О. Василию.

«Все это так, но почему Государь позволил Распутину вмешиваться в государственныя дела?» спросил священник.

«Я с Вами вполне согласен. Распутин мог быть принят царской семьей, это частное семейное дело Государя, но допускать его влиять на государственныя дела, это была колоссальная его ошибка. Этим он подорвал свой авторитет в русском обществе и дал в руки врагов России и существующаго у нас строя, козырь, которым они пользуются, для устройства революции», ответил я.

« Ну чтож, пусть устраивают революцию, я лично против этого ничего не имею, станет лучше всем жить в России», сказал О. Василий Копецкий.

«А чем Вам плохо живется, батюшка?» сказал я, «Вы получаете жалованье почти 400 рублей в месяц, а расходы имеете крошечные, работы, как у священника кавалерийскаго полка, у Вас очень мало. Риск же пострадать на войне совершенно ничтожный.

Что-же Вы еще хотите и чем Вы недовольны и почему желаете революции в России?

Я понимаю желание, какого-нибудь, беднаго рабочаго иметь революцию, но Вам желать нельзя, Вы знаете историю революции во Франции и ея тягчайшия последствия для всего народа, несравнимыя ни с какими потрясениями любой войны.

Вы знаете, что в начале революции, главари опираются на толпу самых низких элементов с их низменными человеческими пороками, включая убийц, коим революция открывает ворота тюрьм. Полное беззаконие творится во всей стране. Всякий доставший оружие и примкнувший к революции, чи-

нит суд и расправу, не только над своими противниками, но и над всеми, кто им не понравится или от кого они могут поживиться.

А духовенство и офицерство, как основа существующаго строя, страдают в первую очередь.

При Вашем положении желание революции, только показывает характер русскаго народа, критикующий все и вся и никогда и ничем не бывающий довольным.

Не революция нам нужна, а эволюция, прогресс и реформы. Мы очень отстали в техническом отношении от Европы и Америки и на это должно быть обращено в России самое серьезное внимание.

А начинать революцию во время войны, когда враг стоит у ворот, это безсмыслие, если не сумасшествие. И желать этого, могут только враги России».

Батюшка внимательно выслушал меня, задумался, а затем сказал,

«Неужели Вы думаете, что революция коснется и таких мелких людей, как мы с Вами?»

Не только нас, но и миллионов, мельче нас», ответил я.

Наш разговор был прерван приехавшим моим ад'ютантом и привезшим мне приказание Графа Келлера, прибыть всем частям корпуса, завтра 24-го Декабря 1916 года к 6-ти часам утра на сборный пункт и построиться на поле южнее города Текучи.

Доктор советовал мне, не вести полка самому,, а побыть еще несколько дней в отведенной мне комнате, т. к. температура у меня была еще довольно высокая, чувствовалась сильная головная боль и слабость организма, но я опасался, что полк может уйти далеко и мне трудно будет его догнать, поэтому я предпочел, хотя и в болезненном состоянии, но вести полк лично, чем потом разыскивать его по всей Румынии.

На другой день, в шесть часов утра, собралось и построилось южнее города Текучи 8 русских кавалерийских дивизий.

Цель сбора такой массы кавалерии держалась в таком секрете, что не только командиры полков, но и начальники дивизий ничего об этом не знали. И только на сборном пункте Граф Келлер вызывал к себе старших начальников и об'яснил, данную ему задачу, которая заключалась в следующем:

Южнее нашего сборнаго пункта, было сосредоточино

большое количество артиллерии и пехоты, для прорыва фронта армии Генерала Макензена. В сделанный прорыв должна была проскочить собранная кавалерия и ворвавшись в тыл немецкой армии, прервать железнодорожное сообщение, уничтожить немецкие обозы и вообще разорить комуникацию армии Макензена, ушедшаго весьма далеко от его базы.

Таким образом разсчитывали, что Макензен, очутившись без подвоза продовольствия, снарядов и патронов, вынужден будет отступить или капитулировать, что и случилось с ним позже на сербском фронте.

Мы все были обрадованы предстоящему трудному, но чисто кавалерийскому лихому делу, которое может сыграть роль начала поражения австро-германских армий и приблизить конец войны. О чем я также писал на 201, 202, 203 и 204 страницах этой книги.

Гром артиллерийских выстрелов и непрерывное клокотание пулеметов слышалось весь день, к югу от нашего сборнаго пункта.

К вечеру было получено разочаровавшее нас донесение, в котором сообщалось, что румынския войска, расположенныя правее русских, прорывающих германский фронт, были атакованы немцами и сбиты с позиции. Продолжая преследовать отступающих румын, немцы начали заходить в тыл русским, чем заставили их не только прекратить намеченный прорыв, но отойти назад.

Так неудачно закончилось хорошо продуманное и подготовленное предстоящее кавалерийское дело.

Уже стало смеркаться, когда мы получили приказание разойтись по квартирам, простояв на сборном пункте с 6-ти час. утра до вечера почти без пищи. Солдаты назвали это, «Голодным сочельником».

Двинув полк по дороге на квартиры под командой Подполков. Селиванова, я задержался с кем-то поговорить. В это время я увидел, что эскадроны гусар, проходя мимо меня, то неожиданно останавливались, то догоняли рысью.

Догадавшись, что в голове колонны полка, происходит какая-то задержка, я поскакал вперед и увидел, что через узкий мостик проскакивали, то-гусары, то Забайкальские казаки 1-го Нерчинскаго полка. Немного раньше меня под'ехал Командир этого полка Барон П. Врангель и спросил:

«Кто ведет гусарский полк?»

«Я», ответил Подполковник Селиванов.

«В таком случае, я здесь старше, остановите Ваш полк и дайте пройти казакам», приказал Врангель Селиванову.

«Виноват, Барон, но я здесь старше», сказал я, под'езжая к Врангелю.

«А какое у Вас старшинство в чине Полковника?» спросил меня Врангель.

«С 1911-го года», ответил я.

«Ах так, тогда приказывайте, кто первый должен перейти мост», ответил Врангель.

«На ту сторону моста перешло больше Ваших казаков, чем моих гусар и поэтому, Вы заканчивайте переход, а я оставляю мой полк», сказал я.

Этим закончилась моя первая и последняя встреча с Бароном П. Врангелем, который в последствии играл большую роль в гражданской войне.

Хотя я был произведен в Полковники в Мае 1914 года, но я знал, чтоВрангель был произведен в этот чин только во время войны, кроме того, я должен заметить, что в течение великой войны, все офицеры русской армии, до Подполковника включительно, производились в следующие чины, за пребывание положеннаго срока на фронте, Полковники-же и Генералы, не повышались за это в чинах, а получали старшинство. За три года войны, я получил три года старшинства т. е. я считался в чине Полковника с Мая 1911 года, поэтому я об этом и заявил Врангелю.

Согласно-же военных законов русской армии, при совместной службе или при соприкосновении по делам службы, старший в чине всегда является начальником и все младшие должны исполнять его приказание.

В старших чинах старшинство зависило еще и от должности, например, Командир корпуса всегда будет старше Начальника дивизии, хотя-бы он имел старшинство меньшее, чем Начальник дивизии.

....

Вернувшись в город Текучи на свои квартиры, мы там простояли несколько дней, а затем меня послали с полком занять окопы между двумя румынскими участками.

Окопы находились на горах, в совершенно безлюдной местности, где нельзя было найти ни одного жилья.

Эти окопы были вырыты румынами и не имели никаких удобств. Ни навесов от шрапнельнаго огня, ни ходов сообщения не было сделано. Даже не были построены землянки, что-

бы посменно обогревать людей и нам пришлось пять суток, в крещенские морозы и снежныя бури, быть под открытым воздухом, в засыпаемых снегом окопах.

Как то я крепко уснул и проспал довольно продолжительное время. Затем я проснулся от давившей меня какой-то тяжести и увидел на себе толстой слой нанесеннаго снега.

Немцы не проявляли никакой активности и видно было, что они страдали от холода и непогоды, также тяжело, как и мы.

На другой день Крещения т. е. 7-го Января старого стиля, рокового для России и Русской Армии, 1917года, было получено приказание всей русск. кавалерии отойти в Бессарабию, за недостатком фуража в Румынии и невозможностью подвести его из России, благодаря слабости румынских железных дорог.

ЭТО БЫЛ ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ МОЕЙ И МОЕГО ПОЛКА БОЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, В МИРОВОЙ ВОЙНЕ.

В Бессарабии 10-й гусарский Ингерманландский полк, был размещен по квартирам в деревнях Рыбница и Резина, где мы простояли до Марта, ожидая общаго с союзниками наступления в Мае месяце.

В русской армии должны были начать наступление Румынский и Юго-Западный фронты, поэтому нам было подвезено столько снарядов, патронов, ручных гранат, пулеметов и артиллерии разных калибров, которых мы не имели в таком количестве, даже при начале войны.

Враги внешние и черныя силы Россиии знали все это и учитывали необходимость действовать немедленно, т. к. выиграв войну, Россия быстро могла оправиться и стать опять великой и сильной державой, что не входило в разсчеты ея врагов внешних и внутренних.

Последние дни конца Февраля, в Бессарабии, были пасмурные и туманные. Стало уже смеркаться, как ко мне на квартиру пришел Подполковник Селиванов и доложил, что его хозяин квартиры, местный доктор, только что приехал с вокзала, где он видел вывешенное об'явление, за подписью какого-то Бубликова, который уведомляет железнодорожных служащих, об отречении Государя и предлагает всем сохранить спокойствие и оставаться на занимаемых ими местах.

Я позвонил по телефону в штаб нашей дивизии и получил ответ, что они ничего не знают, а на другой день был, действительно, вывешен манифест об отречении Государя.

Так началась «безкровная», последствия ея всем извест-ны, а описание революции не входит в задачу моей книги.

Я был доволен, что в это время меня назначили Командиром бригады 10-ой кавалерийской дивизии, я здал мой доблестный боевой полк Полковнику Барбовичу, которому пришлось возиться с солдатскими комитетами, кои и привели к полному развалу русской армии, на радость ВРАГОВ РОССИИ.

КОНЕЦ.

БОЖЕ СИЛЬНЫЙ

Боже Сильный,
Боже Правый,
Нам Россию сохрани.
Много лет Ее хранили,
Много крови пролили.
Так идем-же на защиту
Своей Матушки Руси.
И Велику Мать Россию
Своей кровью охраним.
Мы с молитвою святою.
Как струится
Тихий Дон,
Так прольем
Мы кровь рекою,
— Это наш священный долг.
Боже сильный,
Русь Велику,
Охряняй, блюди Ее,
Мы же в честь
Ея Великой, грянем,
Громкое ура.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Я принимал участие в 3-х войнах:

1) — «Боксерское Возстание» в Китае — 1900-1901 годах.

2) — Русско-Японская война — 1904-1905 годах.

3) — Мировая война — 1914-1915-1916-1917 годах.

И так из приведенных цифр видно, что я имел боевой опыт в течение почти семи лет, которым и хочу поделиться с читателями моей книги.

Конечно, тысячи русских офицеров участвовали в последних трех войнах, но мало осталось тех, кто пробыл все время в строю, на всех упомянутых войнах.

Многие уже ушли в тот мир, где, может-быть, нет ни тревог, ни печалей.

Масса офицеров было ранено, что не дало им возможность пробыть на фронте все время. Многие подолгу отсутствовали по болезни,из-за плена или же просто их нервы не выдерживали боевой обстановки.

Насколько мне известно, только несколько строевых кавалерийских офицеров, кои пробыли все три войны на фронте, еще здравствуют.

Среди них мои сослуживцы Забайкальскаго казачьяго войска Генерал Дмитрий Флорич Семенов и Приморскаго драгунскаго полка Полковник Николай Иванович Шипунов.

Вероятно, у них нет возможности, поделиться своими боевым опытом, путем печати, что посчастливилось сделать мне.

Будет-ли существовать в России красная или белая или просто русская национальная армия, все равно военные доктрины останутся те же.

Все изречения великих полководцев, кои были высказаны в древния, средния или новейшия времена одинаково применимы к современной механизованной армии и каждый воин должен их знать и проникнуться ими. Из них главныя:

«Победа на три четверти зависит — от духа армии».

«Идти врознь, драться вместе».

«Бей кулаком, а не растопыренными пальцами».

«Удивить — победить».

«На войне случай Его Величество».

«Будь милосерден к раненным и пленным».

«Мирнаго жителя не обижай — солдат не разбойник».

«Сам погибай, а товарища выручай».

«Нет флангов и тыла, а везде фронт, где неприятель».

«Обходящий сам обойден».

«Мало обойти, нужно еще и подойти».

Боязнь обхода, это самый большой психологический недуг нашей армии. Так было в Русско-Японскую, так было в Мировую и Советско-Польскую войны, где русская армия побеждалась, главным образом, обходом неприятеля наших флангов.

Из таких коротких но поучительных фраз вытекает целая военная наука, которую приходится постоянно применять на войне.

Вот почему ее твердо нужно знать каждому воину. ....

Теперь мне остается кое-что сказать о бывших недочетах нашей армии и мерах, кои должны быть приняты, для их устранения.

1) Современныя войны теперь ведутся громадными армиями или правильнее сказать целыми народами, поэтому все население страны должно быть подготовлено к войне.

2) Уничтожить в армии всезнайство в мирное время — незнайство на войне и усиленно развивать любознательность.

3) Запретить критиковать в военное время высшия военныя инстанции и строжайше требовать точного выполнения возложенных обязанностей.

Критика была самым главным недостатком нашей армии. Офицеры критиковали командиров полков, а командиры полков начальников дивизий. Штабы дивизий критиковали штабы корпусов, штабы корпусов армию и т д.

Но за редким исключением критики задумывались, выполнили-ли они возложенную на них обязанность?

4) От Главнокомандующаго до последняго рядового все должны быть аккуратными во всех отношениях. Слово аккуратный обнимает всю деятельность человека.

5) Окончившие военную академию должны служить в строю и отбывать цензы в штабах. Тогда академики могут применять свои теоретическия знания и на практике показать фактами свои способности среди строевых офицеров, тогда строевые будут относиться к штабам с большим доверием.

6) Никто не должен быть произведен в офицеры, не отбыв предварительно полнаго срока службы солдатом. И только после этого принимать в военныя училища по образованию или экзаменам.

7) До войны очень трудно определить, кто из офицеров на войне окажется хорошим, а кто плохим, поэтому в мирное время нужно уничтожить аттестацию «выдающийся».

Опыт показал, что большинство «выдающихся», были пролазами, а на войне берегли свою шкуру, а «невыдающиеся», но аккуратные, прилежные и исполнительные, оказались и на войне крайне полезными и деятельными.

Из этого видно, что в мирное время офицеров лентяев, неаккуратных и неисполнительных просто нужно увольнять со службы, но не зачислять их в запас армии, как это у нас делалось. Из этого получилось то, что негодных в мирное время увольняли и призывали во время войны, когда нужны самые дельные и энергичные офицеры.

Такие офицеры на войне являются обузой для армии.

Для пополнения же офицерскаго состава, необходимо еще в мирное время иметь офицерский резерв, по качеству и подготовке равный кадровым офицерам.

Убыль офицеров во время войны следует пополнять производством в офицеры опытных и боевых унтер-офицеров, вместо неопытных и мало подготовленных прапорщиков запаса.

Для обслуживания тыла должен быть создан и подготовлен особый состав нестроевых офицеров.

Строевые офицеры крайне нужны для строя и боя и брать их в тыл — неразумно и невыгодно.

8) Прошло то время, когда ружья стреляли на 50-100 шагов, а пушки на пол-версты. Когда сражения разыгрывались на небольшом поле и командующий мог лично видеть действия своей армии.

В современной войне фронт простирается на сотни, а иногда и тысячи верст.

Русский фронт в Мировую войну простирался от Балтийскаго до Каспийскаго моря т. е. более чем три тысячи верст.

Следовательно роль Главнокомандующаго армиями в бою совершенно изменилась, поэтому военных начальников нужно подразделить на три категории.

а) Строевых командиров, кои могут в бою командовать своими частями при помощи голоса, сигналов или знаков.

К таким командирам относятся начальники от взводнаго командира до начальника дивизии в кавалерии и до командира полка в пехоте. Их всех следует именовать **Командирами.**

б) Строевых начальников, кои в бою могут видеть большую часть своих войск и управлять ими при помощи посылаемых приказов и приказаний.

Таких следует называть Полководцами.

К ним нужно отнести бригадных Командиров и Начальников дивизий в пехоте и Командиров корпусов в кавалерии.

в) Остальные высшие начальники, кои могут руководить своими войсками только при помощи телефона, телеграфа

или посылкой приказов следует называть **Воеводами.**

Предельный возраст для военных начальников должен быть отменнен, а вместо него необходимо ввести, для всех военных начальников ежегодное физическое испытание и проверку знаний военного дела.

По летам нельзя судить о физических способностях начальников. Как я уже писал, Генерал Лечицкий, в преклонном возрасте делал гимнастику на гимнастических аппаратах, не хуже молодых солдат, а военный чиновник в офицерской кавалерийской школе Алексеев, в 57-ми летнем возрасте, вольтижировал на лошади, лучше чем любой молодой офицер.

Приходилось же неоднократно встречать отяжелевших ротмистров и даже поручиков, кои не могли сесть верхом на лошадь, без посторонней помощи, т. к. они не имели физической ежедневной тренировки.

Для кавалерии я рекомендовал-бы следующий способ физическаго испытания:

А / — Каждый кавалерийский начальник должен быть в состоянии проскакать в один час 25 верст, заканчивая последнюю версту взятием нескольких разнообразных барьеров, с рубкой шашкой, уколами пикой и стрельбой из револьвера по разставленным фигурам (Чучелам). Затем спешившись перебежками наступать версту с винтовочной стрельбой по мишеням, разставленным на различных разстояниях, закончив последние 100 шагов штыковой атакой.

Б / — Для проверки военных знаний необходимо, чтобы каждый начальник сумел наизусть начертить точно и подробно в 2-х верстном масштабе военную карту, радиусом в 200 километров, считая центром круга, место стоянки полка.

Прочесть лекцию на заданную военную тему и написать сочинение на тему из военной истории. Знать хорошо военную географию соседних государств, устройство, службу и форму одежды иностранных армий.

При таких требованиях, каждый начальник будет тренироваться сам и готовить своих подчиненных.

Для испыания и проверки начальников других родов оружия должна быть выработана программа соответствующая их службе.

В. Чеславский.

(Окончание заключения).

РУМЫНИЯ в 1914 г.
МАСШТАБ
в 1 дюйме 50 верст.
50 40 30 20 10 0 50 100
ПУТЬ ПРОЙДЕННЫЙ
10 КАВАЛЛ. ДИВИЗИЕЙ
ЗДЕСЬ ПОЛК
ЗАСТАЛА РЕВОЛЮЦИЯ
Залещики
КАМЕНЕЦ-ПОДОЛЬСК
Хотин
МОГИЛЕВ-ПОДОЛЬСК
ЧЕРНОВИЦЫ
БУКОВИНА
БЕССАРАБИЯ
РЕЗИНА
РЫБНИЦА
ДНЕСТР
КИМПОЛУНГ
ДОРНА-ВАТРА
ПАНАЧИ
САБАЗ
Р. СЕРЕТ
ЯССЫ
Р. ПРУТ
КИШИНЕВ
ТИРАСПОЛЬ
БЕНДЕРЫ
БЕЛЬБОР
БАКЕО
ВЕНГРИЯ
ТЕКУЧИ
АККЕРМАН
ФОКШАНЫ
РУМЫНИЯ
РЫМНИК
ГАЛАЦ
РЕНИ
СУЛИМ
БУЗЕУ
РАШИР.
Р. ДУНАЙ
ЧЕРНОВОДЫ
БУХАРЕСТ
СИЛИСТРИЯ
КОНСТАНЦА
ТУРТУКАЙ
РУЩУК
БОЛГАРИЯ
ЧЕРНОЕ МОРЕ

ОПЕЧАТКИ

Стр. Напечатано. Должно быть
2—Ни каких — никаких.
11—Штатный — Заштатный.
23—Дочерами — Дочерями.
25—Черемисенов — Черемисинов.
30—Трактория — Ттраектория.
31—Гг. Келлр — Гр. Келлер.
34—Снаррдов — Снарядов.
34—Видирь — Видишь.
34—Вловили — Выловили.
36—За невозможностью —
37—Отицера — Офицера.
38—Радыжской — Радымской.
41—Его, его — Его.
44—Ревнивей — Ревнивой.
46—Ютно — Уютно.
47—Кухаях — Кухнях.
49Ад'тант — Ад'ютант.
49—Всупил — Вступил.
50—Верхняя строч. — лишняя.
50—В конце 2-й стр. — „в" лишнее.
50—Конно-Гранодер — Конно-Гренадер.
53—На столько — Настолько.
53—Предложите — Предложете.
55—Не медленно—Немедленно.
56—17-я строч. — лишняя.
56—Выступала — Выступила.
59—Ни кому — Никому.
60—Силиванов — Селиванов.
63—Ни чего — Ничего.
66—Думаэ — Дума.
67—Растиралиб — Растирали-бы.
67—Обратился — Обратившись.
73—Незначислену — Незначительную.
75—С юга на запад — с юга на север.
84—Другуе — Другие.
87—Други — Другия.
87—Где вся семья — Где была вся семья.
89—Произошло — Произошло-бы.
100—Однокрниками — Однокашниками.
101—Офицераа — Офицера.
101—Пелучала — Получала.
104—Сторонкой — Стороной.
104—Легкой — Легкий.
105—Гелицына — Голицина.
106—Преоткрылась—Приоткрылась.
107—Дврь — Дверь.
107—Скремным — Скромным.
109—Оконфузить — Сконфузить.
111—Араматной — Ароматной.
112—Осмтра — Осмотра.
112—Пстоянный — Постоянный.
113—Всесильнаго — Всевеликаго.

Стр. Напечатано. Должно быть
115—Добаться — Добиться.
115—Неожадонно — Неожиданно.
115—Государскаго — Гусарскаго.
116—Тринеровка — Тренировка.
116—Без стремя — Без стремян.
118—Разршите — Разрешите.
119—Миргордоскаго — Миргородскаго.
120—Прихоходилось—Приходилось.
120—Представлялала — Представляла.
123—Офицеровров — Офицеров.
123—Выйграите — Выиграете.
125—Четыреми — Четырьмя.
126—Злополученное — Злополучное.
126—Очоень — Очень.
129—Диагонале — Диагонали.
129—Не смотря — Несмотря.
131—Намериваясь — Намереваясь.
131—Диагонале — Диагонали.
132—Диагноле — Диагонали.
133—Галапом — Галопом.
135—Кавалерскую—Кавалерийскую.
136—Донскаго — Донского.
136—Крельца — Крыльца.
137—Спросилл — Спросил.
138—Подвежных — Подвижных.
139—Посредине — По средине.
139—Смешауюю — Смешную.
139—Я ще — Я еще.
139—Князь Эристов — Князь Трубецкой.
141—Сигаал — Сигнал.
141—Поздоровуюсь — Поздоровалось.
141—Ао — Но.
141—Госудрь — Государь.
142—Личицкий — Лечицкий.
142—В началле — В начале.
142—Япенский — Японский.
143—Интерисовались — Интересовались.
145—Удевлению — Удивлению.
148—Политите — Полетите.
148—Сварачивал — Сворачивал.
151—Ухали — Уехали.
152—Ровнм — Ровным.
152—Не землю — На землю.
153—Всадноков — Всадников.
153—Ниодного — Ни одного.
155—Подскавши — Подскакавший.
155—Отдаетв — Отдает.
155—Скаковаго — Скакового.
156—Родко видоть — Редко — Видеть.
156—Кавлькаду — Кавалькаду.
156—Рызсчитывали — Разчитывали.

Стр. Напечатано. Должно быть
156—Дакже — Также.
158—Точенная — Точеная.
159—Выйгравшие — Выигравшие.
159—Белезну — Белизну.
159—Серги — Серьги.
165—Кровате — Кровати.
166—Беспокоится — Беспокоиться.
167—Напоменаю — Напоминаю.
168—Зарание — Заранее.
171—Такаго — Такого.
171—Неприятелию — Неприятелю.
178—Небогло — Не могло.
172—Ксенз — Ксендз.
177—Ниодного — Ни одного.
177—Полеваго — Полевого.
181—Поехить — Поехать.
182—Восйкового — Войскового.
183—Варинском — Мариинском.
189—Впотную — Вплотную.
191—Командиющий—Командующий.
197—Нагах — Ногах.
198—Нескльо — Несколько.
199—Ротыты — Роты.
199—Скмандовав — Скомандовав.
199—Ордином — Орденом.
200—Участи — Участие.
200—Пресутстсвующих — Присутствующих.
200—Амии — Армии.
262—Сеперы — Саперы.
265—Передана — Передано.
275—Повсемуполю—По всему полю.
278—Друного — Дурного.
282—Пловцы — Плавцы.
320—Тротивником — Противником.
327—Блистающие — Блестевшие.
379—Лилометров — Километров.

ок